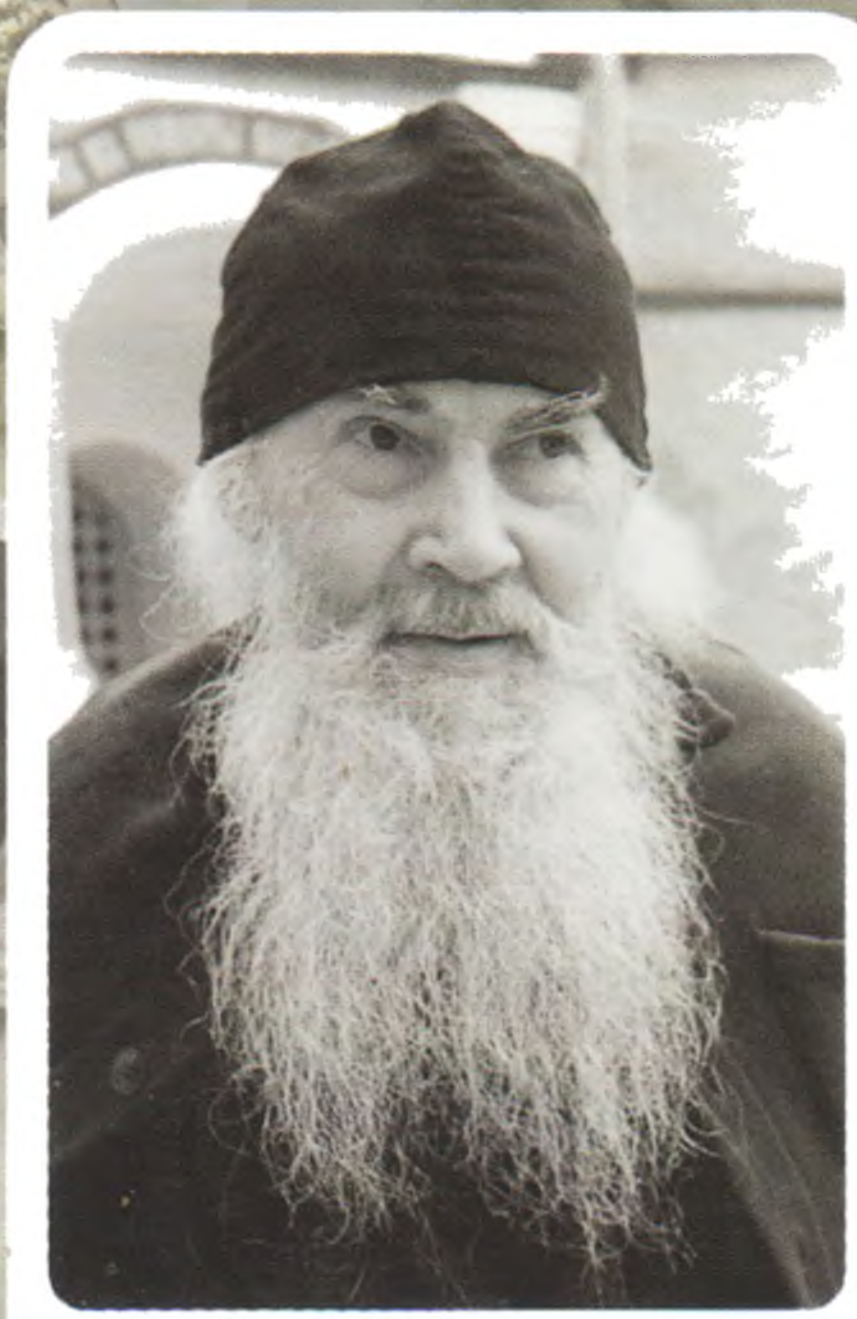
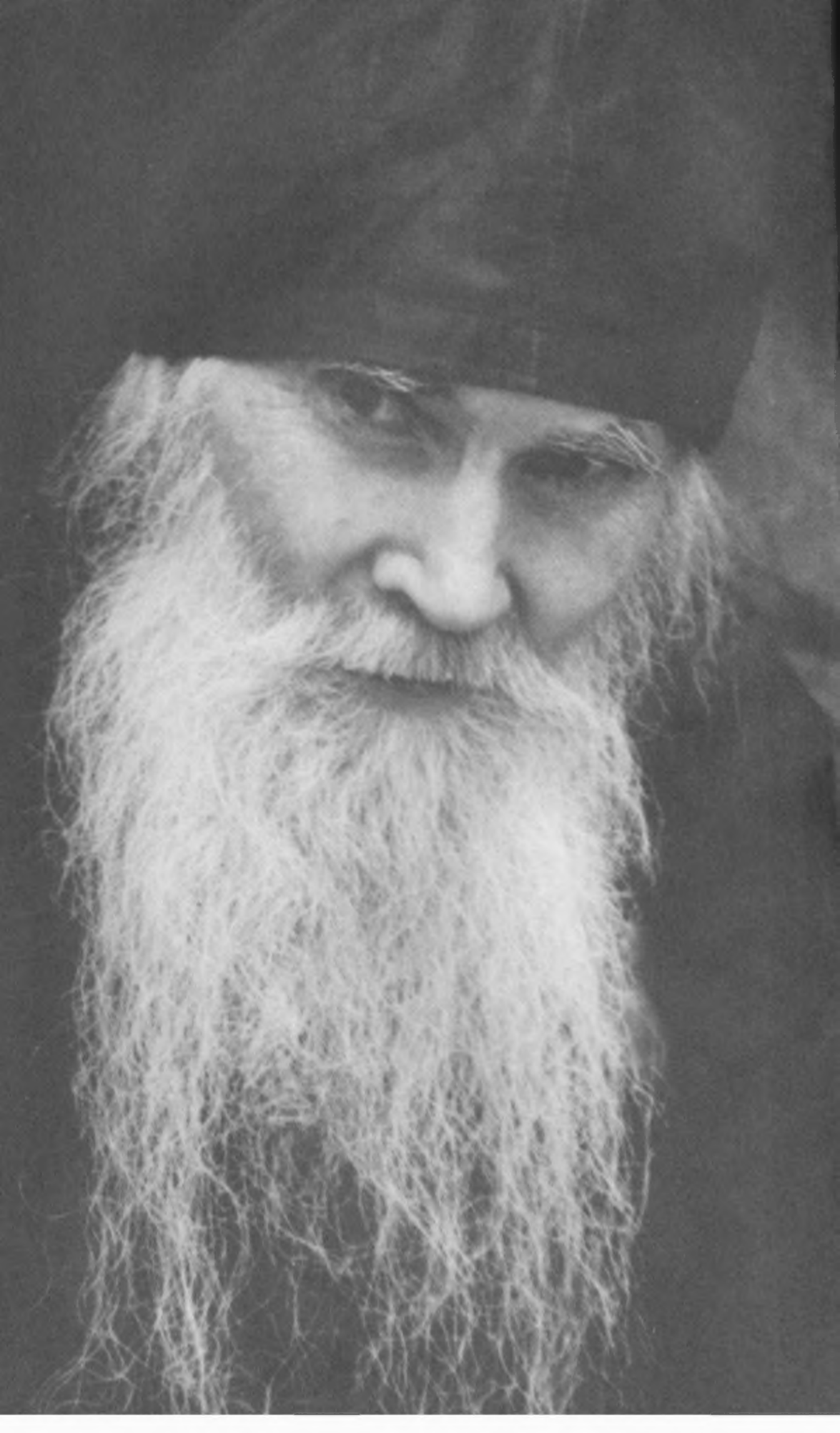

Архимандрит Серафим

Мы всегда под крылом Божьим

Мы всегда под крылом Божиим

ЖИЗНЬ И ПОУЧЕНИЯ

АРХИМАНДРИТА СЕРАФИМА (РОЗЕНБЕРГА),

2-е издание

СТАРЦА ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Диакон Георгий Малков,
П.Ю. Малков

Москва, 2010

УДК 271.22(470+571)-36:929
ББК 86.372
С32

Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной
Церкви

С32 Мы всегда под крылом Божиим : Жизнь и поучения архимандрита Серафима (Розенберга), старца Псково-Печерского монастыря / авт.-сост. диакон Георгий Малков, П. Ю. Малков. — 2-е изд. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. — 464 с. : ил. — (Серия «Подвижники благочестия XX века»).

ISBN 978-5-7533-0514-5

Предлагаемое издание посвящается преподобному старцу, псково-печерскому архимандриту Серафиму (Розенбергу). В книгу вошли воспоминания знавших его священников и братии Псково-Печерского монастыря, чудом сохранившиеся его собственные дневники и поучения о духовной жизни, о борьбе со страстями и о стяжании христианских добродетелей; переписка с родной сестрой, а также записи наставлений духовника о. Серафима — преподобного Симеона (Желнина), Псково-Печерского чудотворца. В этом душеполезном чтении православный читатель найдет для себя большое утешение и духовную помощь.

УДК 271.22(470+571)-36:929
ББК 86.372

В тексте сохранены отдельные особенности написания, предложенные авторами.

ISBN 978-5-7533-0514-5

© Сретенский монастырь, 2010

Наместник Свято-Успенского
Псково-Печерского монастыря,
архимандрит Тихон (Секретарев)

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин) однажды, помню, когда речь зашла об архимандрите Серафиме, сказал: «Он спасется».

Спасения души в Свято-Успенской Псково-Печерской обители искал свою долгую 62-летнюю жизнь в монастыре приснопамятный отец Серафим.

Он предстает перед глазами монахом, идущим по монастырю с опущенными долу глазами и несущим икону из ризницы в храм для богослужения.

Зимой, ровно в 4 часа утра начинала топиться печь в его келье, почти пещере, рядом с Успенским собором.

Ранней весной отец Серафим с железной лопатой откидывал заледеневший снег от северной стены своего жилища. Летом педантично следил за проветриванием всех храмов обители. Осенью окна церквей закрывались на зимний период, а старец сметал листья с желобов кровли своего земного обиталища.

Внутренний мир отца Серафима ведом только Богу.

Он ежедневно читал жития святых на славянском языке. Любимым монашеским наставником для него был преподобный Феодор Студит.

Зайдя к нему в келью, благоухавшую ладаном, его можно было всегда застать за рукоделием.

За вечерним богослужением он читал неопустительно монастырский синодик с именами, записанными для молитвы в обители, и, стоя рядом с братским клиросом, подпевал монашескому хору.

Спасибо за труд отцу диакону Георгию Малкову и Петру Юрьевичу Малкову, которые в своей работе показали подвижническую жизнь архимандрита Серафима — для назидания современным христианам.

Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь.
13 января 2009 года

ВВЕДЕНИЕ

Среди православных монахов, насельников святых обителей, подвижников благочестия встречаются порой особые иноки, чей христианский путь на протяжении многих десятилетий их земного шествия по дороге к Вечности остается для окружающих тайной, загадкой, житием сокровенным.

Они не производят на окружающих внешнего броского впечатления, не блистают словами яркой и вдохновенной проповеди с храмового амвона, не собирают вокруг себя многочисленных духовных чад, жаждущих услышать их премудрый совет и наставление. Подвиг их тих и неприметен, кажется, что их биография не включает в себя ничего иного, кроме череды одинаковых дней и лет, наполненных несением монастырских послушаний, и добросовестного — без всяческих особых аскетических и духовных свершений — исполнения правил монашеской жизни.

Впрочем, иногда окружающие начинают догадываться, что в жизни таких «сокровенных» иноков не все так просто, что в их сердечно-духовном внутреннем делании происходит нечто особенное, значимое, подлинно важное.

Краткое, но точное слово, исполненный особого смирения поступок, миг, открывающий образ возвышенной молитвы за храмовым богослужением — все это вдруг зримо являет братии, что такой инок высочайшим образом предстоит Богу, ходит пред Ним, имеет великую силу молитвы в Его очах, возлюблен Им особой любовью — как усыновленный по дару Божественной благодати. Вдруг оказывается, что за скупыми словами общения с окружающими, строгим и, казалось бы, равнодушным взглядом на окружающий мир, за ничем не примечательными поступками, размеренным исполнением послушаний — сокрыт непрестанный молитвенный и духовный подвиг, ожесточенная борьба за собственное Спасение, торжество победы над искушениями, грехом, радость истинного, подлинного богообщения.

Но моменты подобного невольного самосвидетельства перед окружающими могут быть очень и очень редки. И потому в глазах братии такой инок, в тишине сердца своего предстоящий Богу, чаще всего воспринимается как не более чем «хороший» монах, чей неприметный подвиг, зачастую, оказывается скрыт в тени яркого подвижнического делания известных монастырских старцев.

Архимандрит Серафим (Розенберг) (1909–1994), насельник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, духовному подвигу и письменному наследию которого посвящена эта книга, при жизни своей был именно таким «сокровенным» иноком. Его «делание» во Христе, внутренняя борьба за Спасение, высота молитвы пред Богом были — на протяжении многих десятилетий его жития в святой Печерской обители — глубоко и надежно спрятаны за крепкой оградой внешней строгости, пусть иногда и смягчаемой мимолетной доброй улыбкой, необщительности, требовательности к подчиненным, краткости речи, довольствования самым малым в повседневном быту, полной самоотдачи благословленному монастырским начальством послушанию. Уважаемый всеми в монастыре за многолетний иноческий подвиг, смирение, трудолюбие, любовь к посещению храмовых служб и еще за то, что некогда он был особо близок к великому старцу XX столетия преподобному Симеону (Желнину) (1869–1960), он, по словам архимандрита Феофана (Молявко), был... «"таинственной книгой", которую не прочитать никому»*.

Именно такой «таинственной книгой» и было для печерской братии иноческое житие ризничего архимандрита Серафима, подвизавшегося в Печерской обители без малого 62 года.

Вот каким остался в памяти наместника Псково-Печерского монастыря архимандрита Тихона (Секретарева)

* *Архимандрит Тихон (Секретарев).* Таинственная книга. Архимандрит Серафим (Розенберг) // Псково-Печерский листок № 39. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2002. С. 10.

отец Серафим в последние годы его жизни: «...Батюшка Серафим смиренно продолжает, уже прихрамывая, носить в храмы по ступеням лестниц иконы и облачения к богослужению. Осенью сметает с крыши своей кельи пожелтевшие листья, исполняя тем самым давнишнее послушание старцу Симеону; зимой пилит помельче дровишки для печи; по весне разбрасывает снег от кельи, чтоб быстрее таял. На вопросы отвечает с приветливой улыбкой. Иногда переводит с иностранных языков письма, приходящие на монастырь. Кроме этого, неопустительно, ежедневно посещает утреннее и вечернее богослужение.

Так проходят годы до последней болезни, и пять лет отец Серафим терпеливо переносит страдания, ежедневно причащается Святых Христовых Таин, читает духовные книги и молится, непрерывно молится. Выходит иногда на непродолжительную прогулку и за любую услугу себе он от души с поклоном говорит: "Благодарю!"»*.

Ни одного лишнего слова, обращенного к окружающим, никаких долгих бесед с братией, одинокая замкнутая жизнь, упорное отмалчивание в ответ на вопросы об историческом прошлом монастыря в XX столетии, свидетелем которого архимандрит Серафим стал за свое долгое земное житие — поистине «таинственная книга», всегда закрытая и спрятанная от посторонних глаз...

Оставалась бы она таковой и поныне, если бы, Промыслом Божиим, неожиданно не обнаружились дневники отца Серафима, некоторые его письма и другие собственноручные записи старца.

Конечно же, записки эти лишь отчасти приоткрывают нам ту сердечную устремленность ко Спасению, ту ожесточенную борьбу с искушениями, с грехом, то духовное горение любовью к Богу и ближнему, то молитвенное восхождение по лествице духовного совершенства, что были присущи старцу Серафиму. Многое в нем

* Там же. С. 9–10.

и поныне остается загадкой... Не много мы узнаем из записей архимандрита Серафима и об истории его жизни.

В этих дневниках отец Серафим по большей части молчит о себе «внешнем», но постоянно свидетельствует о самой важной стороне собственной личности — о человеке «внутреннем», созидающем себя во Христе, возводящем сокровенный храм для обитания Духа Святого.

Дневники эти описывают не «житейскую» биографию старца, но говорят нам о его тернистом духовном пути — от только что поступившего в Псково-Печерский монастырь обуреваемого помыслами молодого человека до мудрого старца — свидетеля истины Православия, хранителя и проповедника сокровищ Церковного Предания.

Еще одним даром Божественного Промысла, безусловно, является постоянно присутствующий на страницах найденных дневников архимандрита Серафима живой голос его наставника, духовного руководителя, — преподобного старца Симеона.

Объем записей поучений старца Симеона молодому Серафиму (Розенбергу) (большая часть из них относится к 30-м годам XX века) — достаточно велик. Тем радостней, что перед нами ныне открывается возможность более полно приобщиться к духовному наследию этого замечательного новопрославленного печерского подвижника.

Преподобный Симеон говорит с молодым тогда монахом Серафимом о путях борьбы с искушениями и грехом, о стяжании смирения, о любви к Богу и ближнему, о молитве, о терпеливом перенесении скорбей и болезней. В этих записях перед нами открывается сокровищница глубокой мудрости, живой веры во Христа, острого и яркого слова великого старца.

С неожиданной стороны образ внутреннего жития и всей неординарности личности старца Серафима показывает нам и его переписка с сестрой — Тамарой Ивановной Розенберг.

Тамара Ивановна, вместе с родителями, оказалась в результате событий Второй мировой войны в эмиграции, в Швейцарии. Не имея возможности навестить брата на Родине, она в течение более чем тридцати лет обменивалась с ним письмами. Письма Тамары Ивановны Розенберг к отцу Серафиму также были обнаружены авторами книги.

Нужно подчеркнуть, что письма Тамары Ивановны дают нам очень важные дополнительные сведения о личности архимандрита Серафима, его характере, отношении к родственникам, о понимании им смысла монашеского подвига и христианского жития. Письма эти также рисуют нам очень живой и яркий образ личности самой Тамары Ивановны Розенберг — искренне верующей православной женщины, не теряющей глубинной духовной связи со своей Родиной даже и вдали от нее.

В руки авторов книги попали и некоторые из писем отца Серафима к сестре: частью в оригинале, частью же — фрагментарно, переписанные рукой Тамары Ивановны в две особые тетради (тетради эти содержат и другие материалы, посвященные личности архимандрита Серафима)*.

Письма старца к сестре отражают многие значимые обстоятельства его жизни, явственно свидетельствуют о том особом благоговейном чувстве, которое испытывал он к преподобному Симеону, содержат интересные (хотя и краткие) характеристики прежних монастырских наместников, а также зримо являют нам ту глубокую сердечную привязанность, что имел отец Серафим к Тамаре Ивановне. Кроме того, мы находим в этих

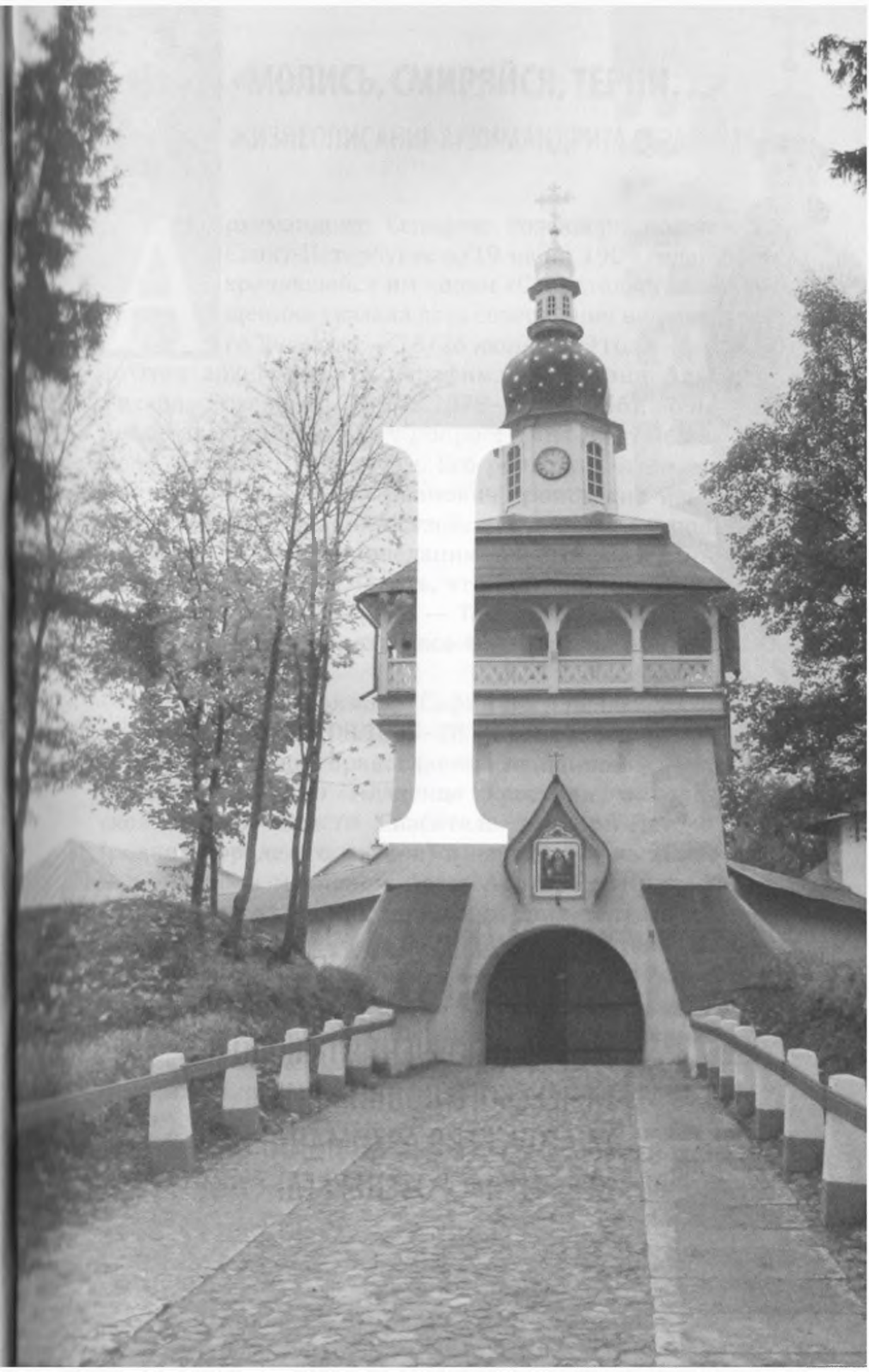
* Авторы сердечно благодарят за помощь ключаря Крестовоздвиженского храма в Женеве, протоиерея Павла Цветкова, лично хорошо знавшего Тамару Ивановну Розенберг во время ее пребывания в Женеве. После смерти Тамары Ивановны у отца Павла сохранялись две тетради — с ее выписками из писем отца Серафима, с краткими воспоминаниями о нем современников, а также с вклеенными довольно многочисленными фотографиями. Узнав от авторов о написании этой книги, отец Павел любезно прислал все эти замечательные материалы из Франции в Россию.

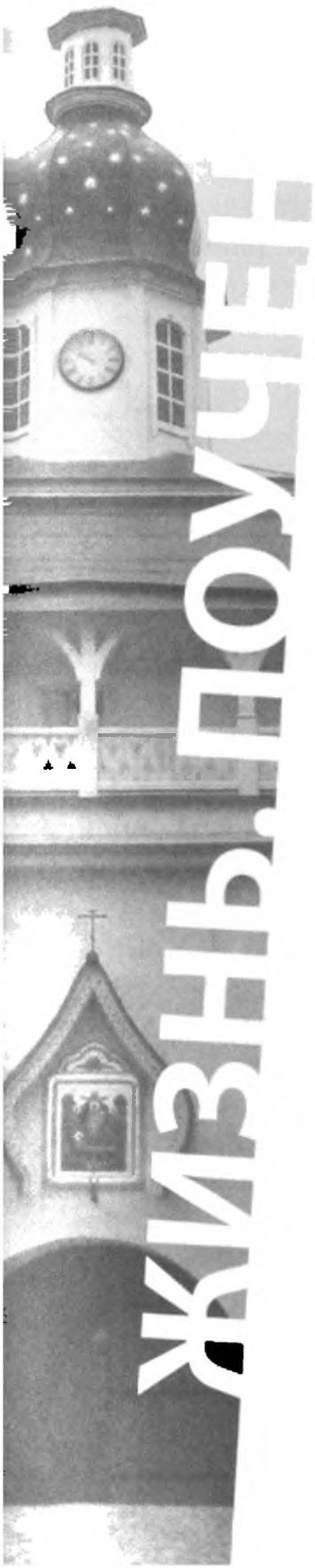
письмах и очень яркие, духовно глубокие поучения старца, обращенные к сестре.

На страницах книги также публикуются и воспоминания лично знавших старца Серафима: тех, кто получил хотя бы некий доступ к тайникам его души; тех, кто сподобился быть свидетелем его кроткого и смиренного служения Богу, напряженного иноческого делания и труда во славу святой Псково-Печерской обители; наконец и тех, кто присутствовал при последних мгновениях жизни старца перед его уходом за порог смерти — в Вечность...

Псково-Печерская обитель всегда была славна своими замечательными старцами. Тысячи паломников со всех уголков России стремились сюда за житейским советом, утешением, ободрением, наставлением в борьбе с грехом и на путях Спасения. Старец Серафим во время своей земной жизни был почти что не приметен для окружающих — на этом дивном печерском небосклоне здешних смиренных старцев. Тем неожиданней и ярче начинает светить ровным и премудрым светом та сокровищница духовного Боговедения, та внутренняя духовная «ризница» личного подвига, иноческого труда и глубоких духоносных размышлений отца Серафима, что приоткрываются нам в его житии и его дневниках. Кроме того, следует постоянно помнить, что все Богомыслие архимандрита Серафима постоянно сияет как бы «отраженным светом» мудрых наставлений его учителя, духовника и старшего содруга — преподобного Симеона.

К этой сокровищнице мы и приглашаем ныне обратиться православных читателей. Пусть та глубокая иноческая рассудительность, тот серьезный подвижнический опыт, те емкие и ясные ответы на самые наболевшие вопросы христианской души, что предстают перед нами в наставлениях преподобного старца Симеона и его ученика — старца Серафима, — послужат Вам, дорогие читатели, во благо, в помощь в борьбе с грехом, в стяжание духовного совершенства и во Спасение в Господе нашем Иисусе Христе.

ЖИЗНЬ ПО ВЕРЕ

«...ЗДЕ СПАСЕНИЕ, ЗДЕ БОГ»

ЖИЗНЬ И ПОУЧЕНИЯ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО ПОДВИЖНИКА БЛАГОЧЕСТИЯ АРХИМАНДРИТА СЕРАФИМА (РОЗЕНБЕРГА)

«МОЛИСЬ, СМИРЯЙСЯ, ТЕРПИ...»

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ АРХИМАНДРИТА СЕРАФИМА

Архимандрит Серафим Розенберг родился в Санкт-Петербурге 6/19 июня 1909 года. В сохранявшейся им копии «Свидетельства о Крещении» указана дата совершения над ним этого Таинства — 13/26 июня 1909 года.

Отец архимандрита Серафима — Иоганн Альфред Рихард Розенберг (08.12.1878–18.09.1956), обыкновенно звавшийся в быту попросту, «на российский манер», Иваном Ивановичем. Его родители были выходцами из Латвии. Иван Иванович происходил из семьи обедневших немецких остзейских дворян, но родился в России. По вероисповеданию он был лютеранином. Впрочем, следует отметить, что (как мы узнаем из писем сестры отца Серафима — Тамары Ивановны) к концу жизни Иван Иванович все более и более склонялся к Православию.

Мать отца Серафима — София Васильевна, урожденная Кононова (28.08.1885–28.10.1961), была русской, глубоко верующей православной женщиной.

Новорожденного младенца крестили в лютеранской церкви Христа Спасителя в Санкт-Петербурге (родном городе его матери) и нарекли — на немецкий лад — двойным именем: Артур Адальберт. Крестил его (как следует из упомянутой копии Свидетельства о Крещении) пастор Сандерс, а восприемниками стали Иоганн Ренстинь, Бурхард Стеллинг, Паулина Наталия Розенберг и Анна Кононова.

Иван Иванович Розенберг был землевладельцем и торговцем в селе («пригороде») Изборск (в котором он и родился), расположенном по дороге из Пскова в Печоры.

Изборск — место, известное своей богатой и древней историей. Первые поселения на его территории

Родители о. Серафима: С.В. и И.И. Розенберги
Конец 1920-х гг.

относятся еще к VII–VIII столетиям. По летописному преданию, Изборск стал еще в IX веке одной из древнейших столиц зарождавшейся Руси — уделом варяжского князя Трувора. И сегодня над Изборском возвышается знаменитое «Труворово городище» и царит на Жеравьей горе величественная крепость XIV века, украшенная белоснежным Никольским собором того же времени.

Начальное образование маленький Артур Адальберт Розенберг получил дома и в изборской начальной школе. Все эти годы его мать София Васильевна, глубоко благочестивая женщина, стремилась воспитать мальчика в православной вере, выпестовать в его сердце любовь ко Христу, что и привело к довольно скорому переходу отрока в истинную христианскую веру. Присоединение его к Православию, когда он получил новое имя — Аркадий, произошло в 1919 году. Впрочем, сам отец Серафим свидетельствует о том, что позднее, уже в юношеские годы, его живой интерес к религии оказался на некоторое время утрачен.

Поселок Старый Изборск, где провел детство и юность будущий архимандрит Серафим

Незадолго до принятия отроком Артуром Адальбертом Православия, Иван Иванович, потеряв в результате большевистской революции практически все свое имущество, был вынужден вместе с семьей — из-за грозивших ему ареста и репрессий со стороны новой «пролетарской» власти — уехать на какое-то время в Крым. Но вскоре — уже после присоединения Печерского края к Эстонскому государству (с 2 февраля 1920 года, в соответствии с условиями мирного договора, Изборск и Печоры отошли к Эстонии) Розенберги вернулись на Родину. После этого Иван Иванович какое-то время исполнял должность председателя Печерского Уездного собрания, был членом Ревизионной Волостной комиссии.

В юные годы будущий отец Серафим отличался непростым характером и был малообщителен. Впрочем, он постоянно находился рядом со своей младшей сестрой — Тамарой (27.09.1910–01.11.1990), неизменно разделявшей его ребячьи интересы и увлечения.

Финляндия (Якосенранта на озере Саймаа). У Рауха — в пансионе. Тетя Аня, мама, Тамара, Атя (Аркадий — будущий о. Серафим)
1916 г.

«Атя» и его сестра Тамара в пансионе Рауха в Финляндии
1916 г.

«Атя» с сестрой Тамарой
на даче в Преображенском
под Петербургом
Июль 1917 г.

Сохранились трогательные детские фотографии маленьких брата и сестры — катающихся на санках, осваивающих велосипед.

С 1925 по 1928 год Аркадий учился в русской гимназии в городе Юрьеве (ныне — Тарту, на территории современной Эстонии), куда в то время переселилось семейство Розенбергов.

Юноша был прилежным учеником. По собственному свидетельству отца Серафима, за годы учебы в школе и в гимназии он оказался научен «грамоте, объяснению молитв, чистописанию, началам черчения, Священной истории, упражнениям в чтении гражданском и церковно-славянском, арифметике, катехизису, изъяснению богослужений, языковедению, истории, линейному черчению», изучал «английский, немецкий, латышский, эстонский языки».

Аркадий Розенберг, являясь эстонским гражданином, должен был пройти военную службу в рядах

Аркадий Розенберг
во время двухлетней службы
в военно-морском флоте
Эстонии
1 января 1930 г.
Лицевая и оборотная стороны
(с дарственной надписью
сестре)

Епископ печерский Иоанн (Булин)
Конец 1920-х — начало 1930-х гг.

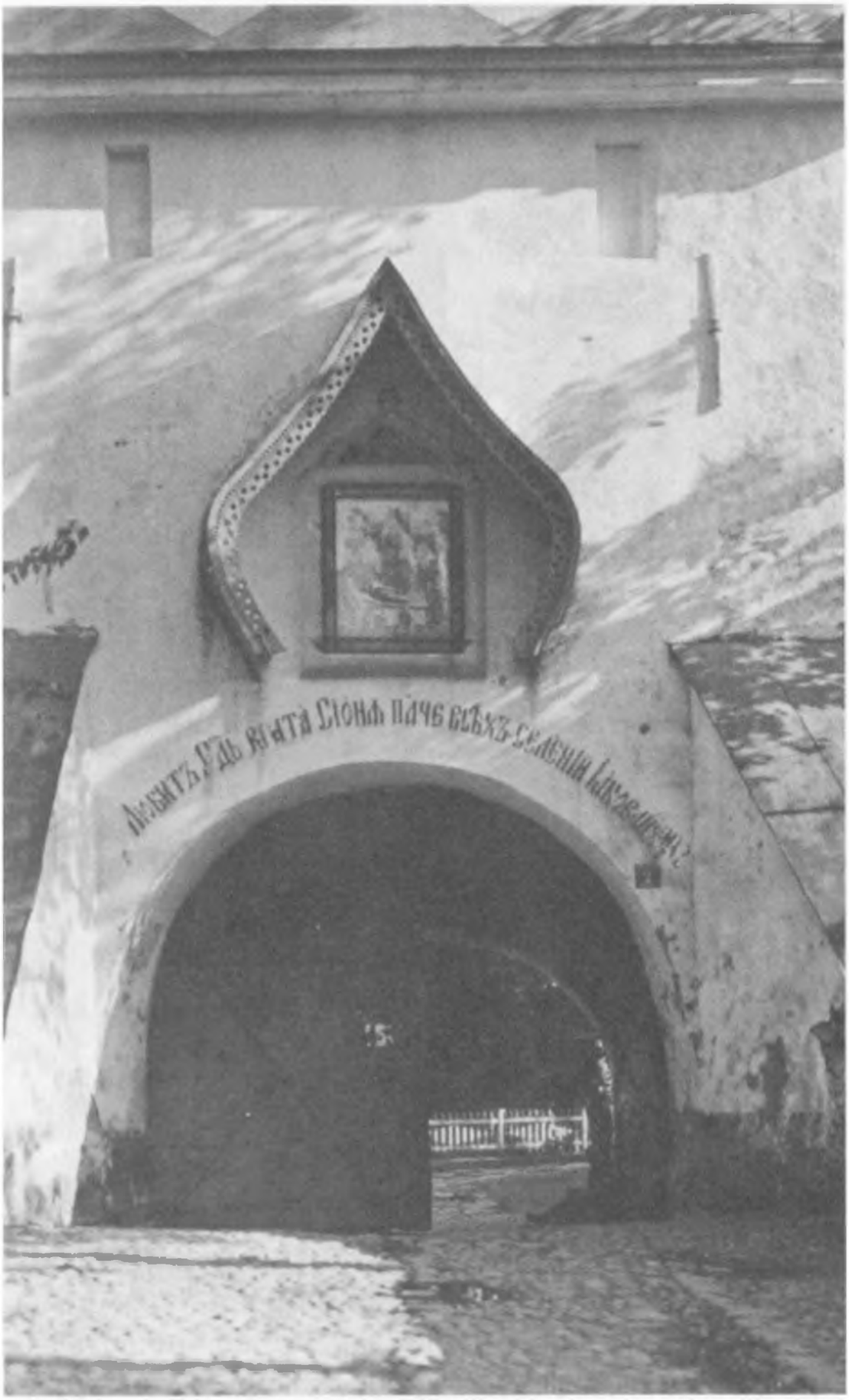
эстонской армии. Служил он на судах эстонского флота в Ревеле (ныне — Таллин), а также в Юрьеве. За время военной службы, продолжавшейся с 1928 по 1930 год, будущий отец Серафим, по его собственным позднейшим свидетельствам, освоил механику и автодело, изучил азбуку Морзе.

По окончании службы в армии Аркадий некоторое время изучал бухгалтерское дело, но вскоре (в том же 1930 году) стал аптекарским учеником при больнице города Печоры.

...По монастырскому преданию, в бытность свою аптекарским учеником, будущий отец Серафим пережил некий тяжелейший духовный кризис. Именно в таком своем внутренне отчаянном состоянии он и встретился тогда с известным печерским иеросхимонахом Симеоном (Желниным), ныне уже причисленным к лику

святых. Как раз в тот период и произошло подлинное возвращение Аркадия к Православию, почти уже забытому с отроческих лет. После этого он, пробыв еще несколько месяцев учеником аптекаря, 18 марта 1932 года был принят в Псково-Печерский монастырь — по благословению настоятеля обители епископа Иоанна (Булина)*. Тогда послушнику Аркадию еще не было и 23-х лет.

* Епископ Иоанн (в миру Николай Александрович Булин) — родился 1 марта (по новому стилю) 1893 года в семье крестьянина в местечке Вебс Верровского уезда (ныне — Эстония). В 1915 году окончил Рижскую Духовную семинарию и поступил в Петроградскую Духовную академию. В 1916 году был призван в армию и учился в Школе прапорщиков в Петергофе; служил в действующей армии командующим ротой до января 1918 года, когда был освобожден от прохождения дальнейшей воинской службы и вновь зачислен в академию. В мае 1918 года принял монашеский постриг. По благословению священномученика Вениамина, митрополита Петроградского, служил до осени в эстонских православных храмах под Петроградом. Рукоположен во иеродиакона в мае 1918 года, во иеромонаха — 12 сентября того же года, после чего выехал на Родину, в Эстонию. Исполнял сначала обязанности приходского священника, а 30 июля 1919 года был назначен благочинным Псково-Печерского монастыря. 9 декабря 1920 года возведен в сан архимандрита и назначен монастырским наместником. С июня 1921 года являлся некоторое время и благочинным всех русских приходов Печерского края Эстонии; 25 апреля 1926 года хиротонисан во епископа Печерского (с исполнением обязанностей настоятеля обители). В 1929 году стал депутатом эстонского Парламента. В 1930 году избран членом центрального совета Русского студенческого христианского движения (РСХД). Из-за неуклонного и последовательного сопротивления Владыки Иоанна начавшимся с середины 1920-х годов нарушениям канонических законоположений со стороны шовинистически, сугубо проэстонски настроенного епископата Эстонской Православной Церкви (самочинно перешедшей в юрисдикцию Константинопольского Патриархата), Владыка был лишен в 1932 году епископской власти и фактически всякого права открытого священнослужения в Эстонии. В 1930-е годы посетил Константинополь и Святую Землю, жил некоторое время в Сербии (в Белграде), но вернулся в 1940 году на Родину, в Печоры. Здесь 18 октября был арестован органами НКВД и расстрелян 30 апреля 1941 года. Реабилитирован 22 апреля 1992 года.
(См. о нем: *Малков Ю.Г. и Малков П.Ю.* У «пещер Богом зданных». Псково-печерские подвижники благочестия XX века. М.: Правило веры, 1999. С. 295–300; *Петров Г.В.* Псково-Печерский монастырь в 1920–1940 годах // Там же. Приложения. С. 500–507; *Петров Г.В.* Предания и были Псково-Печерского монастыря. Псков, 2000; *Зотова Т.* Когда увозят в вечность. Жизнеописание епископа Печерского Иоанна (Булина). М.: Издание храма Сошествия Св. Духа. 2006).

Святые врата Псково-Печерской обители
Конец 1930-х гг.

Так выглядел вход в Псково-Печерскую обитель, когда в нее вошел Аркадий Розенберг, будущий архимандрит Серафим
1939 г.

Следует заметить, что при попытке поступить в монастырь молодой человек столкнулся поначалу с некоторыми сложностями. В ответ на первую просьбу принять его в обитель он получил отказ: ему велели прийти через год. Но Аркадий, горя сердечным желанием стать иноком Псково-Печерского монастыря, вновь явился к отцу настоятелю с повторной просьбой спустя всего лишь три или четыре месяца после неудачной первой попытки — и добился своего: благодаря такой настойчивости он стал насельником Печерской обители, в которой ему и суждено было нести монашеский подвиг более 60 лет.

Вот как сам отец Серафим поясняет на страницах автобиографии причины поступления в монастырь и описывает сопутствовавшие этому обстоятельства: «Не имея интереса ни к каким занятиям, будучи малоразвитым (здесь не следует забывать о том, что отец Серафим был совсем неплохо образован. — *Авт.*) и застенчивым и не находя удовлетворения в различных удовольствиях и развлечениях, я стал тяготиться жизнью. Тоска эта заставила меня искать поддержки в религии, до тех пор мне совершенно чуждой. Познакомился ближе с монастырем, читал духовные книги, житие преподобного Серафима Саровского в частности. Наконец попросился, по совету одного монаха, в монастырь. В марте 1932 года был принят пономарем».

С этой поры он и поступил под духовное водительство преподобного старца Симеона.

С 1932 по 1935 год молодой послушник трудился в качестве пономаря и «пещерника» — то есть водил паломнические экскурсии по святым монастырским пещерам, в которых со времен основания монастыря погребали его насельников, а также представителей благочестивых русских боярских, дворянских родов, благоустроителей и благоукрасителей Печерской обители.

Наконец, 17 ноября 1934 года, послушник Аркадий принял монашеский постриг с именем Серафим — в честь

Иеросхимонах Симеон (Желнин), причисленный к лику святых в 2003 году, — духовный наставник о. Серафима
Ок. апреля 1927 г.

Послушник Псково-Печерского монастыря Аркадий Розенберг
1932 г.

Наместник Псково-Печерского монастыря, архимандрит Гавриил (Стеблюченко)

преподобного Серафима Саровского — очень почитавшегося им святого.

Известно, что уже тогда — даже в молодые годы — отец Серафим почти не общался с окружающими, был предельно замкнут и обособлен от всех. Однако послушания исполнял исправно, трудясь не покладая рук. Все остававшееся от монастырских трудов время он посвящал посещению богослужений, молитве и беседам со своим старцем — преподобным Симеоном.

Вот что рассказывает о тех годах жизни отца Серафима (пользуясь, вероятно, при этом воспоминаниями и свидетельствами прежних насельников обители) бывший наместник Псково-Печерского монастыря, а ныне архиепископ Благовещенский и Тындинский Гавриил (Стеблюченко):

«Поступив в Псково-Печерский монастырь, отец Серафим (Розенберг) многие годы из него уже никуда не выходил. Однажды случилась в обители какая-то

Отец Серафим в монастырском саду на Святой горе
Середина второй половины 1930-х гг.

неприятность, и его, в качестве свидетеля, вызывали на суд, но отец Серафим и тогда не стал выходить за пределы монастыря, а на суде как-то удалось обойтись без него. Да и руководство монастыря долго не посылало его никуда из обители. Если пришел человек в монастырь и видно, как он здесь трудится, если видишь по его трудам, что он создан для монастыря — зачем его посылать куда-то? Он несет послушание с утра до вечера, никогда нигде не отлынивает. У него такое положение — келья, церковь и послушание. Родители к нему приезжали, уговаривали его выйти наружу, за монастырскую стену, но он и тогда не вышел. Отец Серафим сказал им: "Нет, я уже никуда не поеду, я предал себя полностью монашеской жизни". Некоторые в обители его упрекали: "Ты родителям не оказываешь послушания". Конечно, отец Серафим по этому поводу переживал, как переживал бы и всякий человек,

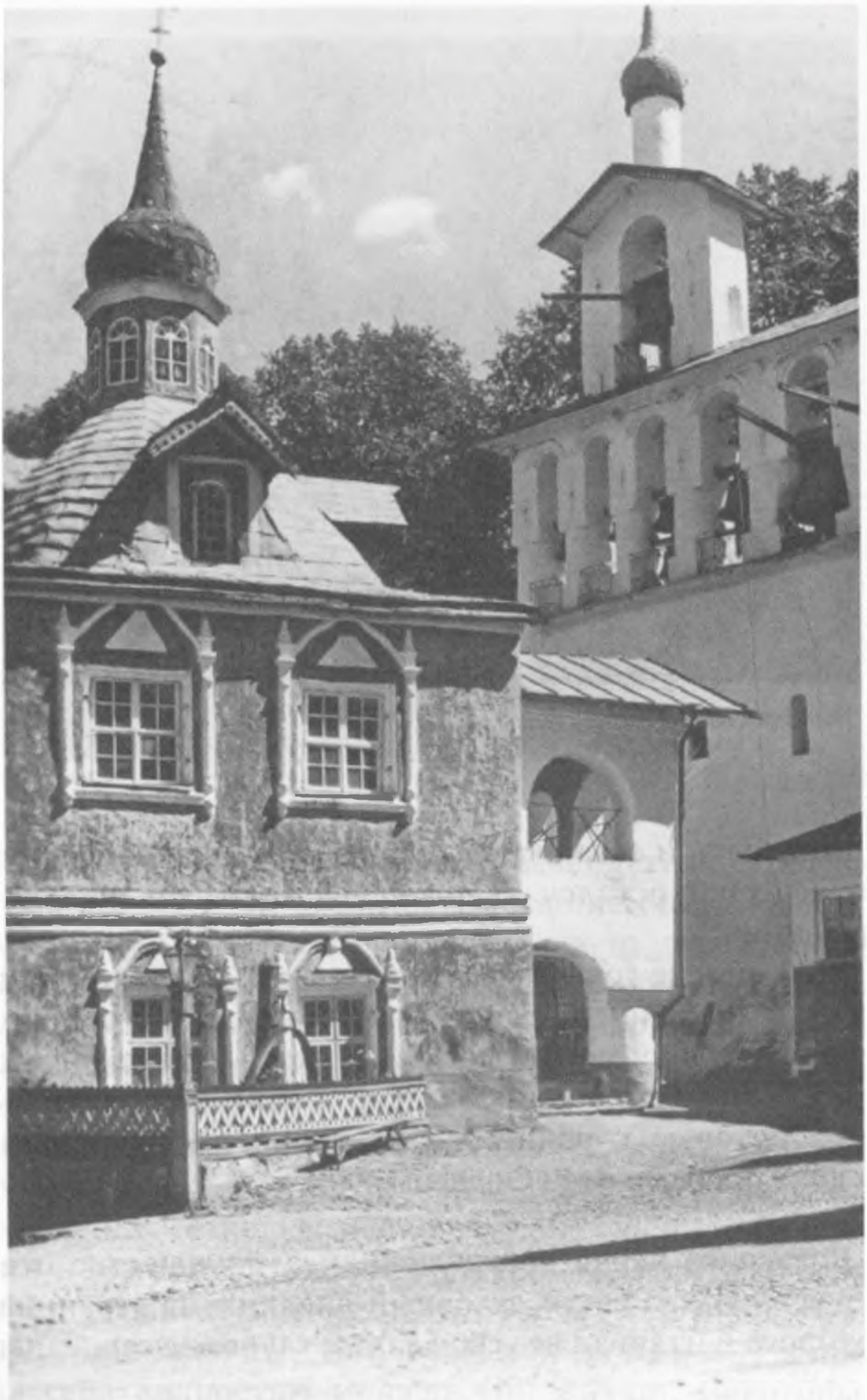
Звонница и Успенский собор Псково-Печерского монастыря

может быть и сомневался, в том, как здесь поступить, но все-таки остался тверд в своем первоначальном решении»*.

Жил он в те годы по соседству с кельей отца Симеона — в холодном и сыром помещении, пристроенном прямо к склону монастырской горы на Успенской площади. У них был общий коридор и одна — на двоих — печь, которую с раннего утра топил просушенными за ночь дровами отец Серафим.

Незадолго перед пострижением в монашество отец Серафим начал вести духовный дневник, на страницах которого и изливал все свои самые глубокие сердечные

* По материалу: Чудотворная икона Дальнего Востока в Москве: Беседа с епископом Благовещенским Гавриилом. [Электронный ресурс] // Православие.Ru: [web-сайт]. http://www.pravoslavie.ru/guest/gavriil.htm. (01.12.2008).

Ризница и звонница Псково-Печерского монастыря
Конец 1930-х гг.

переживания. То, что оставалось надежно скрытым от всех окружающих, — за исключением старца Симеона, которому молодой монах почти каждодневно открывал свою душу, — фиксировалось отцом Серафимом на мелко исписанных чернилами и блеклым карандашом тетрадных листах.

Каково же главное содержание этого дневника?

Прежде всего, отец Серафим исповедует в нем искреннюю, подлинную любовь к Творцу и Господу:

«Ты — все блаженство мое, Господи, и радость и все, все. Ничего мне не надо, кроме Тебя; **прости*** неверность мою — что угождаю плоти, миру, диаволу. Помоги!»

Как мы видим из этих дневниковых записей, сердце отца Серафима поистине переполнено любовью к Богу. Испытывает он и глубочайшую благодарность своему Создателю и Промыслителю, за то что Он привел молодого человека в Печерскую обитель:

«5.3.34 старого стиля.

Где более благоприятное место для Спасения души, как не здесь? Где удобее помнить Бога, смерть, Суд Страшный, вечную жизнь, суетность земной жизни? Где удобее видеть себя, свои страсти и очищать душу от них, укреплять дух в молитве, Таинствах Покаяния и Причащения Тела и Крови Христовых? Зде, в обители Печерской. Зде познается всякая прелесть диавольская. Зде хорошо ожидать смерти. Зде все напоминает о Боге, каждая пядь земли посвящена Богу и освящена Им, покровительством Богородицы, жизнью Святых Печерских и их трудами. Зде Спасение, зде Бог».

Отец Серафим также исповедует на страницах дневника свое горячее стремление отдать монастырю всю жизнь.

Он любит физическую работу, хотя и бывает порой одолеваем телесными недугами. Он стремится

* Все подчеркивания в цитатах из рукописного наследия архимандрита Серафима (в книге жирным шрифтом), кроме специально оговоренных, здесь и далее принадлежат самому отцу Серафиму.

изгладить из сердца любую, даже самую малейшую привязанность к миру и к его ложным благам:

«В монастыре живу — здесь и умру ради чистоты души; откажусь от мысли жить в миру жизнью злою (там ждет меня — смерть души). Не буду прогневлять Господа, живя в удалении от Бога, сохраню монашеские обеты, озлобления сии стерплю, чтобы не лишаться небесной надежды.

Знаю — в чем мое счастие. Когда в церкви скоблю, тру что — душа радуется. Почему же безумствую, иду против Бога? В этом — горе мое. Природнись, полюби монастырь, потрудись».

Но телесные недуги все время не давали ему покоя. Это и головные боли, и даже тяжелые нервные состояния. Однако, с помощью Божией и по молитвам старца Симеона, молодой монах с ними успешно справлялся. Боролся он с этими состояниями и путем молитвенного предстояния Богу, и через интеллектуальную деятельность:

«20. I. 38.

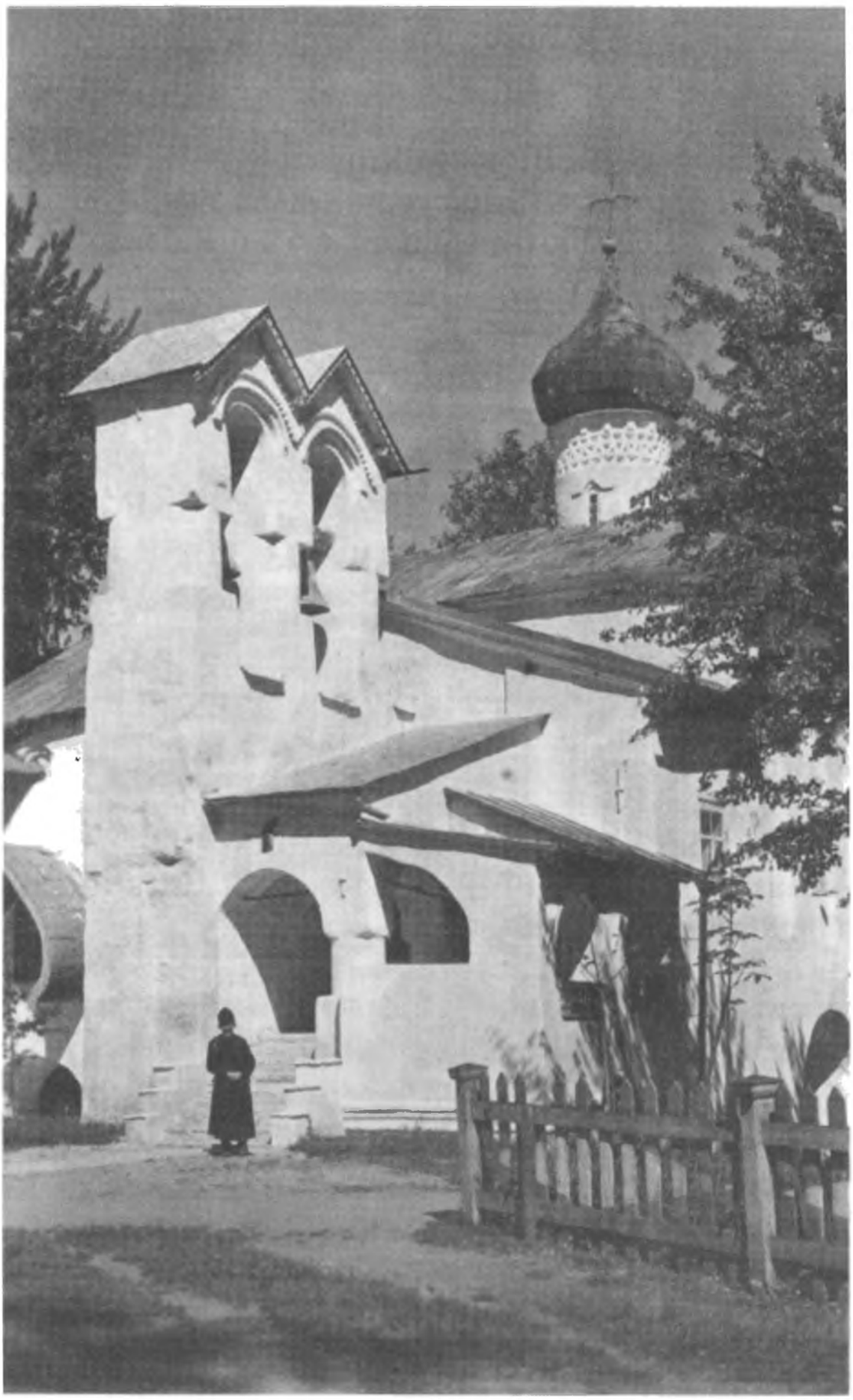
Голове хуже. В храме угар. Приложился с молитвою к Преподобному Корнилию. В голове (когда пою) лучше и лучше. И после усиленных занятий иностранными языками в голове нормальней. То есть мысль тверже, собраннее. Люди все, как и я, такие же. Жив Господь Бог над нами».

А вот какую выписку из древнего «Патерика» он делает в связи со своими головными болями, ставя себе в пример преподобного Феодора Освященного, ученика преподобного Пахомия Великого:

«Как-то Феодор стал жаловаться Пахомию на то, что у него сильно болит голова. Пахомий на это сказал ему, что верующий человек не должен **никому** говорить о своих телесных недугах, кроме тех случаев, когда болезни нельзя скрыть от других, но и подобные болезни надобно переносить с полным **терпением**. Ведь и вольные и невольные страдания составляют как бы мученичество. Да и вообще нужно умерщвлять свое тело из любви к Богу. Это наставление Пахомия

Успенский собор Псково-Печерской обители
Конец 1930-х гг

Никольский храм Псково-Печерской обители
Конец 1930-х гг.

преподобный Феодор принял с глубочайшей верою и стал уже скрывать от людей ту головную боль, которою долго страдал. Ему пришлось еще **двадцать** лет выносить эту боль, но уже никто не слышал от него жалобы. Феодора посещали и **другие** болезни... но он переносил всё молча и благодушно».

Отец Серафим на страницах своего дневника очень строг к себе; он ощущает себя величайшим грешником, достойным наказания и грозного Божиего Суда, постоянно корит себя за греховные поступки и мысли, за нарушение Божественных заповедей. Такая нарочитая строгость к себе, конечно же, не является свидетельством того, что отец Серафим был в действительности сколько-нибудь богопротивником или же человеком безнравственным. Вся монашеская жизнь его — один только непрестанный и благой духовный подвиг. И все же к себе — по величайшему смирению — он был предельно суров:

«Стоя на клиросе, думал: я был прежде в городе — мразь — и вот, по милости Божией, нахожусь теперь в святой Обители, в храме, среди ангелоподобных братий. Слава Тебе, Господи.

Не осуди меня, Господи, на Суде Твоем, что я, недостойный грешник, живу в монастыре — в таковой благодати Твоей, в изобилии и довольстве, при ничтожном труде моем, когда в миру люди и при тяжком труде голодают и холодают.

Не осуди мя, Господи, и за сие, что не по грехам я сыт, обут, в тепле, благоволят все ко мне и хвалят, когда пред Тобою я осужден, обретаюся на муки, и лишь по долготерпению Твоему ждешь Ты покаяния моего.

Облагодатствован я Богом, но прокажен изнутри, люди видели б это — возгнушались бы мною (мои блуд, сластолюбие, себялюбие, лень, осуждение, тщеславие). Бог по милости терпит мя, да еще и благотворит мне — а я возношусь и нерадею.

Побеждать надо сон, лень, чрево, блуд, гордость, гнев — Богу содействующу.

Иеромонах Серафим
Лето 1937 г.

И монастырь благодетельствует мне: Владыка, братия, еда, кров, свобода, сделался монахом, читать на клиросе дают — спаси их, Господи, и их молитвами даруй мне смирение.

Спаси их, Господи, начальников моих, и мя спаси — их святыми молитвами. Сердце мое смири, очисти, согрей, устраши. Жив Господь, я — один из миллионов Его созданий. Истинны слова Его — не прейдут».

И все же, несмотря на частые самоукорения, отец Серафим никогда не теряет надежды на милость Божию, на то, что Господь может и его — грешного — восставить из бездны греха и освятить:

«Нищ я — тяжких грехов исполнен. Милостив буди, Господи, ко мне; на Твою милость уповаю крепко, каясь и слезя о нагости и нищете моей. Даруй и покаяние, и сокрушение мне, и даруй мне зреть грехи моя, пом-

Иеромонах Серафим
в монастырском саду
на Святой горе
Вторая половина
1950-х гг.

нить о них. Ты еси свят — освяти мя. Не отвержи от Себя мя на суде Твоем. Я — нищ, Ты — богат. Я — грешник, Ты — свят. Я — подл, Ты — велик. Я — зол, Ты — благ. Я — темен, Ты — Свет».

Не доверяя себе ни в чем и никогда (отец Серафим сделал эту мысль одним из важнейших принципов своей монашеской жизни), молодой монах постоянно обращался за духовным советом к старцу Симеону.

Страницы духовных дневников отца Серафима за 30-е годы буквально испещрены записями советов преподобного старца Симеона, данными им своему духовному сыну.

Так, прежде всего, старец призывал молодого монаха к любви к Богу, благодарности Ему, о чем тот и записывает:

«Помни: ближе Бога **к нам никого** нет».

«В угождении Богу — жизнь твоя, покой твой, свет твой, радость, сила, блаженство твое. Послушание Богу лучше жертвы».

«При слове "Бог" любовью наполняйся».

Старец Симеон наставлял отца Серафима и неизменно надеяться на всемогущий Божественный Промысл:

«Покров Божий над тобою. Знай: бесы **есть** — многи, но бессильны они — без попущения Божия.

Господь держит того, кто держится Его».

Учил старец и верности Святому Православию, жизни во Христе:

«Ты — член Святой Церкви.

Православием надо **жить**. Надо под основу телесной жизни подводить основу жизни вечной».

«Что рыба в воде — то человек должен быть в Боге».

Учил он отца Серафима также смирению, терпению в перенесении скорбей и искушений, путям борьбы с грехом, наставлял в покаянии.

Преподобный Симеон, видя излишнюю склонность молодого человека к самоукорению, особенно призывал его не унывать, постоянно надеяться на милость Божию, решительно бороться с грехом и побеждать его через мужественное противостояние искушениям:

«Мужественно неси свой крест — свой характер».

«Ты **мужчина**, хоть пока и **мальчишка**; ты ведь христианин, инок — будь тверд, воздержен, самостоятелен, настойчив, сердце держи в руках, думай — ведь ты не бревно или машина, а живой человек, как и все, ты создание Божие. Нужно самообладание — покорение плоти духу. Нужна **борьба** до издыхания последнего; пал? — не унывай, мужайся, держи сердце в руках, ободрись тотчас, вразумись, покайся, поплачь, помолись и снова стань на стражу к сердцу, на **борьбу — тотчас**».

Житейски опытный иеросхимонах призывал молодого инока быть смелым и решительным не только в духовно значимом, но даже и в, казалось бы, второстепенном:

Иеромонах Серафим в своей келье
1940-е(?) — 1950-е гг.

«Ты монах, солдат Божий, а пчел боишься. *Не бойся, токмо веруй* (Лк 8, 50)».

Преподобный Симеон наставлял своего духовного сына быть достойным имени Серафим, принадлежащего и небесным ангельским чинам, и небесному его покровителю — преподобному Серафиму Саровскому:

«Не позорь имени "Серафим", подражай Ангелам-Серафимам и преподобному Серафиму.

Имя твое — Серафим — да напоминает тебе о цели твоей.

Будь подобен упершемуся быку, достигай цели терпением, имей твердую цель и смирение. Следует твердо цель держать: умру скорее, чем отступлюсь» ...

Наставлял его старец Симеон и в том, каким должен быть иноческий путь отца Серафима. Вот лишь некоторые важнейшие принципы этого пути, на которые указывал он молодому монаху:

«Спроси себя: зачем я в монастыре, в храме? Помни **цель** сего: *Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф 5, 48)... **Исправляйся** с помощью Божией.

Вот монашеские обеты: жить по заповедям — в нищете, в презрении, в озлоблении от мира (то есть подвергаться нападению мирской злобы. — *Авт.*), в кротости, в последовании Христу, Его слушать, терпеть бодро искушения, молиться, готовиться к смерти, очищаться страстей, обучаться страху Божию.

Ты отвергся сатаны, мира, плоти; отвергся своей воли злой, пристрастия к имуществу, пище, покою, людям, к себе, от суетных радостей, почета, сытости, самонадеянности.

Разум нынче не в почете — оказывай послушание ему. Бесчестие считай за честь и награду.

Совесть чисти. Собери ум. Укоряй себя в нетерпеливости, в немощи, в дряхлости, в лености; стыдись Бога и Ангелов Его и человеков.

Будь недоверчив к себе.

Если вышел из кельи — таков уж не возвратишься.

Не творящий своей воли творит волю Божию. Самочинный же творит волю диавола.

Во всем признавай виновным себя, а не людей (пусть даже и нападают через них похоть или искушение); не оправдывай себя: сей знак оправдания — мать всем порокам.

Молись: помоги, Господи, нам, грешным, положить начало благое, друг друга тяготы носить.

Ты до конца дал обет настойчивости жизни в подвигах и трудах принятого монашества.

Будь тверд, побеждай малодушие; говори себе: "Умру здесь! — в монастыре"».

Тогда же преподобный Симеон определил для молодого монаха и его молитвенное правило.

Поначалу отец Симеон не благословил отцу Серафиму приступать к деланию Иисусовой молитвы:

«Иисусова молитва? Для нее мы слабы. Вспоминай все время о Боге — вот и молитва; читай Евангелие, помни о будущей жизни».

Затем все же разрешил ее творить, но с большой осторожностью:

«Держи более устную молитву — не впадешь в прелесть, а умно-сердечную молитву без наставления проходить **опасно**. Суть этой молитвы — заключать ум в слова: "Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго"; где ум — там и сердце».

И вот, наконец, лишь по прошествии нескольких лет, старец окончательно благословил отцу Серафиму практиковать Иисусову молитву:

«Иисусову молитву читай. Главное в Иисусовой молитве — вера, что Господь зрит тебя, тебе внимает, Он — близ, слышит. Говори в слух уха Божия Иисусову молитву. Сознание держи у сердца».

Однако и затем старец Симеон призывал отца Серафима соблюдать в умном делании умеренность и осторожность.

Особые искушения в начальный период жизни отца Серафима в обители были связаны для него с исполнением послушания экскурсовода в монастырских пещерах. Будучи человеком нелюдимым, отец Серафим с большим трудом переносил общение с очень разнообразными, иногда даже с не слишком приятными ему посетителями монастыря. Он жаловался по этому поводу отцу Симеону:

«Большевика струсил, так что дыхание сперло. Нервного инженера не вытерпел. Болезненного молодого человека — то же самое. Двум последним отказал показать Покровский и Никольский храмы и прочее. На оплате (за экскурсию) упрямился».

В ответ на эти жалобы отец Симеон наставлял его так:

«Будь ласков, приветлив, терпелив, мягок, чувствуй себя свободнее.

Смирения у тебя нет: не гляди — худ ли человек; гляди — монастырь за тобою.

Не осрамись; и чтоб Бога прославить, а не опозорить.

Это тебе **урок** от Господа — искушение терпения, пёр против Него — тяжело тебе было, потом стыдно стало. Терпеть **все** надо: люди не Ангелы, ты должен нести их немощи — характер разный у них; тем более ты — как представитель монастыря; второй уже раз осрамился. Ты же — прах. Что пыжишься, что упрямишься? Смирись — легче будет. Богу, видимо, угодно так, чтоб Он испытывал твое терпение, все по воле Божией бывает — смирись, прими. Все желаешь более легкого; не ищи его, но прими тяжкое, и горькое, и выговор, и уничижение. Против Бога идешь.

Снисхождения требуют люди. Учись обращению с людьми.

У тебя не характер — а упрямство с себялюбием, недоверием, с сребролюбием, с ленью, с нетерпением, с глупостью, с неверием. От Бога все тебе подается — к опыту, к твоему умудрению, к очищению сердца, чего и просишь ты у Бога; так что сам ты себе сей случай выпросил.

Когда действительно нельзя то или другое монастырскому посетителю — так и скажи: «**Нельзя**» или «Не знаю».

Думай так: благодетели мои — посетители — оскорбляющие мя, насмехающиеся надо мной, неприятные, шумные, пьяные, худые на вид (знать не могу их так, как знает их Бог — ни их воспитания не знаю, ни прочего).

Тупики такие — диавольские искушения; перескочи их верою с молитвою. Выход — обращайся **всегда** к Богу. Я, Господи, немощен; устрой, помоги, вразуми, укрепи, научи, умягчи его сердце (ближнего) и мое укрепи, Господи. Вот выход.

По Бозе все делай — и в пещерах монастырских (помни: исполняешь послушание, даже **требуя плату***, и прочее). Не забивай в себе монаха профессией. Вини твое нечистое сердце, что боишься сказать о деньгах, а сказав, смущаешься — **грешишь.**

Надо просить, молить Бога, Богородицу и Святых усердно, если хочешь получить очищение, вперед двигаться, иначе стоишь на месте; Бог дает тебе познавать свои немощи, молись, смиряйся под крепкую руку Божию.

Весь мир не стоит одной души твоего ближнего и твоей — береги ее.

---

* Вполне понятно духовное смущение отца Серафима требованием монастырского начальства настойчиво взимать плату с посещавших монастырские пещеры (причем неприятная эта обязанность была возложена именно на иноков, водивших по ним и паломников, и просто туристов, — в том числе и на него).

Однако следует учесть, что начальство вынуждалось тогда идти на подобные меры реальными жизненными обстоятельствами.

Печерская обитель была в ту пору буквально нищей: у нее не было никакого серьезного собственного хозяйства, почти все земли были в 1924 году конфискованы «демократическим» эстонским правительством и затем сдавались им монастырю в аренду; здания обители также были захвачены: в них находились то городские конторы, то гимназия, то почта, а часть помещений просто являлась обычным жильем для посторонних гражданских, «мирских» лиц. Монахам выдавалось скудное денежное содержание, и они кормились — кто как мог. Многие как-либо подрабатывали — различными ремеслами, личным огородничеством, переплетным делом... Собственно юридически не существовало даже и самой обители, которая тогда называлась «Печерской христианской Успенской мужской трудовой общиной». Собирали иноков только храмовые службы (и то не бывшие для всех монашествовавших обязательными); общих постоянных послушаний (кроме не слишком больших посевных и уборочных работ) почти не было вовсе: монастырь, по сути, тогда во многом перестал жить уставом общежительной обители. Лишь несколько иеромонахов старались неукоснительно исполнять свою богослужебную череду...

И такой экономический и дисциплинарный развал (в условиях материальной нищеты и шовинистической дискриминации иноков со стороны эстонского государства) продолжался около четверти века! Однако псково-печерские иноки достойно вынесли все тяготы того времени, что и неудивительно, когда среди них были такие столпы православного иночества, как преподобный старец иеросхимонах Симеон, игумен Павел (Горшков) и тот же отец Серафим...

Учись **отсекать** страсти, **возбуждать** мысли благие, **внимать** себе (и делу своему, а не туристам на экскурсии). Есть лишь **я и Бог**».

Помимо размышлений о собственном монашеском пути и записей бесед со старцем Симеоном, дневники отца Серафима наполнены выписками из творений древних Святых Отцов, русских духовных писателей. Сам он постоянно признается на страницах дневниковых тетрадей, что любит читать и читает много.

Одна из таких подборок цитат предваряется следующей записью:

«Записанное здесь взято при чтении мною разных книг. Что ложно — то переврано по моему высокоумию».

Среди этих выписок мы обнаруживаем цитаты из духовных сочинений таких авторов, как святитель Василий Великий, святитель Иоанн Златоуст, преподобный Ефрем Сирин, преподобный Иоанн Лествичник, преподобный Исаак Сирин, преподобные Варсонуфий и Иоанн, преподобный Феодор Студит, преподобный Симеон Новый Богослов, блаженный Иероним, святитель Димитрий Ростовский, святитель Тихон Задонский, святитель Филарет Московский, святитель Игнатий (Брянчанинов), святитель Феофан Затворник, преподобный Серафим Саровский, преподобный Амвросий Оптинский, святой праведный Иоанн Кронштадтский, архиепископ Феофан (Прокопович), протоиерей Григорий Дьяченко, и ряда других церковных писателей.

Цитаты эти буквально испещрены подчеркиваниями, сделанными старцем Серафимом, выделявшим здесь самые важные для него идеи, мысли.

Пожалуй, более всего отец Серафим любил читать преподобного Феодора Студита, святителя Димитрия Ростовского и святителя Тихона Задонского. Творения преподобного Феодора он переписывал в свои тетради десятками страниц. Преподобный Феодор Студит — древний Святой Отец, которого старец Серафим

и на склоне своих лет постоянно советовал читать молодым монахам Печерской обители. В дневниках архимандрита Серафима, сохранилась, например, такая выписка из творений преподобного Феодора, посвященная идеальному образу и смыслу монашеской жизни, сопровождаемая собственными заметками печерского старца:

«Будучи монахами, призваны мы к высокой жизни, но так ли живем, как вознамерились сами [а ты ищешь покоя, здоровья! Разслабел... — *Архимандрит Серафим*], и как другие ожидают от нас?.. [Святой Отец! Помолись! — *Архимандрит Серафим*] Будем неизменны в добре и не станем увлекаться страстьми не только делом, но и в мечтаниях. **Зачем** ушли мы из мира? Чтоб жить в лишениях [исполняя обеты. — *Архимандрит Серафим*], — в надежде».

Многочисленны в дневниках отца Серафима и выписки из творений святителя Димитрия Ростовского. Текст же с поучениями святителя Тихона Задонского — третьего любимого его автора — даже был специально записан рукой отца Серафима на большой лист бумаги и повешен им на стену возле своей кельи — в общем коридоре со старцем Симеоном. Вот этот текст:

«1. Всяк при Крещении Святом отрекся сатаны, дела которого суть дела злая и Богу весьма ненавистная, то есть: идолослужение, чародеяние, гордость, зависть, вражда, пьянство, блуд, сребролюбие, разбои, хищения, воровства, сквернословия, песни скверныя — и все, что противится здравому разуму. Ты всех сих на крещении отрекся троекратно, и на вся сия поплевал; берегись же на сие обращаться!

2. Отрекшися сатаны, ты обещался троекратно служить Христу Сыну Божию, со Отцем и Святым Его Духом. Ты в службу Христу присягнул, как воины присягают, служить Ему верно, даже до смерти. А служить Христу как? Послушай: веру в Него иметь и с верою жизнь свою в страсе Божием благочестно провождать, и Ему по возможности сообразоваться.

3. Пользует — сия в памяти содержать: а) вездеприсутствие Божие; б) житие и вольное страдание Христово рассуждать; в) помнить последния четыре: смерть, никому не минуемую, Суд Страшный, где за слово, дело и помышление злое ответ воздадим; третие — ад или муку вечную, конца не имущую, грешников ожидающую; четвертое — Царство Небесное, верным, свято житие провождающим, уготованное.

Увещеваю сие всякому в своей памяти всегда содержать и домашних своих почаще подкреплять, а паче внушать малым детям, чтобы они знали и помнили свое обещание и от младых лет приучались благочестию. От воспитания убо все житие зависит, а родители, в страсе Господни детей своих не воспитающии, Божия наказания не избегнут»...

...Наконец пришло время рукоположения монаха Серафима в диаконский сан. 14 апреля 1935 года отец Серафим был рукоположен во диакона тогдашним настоятелем Псково-Печерской обители архиепископом Николаем (Лейсманом)*. В эти же дни отец Серафим по-

* Архиепископ Николай (в миру Николай Андреевич Лейсман) — родился, вероятно, около 1864–65/?/(по другим данным: «около 1853 года в Перновском уезде Лифляндской губернии в эстонской семье» — см.: Псковский синодик пострадавших за веру Христову в годину гонений.../Сост. инокиня Валерия (Мельничук). Под общей ред. архимандрита Ермогена (Муртазова). Москва — Псков, 2005. С. 638). Учился в Тартуском университете; закончил Санкт-Петербургскую Духовную академию. До 1915 года служил в Рижском кафедральном соборе, протоиерей, соборный ключарь, член Рижской Духовной Консистории. Затем служил в Эстонии настоятелем и благочинным. В 1920-м хиротонисан во епископа Печерского, викария Эстонской епархии (на этой кафедре — до 1926 года). С 1932 года настоятель Псково-Печерского монастыря (сначала в качестве вновь епископа Печерского, а с 1933 года — в сане архиепископа). В 1934–1935 годах открыл в обители Духовную семинарию, являясь ее ректором — вплоть до прекращения ее деятельности в 1940 году. В том же году «ушел на покой, отпраздновав свое семидесятипятилетие» (*Архимандрит Тихон (Секретарев).* Врата небесные: История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Печоры, 2007. С. 97). В 1943–1944 годах являлся временно управляющим Таллинской епархией, подчиняясь Экзарху Московского Патриархата в Прибалтике, митрополиту Сергию (Воскресенскому). Последние годы жизни находился «за штатом». По данным «Псковского синодика», скончался в 1947 году и погребен на Родине, в церкви села Пенуя (Пеникюль), близ Киллинги-Нымме (Эстония).

лучает от отца Симеона наставление, каким надлежит быть диакону:

«Ты диакон. Вот твоя присяга:

жить тихо, трезво, со страхом Божиим, растить в себе дух страха Божия; должен служить с кротостию, внимательно, искать славы Божией, а не своей, пользы Святой Церкви и Спасения ближних — содействием Божиим по Его милости, по молитвам Пресвятой Богородицы и всех святых».

А спустя всего год — 26 апреля 1936 года — иеродиакон Серафим был рукоположен во иеромонаха. Рукоположил его тот же архиепископ Николай (Лейсман).

И опять старец Симеон дал новорукоположенному иеромонаху свое наставление:

«Учись поддержать в других бодрость духа, вселить интерес к Спасению, прогнать уныние и скуку, говорить об утешениях Христовой любви».

Сам отец Серафим отнесся с глубочайшим смирением к своему сану, ощущая личное недостоинство к ношению высокого священнического звания:

«Я — иерей, целуют мне руки, оказывают почет некий — Бога ради. И все же они выше меня; о если бы мне достигнуть их меры смирения, веры, простоты, страха Божия... Нет во мне смирения, нет страха пред престолом Божиим — нет и начала Спасения.

Я — слуга Богу и людям. Сан ношу из послушания, лишь до смерти».

Следует заметить, что в 20–30-х годах положение Печерской обители оставалось отнюдь не простым.

Эстонские государственные чиновники, вместе с явно проэстонски настроенным так называемым Синодом Апостольской Православной Церкви Эстонии (в значительной мере — самочинным местным церковным образованием), постоянно мешали нормальному течению как административно-хозяйственной, так и просто монашеской жизни в «слишком русском», по их понятиям, Печерском монастыре. Обитель постоянно испытывала

давление со стороны властей — причем нередко чисто политического свойства.

Не нужно думать, что отец Серафим был полностью безразличен к обстоятельствам современной ему церковной жизни, к ее актуальным и острым вопросам. Напротив, некоторые из этих вопросов нашли достаточно яркое отражение в его записях. Так, например, в своих дневниках он касается проблемы «нового стиля», который стремилось навязать православному народу Божию обновленческое сознание эстонской иерархии. Отец Серафим очень живо и решительно реагирует на эту проблему.

«Каков новый календарный стиль? В благочестивое время старый держался. Ныне же — время нравственного упадка. Иерусалимская Церковь и ныне празднует Пасху по старому стилю. По новому же календарю Пасхальные праздники совпадают с иудействующими и со светскими днями отдыха. Опасно такое послабление миру, свету; в этом — ересь.

При новом стиле и церковные службы посещаются меньше; по старому же стилю — народу было более. Из-за отсутствия народа крестные ходы не удаются — превращаются в посмешище. Рождается через это в народе недоверие к своим пастырям. Господи, спаси благочестивыя».

Отец Серафим не мог оставаться равнодушным и к судьбам плененной советской властью и атеизмом России. В его дневнике приводятся такие вставные прошения в Великую ектению об одолении богоборческой большевистской власти:

«Вставка на Великой ектении по прошении "о плавающих...":

О еже призрети на опустение церквей и раскопание олтарей и осквернение святынь православных, и искоренити немилостивое мучительство и власть беззаконников Страну Российскую осквернивших, и скоро свободити рабов Своих от насилия их, Господу помолимся.

О еже услышати от Церкве Святыя Своея вопль и воздыхание окованных и от безбожник порабощенных рабов Своих, в печали и скорби к Нему вопиющих, и извести от тли живот их, Господу помолимся.

О еже искоренити в нас, и в изгнании и рассеянии сущих братиях наших ненависти, зависти же и рвения, и прочия страсти, братолюбие разрушающия, и нелицемерную любовь всеяти в сердца наша, Господу помолимся»...

Кроме того, в бумагах отца Серафима обнаружены и несколько листков с текстами трех молитв, составленных еще в 20–30-х годах (в эмигрантской среде) и проникнутых одним желанием — дарования милости и помощи Божией в возрождении Православия на Руси. И нет никакого сомнения, что скорбные слова этих молитв долгие годы звучали в Псково-Печерской обители, возносимые к Богу и иноком Серафимом, и его наставником — старцем Симеоном, и многими другими печерскими иноками, непрестанно молившимися о спасении своей, плененной духом безбожия, Родины.

В первой молитве наша страна, соблазненная и захваченная в революционные годы ненавистниками Церкви Христовой, уподобляется древнему Израилю, оказавшемуся в египетском рабстве, из уз которого богоизбранный народ израильский смог вырваться только по неизбывному милосердию Божию. Пользуясь этим молитвословием, составленным по типу начальных прошений «сугубой ектении», печерские старцы и просили Господа освободить страждущий православный народ России от большевистского пленения, или «лютыя работы».

Во второй молитве, обычно произносившейся тогда в алтаре в начале Литургии — во время совершения проскомидии, кроме прошения об избавлении Руси от коммунистической власти возносится и прошение об обращении самих гонителей Церкви к Богу, об их духовном возрождении и просвещении.

Оба эти текста, переписанные рукой о. Серафима, зримо выражают собой самый дух неотступного предстояния печерских старцев пред Богом за весь православный народ России.

Молитва первая

«Милостивым Твоим оком благоутробно призри, Человеколюбче Господи, на воздыхания, слезы, стенания и озлобления верных рабов Твоих, братий наших, под игом лютыя работы сущих, — якоже призрел еси на Израиля, во Египте сущаго, — и скоро свободи их — сердцем сокрушенным прилежно молим Ти ся, услыши и помилуй.

Олтари Твоя святые — врази Твои раскопаша, Господи; церкви и жилища имени Твоего — осквернища, и рабы Твоя — тяжко озлобиша; призри убо с небесе и виждь, и не уничижи моления наша, ниже отрини до конца, но скоро восстани в помощь рабом Твоим: изсуни меч и изсецы главы сильных, Тебе противляющихся, и очисти землю людей Своих от злочестия их; духом смиренным — сильному в крепости и дивному в советах Богу нашему молим Ти ся, Благоутробне, услыши и помилуй.

Заповедь новую Твоим учеником, еже любити друг друга, давый Владыко, обнови сию Духом Святым в сердцах нас, рабов Твоих, и от всех тлетворных страстей избави нас, да всегда о Твоем благоугодии и искрinняго ближняго спасении и пользе попечение творити потщимся, — молим Ти ся, Благодетелю милостивый, услыши и скоро помилуй».

*Молитва вторая**

«Господи Иисусе Христе, Боже наш, приими от нас, недостойных рабов Твоих, усердное моление сие и, простив нам вся согрешения наша, помяни всех врагов наших, ненавидящих и обидящих нас, и не воздаждь им по делом их, но, по велицей Твоей милости, обрати их: неверных — ко правоверию и благочестию, яко да ни един от них погибнет нас ради, недостойных; верных же — во еже уклонитися от зла и творити благое. Нас же всех и Церковь Твою Свя-

---

* Молитва имеет надписание: «на проскомидии, о вразех, ненавидящих и обидящих нас».

тую — всесильною Твоею крепостию от всякаго злаго обстояния милостивно избави, и страну Российскую от лютых врагов и власти их свободи. Верных рабов Твоих — в скорби и печали — день и нощь вопиющих к Тебе, многоболезненный вопль услыши, многомилостиве Боже наш, и изведи из истления живот их. Подаждь же мир и тишину, любовь, и утверждение, и скорое примирение людем Твоим, ихже — Честною Твоею Кровию — искупил еси. Но и отступившим от Тебе, и Тебе не ищущим — явлен буди, воеже ни единому от них погибнути, но всем спастися и в разум истины прийти: да вси в согласном единомыслии и в непрестанной любви прославят пречестное имя Твое, терпеливодушне, незлобиве Господи, во веки веков. Аминь».

Если эти два молитвословия в значительной степени уже выполнили свое назначение (показывая при том — как вымаливали наши духоносные иноки совершенное ныне Господом чудо: начало освобождения России от большевистского «египетского пленения»), — то совершенно иначе следует оценить третью из найденных в келье отца Серафима молитв*.

Выраженные в ней покаянные чувства и сегодня, к сожалению, не утратили своей реальной жизненности — много ли их, принесших ныне покаяние в действительном предательстве своего Спасителя? Многие ли и из нас, православных, трезво оценивают присущее ныне нашему обществу вопиющее духовное неблагополучие, явный недостаток решимости идти не «пространными путями» порабощенного грехом безбожного мира, а трудным и «узким путем» благодати и свободы, указанным нам Самим Господом?

Главным образом именно на подобное «теплохладное» наше состояние и указывает третья из дошедших до нас в бумагах отца Серафима молитв, которыми «воздыхали» ко Господу — за падший и все более отступающий от Него мир — печерские иноки. Это как бы

* Эту молитву о спасении России составил известный архипастырь Русской Православной Церкви Зарубежом епископ Челябинский Гавриил (Чепур) — для постоянного чтения ее за каждой Литургией.

собственный их завет и призыв ко всем нам — через личное наше покаяние, укрепляясь в Духе Святом, следовать за Самим Христом.

Молитва третья

«О Человеколюбче Господи, Премудре и Всесильне! С сыновнею любовию и благоговейным страхом приносим мы Тебе прилежное моление сие о всех нас, недостойных и многогрешных рабех Твоих. С небесной высоты Твоею Отеческою любовию приими, и все недоброе, нами содеянное, прости; все падения, отступства и измены вере нашей святой не вмени, и духовное разслабление благодатною силою Духа Твоего Святаго исцели и укрепи!

Горнило искушений здесь мы в лета сии проидохом, и — пред лицем народов иноверных и иноплеменных — свет веры нашея явити не возмогохом; и по лености своей и многому небрежению, наипаче же по хладности сердца, от добраго жития христианского далече отступихом. Такоже и поныне в покаяние и исправление не приходим, и в закоснении духовнем глубоце спим. Вражда и стропотность обуревают нас, соблазны и пороки потопляют; не яже ближняго, а своих си ищем мы: себялюбием наполнихом сердце свое до конца, — о долге же любве христианския и о кротости — и помышляти не хощем. Такожде и о Церкви Святей и о послушании Ей выну небрежем, — святая Ея честне не храним, и уставы Ея повсюдно и тяжце нарушаем; от света веры нашея святыя уклонихомся и, вместо покаяния и смирения, — гордыню, и самолюбование, и самооправдание возлюбихом.

Ты Сам, Всемогущий и Премудрый Владыко, научи и укрепи нас паче всего любити и искати Царствие Божие и правду его на земли и Тебе Единому послужити во всяком делании нашем — в духе Богооткровенной веры нашей Православной.

Воспламени в сердцах наших любовь к Церкви Твоей Святей и научи нас крепко, даже до смерти, стояти за святую веру Твою и за славу имени Твоего Святаго!

Услыши, Господи и Владыко жизни нашея, сердечную сию молитву и о братиях наших заблудших и в искусительныя годины сия от Церкви Твоея отошедших! Простри и к ним Всемилостивую, спасающую Десницу Твою, и очи сердца их отверзи к свету Святаго Евангелия Твоего; и в них угасший дух Истины Твоей — Духом Тво-

им Святым снова возжги, ибо не могут потомки стольких поколений верующих сынов Церкви Православной — в глубине сердца — от веры отцев вконец отойти. Сам Ты, Отче любви, всеисцеляющим и всеутверждающим перстом Твоим их сердца коснись, — да обратятся паки они к Тебе, своему Владыке, и купно с сынами Церкви Твоея Святыя прославят Тебя, Единаго в Троице славимаго Бога, — во веки веков. Аминь».

Тем временем, жизнь молодого иеромонаха Серафима (Розенберга) в Псково-Печерском монастыре шла своим чередом. Отец Серафим получил первую священническую награду. 5 апреля 1939 ему был вручен набедренник...

Если на протяжении первых семи-восьми лет пребывания в обители отец Серафим преимущественно переживал немалые внутренние скорби и искушения на пути собственного своего становления — как подлинного ученика Христова — и обретения истинно монашеского духовного устроения, то наступившие в 1940 году военно-политические события, разрушившие прежнюю, привычную для него жизнь в независимой Эстонии, принесли ему и переживания более внешнего характера, сказавшиеся даже на его здоровье...

Как известно, 17 июня 1940 года в Эстонию вошли советские танки, а 21 июня в ней уже официально была провозглашена насильственно установленная коммунистическая власть.

Полная неясность будущего устроения жизни, беспокойство о монастыре в условиях вдруг нагрянувшего большевистского государственного атеизма, волнение за судьбу своих родных и близких, постоянный грохот танков среди многодневной, за тридцать градусов, жары, начавшиеся грубые нападки на обитель со стороны местных люмпенов-безбожников — всё это привело в конце концов к тому, что у отца Серафима совершенно неожиданно случился сердечный приступ.

Впрочем, во время приступа он вел себя самым достойным образом, явив во время него всю спокойную силу своего подлинно монашеского духа, о чем свидетельствует, в частности, дошедшая до нас запись в дневнике тогдашнего отца благочинного, иеромонаха Павла (Горшкова), позднее — в период 1941–1944 годов — являвшегося наместником обители, арестованного затем органами НКВД и через несколько лет мученически погибшего в большевистском концлагере*.

---

* Игумен Павел (в миру Петр Михайлович Горшков) — родился 20 августа (по старому стилю) 1867 года; 26 октября 1884 года поступил послушником в Александро-Свирский монастырь Олонецкой губернии; в 1888 году перешел в Троице-Сергиевскую Приморскую пустынь под Петербургом, где трудился келарем и библиотекарем. 23 августа (по старому стилю) 1897 года принял постриг с возведением в сан иеродиакона (монашеское имя дано в честь святителя Павла Нового, Патриарха Константинопольского); в 1904 году рукоположен во иеромонаха и, с благословения отца настоятеля, архимандрита Михаила, в свободное время от церковной службы начал работать на ниве борьбы с пьянством. В 1905 году открыл бесплатную Первую Российскую Сергиевскую школу трезвости, а затем при ней также библиотеку, мастерские и детскую столовую, заботливо возглавляя все это до 1918 года, когда школа была разгромлена большевиками.

В 1919 году служил на приходах в деревнях Эстонии, в Нарве, на станции Сонда, а затем и в Печорах, прибыв в Псково-Печерский монастырь в 1920 году. В 1921 году, продолжая борьбу с алкоголизмом, организовал в Юрьеве (Тарту) просветительское Благотворительное общество «Разумный досуг» с отделениями в Ревеле (Таллине) и Печорах (по приглашению Эстонской лиги трезвости трудился в официальной должности «инструктора трезвости»).

5 мая 1925 года был утвержден резолюцией митрополита Александра (Паулса) в числе братии Печерского монастыря в должности эконома. В 1926 году назначен временным духовником Пюхтицкого женского монастыря; в 1932 году служил в Тапе, а с 1933 года — в приходе Муствее (посад Черный на западном берегу Чудского озера). В 1937 году назначен вновь в Печерскую обитель на должность благочинного. С 1941 года являлся (в сане игумена) наместником монастыря. 23 октября 1944 года был арестован НКВД и приговорен 8 февраля 1945 года к 15-ти годам советских концлагерей. 6 июля 1950 года мученически скончался в заключении (в Баимском отделении Сиблага) «от сердечной недостаточности». Место погребения неизвестно. Реабилитирован в 1997 году.

См. о нем: Иеромонах Павел (Горшков). Первая Российская Сергиевская школа трезвости. СПб., 1909; Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священнослужителей и мирян Санкт-

Вот эта запись:

«25 VI. Вторник [1940 года]

Испугал нас отец Серафим — своим сердечным припадком [подчеркнуто отцом Павлом. — *Авт.*]. По окончании Божественной Литургии целование креста кончилось — прибежала матушка Мария — повариха к отцу Симеону и просит причастить отца Серафима. Я пошел [вслед] за отцом Симеоном и увидал полулежащего на кровати отца Серафима, голова которого судорожно тряслась, — с закрытыми глазами. Отец Симеон спрашивал его — слышит ли он, что духовник читает? Отец Серафим ответил: "Слышу", и когда причастился Святых Таин, то сразу лучше себя почувствовал; но когда отец духовник [отец Симеон. — *Авт.*] ушел, он, отец Серафим, мне сказал: "Не уходи, отец Павел, а возьми Требник и найди в оглавлении молитвы на исход души". Это я сделал, но сказал: "Поправишься, Бог даст".

Отцу Серафиму становилось все лучше, явился доктор Нинема, долго с ним беседовал; доктор сделал ему впрыскивание, и я, посидевши у отца Серафима, стал смотреть хорошую у него книжку — "Праведники 18-го и 19-го веков". Там увидел портрет и описание смерти отца Варнавы Гефсиманского*, которого я знал.

Отец Серафим стал извиняться за беспокойство своей болезнью, благодарил меня за любовь братскую и мое предложение

Петербургской епархии. XX столетие. СПб., 1999; *Архимандрит Таврион.* Вместо славы претерпел поношение (о реабилитации игумена Павла (Горшкова), наместника Псково-Печерского монастыря, 1941–44 гг.) // Псково-Печерский листок. № 202; *Малков Ю.Г. и Малков П.Ю.* У «пещер Богом зданных». Псково-печерские подвижники благочестия XX века. М.: Правило веры, 1999. С. 305–313. (Фото о. Павла см. на с. 57.)

* Преподобный Варнава Гефсиманский (в миру Василий Ильич Меркулов; 1831–1906) — в 1851 году поступил в Троице-Сергиеву Лавру; вскоре же был направлен послушником на жительство в лаврский Гефсиманский скит, а в 1859 году переведен в качестве уже рясофорного монаха в Пещерное отделение скита (так называемый Черниговский скит). В 1867 году монаха Василия постригли в мантию с именем Варнава — с этого времени он принял на себя, по благословению своего наставника, схимника Григория, и настоятеля Гефсиманского скита отца Даниила, подвиг старчества. В 1871 году рукоположен во иеродиакона, в 1872 году — во иеромонаха. Духовник скитских старцев; был также назначен народным духовником. — *Авт.*

сходить за молоком отклонил, сказав: "Я сам пойду", и, действительно, через полчаса ходил сам.

Вот наша жизнь! И милосердие Божие...»*

И, правда, по милости Божией, отец Серафим более никогда особо не страдал сердечными заболеваниями, а в дневнике отца Павла среди записей следующего дня появилась и такая: «Жара 38 градусов... Отец Серафим поправился, бегает с ключами»**.

...Итак, в 1940 году, на короткое время, в Эстонии установилась советская власть и территория Печорского края вошла в состав СССР. Однако вскоре началась война, что привело к почти трехлетней немецкой оккупации этого района.

Пришлось иметь дело с оккупантами и монастырскому начальству. Контакты с оккупационными властями носили сугубо официальный и довольно-таки

---

* [Тетрадь] «Дежурная и[сполняющего] д[олжность] Благочиннаго древней Печерской обители иеромонаха Павла Горшкова. С 1-X-39 г. до 31 VII-40 г. по церковному, а по граж. 13 VIII стил.» (Архив Псково-Печерского монастыря). 25 VI, вторник.

** Там же: 26 VI, среда. В эти же годы в дневниках отца Павла (Горшкова) мы также довольно часто встречаем записи о храмовых служениях отца Серафима обычно он упомянут в сослужении с духовником обители отцом Симеоном или с отцами Исааком, самим Павлом и Никитой.

Также в дневниках отца Павла говорится и об участии отца Серафима в дальних крестных ходах — в различные окрестные деревни — с чудотворными монастырскими иконами. Так, например, в записи за 26 декабря 1939 года (второй день Рождества) говорится: «Отец Игумен (Агафон /Бубиц/. — *Авт.*) провожал крестный ход со "Спасителем" — в сопровождении отца Серафима в Зачеренье...» А вот две записи за 1940 год: «22 I. После Божественной Литургии образ Христа Спасителя ушел по деревням: с отцом Никитою — по ближайшим, а по дальним — с отцом Серафимом»; «10 V. Крестный ход пришел из Изборска в полдесятого вечера — встречал и читал акафист отец Серафим».

Сам отец Серафим также свидетельствует о своем прежнем участии в одном из подобных крестных ходов — вокруг всего города Печоры на Ильин день — в письме к Тамаре Ивановне Розенберг: «...В среду — Ильин день. Встарь в этот день совершался крестный ход вокруг всего города, с остановками в определенных местах и с чтением акафиста "Успению". Мне в свое время пришлось также участвовать в этом крестном ходу. Совершался он по обету горожан — во избавление от пожаров».

Игумен Павел (Горшков)
1930-е гг.

натянутый характер. Братия, несмотря на, естественно, отрицательное отношение к атеистической советской власти, однако, отделяла ее от подлинной России, от родного русского (пусть и духовно тогда заблудившегося) народа и потому молилась по кельям о даровании победы российскому воинству.

За период войны сменилось послушание отца Серафима — он стал «ларечником»: продавал свечи, иконы, нательные кресты в ларьке на монастырской Успенской площади — прямо рядом со своей кельей. Какое-то время в годы войны отец Серафим исполнял и обязанности казначея. Более того: известно, что по причине малого числа жившей тогда в монастыре братии, отец Серафим вынужден был исполнять одновременно шесть послушаний!..

Здесь уже не раз упоминалось о том глубоком уважении, что проявлялось со стороны печерской братии по отношению к отцу Серафиму, и о его высоком авторитете среди нее. Об этом говорит, в частности, и такой, мало кому известный, факт, как назначение его в 1943 году, по сути, практически наместником монастыря, о чем не упоминается, кажется, ни в одном издании, посвященном Псково-Печерской обители. Однако

это совершенно ясно подтверждается записями, дошедшими до нас в таком официальном монастырском документе, как «Тетрадь №2 Входящих и исходящих Бумаг Печерскаго Монастыря» (начиная с 1 июля 1942 г. и по 15 августа 1944 г.)*.

Тетрадь эту постоянно вел отец игумен Павел (Горшков), как уже упоминалось выше, занимавший в годы войны должность наместника обители.

В период управления монастырем отцу Павлу было уже далеко за семьдесят, он давно страдал многими хворями пожилого человека и в конце концов обратился к митрополиту Сергию, Экзарху Московской Патриархии в Прибалтике, настоятелю Печерской обители**, с просьбой передать все бразды правления в ней человеку, которому он абсолютно доверял, — отцу Серафиму!

Об этом имеется соответствующая запись в «Тетради», а именно: «Исход. № 36 от 6 II [1943 г.]. Владыке Сергию рапорт о болезни о. Наместника Игумена Павла

---

* Хранится в архиве Псково-Печерского монастыря.

** Митрополит Сергий (в миру Дмитрий Николаевич Воскресенский) — родился 26 октября 1897 года. В 1907–1917 годах учился в Московском Духовном училище, окончил Духовную семинарию, Духовную академию. С 1918 по 1922 год — на гражданской работе. В 1920–1923 годах учился в МГУ, откуда был исключен как «чуждый элемент», а затем арестован за антисоветскую пропаганду. С 1925 года — монах московского Свято-Данилова монастыря. В 1930 году — настоятель собора в городе Орехово-Зуево в Подмосковье. С 1931 года — редактор «Журнала Московской Патриархии». Хиротонисан 16 октября 1933 года с титулом «епископ Коломенский», в 1934–1935 годах — епископ Бронницкий, в 1936 году — епископ Дмитровский. С 1937 года — архиепископ, управляющий делами Патриархии. С марта 1941 года — митрополит Виленский и Литовский, Экзарх Латвии и Эстонии (в юрисдикции Московской Патриархии).

В июле 1941 года по его личной инициативе была основана Внутренняя православная миссия в Латвии и Литве, а в августе 1941 года — знаменитая Псковская православная миссия, включившая в себя более 400 вновь открытых приходов Северо-Запада России и существовавшая по февраль 1944 года.

28 апреля 1944 года убит одетыми в немецкую военную форму агентами (по одной версии — Гестапо, по другой — НКВД) на шоссе Вильно — Рига. Похоронен в Риге на Покровском кладбище.

Горшкова и передаче его должности о. Казначею иеромонаху Серафиму».

Вскоре пришел и положительный ответ на это прошение, о чем в «Тетради» мы читаем: «Вход. № 51 от 25 II. Ответ на рапорт № 36 от 6 II: благословляется о. Серафиму вести текущие дела с ведома о. Павла и Преосвященного Схимника [то есть находившегося на покое в монастыре схиепископа Макария (Васильева)*. — *Авт.*]».

---

* Схиепископ Макарий (в миру Косьма/Кузьма/Васильевич Васильев) — родился 1 (5?) сентября 1871 года в деревне Губа Большегорской волости Тихвинского уезда Новгородской губернии (сведения о его жизни весьма разноречивы). С ранних лет поступил в соседнюю Воскресенско-Макарьевскую пустынь, где прожил затем около 30 лет. Монашеский постриг в мантию принял в 1900 году — с именем Кирилл. В 1901 году рукоположен во иеромонаха (по другим данным — в августе 1906 года). Некоторое время являлся настоятелем подворья пустыни (в Любани); в 1906 году назначен настоятелем Макарьевской пустыни. В 1910 году возведен в сан игумена.

В июне 1921 года (по другим данным — в марте-июне 1923 года) здесь же в обители хиротонисан во епископа Любанского; хиротонию совершили прибывшие из Москвы епископы Трофим (Якобчук) и Серафим (Чичагов). После хиротонии Владыка Кирилл оставался настоятелем пустыни.

15 июля 1924 года вместе с 15 иноками был арестован — якобы за сокрытие от большевиков монастырских «драгоценностей»; приговор: 5 лет тюрьмы, со строгой изоляцией. По отбытии заключения и последующей ссылки в Коми-Зырянском крае вернулся в Макарьевскую пустынь, где и оставался до ее окончательного закрытия в 1932 году.

Известно также, что, вероятно, в 1929 году принял схиму с именем Макария (по другим сведениям — еще в 1924 году) и впоследствии, уйдя из ликвидированного большевиками родного монастыря, стал схиепископом-странником (есть упоминания, что он именовался к 1927 году схиепископом Маловишерским). Вновь арестован 17 февраля 1932 года по обвинению в контрреволюционной пропаганде и осужден коллегией ОГПУ 22 марта 1932 на три года ссылки в Казахстан. Освобожден в 1935 году и до оккупации Новгородского края немцами проживал около Чудово, служа катакомбным епископом-нелегалом на территории Ленинградской области. В 1941 году вновь поселился в Макарьевской пустыни. За сопротивление занятию немцами зданий пустыни был переселен ими сначала в Чудово, а с конца 1941 года — во Псков. С марта 1942 года проживал в Псково-Печерском монастыре.

«Это был истый монах; строгий постник и усердный молитвенник скоро стяжал всеобщую любовь среди насельников монастыря» (*Протопресвитер Михаил Польский.* Новые мученики Российские. Ч. 2. С. 284–285. Репринт издания: Джорданвилль, 1957). →

И пусть духовная ответственность за все осталась по-прежнему возлежать на отце Павле, реально же управлять монастырем в этот тяжелейший для него период пришлось во многом именно отцу Серафиму...

Со временем главенствующая деловая роль его в обители, по-видимому, еще более возросла: показательно, что, например, с февраля 1944 года большинство записей в упомянутой «Тетради» делалось уже рукой иеромонаха Серафима. Говорит об этом и то, что здесь же присутствует запись о награждении его Владыкой Сергием — за немалые понесенные тогда труды — почетным наперсным крестом: «Вход. № 121 от 16 IV. От Канцелярии Владыки о награждении иеромонаха Серафима золотым крестом».

Известно, что в 1944 году немцы, готовясь к отступлению, потребовали от монастырского начальства письменного согласия на эвакуацию всех насельников обители в Германию.

Требование это было в вечернее время передано братии офицером военной комендатуры. Ведший переговоры с немецким офицером представитель монастыря архимандрит Никон (Мико)* решил затянуть свой ответ

Погиб в ночь на 1 апреля 1944 года от разрыва бомбы во время налета советской авиации на монастырь (Печоры в то время были также оккупированы немцами). Погребен в монастырских пещерах.
Канонизирован Русской Зарубежной Церковью.
Отец Серафим пишет о схиепископе Макарии в своем духовном дневнике: схиепископ Макарий «ровен, тверд, ласков, всегда первый в храме».

* Архимандрит Никон (в миру Владимир Мико) — родился 6 декабря 1874 года в деревне Обиница около Печор.
Известно, что уже в 1895 году он трудился в Псково-Печерском монастыре — кучером у наместника, архимандрита Мефодия. Затем проходил послушание в монастыре в Великих Луках, где наместником был его духовный наставник и покровитель — архимандрит Аркадий (Чанк). Там же принял постриг в 1912 году с именем Никон и служил затем в сане иеродиакона. С 1913 года вновь поселился, вместе с архимандритом Аркадием, в Печерской обители.
В дальнейшем отец Никон смиренно нес различные монастырские послушания, пользуясь немалым авторитетом среди братии.

хотя бы до утра, сославшись на плохое знание немецкого языка и на необходимость присутствия переводчика. Офицер согласился прийти снова утром. И тогда вся братия собралась в Успенском храме на молитву перед ракой с мощами преподобномученика Корнилия и перед чудотворным образом Успения Божией Матери, взывая со слезами о небесном заступничестве за Дом Пресвятой Богородицы — родную Печерскую обитель.

Возглавил эту, длившуюся всю ночь, горячую молитву отец Симеон. Вместе с ним был и отец Серафим. Также здесь молились иеромонахи Анатолий, Аркадий, Исаакий и иеродиакон Иона, который сказал тогда: «Мы никогда не уйдем отсюда, несмотря даже на близкое пришествие "красных"; мы, прежде всего, монахи русского православного монастыря и, хотя и погибнем, но не уйдем отсюда, не предадим своей обители».

Однако со временем ему пришлось перенести немалые скорби: будучи уже иеромонахом, он выступил с обличением шовинистически настроенного митрополита Эстонского Александра (Паулуса), несправедливо изгнавшего из обители ее настоятеля, епископа Печерского Иоанна (Булина), стремившегося защитить духовные интересы православного русского населения Печерского края. За открытое исповедническое выступление против неканоничных действий митрополита Александра отец Никон был на время запрещен в священнослужении, лишен права ношения рясы и креста!

В последние дни фашистской оккупации, когда немцы, отступая, собирались вывезти всех монахов в Германию, а монастырь уничтожить, именно отец Никон сыграл немаловажную роль в спасении обители от гибели, а иноков от пленения, затянув переговоры с представителем немецкого командования об их «эвакуации» — до тех пор, пока не наступил момент, когда немцам стало уже не до монастыря.

После ареста органами НКВД в июле 1944 года печерского наместника, игумена Павла (Горшкова), отец Никон с конца 1944 по начало 1945 года настоятельствовал в обители — до возвращения из Латвии архимандрита Агафона (Бубица), который и заменил его в качестве наместника на период по июль 1946 года.

В связи с назначением отца Агафона на приход в Великие Луки отец Никон вновь возглавлял монастырь до середины октября того же года, когда прибыл очередной назначенный наместник — архимандрит Нектарий (Григорьев), будущий митрополит Кишиневский и Молдавский; он вскоре и возвел отца Никона в сан архимандрита. Скончался архимандрит Никон в Псково-Печерском монастыре 31 июля 1952 года.

Тот же отец Иона вспоминал позднее об этой скорбной ночной молитве, приведшей к чудесному избавлению монастыря от немецкого насилия: «Столь неописуемые минуты можно понять только тому, кто был смертником, и потом его вдруг помиловали — нас спасла любовь к обители и непобедимая помощь Неба, ибо Бог не в силе, а в правде».

Наутро в монастыре появился военный комендант с переводчиком, но сломить волю иноков не смог. Немецкие машины простояли у монастырских ворот три часа, но из обители так никто и не вышел. Комендант пребывал в растерянности из-за неподчинения монахов, ибо по плану командования предполагалось всех их вывезти, а сам монастырь взорвать.

В это самое время военные события начали развиваться (и не в пользу немцев) так стремительно, что из-за начавшейся среди отступавших оккупантов неразберихи вопрос о насильственной эвакуации монастыря отошел на задний план. Момент был упущен, комендант не смог добиться ничего от иноков и, по-видимому, не решился взять на себя ответственность за принятие какого-либо собственного решения.

Господь по милости Своей, что называется, «отвел» столь страшную беду от печерских иноков. Но самой обители тем не менее угрожало разрушение: ограбив древнюю и ценнейшую монастырскую ризницу (известно, что отец Серафим, вместе с братией обители, решительно сопротивлялся вывозу немцами монастырских сокровищ), фашисты решили скрыть следы своего преступления, попытавшись перед уходом из города взорвать ее здание — так же как и полупещерный Успенский храм и трапезную. Сразу после бегства врага нашими саперами из-под здания ризницы были изъяты килограммы взрывчатки со взрывающим устройством, снабженным часовым механизмом*.

---

* См. об этом: *Галаева С.* Нести добро людям // Печорская правда, 2 сентября 1989 г.

Так, — по молитвам иноков во главе с отцом Симеоном (напомним: в этой молитве принимал участие и отец Серафим) и по непреложному заступничеству неизменной Хранительницы нашей, Пресвятой Богородицы, — Печерская обитель осталась целой и невредимой...

Вскоре Печорский край вновь воссоединился с древней Псковской землей. Но радость эта была, в то же время, сраствореna со скорбью: в Печорах установился безбожный советский режим и начались большевистские гонения.

Пострадал от этих гонений и отец Серафим. Известно, что он даже был на короткое время арестован «органами» — вместе с некоторыми другими монахами обители — и обвинен в пособничестве немцам при вывозе ими в Германию сокровищ монастырской ризницы. Однако довольно скоро, по милости Божией, с отца Серафима это обвинение было снято, и его отпустили...

Как бы то ни было, с приходом советских войск монастырь все же не был закрыт, и в нем продолжалась молитвенная иноческая жизнь. При этом восстановление искусственно прерванных ранее связей обители с родным Отечеством и возвращение ее в юрисдикцию Московского Патриархата способствовали необычайному росту известности монастыря в послевоенной России. Прошло всего два-три года после окончания войны, а из всех уголков Русской земли в монастырь начали стекаться сотни, а затем и тысячи паломников...

...В 1944 году без вести пропали — по обстоятельствам лихих военных лет — его родители и сестра, которые были вынуждены после прихода в Эстонию Советской армии сначала уехать в Австрию, где они находились некоторое время в лагере для перемещенных лиц, а затем оказались в Швейцарии. О том, что они живы и здоровы, отец Серафим узнал не скоро. Первое же письмо от сестры — Тамары Ивановны — отец Серафим получил лишь в 1956 году. Оно возвестило ему о смерти отца — Ивана Ивановича...

Сразу после войны монастырское начальство направило отца Серафима на приходское служение. В 1945–1946 годах он — священник в храме города Печоры во имя святой великомученицы Варвары, расположенном прямо возле монастырских стен. А с 3 февраля по 28 марта 1946 года отец Серафим — священник одного из приходских храмов родного Изборска.

Затем отец Серафим вновь возвращается к исполнению послушаний в Печерской обители. С июня 1947 года в течение одного года он занимал должность ризничего и — параллельно — с сентября 1947 года по 1955 год — нес послушание свечника.

К послевоенному периоду относится характеристика, данная отцу Серафиму тогдашним наместником Псково-Печерского монастыря Владимиром (Кобцом) (наместник в 1946–1949 годах)*:

* Архиепископ Владимир (в миру Константин Демьянович Кобец) — родился 21 мая 1884 года в Херсонской губернии. В 1905 году стал послушником Киево-Печерской Лавры, где в 1921 году (по другим данным: в 1922 году) был пострижен в монашество с именем Владимир. В июне того же года временно управлявший Киевской епархией епископ Назарий (Блинов) рукоположил его во иеродиакона, а в сентябре епископ Черкасский Николай (Браиловский; из украинских «автокефалистов»), возвел в сан иеромонаха.

В 1931 году отца Владимира назначили на Киевское подворье в Ленинграде, где с 1932 года ему (уже в сане архимандрита) определено было, по благословению Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Сергия (Страгородского), трудиться настоятелем. В 1935 году его перевели на служение сначала в Александро-Невскую Лавру, а затем в Симеоновскую церковь; с 1936 года — настоятель Князь-Владимирского храма в Ленинграде. Все дни блокады служил здесь же; был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

В 1946 году короткое время исполнял обязанности наместника Троице-Сергиевой Лавры, но вскоре был назначен наместником Псково-Печерского монастыря. Однако, в обители отец Владимир пробыл лишь около двух лет, поскольку уже 7 мая 1948 года состоялась его хиротония во епископа Порховского, викария Псковской епархии, управлявшейся тогда Владыкой Григорием (Чуковым). Впрочем, и тогда за епископом Владимиром до конца 1949 года сохранялось настоятельство в Печерской обители.

После учреждения единой Псковской и Порховской епархии Преосвященный Владимир, получив достаточно формальный титул епископа Изборского (поселок в 20 км. от Печор), Указом Святейшего Патриарха Алексия I был назначен на пост Начальника Русской Православной

«Иеромонах Серафим данное ему послушание выполняет охотно и хорошо. Каждую минуту своего досуга заполняет полезным трудом. Предан обители и как монах служит образцом для всей братии. Скромен, смиренный, с полным отсутствием гордости. Абсолютно трезвый и до мельчайших подробностей выполняющий монастырскую дисциплину».

С 1955 годом связан один очень тяжелый период в жизни отца Серафима. Об обстоятельствах этих событий рассказывала нынешнему насельнику монастыря иеродиакону Никону (Горохову) монахиня Надежда, помогавшая отцу Серафиму в уборке храмов, когда тот был в 1970–1980-х годах ризничим обители.

К середине 1950-х годов отец Серафим — из-за все более нарушавшегося различными представителями советской власти привычного для него течения монастырской жизни — собрался уже было уйти из обители и жить по-монашески «в миру». И лишь случившееся тогда с ним несчастье (он упал с довольно большой высоты в Михайловском соборе, когда вытирал пыль с иконостаса) образумило его: ему пришлось пребывать в болезни и целительном покаянии около года. При этом июнь и июль 1955 года он пролежал в тяжелейшем состоянии в больнице...

Но с тех пор у него уже никогда более не появлялось искушения покинуть монастырь — он смиренно терпел все, весьма частые тогда, нападки на родную обитель со стороны «внешнего врага» — атеистической коммунистической власти (подробнее об этом случае рассказывается в публикуемых ниже воспоминаниях иеродиакона Никона).

Миссии в Иерусалиме и полномочного представителя Московского Патриархата в Палестине. С декабря 1951 по июль 1956 год возглавлял кафедру Житомирскую и Овручскую (с 1954 года в сане архиепископа). Ушел по болезни на покой и вновь поселился в Псково-Печерском монастыре, где и скончался 24 января 1960 года (См. о нем: *Малков Ю.Г. и Малков П.Ю.* У «пещер Богом зданных». Псково-печерские подвижники благочестия XX века. М.: Правило веры, 1999. С. 319–324).

Иеромонах Серафим у «петровского» дуба в монастырском саду
2-я половина 1950-х гг.

Так премудрый Промысл Божий вразумил отца Серафима в его заблуждении, направил его на истинный путь, сохранил его в верности монашеским обетам.

А на следующий год, 9 апреля, отец Серафим уже был удостоен звания игумена.

В сентябре этого же 1956 года отца Серафима настигло скорбное известие. В Швейцарии в Женеве умер его отец — Иван Иванович Розенберг. Там же, как оказалось, находились в эмиграции его мать София Васильевна и сестра Тамара Ивановна. С 1956 года отец Серафим вступил в переписку с сестрой, продолжавшуюся несколько десятилетий — до самой ее кончины.

...Начиная с июня 1957 года отец Серафим становится на многие годы бессменным монастырским ризничим.

Иеромонах Серафим
перед окном своей кельи
1959 г.

В течение девятнадцати лет он исполняет это послушание совсем один, без помощников. И лишь в 1976 году получает, наконец, первого помощника в этом нелегком труде. В одной из бумаг отца Серафима, составленной, вероятно, во второй половине 1980-х годов, сохранились имена некоторых его соработников по ризнице: «с 1976 г. до 1982 г. — помощник отец Пимен; с 1982 г. до 1984 г. — иеродиакон Гурий; с 1984 г. — иеросхимонах Сергий; с 1985 г. — иеромонах Филагрий».

Известно также, что помощниками старца позднее были иеромонах Спиридон (ныне — наместник известной Никандровой пустыни) и иеродиакон Никон.

В 1957 году состоялось знакомство отца Серафима с духовной дочерью отца Симеона Серафимой

Александровной Костыговой — матушкой Серафимой, которая и ухаживала за ним в последние годы его жизни — во время тяжелой болезни старца. Эту болезнь отцу Серафиму отец Симеон предрек еще в конце 1950-х годов, а про матушку Серафиму сказал: «Исповедуй ее, она тебе еще пригодится»...

На Рождество Христово 1958 года отца Серафима наградили палицей, а 15 января следующего — 1959 года он получил крест с украшениями.

В 1960 году, 18 января отошел ко Господу старец Симеон. Отец Серафим присутствовал рядом с ним в последние часы его жизни, напутствовал перед смертью, облачил в смертные одежды, покрасил гроб, ископал могилу, прочитал на отпевании разрешительную молитву.

Вот что записал в своих бумагах после погребения любимого старца — друга и наставника — отец Серафим:

«Верю — слышит и многое может, и разговариваю с ним, как с живым.

Его святыми молитвами помоги, Господи, дожить в покаянии свой век и мирно переселиться туда, где он»*.

Об этой своей скорбной утрате отец Серафим говорил, естественно, и в письмах, адресованных сестре. Известно, что отец Серафим видел преподобного Симеона и после его смерти — в некоем «тонком» духовном сне — предстоящим в молитве.

После кончины отца Симеона многие бывшие его духовные чада потянулись к отцу Серафиму, ожидая встретить в нем духовного преемника почившего старца.

Однако отец Серафим не считал себя имеющим наставнический дар и потому принял тогда под свое духовное руководство лишь очень немногих.

Вот как он смиренно говорил о такой своей неспособности к духовничеству в письме, обращенном к некоей рабе Божией Анастасии:

---

* Личности отца Симеона и подробностям его взаимоотношений с отцом Серафимом посвящен отдельный раздел этой книги.

Иеросхимонах Симеон (Желнин) и иеромонах Серафим в монастырском саду
1957–1958 гг.

Серафима Александровна Костыгова, будущая келейница архимандрита Серафима, ухаживавшая за ним в конце 1980-х — начале 1990-х гг.
Фото второй половины 1950-х гг.

«Возлюбленная о Господе скорбящая раба Божия Анастасия!

Получил ваше печальное письмо. Мое послушание — ризничаго, я занят работой с облачениями и другим. Опыта поэтому в обращении с нуждающимися в духовной поддержке — нет. По свойству характера своего я также далек от понимания людей, к тому же и сам недугую постоянно и душой и телом, и сам нуждаюсь в укреплении и утешении. Посылаю вам стихотворение из моей тетради; может быть, оно даст вам опору.

Молись в день радужного счастья,
Пред трудным подвигом молись!
Молись, когда грозит ненастье,
Когда смущаешься — молись!

.....

Молись, когда слабеют силы,
Когда возносишься — молись!
Молись у дорогой могилы!
За жизнь рожденнаго — молись!
Молись в минуту искушенья,
Коль победил себя — молись!
Молись в предсмертное мгновенье,
Чтоб Бог простил тебя — молись!

Архимандрит Серафим».

Следует заметить, что отец Серафим любил поэзию и нередко присылал своим близким (прежде всего сестре — Тамаре Ивановне), а также некоторым духовным чадам, стихи религиозного содержания.

Вот два стихотворения из числа подобных, присланных старцем Тамаре Ивановне. Одно из них призывает христиан к искреннему и подлинному покаянию, другое — к непрестанному и неизменному следованию всей своей жизнью за Христом и к служению Ему:

«Время мчится вперед, час за часом идет непреложно,
И вернуть, что прошло, никому ни за что невозможно.
Береги каждый час, их немного у нас для скитанья,
И клади на часы, вместо гирь на весы, покаянье.

Приближает всех нас каждый пройденный час
ближе к гробу;
Помня этот удел, накопляй добрых дел понемногу.
И отбрось суету, не стремись ко греху так беспечно,
Но в юдоли земной обновися душой к жизни вечной».

«Служи Христу, иди за Господом во след
И презирай утех скоротекущих сладость;
Ты будешь там, где Он, а где Господь живет,
Там вечная с Ним обитает радость!»

...Среди бумаг Тамары Ивановны Розенберг также сохранилось и стихотворение, написанное духовными чадами старца и посвященное самому отцу Серафиму. Имя автора этого трогательного, хотя и достаточно наивного произведения нам не известно. В тетрадях Тамары

Ивановны мы обнаруживаем следующую, относящуюся к этому стихотворению подпись: «автор — русский народ»:

Стих об отце Серафиме

«Ты храм усердно посещаешь,
Чтоб труд молитвой освятить;
Обетов ты не забываешь,
Чтоб прежде Богу угодить.

За службой всех нас умиляешь,
Отец духовный Серафим,
Когда каноны ты читаешь,
А мы во храме все стоим.

Пустых бесед ты не заводишь,
Уединенью прилежишь;
Ты жизнь в молчании проводишь,
Ты каждым часом дорожишь...»

Россия, 1983 год

В 1960-е годы отец Серафим был по-прежнему все так же строг к себе, решительно боролся за Спасение, преодолевал в себе слабости, несовершенства, даже малейшие мирские привязанности.

Перед нами страница из одной из тетрадей отца Серафима с записью, сделанной в 60-е годы, где отразилась духовная борьба инока со случившимся как-то с ним «искушением»... Обычный, мирской человек даже и не посчитал бы этот случай за таковое, но монахом, стремившимся уйти от суеты мира сего, все, отвлекавшее от молитвы и внутренней духовной сосредоточенности, осознавалось как некое временное духовное отступление от истинного иноческого пути...

Как уже говорилось ранее, отец Серафим еще с гимназических лет знал несколько иностранных языков, однако английский не так хорошо, как немецкий. И вот однажды он решил подучить английский с помощью курса самообразования, систематически передававшегося одной из зарубежных радиостанций.

Архимандрит Афиноген, в схиме Агапий (Агапов)
1970-е гг.

О том, что он перечувствовал при этом, какие пережил борения души, как вышел из этого «искушения», и дают представление следующие его заметки:

«Тянет — учись. А ты — засыпаешь... Нет Божия благословения, не видно: сплю над словарем, не запоминаю, не перевожу — это лишь «развлечение»... Это было для меня временем «искушения»: не мог слушать — своими руками отдал радио, благодаря Бога за помощь в освобождении от "приемников"... Был пленником, был связан, все это времени требует; нервность... боязнь соблазнить, тяжесть совести, терпение Божиих наказаний; соблазнительная музыка — песни; молитвы нет, угасание веры — гибель. Некогда и самим языком заниматься. А ведь отец Симеон не благословлял даже и время по радио сверять. Раз монах — своей воли нет...»

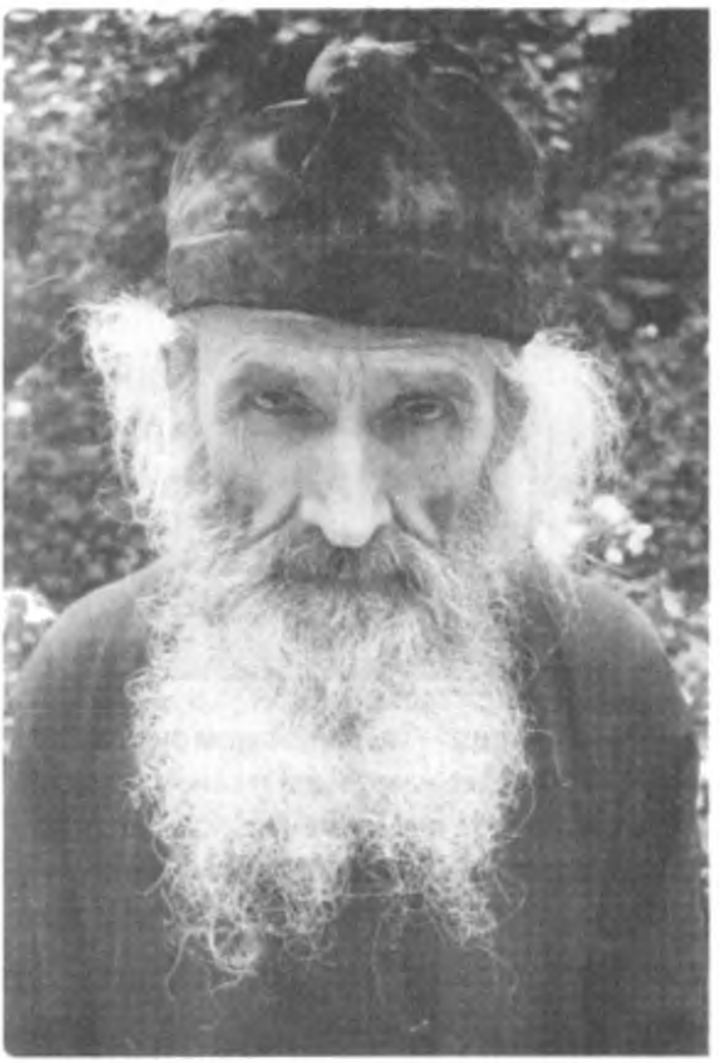
А в следующих строках отец Серафим записал и советы содругов-иноков, которым каялся в своем временном увлечении радиокурсами языка:

«Отец Афиноген: "Бороться надо против пристрастий"*. Отец Нафанаил: "Учиться следует не английскому, а ангельскому языку"**. Отец Пимен: "Лучше молитве учиться"».

---

* Архимандрит Афиноген, в схиме Агапий (в миру Василий Кузьмич Агапов) — родился 12/13 (по новому стилю указывал 24) января 1881 года в деревне Карманово Вышневолоцкого уезда Тверской губернии в крестьянской семье. Окончив земскую школу, жил с 1894 года в Санкт-Петербурге, работая в швейной мастерской родственника; после службы в армии в 1902 и в начале 1903 гг., решив оставить мир, «пошел, — по его словам, — пешеходом... в какой-нибудь монастырь». По совету встреченного на пути старца пришел в Любань и был принят в близлежащую обитель преподобного Макария Римлянина. В 1908 году облачен в рясофор, в 1911 году — в мантию (с именем Афиноген). С конца 1912 года — иеродиакон; 18 июня 1917 года рукоположен архиепископом Новгородским и Старорусским Арсением (Стадницким; 1862–1936) во иеромонаха. В 1921 году назначен монастырским ризничим. 15 июля 1924 года был арестован ОГПУ (вместе с настоятелем Кириллом (Васильевым), будущим схиепископом Макарием) и 30 января 1925 года приговорен к трем годам высылки из Северо-Западного края. Прожив год в Нилово-Столобенской пустыни на озере Селигер, был затем амнистирован и вернулся в Макарьевскую обитель. В 1929 году награжден золотым наперсным крестом. В 1932–1934 годах находился в концентрационном лагере — на строительстве Беломорканала, после чего был определен на поселение в город Малую Вишеру. Оказавшись в 1941 году в оккупированной немцами зоне вновь в Любани, начал с 11 сентября служить в местной церкви, а с апреля 1942 года по октябрь 1943 года в храме города Тосно. Затем был вывезен немцами в качестве «рабочей силы» в Латвию, в город Тукумс, где был определен в батраки к местному фермеру. С февраля 1944 года по ходатайству Митрополита Сергия (Воскресенского), Экзарха Московского Патриархата в Прибалтике, был освобожден и направлен в известную Спасо-Преображенскую пустыньку под Елгавой (Митавой); затем, ненадолго оказавшись в Свято-Троицком монастыре в Риге, повстречался там с игуменом Псково-Печерского монастыря Агафоном (Бубиц; 1886–1948), пригласившим отца Афиногена на жительство в Печерскую обитель. С июня 1945 года — казначей и ризничий этого монастыря, где он и проживал до самой кончины. В 1947 года удостоен сана игумена. В 1949 году временно совершал богослужения на острове Залита в Псковском озере. В 1960 году был назначен братским духовником. В феврале 1979 года принял схиму с именем Агапий, а 24 июня того же года скончался.
Подробнее об этом смиренном и благоговейном монахе см.: *Малков Ю.Г. и Малков П.Ю.* У «пещер Богом зданных». Псково-печерские подвижники благочестия XX века. М.: Правило веры, 1999. С. 109–186.

** Архимандрит Нафанаил (в миру Кронид Николаевич Поспелов) — родился 11 июня 1920 года в семье будущего священномученика, протоие-

Архимандрит
Нафанаил (Поспелов)
Ок. конца 1990-х гг.

рея Николая Васильевича Поспелова, последние годы жизни служившего в Михаило-Архангельской церкви села Былово Красно-Пахóрского района Московской области. Отец Николай был арестован органами НКВД и расстрелян на Бутовском полигоне в начале 1938 года (память мученической кончины — 4/17 февраля). Овдовевшая матушка Анна Константиновна воспитывала восьмерых детей с помощью родственников (Кронид был младшим ребенком). Вскоре же по окончании школы в Орехово-Зуевском районе Подмосковья и Московского текстильного техникума он был мобилизован и трудился все годы Отечественной войны в «строительных колоннах»; с мая 1945 г. поселился в Петербурге (тогда — Ленинграде), продолжая еще служить в армии (до февраля 1947 года), но уже решив далее посвятить всю свою жизнь служению Господу. Весной того же года его принимают послушником в Псково-Печерский монастырь, где в 1949 году он постригается в мантию с именем Нафанаил, а в 1950 году становится иеродиаконом. С 1955 года и до самой кончины он являлся бессменным казначеем обители и секретарем Духовного собора старцев — живым образцом преданнейшего и бескорыстнейшего служения Богу и Церкви. На смену иеродиаконскому званию в январе 1961 года пришло звание архидиаконское, →

Далее мы читаем и о том, каким стало духовное состояние отца Серафима после его победы над этим временным пристрастием:

«Нынешние преимущества: мир совести, изобилие времени на переписку, на рукоделие, свобода, безбоязненность».

После кончины своего старца — преподобного Симеона — отец Серафим поступил под духовное руководство к схиархимандриту Пимену (Гавриленко) (1883–1976) — бывшему пустынножителю Кавказских гор и соборному настоятелю в городе Сухуми, ставшему в те годы — по смерти иеросхимонаха Симеона — братским духовником обители*. О характере их взаимоотно-

в котором он и оставался еще многие годы — иеромонахом он решился стать только в 1979 году, будучи вскоре же награжден и саном игумена. В 1980 году удостоился сана архимандрита с возложением креста с украшениями; в 1989 году получил право ношения второго такого же креста. Отец Нафанаил был идеальным казначеем, ибо сам он всегда, по словам его помощника, игумена Марка, «был нестяжателен и нищ, подобно древним подвижникам». Скончался 8 августа 2002 года.
См. о нем: Архимандрит Нафанаил (Поспелов) // Псково-печерский листок. № 475. Издание Псково-Печерского монастыря. Б. г.

* Схиархимандрит Пимен (в миру Иван Петрович Гавриленко; 1883–1976) — родом из крестьян Черниговской губернии; в 1894 году окончил сельскую школу. В 1901 году с благословения родителей поступил в число братии Глинской пустыни. В 1911 году перешел в Юрьевский монастырь в Новгороде, где вскоре же был пострижен в мантию (с именем Иоасаф). В 1913 году епископом Алексием (Симанским), будущим Патриархом, рукоположен во иеродиакона, а в 1916 году возведен в сан иеромонаха епископом Новгородским Арсением (Стадницким).
В 1919 году отец Иоасаф, стремясь к уединению, переехал на Кавказ, где прожил в горах пустынником по 1950 год. В 1951 году принял схиму с именем Пимен и был направлен на служение в соборе города Сухуми. В 1953 году возведен в сан архимандрита и назначен при этом настоятелем собора.
15 июля 1958 года схиархимандрит Пимен вступил в число братии Псково-Печерского монастыря и был затем братским духовником; являясь также членом Духовного собора старцев обители. Был скромен, тих, приветлив и внимателен ко всем. В свободное время занимался рукоделием (переплетал книги), совмещая его с непрестанной молитвой.
В 1972 году отец Пимен тяжело заболел. Не было никакой надежды на его выздоровление, но после операции Господь продлил ему жизнь. Однако вскоре старец потерял зрение. Из-за этого он не мог уже сам прини-

Схиархимандрит Пимен (Гавриленко)
Конец 1960-х — первая половина 1970-х гг.

шений мы, к сожалению, ничего не знаем — кроме того, что они были предельно уважительными и постоянными. Известно также, что в последние дни жизни схиархимандрита Пимена, во время его тяжелой болезни, именно архимандрит Серафим причащал его ежедневно Святых Христовых Таин. Об этом свидетельствует сам отец Серафим в одном из писем к сестре: «...Сосед мой, старец схиархимандрит Пимен совсем ослеп, тяжело болен и готовится к переходу в иной — лучший — мир. Я, как сосед его, причащаю его каждую ночь Святыми Дарами. Старцы уходят, на их место приходит молодежь».

...В 1961 году отца Серафима постигает еще одна скорбь — 28 октября в Швейцарии, в Берне, умирает его мать София Васильевна. Отныне на земле у него

мать участие в соборном богослужении, но продолжал присутствовать на службах, помогая духовенству в пении.

В конце Великого поста 1976 года состояние здоровья отца Пимена ухудшилось, и с этого времени он перестал ходить на Божественную Литургию, но архимандрит Серафим (Розенберг) ежедневно его причащал.

Скончался отец Пимен 17 мая 1976 года, прослужив Святой Церкви в священном сане 63 года.

См. о нем также: *Малков Ю.Г. и Малков П.Ю.* У «пещер Богом зданных». Псково-печерские подвижники благочестия XX века. М.: Правило веры, 1999. С. 422–444.

Выход на молебен по случаю возвращения из ФРГ сокровищ ризницы Псково-Печерского монастыря (впереди — о. Алипий; о. Серафим — на фоне арочного проема)
25 мая 1973 г.

остается всего один родной человек — сестра Тамара Ивановна. Но и она никак не может приехать к нему, навестить брата — по обстоятельствам того времени, а позднее — уже и по своему слабому здоровью. Они обменивались лишь письмами...

На праздник Воскресения Христова 22 апреля 1968 года отец Серафим — в знак признания его больших трудов для Печерской обители — возводится в сан архимандрита.

В этом же 1968 году перед отцом Серафимом встал нелегкий выбор: лечь ли ему на операцию — или нет.

Речь, возможно, шла о грыже, от которой он страдал уже немало лет.

В конце концов отец Серафим принял решение отказаться от операции. По этому поводу он записал в своем дневнике:

«Операция? Не буду оперироваться. 59 лет пожил, слава Богу, довольно; не хочу среди иноверцев умереть, если Господу Богу угодно, чтоб помер»...

Дальнейшие сведения об отце Серафиме достаточно немногочисленны.

Так, известно, что в мае 1973 года, в годовщину пятисотлетия обители, в тот период, когда наместником монастыря был приснопамятный архимандрит Алипий (Воронов)*, отец Серафим принял участие

---

* Архимандрит Алипий (в миру Иван Михайлович Воронов; 1914–1975) — один из наиболее значительных представителей русского монашества третьей четверти XX века; известный деятель православной культуры, художник, меценат и собиратель памятников русской и западноевропейской (религиозной) живописи.

Родился в Подмосковье, был строителем первой очереди столичного метрополитена; участвовал в Великой Отечественной войне, пройдя ее от начала и до конца. С 1949 по 1959 г. являлся насельником Троице-Сергиевой Лавры, вложив много сил — и как монах, и как художник — в ее восстановление. На праздник Покрова Пресвятой Богородицы 1950 года рукоположен Патриархом Алексием во иеромонаха с назначением ризничим Лавры. К празднику Пасхи 1953 года возведен в сан игумена. С конца июля 1959 года (в сане архимандрита с 1961 года) и до самой кончины 12 марта 1975 года — наместник и неутомимый благоукраситель Псково-Печерского монастыря, мудро и бесстрашно сохранивший обитель от закрытия коммунистической властью в эпоху «хрущевских» гонений на Церковь. Обладал также даром живой, яркой и замечательно искренней христианской проповеди.

См. о нем, а также сборники его поучений: *А.Г.* Из записок прихожанки Псково-Печерского монастыря // Даниловский благовестник. Вып. 8. 1996. С. 103–105; Архимандрит Алипий (Воронов) // *Малков Ю.Г. и Малков П.Ю.* У «пещер Богом зданных»... С. 403–421; Архимандрит Алипий. Человек. Художник. Воин. Игумен / Автор-составитель С. Ямщиков, при участии В. Студеникина / М., 2004 (487 с.); *Диакон Георгий Малков.* Из воспоминаний о Псковских Печорах: 1. Архимандрит Алипий (Воронов) // Альфа и Омега. № 1 (48). М., 2007. С. 244–250; *Архимандрит Алипий (Воронов).* Проповеди. М.: Издание Сретенского монастыря, 1999; *Архимандрит Алипий (Воронов).* Проповеди. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2005.

в событии возвращения властями ФРГ утраченных некогда обителью — в годы войны — и наконец вновь обретенных сокровищ монастырской ризницы.

Это драгоценное достояние Псково-Печерского монастыря было передано обители консулом ФРГ в Ленинграде. Именно отец Серафим, исполнявший послушание ризничего монастыря, и занимался сверкой списков сокровищ ризницы с доставленными предметами, и именно он помещал священные сосуды и другие ценности на их исконные места.

О факте возвращения обители сокровищ монастырской ризницы отец Серафим с радостью говорит в одном из писем своей сестре — Тамаре Ивановне:

«Еще у нас событие — это **возвращение из Германии** нашей **ризницы**, после тридцатилетнего отсутствия.

Это собрание старинных и новейших предметов церковной утвари (Чаши, Дискосы, кресты, митры, облачения, посохи), конечно — поломанные, поблекшие, потемневшие, истлевшие. Самый ценный предмет — это **плащаница XVI века, дар царицы Анастасии Романовны**, будто даже ее ручная работа (шелк превратился, конечно, в лохмотья; от света или от времени краски выгорели).

Еще — личные вещи царя Ивана Грозного — военная труба, пороховница (небольшая фляга на цепочке), крохотные нож с вилкой».

27 марта 1973 года архимандрита Серафима наградили церковным орденом Князя Владимира 3-й степени, а 25 апреля 1982 года — орденом Князя Владимира 2-й степени. Впоследствии он был также награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского.

...Известно, что отец Серафим глубоко уважал тогдашнего наместника Псково-Печерской обители архимандрита Алипия. В частности, в письмах к сестре он говорил о нем так:

«...Наш Наместник, будучи художником, много вложил вкуса в оформление внутренности храмов, заботится много о благолепии церквей, икон, наружного

вида обители. Кругом цветы; деревянные заборы заменяются железными; появляются цементные лестницы в разных направлениях; в храмах он любит только светлые тона, чтоб было светлее...»

Старец Серафим также выказывал Тамаре Ивановне свою обеспокоенность тяжелой болезнью отца Алипия:

«**Наместник** болен сердцем, мало служит, не спит, глотает таблетки».

Наконец, мы видим из писем отца Серафима к сестре, как глубоко опечалила его кончина приснопамятного архимандрита Алипия и сколь высокое мнение о почившем наместнике имел старец:

«У нас сейчас траур — отошел в Небесные Селения наш **мудрый**, и **твердый**, и **глубоко верующий отец Наместник — архимандрит Алипий**. Долго болел сердцем, не служил, но был на ногах и управлял Обителью. Отпевали два Архиерея. Похоронен **в пещерах, где алтарь, на Горнем месте**. Там сейчас много живых цветов. Ежедневно служим литии»...

«...В течение почти всех сорока дней служили мы краткие литии по новопреставленном **отце Алипии**. Он чтил особенно **Богоматерь**, писал Ее образа, провинившихся стращал наказанием от Нее, называл Ее Хозяйкой Обители, и Она утешила его в тяжелых предсмертных страданиях Своим явлением, как передают **свидетели**...»

«...В Успенском посту было пострижено в монашество четыре человека из нашего братства. Одному из них, отцу иеродиакону, дали имя почившего **отца Наместника Алипия — в незабвенную его память**».

Насколько духовно напряженную, но притом совершенно сокрытую от посторонних глаз, молитвенную жизнь вел в те годы отец Серафим свидетельствует, например, то, что он (как стало известно его келейнице — матушке Серафиме) в течение тридцати лет занимался заучиванием наизусть Псалтири, которую целиком и прочитывал за день. Наконец, дело было

завершено — на склоне лет отец Серафим знал всю Псалтирь на память. Вот что рассказывает об этом сама матушка Серафима:

«У отца Серафима была замечательная память. Он на память знал всю Псалтирь. Отец Серафим выучил наизусть Псалтирь в течение тридцати лет, и за сутки ее всегда прочитывал. У отца Серафима была небольшая карманная Псалтирь, и в ней было его рукой написано: "31 октября — память преподобных Спиридона и Никодима просфорников. Изучил на память всю Псалтирь и, трудясь усердно ради Спасения своей души, беспрестанно пел псалмы — за сутки всю Псалтирь. Тридцать лет трудился"...»

Сам отец Серафим в одном из писем Тамаре Ивановне Розенберг признавался: «Мой любимый псалом — 42-й (по русской Псалтири)*»...

В те годы отец Серафим был окружен величайшим уважением со стороны братии, хотя сам был все так же, как и прежде, смиренен, кроток, прост, «неприметен» — не ставил себя ни во что. Вот что вспоминает о нем бывший наместник Псково-Печерской обители, архиепископ Благовещенский и Тындинский Гавриил:

«Господь дал отцу Серафиму и дар прозорливости, и дар пророчества. Многие к нему приходили за советом и благословением, и некоторых он наставлял. Но самым главным было то, что он был очень сильным молитвенником. Такой он был молитвенник, что мы все в монастыре ему удивлялись — и другие старцы, и отец Иоанн (Крестьянкин). Все отдавали предпочтение его

---

* Приводим здесь текст этого особенно любимого старцем Серафимом псалма:
«Суди ми, Боже, и разсуди прю мою, от языка непреподобна, от человека неправедна и льстива избави мя. Зане Ты еси, Боже, Крепость моя, вскую отринул мя еси? И вскую сетуя хожду, внегда оскорбляет враг? Посли свет Твой и истину Твою, та мя настависта и введоста мя в гору святую Твою и в селения Твоя. И вниду к жертвеннику Божию, к Богу веселящему юность мою, исповемся Тебе в гуслех, Боже, Боже мой. Вскую прискорбна еси, душе моя? И вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему, спасение лица моего, и Бог мой».

Наместник Псково-Печерского монастыря, архимандрит Алипий (Воронов)
Начало 1970-х гг.

молитвам. Быть может, именно его молитвами монастырь и держался в прежние трудные годы. В 1930-е годы монастырю было жить очень трудно, а обитель не только жила, но и украшалась, и умножалась монашествующими. Как отец Серафим вел свою внутреннюю иноческую жизнь, как с Господом общался — никто этой тайны не знает, но внешняя его монашеская жизнь была, конечно, образцом для всех. И для нас, молодых, и для духовников, и особенно для паломников. Он не то что с ними беседовал (отец Серафим был молчалив), а вот просто идет он по монастырю — и по его движениям, по его взгляду, его труду, по всему, что он делает — по всему было видно, что это уже не земной человек. Весь его вид излучал послушание, излучал молитву, терпение. Он мало говорил, а если с кем и заговорит, то это считалось за что-то сверхъестественное, и человек, с которым он вступал в беседу, расцветал.

Наместник Псково-Печерского монастыря, архимандрит Гавриил (Стеблюченко), ныне Архиепископ Благовещенский и Тындинский

В то время, когда я был наместником обители, иногда бывало так, что какой-нибудь священник или монах или послушник попадал в сложное, порой безвыходное, духовное положение. И тогда я говорил ему: "Иди к отцу Серафиму, как он скажет, так и будет!" Бывали случаи, что отец Серафим таких, присланных к нему за советом и благословением, людей вообще не принимал — просто не выходил к ним и все! И после этого мы обычно замечали, что такой человек вскоре сам уходил из обители; видно, уж отец Серафим знал об этом заранее или предчувствовал. А другого — примет, поговорит с ним, и все в его судьбе как-то образуется»*.

И отец Серафим также с большим почтением и с симпатией отзывался в письмах к сестре о наместнике обители, архимандрите Гаврииле. Важно подчеркнуть, что

* По материалу: Чудотворная икона Дальнего Востока в Москве: Беседа с епископом Благовещенским Гавриилом [Электронный ресурс] // Православие. Ru: [web-сайт]. http://www.pravoslavie.ru/guest/gavriil.htm. (01.12.2008).

старец Серафим прямо и определенно предрек в одном из этих писем епископское служение Владыки Гавриила. А ведь было это приблизительно за десять лет (!) до хиротонии тогдашнего наместника Псково-Печерской обители в епископский сан:

«Новый Наместник, отец Гавриил, до нас настоятельствовал в Псковском кафедральном соборе.

Новый отец Наместник молод и здоров, любит часто служить. Он — малоросс. Ежедневно возглавляет акафисты, бывает нередко на братском молебне и благословляет всех богомольцев, также и за трапезой. Как малоросс, любит чеснок, лук и перец и обладает зычным голосом. Строг и взыскателен к нашим молодым инокам (это у нас самый недисциплинированный элемент) и добр и снисходителен к труженикам-старикам.

Помяни его молитвенно — архимандрит Гавриил (38 лет). Муж ученый, будущий архиерей*, любитель торжественности и нарядности...

Новый молодой Наместник обращает большое внимание на порядок и красоту на территории обители и в храмах. Всю зиму он воюет со снегом, с помощью братии и богомольцев. Служака он также первоклассный, пожалуй, и глухой услышит его возгласы или чтение. С его вступлением в должность значительно увеличилось число молодой братии, особенно малороссов...

...Отец Наместник обладает прекрасным голосом, читает нараспев и любит неспешную службу, и потому богослужения наши бывают, как утренние, так и вечерние — 4–5 часов. Братия имеет возможность присаживаться. А вот подивишься нашим богомольцам, выстаивающим столь продолжительные службы на каменном полу — это современные столпники...

Наша молодая администрация все обновляет и украшает... Омоложен и состав братии...

---

* Письмо написано отцом Серафимом приблизительно в 1978 году; хиротония Владыки Гавриила состоялась в 1988 году. Безусловно, здесь перед нами — яркий пример богодарованного провидческого дара старца Серафима.

За два года **наместничества отца Гавриила** прибавилось много молодежи. Мы стареем да уходим «домой» потихоньку. Вот нам и **смену Бог шлет**. Правда, многие из братии служат на приходах, заменяя умерших иереев, и несколько **(10 человек) уехали на Афон** подвизаться в нашем Свято-Пантелеимоновом монастыре, и ожидается еще отправка туда же желающих из братии»...

С большим почтением говорит отец Серафим в письмах к сестре и о Священноархимандрите Псково-Печерской обители той поры — митрополите Иоанне (Разумове)*:

«Приезжал на Праздник наш **маститый Настоятель — митрополит Иоанн**...»

«Поздняя обедня служилась в Сретенском храме — архиерейским служением. Наш **Настоятель, митрополит Иоанн**, приехал из Пскова на второй

---

* Митрополит Иоанн (в миру Дмитрий Александрович Разумов) — родился 28 октября 1898 года в городе Коломне. С 1916 по 1923 год — послушник Смоленско-Зосимовой пустыни Троице-Сергиевой Лавры. Монашеский постриг и рукоположение во иеродиакона принял в 1924 году в московском Богоявленском монастыре. С 1928 по 1932 год служил в Успенском соборе города Каширы. Затем переведен на служение в Москву с назначением на должность эконома Московской Патриархии. В 1941–1943 годах находился в эвакуации в городе Ульяновске вместе с Местоблюстителем Патриаршего Престола, митрополитом Сергием (Страгородским). В октябре 1942 года рукоположен во иеромонаха, возведен в сан игумена, а затем и в сан архимандрита. В период 1946–1953 годов — наместник Троице-Сергиевой Лавры. В 1953 году хиротонисан во епископа Костромского и Галичского. С ноября 1954 года по февраль 1959 года — епископ Псковский и Порховский; с марта этого же года по июнь 1960 года возглавлял приходы Московского Патриархата в Германии — с титулом епископа Берлинского (с оставлением временно управляющим Псковской епархией). 26 июня 1960 года утвержден на Псковскую кафедру в качестве ее постоянного предстоятеля. С 1962 года — архиепископ, с 1973 года — митрополит. На покое — с 12 мая 1987 года. Скончался 13 января 1990 года.

См. о нем подробнее: Наречение и хиротония архимандрита Иоанна (Разумова) // Журнал Московской Патриархии [далее — ЖМП]. 1954. № 1. С. 21–23; Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Псковский и Порховский. (К возведению в сан митрополита) // ЖМП. 1973. № 1. С. 18–19; *Протоиерей К. Малык.* Высокопреосвященнейший митрополит Иоанн [Некролог] // ЖМП. 1990. № 12. С. 42–44.

день [празднования Рождества]. Всегда справляется о моем здоровье. Когда я пожаловался на головные боли, то он признался, что и сам страдает тем же. Приезжал и по Крещении с каким-то заграничным гостем и, когда я подходил со всеми под благословение, сказал, что я, несмотря на свои годы, еще выгляжу бодро».

В письмах, адресованных Тамаре Ивановне Розенберг, мы находим и свидетельства старца Серафима о разных сторонах внутренней — монашеской, труднической, богослужебной жизни обители. С любовью и благоговейным чувством говорит старец о монастыре, о его праздниках и буднях, о непрестанном иноческом подвиге братии.

Вот как рисует некоторые черты монастырской жизни 1960–70-х годов в письмах к сестре отец Серафим:

«**Обитель наша** красуется и славится, привлекая кроме **богомольцев** также и множество **туристов**. С утра до вечера кишит ими монастырский двор (площадь). Богомольцев привлекают святыни обители, а экскурсантов — древние крепостные стены и пещеры с керамидами...»

«По разным углам обители частенько располагаются художники и художницы. Один сейчас загородил наполовину своим большим картоном вход в наш коридор — рисует колокольню с ризницей и Успенским собором...»

«**Начальство** монастырское — хорошие хозяева и люди твердой воли... »

«Жизнь в обители течет по расписанию — с утра до вечера, изо дня в день, из года в год, Милостью Божией и во славу Божию...»

«В 5 часов подъем, в 6 часов — так называемый братский молебен перед ракою с мощами преподобномученика Корнилия, после чего прикладывание к иконам. При прикладывании к образу Успения священнослужитель зажигает свечку от неугасимой лампады и ставит в фонарь, который держит келарь; а тот — в свою очередь — передает его повару для возжжения огня на кухне под плитой.

Архимандрит Серафим перед Успенским храмом
1970-е гг.

Затем полунощница до 7 часов. В 7 часов обедня — до 9–10 часов. Затем частные молебны и панихиды до 12 часов. Утренний [свободный] час, обед в 1 час. Вечернее богослужение с 6 до 10–11 часов».

«...Постовые богослужения идут 6–12 часов. Пища в монастыре в пост в основном — картофель, щи, хлеб. Каши редки, почему представляют собой лакомое блюдо...»

«При двух обеднях (ранней — в 7 часов и поздней — в 10 часов) за каждой бывает 150–200 человек причастников (паломники)».

«Бывают и иностранные гости, чаще — православные, которые тоже говеют у нас (со всех пяти континентов). Владыка Митрополит, приезжая к нам на праздничные богослужения, совершает хиротонии как монашествующих, так и, чаще, мирян».

«...Служатся акафисты: в понедельник — Архангелу Михаилу, во вторник — преподобномученику Корнилию, преподобным Марку, Ионе и преподобной Вассе — Печерским, в среду поочередно — в одну среду перед чудотворным образом Умиления, в другую — Божией Матери Одигитрия, в четверг — святителю Николаю (причем акафисты Одигитрии и святителю Николаю поет весь народ), в пятницу — Страстям Господним, в воскресенье — Успению.

Нас **два архимандрита, я и отец Иоанн**, которые поочередно возглавляем акафисты седмичные или акафисты дневным великим святым...»

«...В день именин каждого из братии отец Благочинный подносит большую просфору на тарелке, приветствует от имени отца наместника именинника, благодарит за самоотверженный труд по несению послушания; они [послушания] следующие: наместник, эконом, подэконом, келарь, трапезарь, ризничий, казначей, бухгалтер, кладовщик, духовник, регент, конюх, скотник, ларечник, сторожа, истопники, певчие, врач, фельдшер, электрики, столяры, плотники, слесари, кровельщики, маляры, иконописец, просфорники, пекари, печник, каменщики, сапожник, кузнец, пономари и другие; они же являются и иереями и диаконами...

Иногда сам Наместник поздравляет именинника с благожеланиями и преподносит как знак братской любви к нему большую просфору и небольшой подарок (иконку, крест нарядный...). Братия поют: **«Спаси Христе Боже»** (трижды)...»

«...1978 год.

Из монахов тридцатых годов осталось всего двое: я да бывший до меня пономарем в Успенском соборе иеродиакон Питирим. Мне без малого **70**, а ему — **80** годков...»

«У нас есть один старец, **отец Афиногеи**, бывший духовник обители — которому **уже 97 лет**. Маленький, сухенький, по ремеслу — портной. На днях был **день его Ангела** — так он даже возглавлял богослужение; правда, ему помогали двое сослуживших ему архимандритов».

«...Новый набор иноков делится на две категории: **одни — старики — пенсионеры, всё специалисты — труженики**, главная рабочая сила обители; **другие — молодежь**, с высшим и средним образованием, почти все уже священнослужители; около десятка обучаются заочно в Московской семинарии и несут одновременно какое-нибудь послушание».

«...С утра до вечера трудится братия: копают, унавоживают, метут, скоблят, красят, пилят, колют, пекут хлеб, стряпают; кто на грузовике, кто на телеге; старцы читают круглосуточно Псалтирь за здравие и за упокой. Приходит очередь — маляр помоется, переоденется и идет в храм — служить, и так далее. Наместник — хозяин, находится сразу всюду, всем руководит. Монастырь — Божий улей. Труды всех здесь — для Бога, для ближнего. Связь — любовь взаимная. Монастырь — университет любви. Конечно — в идеале...»

«С утра до вечера трудятся братия и помогающие им богомольцы — паломники: по уборке храмов, по ремонтам внутренним и внешним, на дровах, на клумбах, в саду, на реставрации древних крепостных стен... Ежегодно по нескольку старцев отправляются «домой». На их место Господь присылает благочестиво настроенных молодых людей».

«На дворе шум, шумят богомольцы, шумят туристы, шумят работающие по ремонтам братия и семинаристы, также немало помогают нам бабуси — паломницы. Они и на дровах, они же замешивают цемент с песком, они и прибирают картофель в погребе, они же пропалывают цветочные клумбы, они же убирают храмы. Любят они нас, своих «отцов»; получая здесь себе духовную пищу; взамен обслуживают нас — старцев.

Верующие по-прежнему уважают служителей Божиих и снабжают нас всем необходимым...»

«...Через две недели начинается **Успенов пост**...

Накануне праздника будет много работы нашим паломницам с их детьми — принимать приносимые к празднику цветы, сортировать их, готовить букеты в вазы, плести венки, наготовить несколько корзин цветов и травы для посыпки дороги от Успенского храма до Михайловского, по которой понесется на носилках образ "Успения"...»

«...К Новому году около храмов было понаделано несколько десятков сугробов и в них воткнуты елочки...»

«...**У нас все «слава Богу»**, то есть **трудимся и молимся. Паломники** ежедневно **наполняют храмы**, говеют, помогают братии в трудах. Сейчас зима дает им работу по очистке монастырской территории от снега...»

В письмах к Тамаре Ивановне, относящихся к 1970-м годам, отец Серафим говорит и о своем собственном положении в обители. При этом он явным образом выражает здесь чувство глубокой благодарности к монастырскому начальству и к братии обители — за их любовь и внимание к нему:

«**Начальство оказывает мне** большое **снисхождение**. Сослужу лишь по воскресным и праздничным дням. От седмичных служений, Литургий, молебнов и панихид, по моей просьбе, — освобожден. По ризнице имею молодого помощника. **Слава Богу за все!**»

«Каждое воскресенье сослужу отцу наместнику или иногда служу самостоятельно».

И в то же время отец Серафим, несмотря на слабое здоровье, продолжает свои нелегкие труды, исполняя

Успенский собор Псково-Печерской обители
Конец 1960-х гг.

Собор Св. Архистратига Божия Михаила в Псково-Печерском монастыре
Конец 1960-х — начало 1970-х гг.

Крестный ход на праздник Успения Божией Матери в Псково-Печерской обители
Начало 1970-х гг.

послушание ризничего. В одном из писем к Тамаре Ивановне он говорит об этой стороне собственной жизни в обители так:

«Особенно много работы дает мне 1-я неделя по Христовом Воскресении — ежедневно все облачения священнослужителей и все пелены и занавески в храме иного цвета: белые, красные, голубые, желтые, зеленые, синие, розовые...»

Тамара Ивановна Розенберг любовно записала в своих тетрадях и некоторые свидетельства тех лет об отце Серафиме паломников, посещавших в 1960-е и 70-е годы Псково-Печерский монастырь. Среди них — Г.А. Гейвин, бывший псковский экскурсовод, не раз привозивший в обитель группы туристов, а затем — в начале 1970-х годов обвиненный советской властью в религиозной пропаганде, потерявший работу и выехавший за границу — в Париж. Вот что он говорит об отце Серафиме в письме к Тамаре Ивановне:

«1979 год. Париж.

Отца Серафима любят в Печорах и Пскове.

Я знаю из рассказов верующих людей, что он был арестован, когда Красная Армия пришла в Печоры

в 1944 году. Еще несколько монахов "взяли"; им пришили "антисоветскую деятельность", а ему — "отдал немцам ризницу"...

А тут приехали немцы [то есть в 1973 году. — *Авт.*] и, что смогли, вернули. Какой это был день для отца Серафима!..*

Он мало говорит, всегда в работе, умеет красиво звонить в колокола звонницы.

У него очень интересное лицо человека большой духовной жизни.

...Мне не пришлось говорить с отцом Серафимом, но я всегда чувствовал, как веет от него силой животворящей...

...Лично я не был знаком с отцом Серафимом, но слышать о нем приходилось, видеть — еще чаще. Он проходил мимо с мешком на плече или так, — все замирали. От него веяла сила, это чувствовали. Его уважали, и монахи произносили: "Отец Серафим" — как о мудром старце. Они его любили.

Я вспомнил такой эпизод. Как-то вел туристов по монастырю. Они жадно смотрят на монахов. Навстречу идет отец Серафим, люди все обернулись к нему и загородили дорогу. Он остановился, улыбнулся: "Ну, пройти-то мне можно?" Они почтительно расступились и смотрели вслед — я знаю, что с хорошим чувством. Сколько раз я видел, как верующие стояли вокруг отца Серафима, о чем-то говорили.

Архимандрит Алипий его очень ценил, это я слышал от разных людей»...

Находим мы в тетрадях Тамары Ивановны и свидетельства других ее знакомых, видевших в те годы отца Серафима.

Вот что пишет о старце в начале 1970-х годов бывшая ученица Тамары Ивановны по сельской изборской школе Александра Воронкова:

---

* Имеется в виду факт возвращения Псково-Печерской обители правительством ФРГ сокровищ монастырской ризницы.

«Лобзание мира»: старец Серафим и иеродиакон Максим
Конец 1980-х гг.

«...У вашего брата в обители в августе, как всегда, справляется большой праздник. Тысячи и тысячи людей. Он теперь уже не молод, и они [служащие и трудящиеся монахи. — *Авт.*] устают в эти дни.

С братом вашим говорить — это большое удовольствие. От него, от его разговора, остается сильное, незабываемое впечатление. Вашу заботу о нем он воспринимает с какой-то тихой улыбкой. Говорит, что всегда молится о вас.

В монастыре масса цветов, порядок. Мне особенно нравится звон колоколов. Это — искусство.

Окошко у брата выходит на площадь перед собором.

Нынче он выглядит хуже, хотя — всегда красивым, величественным. **Его жизнь — это подвиг во имя всего лучшего на земле.**

У него есть все необходимое. Желаний он никогда не имеет. Он всегда всем доволен.

Слышала, что их Обитель помогает даже другим монастырям. Едут люди к ним за много тысяч километров...

Отец Серафим пользуется большим авторитетом среди всех, кто служит с ним, а также среди верующих»*.

Другая знакомая Тамары Ивановны — Зоя Жемчужина пишет об отце Серафиме так:

«...Одно знаю я о вашем брате, что его уважают за его стойкость и непреклонность...»

А вот что свидетельствовала Тамаре Ивановне об отце Серафиме некая печерянка Зина, знавшая старца еще даже до его поступления в Псково-Печерскую обитель:

---

* Именно Александра Воронкова помогала отцу Серафиму и Тамаре Ивановне в доставке писем и посылок из Псково-Печерского монастыря в Швейцарию и обратно. Сестра Александры — София жила в те годы в Швеции; посылки для отца Серафима собирались ею и переправлялись в Россию — Александре. Вот что пишет о сестрах Воронковых Тамара Ивановна Розенберг: «Саша и Соня — дочери изборского крестьянина. Через них шли все вести об отце Серафиме, и с 1962 до 1968 года — посылки ему (из Швеции). Соня составляла и посылала, Саша самоотверженно передавала. Саша — учительница немецкого языка в институте языков, в Пскове. Умерла 31 августа 1981 года».

«1979 год. Вспоминаю то время, когда ваш братец Атя жил у нас под горой — рядом с обителью [до поступления в нее]. Вижу его очень часто. Бывает так, что он издали меня приветствует, и тогда радости моей нет конца. Часто служит: он — старший архимандрит. Вид благообразный — седой, черные брови, — одним словом, он наша радость, гордость».

И наконец приведем фрагмент письма к Тамаре Ивановне одного из русских иноков-афонитов, лично знавшего отца Серафима. Афонский монах цитирует евангельские слова о необходимости жертвенной самоотдачи христианина Христу, поистине осуществленной отцом Серафимом в его подвижнической монашеской жизни:

«*...Всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторицею приимет и живот вечный наследит: мнози же будут перви последнии, и последни первии* (Мф 19, 29–30).

Вот поэтому ваш брат и всех старше в монастыре».

Жизнь старец вел всегда очень скромную, обстановку его кельи можно было бы назвать попросту бедной — самая простая мебель, немного книг. Среди чтимых им икон там находились икона Пресвятой Троицы и икона Божией Матери Умиление — такая же, какая была у преподобного Серафима Саровского.

Сама его келья — вырытая в склоне горы и потому вечно сырая — требовала непрестанной просушки и обогрева.

Вот как свидетельствует он об этой стороне своей жизни в письмах 1970-х годов к сестре отец Серафим:

«...Весной отец эконом прислал три машины сырых березовых дров, которые мы раскололи и выложили на стене в виде полукруга. Сейчас уже подсохли, я их покрыл старой жестью с крыши и наложил кирпичей — чтобы ветром не скинуло жесть. Почти каждый день распиливаю поленья пополам, так как печки у нас с отцом Пименом маленькие, да и летом надо экономить.

Я топлю через день. Кельи наши — каменные пещеры — и потому требуют и летом топки для просушки...»

«...Действительно, **зима** у нас **суровая**, даже в нашем крае, недалеком от моря, доходит до **–45°**. При наступлении зимы боялся — как-то вынесу холода? Сейчас же уже привык, одежды теплой достаточно, в келье тепло. Приходится топить утром малую печурку, а вечером — большую кафельную, одной стороной выходящую к соседу. Поленья перепиливаю пополам на короткие...»

«1977 год... Сильные морозы (до –20°) чередуются с оттепелью. Приходится протапливать и мою угловую круглую печурку. Дрова, слава Богу, есть, да еще и березовые, да еще и сухие. И одежды достаточно, и обуви. Вода кончилась, пойду сейчас с двумя ведрами к нашему Святому Кладезю, накачаю и принесу водицы. Затем напилю дровец (маленькая печурка отапливается коротенькими полешечками), нащиплю бересты для растопки, схожу за кипятком и за картофелем на кухню, подкреплюсь, прочту пару листов чего-нибудь душеполезного — душа тоже требует постоянной пищи, и на свое послушание отправлюсь».

Отец Серафим был всегда строг к подчиненным ему помощникам, требовал от них соблюдения строгой дисциплины. Вообще, в дисциплине он видел залог благополучия монастыря. По свидетельству наместника Псково-Печерской обители архимандрита Тихона (Секретарева), на вопрос одного монаха, что самое необходимое для мирной жизни братии в монастыре, отец Серафим ответил: "Слушаться начальство"»*.

Но в то же время он был очень внимателен и доброжелателен к подчиненным ему монастырским «церковницам» — женщинам, занимавшимся уборкой храмов, другим монастырским трудом. В день их Ангела отец

---

* *Архимандрит Тихон (Секретарев).* Таинственная книга. Архимандрит Серафим (Розенберг). С. 12.

Серафим обязательно поздравлял именинниц, дарил им гостинцы, сладости...

Яркой чертой характера отца Серафима, открывающейся нам в его духовных дневниках и, особенно, — в письмах к сестре, является никогда не покидавшая старца любовь к окружающей живой природе — к растениям и к животным. Вероятно, этому он также отчасти научился и у преподобного Симеона, не раз свидетельствовавшего в беседах с отцом Серафимом о великолепии и гармонии Божиего мира. Старец Серафим очень любил цветы — за их красоту и аромат. Больше всего умилял его запах жасмина:

«Жасмин цветет, — сделал два малых букетика к иконам Спасителя и Богоматери, несколько деньков утешался ароматом их...»

«...**Сирень** отцвела, сейчас очередь **жасмина** (букетик стоит у меня на столе). **И розы.** Садовод наш с помощницами, из паломниц, заботится о клумбах с цветами — по всем уголкам монастырской территории. Есть и розы, и гладиолусы, и другие».

«Только что отцвел жасмин, мой любимый цветок, — конечно же, за его живительный аромат...»

Летом старец любил слушать птичье пение, зимой подкармливал крупой голубей, воробьев и синиц:

«1974 год. Когда был у нас **покос за** [речкой] **Пимжей** и приходилось там косить и сушить сено, то из лесу за рекой доносилось воркование лесных голубей — только без заключительного "кук"...»

«...В эту зиму подкармливаю птичек; чаще прилетают горлицы. Крупу покупаю — уже идет второй пуд (просо)».

...И в 1980-х годах отец Серафим по-прежнему исполнял свое послушание ризничего, нося по многочисленным монастырским лестницам, по крутым подъемам иконы и облачения. И в это время он жил по раз и навсегда заведенному распорядку: рано вставать, рано ложиться, исправно посещать храмовое богослужение,

Старец-архимандрит Серафим на прогулке — в сопровождении известного иконописца о. Зинона и келейницы Серафимы
Конец 1980-х гг.

много и прикровенно молиться. Отец Серафим неизменно оставался все так же вежлив с окружающими и немногословен, все так же строг к себе. Каждый год осенью сметал он с крыши своей кельи и с крыши Успенского собора — по послушанию, некогда возложенному на него еще преподобным старцем Симеоном — опавшие листья, что, естественно, с каждым годом становилось для него все трудней и трудней.

Последние пять лет своей жизни отец Серафим провел в тяжелой болезни. У него случился перелом большой берцовой кости. Кроме того, все сильнее и сильнее его мучила огромная грыжа. И еще у старца постепенно начали отказывать почки.

В эти годы рядом со старцем постоянно находилась матушка Серафима (в прошлом — медицинская сестра), которая на время его болезни была вынуждена практически переселиться в его келью — так нуждался он в постоянном квалифицированном медицинском уходе.

Старец-архимандрит Серафим и о. Зинон
Конец 1980-х гг.

Забота матушки Серафимы о старце была действительно очень хорошей. Врачи прямо говорили об этом отцу Серафиму: «Вы живете за счет хорошего ухода».

Старцу также помогал архимандрит Зинон (Теодор) — известный ныне иконописец, бывший в те годы насельником Псково-Печерского монастыря и порой выводивший отца Серафима на краткую и тихую прогулку перед его кельей.

Вот что вспоминает об этом времени матушка Серафима:

Погребение архимандрита Серафима
Январь 1994 г.

Погребение архимандрита Серафима в монастырских пещерах
Январь 1994 г.

«Когда отец Серафим тяжело заболел, в последние пять лет его жизни, я и одевала его, и обувала, и убирала в келье, и еду готовила ему, и кормила. Здесь очень пригодилась прошлая врачебная практика. Все стерилизовала, содержала в чистоте.

Он всегда великий постник был — все ел по чайной ложечке — и до болезни и во время болезни.

Когда отец Серафим лежал и болел, он все молился, лежал с книжечкой. Он ведь каждый день причащался, и я вместе с ним тоже. Причащал его отец Зинон. Отец Серафим и за себя, и за меня молился — правило читал — мне-то некогда было правило читать. И зрение у него хорошее было, замечательное, читал без очков.

...Отец Серафим молчаливый был, мало говорил.

Но вот однажды я посуду мою вечером, а он вдруг и говорит: «Как начнут умирать один за другим». И повторил: «Как начнут умирать один за другим»... И правда, после его смерти как пошли умирать батюшки наши: отец Александр, отец Досифей, отец Феофан, отец Нафанаил...

Я все переживала: как отец Серафим умрет? — беспокоилась, боялась. Но умер он очень спокойно. На третий день Рождества я стала читать вечерние молитвы — про себя — и канон Архангелу, а отец Серафим мне вдруг и говорит: «Помогай». А у него была над кроватью «балканская рама» (такие делают для больных, чтобы они могли за нее держаться и приподниматься с постели), но ему уже было до нее самому не достать; у него и почки к тому времени совсем отказали. И вот я до последнего его вздоха держала ему ручки, чтобы он мог за раму держаться. Посмотрела я в это время на фотографию отца Симеона и говорю: «Батюшка, отец Симеон, помолись — батюшке Серафиму тяжело». А батюшка Симеон мне — как живой — вдруг говорит: «Да и тебя-то жалко». Я говорю: «Батюшка, мне-то не тяжело, а вот ему, отцу Серафиму, тяжело». А батюшка Серафим три раза коротко вздохнул, да и дышать перестал. Вот такая смерть была у него. И не закрыл глаза — так и умер с открытыми глазами. Умер он в 11 часов вечера.

Когда я за ним ухаживала, я все время чувствовала себя не на земле, а на небе...»

Архимандрит Серафим скончался 9 января 1994 года, в светлые дни праздника Рождества Христова.

После торжественного отпевания он был погребен в монастырских пещерах рядом со своим учителем — старцем Симеоном. Ныне, после прославления в лике святых преподобного Симеона и перенесения его мощей в Сретенский храм, гроб архимандрита Серафима находится рядом с гробом преставившегося в 2006 году приснопамятного архимандрита Иоанна (Крестьянкина), который и упокоился на прежнем месте погребения святого старца Симеона...

Место упокоения архимандрита Серафима (с левой стороны пещеры, в которой обычно служатся панихиды)

«...ВОСПЛАМЕНЯЯСЬ СЕРАФИМСКОЮ ЛЮБОВИЮ»

ИЗ РАССКАЗОВ СОВРЕМЕННИКОВ ОБ АРХИМАНДРИТЕ СЕРАФИМЕ. ПИСЬМО СО СВЯТОЙ ГОРЫ АФОН

За долгие годы иноческого жития в Псково-Печерской обители архимандрит Серафим подлинно подтвердил свое высокое, но и ко многому обязывающее звание — монах.

Слово «монах» имеет основание в греческом понятии «монос» — один, одинокий. Впрочем, монах никогда не бывает безысходно, безрадостно одинок — даже оставаясь в одиночестве физическом: в пустыне, в лесах — порой долгие годы не видя человеческого лица — он всегда пребывает с Богом. Одиночество же его проявляется по отношению к миру, к человеческим и земным привязанностям, к «житейскому», «бытовому» общению с людьми.

Истинно монашеское одиночество старца Серафима — в его единении с Богом — и порождаемая этим обособленность от окружающих, ставшая особенно заметной после кончины его великого наставника — преподобного Симеона, соделали архимандрита Серафима поистине сокровенным «сердечным» пустынножителем. Притом он, конечно же, никогда не избегал монастырских послушаний, оказывал абсолютное послушание наместникам обители, своему начальству, горячо любил родной Печерский монастырь. И все же, в глубине сердца своего он жил в духовной пустыне, отшельническим житием, подобным существованию древних аскетов, пребывавших в святых пустынях христианского Востока — египетских, палестинских, а также подвигу древнерусских святых, уходивших в лесную глушь нашей отечественной «Северной Фиваиды».

Архимандрит
Серафим
Август 1979 г.

Окружающие постоянно видели его рядом с собой, но, кажется, на самом деле — почти что не видели. Тайная сердечная жизнь старца, его пребывание в Боге, молитвенное предстояние Творцу — все это оставалось тайной «за семью печатями», прятавшейся от находившихся рядом с ним братий и монастырских паломников — за его подчеркнуто вежливым, но порой довольно сухим и даже строгим обращением, за его малой общительностью, краткими и односложными ответами на духовные вопросы.

Лишь иногда, изредка эта завеса тайны чуть приоткрывалась перед глазами свидетелей земного жития старца, обнажая его подлинный, глубинный мир непрестанного молитвенного предстояния пред Богом, являя те замечательные духовные дары, которыми Господь наградил отца Серафима: дар рассудительности, дар смирения, дар прозорливости.

Подобных свидетелей за всю жизнь старца было не так уж и много. Даже те, кто находился довольно долгое время рядом с ним (например, будучи его помощниками в послушании ризничего), могли так и не спо-

добиться приметить в старце эти надежно сокрытые в его душе отблески благодатного небесного света. «Хороший монах», «строгий старец», «всеми уважаемый архимандрит» — так отзываются об отце Серафиме многие из тех, кто его достаточно хорошо помнил и знал. Конечно же, подобные характеристики и свидетельства весьма важны для нас, ибо они неизменно подтверждают то глубокое чувство почтения, что неизменно испытывала по отношению к отцу Серафиму псково-печерская братия. Однако иногда среди подобных «обыденно-уважительных» отзывов можно встретить и такие, что подтверждают особую благодатную глубину духовного подвига старца, совершавшегося им на его иноческом пути.

На страницах этой книги мы предлагаем вниманию наших читателей различные, порой достаточно краткие, воспоминания об архимандрите Серафиме. Среди них можно найти и просто свидетельства о неординарности личности печерского старца, и фиксацию примеров прозорливости этого замечательного подвижника благочестия. Следует сразу же отметить: мы не найдем здесь свидетельств о чудесах исцелений от болезней или изгнания бесов из одержимых ими страдальцев. Вероятно, глубокое смирение отца Серафима, осознание им своего предельного недостоинства в очах Божиих — никогда бы не позволили ему даже дерзнуть помыслить совершить нечто подобное. Но вот о случаях прозорливости старца мы из воспоминаний его современников узнаем неоднократно.

Из воспоминаний о старце отдельного упоминания заслуживают те сведения, что были получены нами от матушки Серафимы (Серафимы Александровны Костыговой). Она была (еще по благословению преподобного Симеона) многолетней келейницей старца Серафима и ухаживала за ним во время тяжелой болезни в последние годы его жизни. Именно эта матушка и оказалась свидетельницей блаженной кончины архимандрита Серафима. В ее воспоминаниях мы также

находим и несколько очень ярких дополнительных штрихов к характеристике личности преподобного Симеона Псково-Печерского.

Небольшие фрагменты некоторых из этих воспоминаний уже кратко цитировались нами в предыдущей главе книги. Теперь мы приводим эти воспоминания полностью.

Завершить же эту главу, содержащую свидетельства современников об архимандрите Серафиме, авторы книги сочли возможным письмом, присланным ему в январе 1968 года (еще в его бытность в сане игумена) русскими монахами Свято-Пантелеимонова монастыря со Святой Горы Афон. Среди этих иноков — прибывшие на Афон в июне 1966 года иеромонахи Ипполит (Халин 1928–2002)*, Евстафий (Маркелов)** и Досифей (Соро-

---

* Архимандрит Ипполит (в миру Сергей Иванович Халин; 1928–2002) — уроженец Курской области; с 1948 по 1951 год служил в армии, затем работал дорожным рабочим; 1 августа 1957 года стал послушником в известной Глинской пустыни.

После закрытия пустыни (во время наступивших «хрущевских» гонений на Церковь) прибыл в феврале 1958 года в Псково-Печерскую обитель. Здесь вначале нес послушание по уходу за вернувшимися в Россию из Финляндии старцами — монахами Валаама. Монашеский постриг принял в 1959 году; в сане иеромонаха — с июня 1960 года. В Печерском монастыре подвизался до 1966 года, когда был направлен на Афон (с целью пополнения русского монашества в Свято-Пантелеимоновом монастыре). С Афона отец Ипполит возвратился только в 1983 году. Некоторое время миссионерствовал в Алании (Северной Осетии), где его и поныне почитают как «апостола Северного Кавказа». С конца 1991 и до самой кончины 17 декабря 2002 года являлся настоятелем Свято-Николаевского Рыльского монастыря Курской епархии.

Архимандрит Кирилл (Павлов) в свое время назвал его «самым добрым старцем на земле», а схиархимандрит Макарий (Болотов) сказал о нем так: «Если бы в России было сто таких монахов, как отец Ипполит, Россия с корнями поднялась бы на небо».

См. о нем: *Савочкин В.* Самый добрый батюшка на земле. Книга об архимандрите Ипполите. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2007; *Муравлев Е.* (текст), *Фомичев Д.* (фото), при участии *иерея Игоря Зуева.* Звезда утренняя. М.: Локус станди, 2007.

** В 1970 году был пострижен в схиму с именем Сергий.

ченков) (1928–1998)*. В письме отражено то чувство глубочайшего почтения, самого искреннего уважения, что испытывали насельники дивной Афонской Горы к старцу Серафиму.

Письмо русских монахов также содержит трогательное, пусть и немного наивное стихотворение, собственноручно выписанное ими из сборника «Пучок цветов с Афона». Стихотворение это посвящено памяти преподобного Серафима Саровского — святого небесного заступника архимандрита Серафима, которому оно и было прислано в виде духовного дара русских афонцев, прежних его содругов по их спасительному житию в Печерской обители...

Воспоминания об отце Серафиме наместника Сретенского монастыря в Москве архимандрита Тихона (Шевкунова)

Отец Серафим был для меня самым загадочным человеком в Псково-Печерском монастыре, где я жил тогда — в середине восьмидесятых годов — послушником.

Отец Серафим мало общался с людьми. Бывало, стоит на службе весь углубленный в молитву, низко склонив голову, изредка, по-особому легко и благоговейно

* Архимандрит Досифей (в миру Константин Сергеевич Сороченков) — родился 26 сентября 1928 года в селе Лучинцы Владимирской области; учился в школе в Кольчугино; с 15 лет пошел работать электриком.
Летом 1957 года был принят послушником в Псково-Печерский монастырь, где уже 4 марта 1958 года сподобился монашеского пострига, а на следующий день состоялось его рукоположение во иеродиакона. Кроме совершения седмичного иеродиаконского служения отец Досифей также пел в братском хоре. В 1966 был направлен на Святую Гору Афон в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь. Перед отъездом отца Досифея на Афон епископ Дмитровский Владимир (Сабодан), ныне митрополит Киевский и всея Украины, рукоположил его в сан иеромонаха.
Вернувшись с Афона в 1982 году, нес послушание седмичного священника. Будучи истинным подвижником, отличался строгой молитвенностью, сочетавшейся с искренней человеческой добротой.
Скончался отец Досифей 5 августа 1998 года и погребен в монастырских пещерах.
См. о нем также: Архимандрит Досифей (Сороченков) // Псково-Печерский листок. № 251. Издание Псково-Печерского монастыря. Б. г. С. 22–24.

совершая крестное знамение. И по монастырю отец Серафим проходил всегда такой же сосредоточенный. Нам, послушникам, преступлением казалось отвлечь его. Правда, иногда он сам коротко обращался к нам. Например, возвращаясь в келью с Литургии, всегда давал просфору дежурному на монастырской площади.

Вообще, несмотря на свою замкнутость и суровость, он был необычайно добрым, любящим человеком. И его все бесконечно почитали и любили. Хотя и относились со страхом, точнее с трепетом, как к человеку, живущему на земле с Богом, как к живому святому. Помню свое наблюдение тех лет: я некоторое время был иподьяконом у отца наместника* и заметил, что когда отец Серафим входил в алтарь, наместник поспешно поднимался со своего места навстречу ему и приветствовал его с особым почтением. Больше он так не относился ни к кому.

Отец Серафим редко говорил какие-то особые поучения. В прихожей его пещерной кельи висели листы с высказываниями из святителя Тихона Задонского, и те, кто приходил к нему, часто довольствовались этими цитатами или советом отца Серафима: побольше читайте святителя Тихона.

Как-то, году в 84-м мне довелось побывать в Дивеево (тогда это было не так просто, как сейчас). Старые дивеевские монахини подарили мне частицу камня, на котором молился преподобный Серафим. Вернувшись в Печоры, я решился подойти в отцу Серафиму и подарить ему эту святыню, связанную с его небесным покровителем. Отец Серафим сначала долго молча стоял, а потом спросил:

«Что я могу за это для вас сделать?»

Я даже немного опешил.

---

* В те годы наместником Псково-Печерского монастыря был архимандрит Гавриил (Стеблюченко), ныне — архиепископ Благовещенский и Тындинский.

«Да ничего... — но потом выпалил самое сокровенное: — Помолитесь, чтобы я стал монахом!»

Помню, как внимательно посмотрел на меня отец Серафим:

«Для этого нужно главное, — сказал он негромко, — ваше собственное произволение».

О произволении к монашеству он еще раз говорил мне через много лет, совсем уже при других обстоятельствах. Я тогда находился в Москве — на послушании у владыки Питирима. А отец Серафим доживал последний год своей земной жизни. Он уже, кажется, почти не вставал. Приехав в монастырь, я зашел повидать батюшку в его пещерную келью. И вдруг он сам завел разговор о монастыре, о нынешнем положении монашества. Это было очень необычно для него и тем более драгоценно. Из этого разговора я запомнил несколько главных мыслей.

Во-первых, отец Серафим говорил о монастыре, с огромной, невыразимой словами любовью, как о величайшем сокровище. «Вы даже не представляете, что такое — монастырь. Это ... жемчужина, бриллиант в мире! Только потом вы это оцените и поймете».

Во-вторых, он сказал о главной проблеме сегодняшнего монашества:

«Беда нынешних монастырей в том, что люди приходят сюда со слабым произволением».

Только теперь я все больше понимаю, насколько глубоким было это замечание отца Серафима. Жертвенного самоотречения и решимости на монашеский подвиг ныне в современных иноках — все меньше и меньше. Об этом-то и болело сердце отца Серафима, наблюдавшего за молодыми насельниками обители.

И, наконец, он сказал очень важную для меня вещь:

«Время больших монастырей прошло. Теперь будут приносить плод небольшие обители, где игумен будет в состоянии заботиться о духовной жизни братии. Запомните это. Если будете наместником — не берите много братии».

Таков оказался наш последний разговор в 1989 году. Я тогда был простым послушником — даже не монахом. Ныне я действительно — наместник монастыря...

Прозорливость отца Серефима не вызывала у меня и моих монастырских друзей никаких сомнений. Сам же отец Серафим очень спокойно и даже несколько скептически относился к разговорам о чудесах и прозорливости.

Но я не раз на своей судьбе испытал силу дарований отца Серафима.

Летом 1986 года я проходил мимо кельи старца и увидел, что он собирается сменить лампочку в фонаре у себя на крыльце. Я подошел к нему, принес табурет и помог вкрутить лампу. Отец Серафим поблагодарил меня и сказал:

«Одного послушника архиерей забрал в Москву на послушание. Думали, что ненадолго, а он там и остался!»

«Ну и что?» — спросил я.

«Ну и все!» — сказал отец Серафим. Развернулся и ушел в свою келью.

В недоумении и я пошел своей дорогой. Какого послушника, какой архиерей?..

Через три дня меня вызвал наместник — отец Гавриил. Он сказал, что ему только что позвонил из столицы архиепископ Волоколамский Питирим, Председатель Издательского отдела Московского Патриархата.

Владыка узнал, что в нашем монастыре есть послушник с высшим кинематографическим образованием, и обратился с просьбой к отцу наместнику прислать его в Москву: срочно оказались нужны специалисты, чтобы готовить телевизионную и кинопрограмму к тысячелетию Крещения Руси, празднование которого намечалось через два года. Послушником, о котором шла речь, был я. Кажется, это был самый страшный день в моей жизни. Я умолял отца Гавриила не отправлять меня в Москву, но он уже принял решение.

«Я из-за тебя с Питиримом ссориться не буду!» — отрезал он в ответ на все мои мольбы. Лишь позже я узнал, что возвращение в Москву было еще и давней просьбой моей матушки, которая надеялась отговорить меня от монашества, а отец Гавриил очень жалел ее и ждал повода отправить меня к безутешной родительнице. Жесткие же словесные формулировки соответствовали его обычному стилю общения.

Конечно же, я сразу вспомнил свой последний разговор с отцом Серафимом — о послушнике, об архиерее, о Москве — и бросился к нему в келью.

«Воля Божия! Не горюйте. Все к лучшему, вы сами это увидите и поймете», — очень ласково сказал мне старец.

Как же — особенно в первое время — было тяжело снова жить в Москве. И тяжело именно потому, что, просыпаясь ночью, я понимал, что поразительный, несравнимый ни с чем мир монастыря — с отцами Серафимами, Иоаннами, Нафанаилами, Мелхиседеками, Александрами — далеко, за сотни километров, а я здесь, в этой Москве, где ничего подобного нет!

Воспоминания об отце Серафиме архимандрита Филарета (Кольцова)

В моей памяти отец Серафим остался как строгий монах, аскет, труженик. Он всегда оставался немногословен, одевался очень скромно. Кажется, на нем всегда была одна и та же одежда: старенькая скуфейка, галоши, легкая курточка — он никогда не кутался, даже в самый сильный мороз носил все в ту же курточку.

В то время в монастыре имелось много старцев, поэтому отец Серафим нечасто привлекал мое внимание. Мне запомнилось, как отец Серафим вместе с отцом Иоанном (Крестьянкиным) читали канон на Всенощной. Они торжественно всходили на амвон, почтительно кланялись друг другу и начинали внимательно читать... Наместником тогда был архимандрит Гавриил (Стеблюченко),

человек строгий, суровый; отец Серафим его очень уважал, всегда считался с его мнением. Отец Гавриил также внимательно относился к старцу: когда наместник не служил, возглавлял богослужение именно отец Серафим. Позднее, когда отца Серафима начали мучить сильные головные боли, возглавлять службу стал отец Иоанн.

Отец Серафим нес послушание ризничего. Суровый подвижник, он иногда смирял нас, молодых священнослужителей: нередко выдавал облачения или старые, или же очень неудобные, сшитые из тяжелой парчи, с бархатным оплечьем, но всегда чистые, опрятные. Богослужебные одежды и утварь содержались у него в идеальном порядке.

Если сейчас основная масса облачений хранится в Михайловском храме, где чаще всего проходят богослужения, то раньше все одежды находились в Благовещенском храме. Мне запомнилось, как отец Серафим, всегда хромавший на одну ногу, в огромных мешках нес облачения по длинной лестнице вверх, в гору, к Михайловскому собору. Иногда ему кто-нибудь помогал, но так бывало редко, поскольку отец Серафим сам желал выполнять свое нелегкое послушание.

Раньше расписание богослужений объявлялось только в храме, благочинным. Отец Серафим всегда внимательно слушал и записывал в блокнотик, где и когда будет служба.

На трапезу он приходил со стареньким чемоданчиком, доставал из него баночки и складывал туда половину своей порции — домой, если захочется подкрепиться.

Келья отца Серафима находилась рядом с Успенским храмом (по соседству с кельей преподобного Симеона, где сейчас небольшой музей). Крыша кельи была очень крутая, но, несмотря на это, старец всегда чистил ее от опавших листьев и снега сам, никогда не просил о помощи. На самом верху крыши были сделаны специальные петли, к которым отец Серафим привязывал один конец веревки, другим концом опоясывался и на-

чинал бодро работать метелкой. Оставшиеся на краях листья или снег убирал снизу, встав на небольшой бордюрчик.

В келье у отца Серафима ничего лишнего не было: кованая металлическая кровать, на ней щит и матрас. Над кроватью — крест и карманные часики. Простенький деревянный стол с выдвижным ящиком, стул и, наконец, святой угол — в нем находилась большая икона Святой Троицы. Ни водопровода, ни батарей отопления, вместо них — печь. Ее он топил сам, дрова тоже сам укладывал — привезут ему целую кучу, свалят в коридоре, и он переносит их потихоньку в келью. Воду тоже носил сам из колодца. В коридоре перед кельей у отца Серафима висела корзинка, в которой хранились ключи ото всех храмов, и если пономарям или уборщицам оказывался нужен ключ, они приходили и брали его из этой корзинки.

Отец Серафим по характеру был немногословен, необщителен, не принимал паломников, и у него окормлялось мало духовных чад. В числе его духовных чад были врученный ему при постриге архимандрит Зинон (Теодор) и раба Божия Серафима, жившая на Пачковке. В последние годы жизни старца они ухаживали за ним. Отец Зинон выводил его на прогулку и ежедневно причащал; во время прогулки старца всегда имелась возможность подойти к нему за благословением — он никогда этим не тяготился. Серафима же хлопотала по хозяйству, к тому же она была врачом по образованию и помогала отцу Серафиму после того, как он перенес сложную операцию.

В келье отец Серафим постоянно читал Святое Евангелие и жития святых, причем непременно на церковнославянском.

Если у меня возникали какие-то духовные вопросы, проблемы, я всегда мог обратиться к отцу Серафиму (отвечал он всегда кратко и по существу, поскольку вообще по характеру был молчалив). Двери его кельи никогда не закрывались для нуждавшихся в его молитвенной помощи и совете.

Воспоминания об архимандрите Серафиме игумена Романа (Загребнева)*

В Псково-Печерском монастыре у меня было послушание помощника ризничего. А начальником моим, то есть старшим ризничим, был отец Серафим Розенберг — человек очень собранный, молчаливый, строгий, прекрасный хозяйственник. Он был сподвижником великого старца отца Симеона и жил рядом с его кельей.

Отец Серафим имел дар прозорливости, но хранил его в сокровенности, как зеницу ока, чтобы избежать тем самым славы человеческой. Бывало, если последует какое-нибудь малейшее нарушение с моей стороны, батюшка посмотрит на меня испытующим взглядом и этим самым даст почувствовать ошибку. До сих пор я безконечно признателен ему за такие уроки педагогики без слов.

Как-то однажды он поручил мне что-то освятить (что именно за давностью времени я запамятовал). Я пересмотрел весь требник, но той молитвы, которая требовалась, не нашел. Говорю батюшке, что нет такой молитвы в требнике, как быть? Он же, слегка улыбаясь, отвечает: «А ты сам напиши!»

Мне было как-то не по себе, ведь я никогда не составлял молитв, но, по его благословению, все же написал и освятил предполагаемое. Отец Серафим, по своей прозорливости, знал мои возможности, поэтому и предложил мне приступить к тому, к чему прежде я никогда бы не дерзнул приступить.

Еще об одном событии рассказал мне монах Евлогий. Он приобрел себе хороший синодик и вписал в него всю братию, в том числе и отца Серафима. При первой же с ним встрече отец Серафим, ласково улыбаясь, произнес: «Благодарю тя, брате, что для молитвы записал и мое имя в свой синодик. Спаси тя Господи!»

---

* Опубликовано в книге: *Игумен Роман (Загребнев).* Милость Божия над Псковской землей. О блаженном старце Михаиле и о многих. Псков, 2002.

Из воспоминаний протоиерея Евгения Пелешева*

В связи... с кафедрой (которую нужно было перенести в Сретенский храм — вниз, на Успенскую монастырскую площадь. — *Авт.*) случилось со мной одно происшествие, смешное и печальное одновременно. Кафедра эта находилась в Михайловском соборе. Нас послали за ней с отцом Серафимом, тогда еще молодым. Она оказалась очень тяжелой, и вдвоем мы ее едва дотащили до лестницы. И тут я предложил отцу Серафиму скатить кафедру по лестнице, благо все было покрыто толстым слоем снега. Решили так и сделать.

Вначале кафедра не хотела катиться, и я ее подталкивал, как вдруг, в какой-то момент, ее понесло. Я успел только упасть не нее сверху и ухватиться за края. Что было потом, я уже не соображал. Мы неслись вниз, как тяжелый снаряд, на площадках лестницы, как на трамплинах, меня подбрасывало в воздух, потом опять бросало на кафедру.

За несколько секунд я уже был внизу. Скорость к этому времени достигала, видимо, километров девяноста. Меня спасло только то, что когда лестница кончилась, на нашем пути оказался огромный сугроб. Кафедра на такой скорости врезалась в сугроб, опрокинулась на бок, а меня, как щепку, отбросило в кусты метров на десять. Я остался жив, конечно, только чудом Божиим.

Отец Серафим бежал в это время сзади, молился и крестился от ужаса — он был уверен, что я неминуемо погибну. Но, слава Богу, я отлежался в снегу несколько минут, пришел в себя, и мы еще благополучно, хоть и с трудом, донесли кафедру до Сретенского храма.

---

* Из книги: *Протоиерей Евгений Пелешев.* При пяти настоятелях // В Псково-Печерском монастыре (Воспоминания насельников). Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. М.: Отчий дом, 1998. С. 111–112. С 1946 по 1951 год будущий отец Евгений являлся послушником Псково-Печерского монастыря. Именно к этому периоду относится и данное воспоминание.

Но это нелепое и страшное происшествие, мной же самим учиненное, осталось в памяти на всю жизнь. Я был поистине на волосок от смерти. Или мог остаться на всю жизнь калекой. Меня сохранило, видимо, только заступничество Матери Божией...

Из воспоминаний об архимандрите Серафиме иеромонаха Иоасафа (Швецова)

Иду я однажды по Успенской площади. Вижу — впереди идет отец Серафим. Я за ним пристроился. Думаю: старец такой благообразный, надо у него что-нибудь спросить — какого-нибудь духовного совета. Иду за ним и ною: «Батюшка, меня одолевают помыслы уйти из монастыря». И вот дальше происходят события, больше всего напоминающие какое-то театральное действие. Я следую за ним, а он идет впереди меня и не оборачивается. В конце концов мы заходим под козырек у входа в «туннельчик», ведущий к келье отца Серафима. И здесь, стоя под этим козырьком, по-прежнему спиной ко мне, отец Серафим начинает говорить: «Вот, пришел к преподобному Серафиму послушник и говорит ему: "У меня помысл появился уйти из монастыря"...» В этот момент отец Серафим открывает дверь, заходит внутрь и оборачивается ко мне лицом. «...А преподобный Серафим ему и отвечает: "Нет тебе дороги из монастыря!"» И с этими словами отец Серафим решительно захлопнул прямо передо мной дверь. Я просто опешил — так картинно это у него получилось...

Решил я как-то в другой раз пойти к отцу Серафиму за духовным советом. Прихожу к нему, а он мне и говорит: «Чего ты ко мне пришел? Вот там старцы, там духовники — и показывает рукой на братский монастырский корпус — вот к ним иди, у них все спрашивай. А я пятьдесят лет прожил в монастыре — и все без толку — так и не смирился...»

И еще в третий раз я как-то к нему подошел и попросил: «Батюшка, скажите мне какое-нибудь поучение».

А он мне в ответ: «Не осуждай никого». Вскоре после этого я согрешил этим грехом, против которого предостерегал меня отец Серафим — осудил ближнего. И вот снится мне сон. Снится мне отец Серафим и говорит: «Ну я же тебе сказал — никого не осуждай». И махнул на меня рукой.

Кто-то из братии мне говорил, что видел, как в храме во время службы отец Серафим откинулся назад — не обращая внимания на окружающих и ничего не видя вокруг себя, — он был духовно восхищен Богом во время молитвы...

Отец Серафим говорил, что наместник монастыря должен быть строгим, что в обители должен быть порядок.

Старец Серафим очень любил писания преподобного Федора Студита и рекомендовал нам, молодым, читать четвертый том Добротолюбия, где напечатаны творения этого Святого Отца.

Воспоминания об отце Серафиме иеродиакона Никона (Горохова)

Что меня сразу поразило при встрече с отцом Серафимом — это такая совершенно исключительная черта его характера, как пунктуальность. Подобной пунктуальности я не встречал более ни у кого. И еще он был по-спартански лаконичен и краток в выражении своих мыслей или пожеланий. В этой лаконичности было что-то могучее и аскетическое. Несомненно, отец Серафим был человеком глубокого внутреннего трезвения, какой-то особенной духовной сосредоточенности и внимания к себе.

Хорошо помню Успенскую площадь, полную глазеющих по сторонам туристов и отца Серафима, идущего между ними с невозмутимым и совершенно спокойным лицом, со взором, опущенным на землю.

Батюшка старался в многолюдство из своей келлии не выходить и, по возможности, проводить больше времени за келейными занятиями. Он много молился, но всегда делал это втайне, чтобы никто об этом не знал.

По внешнему виду отца Серафима сторонний человек мало что мог заключить о нем — так себе, седенький, чуть сгорбленный старичок, одетый в сильно поношенную рясу или подрясник; его лысоватую голову покрывала старенькая тоненькая скуфеечка, более похожая на вязаную шапочку — из под нее торчали редкие седые волосы; поверх подрясника старец носил штопаную кофту с отвисшими карманами, так как ему приходилось носить с собой множество разных ключей от многих и многих храмов. Да, да! Наверное, самой отличительной приметой отца Серафима были именно эти ключи.

Ключи были совершенно необыкновенные. Там были дореволюционные штучные, сделанные по заказу амбарные ключи, ключи литые, ключи кованные — самых разных размеров и форм и, конечно же, различного назначения. Громоздкие и тяжелые — от тайных замков, от сейфов, от тяжелых подземных засовов; совершенно легкие и невесомые — от шкатулок и сундучков, от ящичков и от кружек, и от всякой всячины, ей же несть числа. В действительности предназначение этих ключей знал один только отец Серафим. Связка пряталась от посторонних глаз в его большом кармане и лишь слегка позвякивала при ходьбе. А когда отец Серафим ее вынимал, чтобы открыть какую-либо дверь, то она издавала очень приятные и нежные звуки — как будто батюшка прятал в руке сразу несколько маленьких колокольчиков.

Мне почему-то врезалась в память его немного согбенная фигура, прислонившаяся спиной к стенке коридора, что возле монастырской кухни, напротив двери для раздачи пищи. Приходил он сюда почти всегда в одно и то же время — в 9.30 утра и приносил с собой одну и ту же посуду — зеленый эмалированный чайник и пол-литровую стеклянную банку с крышкой. Делал он это неизменно в течение многих и многих лет — до тех пор, пока не заболел и не слег — в последние годы своего монастырского жития.

На отце Серафиме, как правило, был одет старый, серого цвета подрясник, а поверх него — такая же старенькая, стиранная-перестиранная кофта; цвет ее было определить совершенно невозможно, так как на ней было множество самых разнообразных заплаток, разбросанных по всей ее поверхности в хаотичном беспорядке. Однако все это ничуть не смущало ее владельца, ибо от долгого пребывания в некогда очень небогатом Псково-Печерском монастыре, у него выработались полная нестяжательность и равнодушие к собственному внешнему виду. Хотя следует все же предположить, что внешний вид его скорее говорил о педантичной бережливости и даже об аккуратности — ведь кофта его все же была всегда исправно заштопана.

Эти два качества — аккуратность и бережливость — были настолько заметны в поведении отца Серафима, что проявлялись даже в мелочах. Так, однажды у него сломался стул, и он отдал его в столярную мастерскую — на починку. Когда этот «стульчик» увидел начальник «столярки» — отец Платон, то пришел в ужас. Ремонтировать здесь было практически нечего — легче было бы попросту спалить в печке эту рухлядь, чем тратить время на ее ремонт. Именно так отец Платон и предложил поступить отцу Серафиму. Но тот ответил категорическим отказом, лаконично заявив: «Я на нем сидел 50 лет, просижу как-нибудь и до смерти». И отцу Платону пришлось чинить этот «антиквариат» — ради того великого уважения, которым был окружен отец Серафим среди монастырской братии.

Отец Серафим хранил и берег все — и старые иглы, и эстонские стеклянные бутылки, и немецкий топорик, и книги, и иконы, и «царские» священнические облачения в ризнице, и даже такие стихари и орари, на которых, как и на его свитере, не было ни одного живого места. Однажды молодому монастырскому диакону достался именно такой орарь: на нем были хорошо заметны и аккуратно залатанные дырочки, и протертые места, и оборванная бахрома. Диакон

Архимандрит Серафим возвращается в келью из корпуса трапезной
Фото 1970-х гг.

посчитал это неуважением к его персоне и к диаконскому сану; он не выдержал такого обращения и в сердцах бросил этот орарь в горящую печурку Успенского храма да еще в возмущении накричал на отца Серафима. А потом заявил, что если ему будут давать такие облачения, то он вообще не будет служить. Обо всем этом узнал отец наместник, и диакона наказали, но впоследствии такой «ветхости» для церковных служб больше уже не подавали. Заказали новые облачения, дела пошли на поправку.

Отец Серафим вставал ежедневно в 4 часа утра. Об этом всему монастырю возвещала струйка дыма, подымавшаяся из печной трубы его кельи. Дело в том, что с самых первых лет своего пребывания в монастыре отец Серафим жил в каменной сводчатой кельи — рядом с преподобным старцем Симеоном, его духовником. Комнаты были выложены из плитняка, и их нужно было протапливать каждый день, иначе сырость проникала во все закоулки этого скудного жилища — здесь всегда существовала опасность заработать туберкулез или заболеть другим простудным заболеванием. Печка была одна на двоих, но топил ее всегда отец Серафим. Он с вечера складывал в еще теплую печь сырые дрова, где они за ночь просыхали, и ровно в 4.00 он подносил к ним горящую бересту. Дрова быстро занимались живительным огоньком. По дымку от печи отца Серафима можно было сверять часы — настолько пунктуальным человеком был батюшка.

Утром он исполнял монашеское правило и затем шел к ранней Литургии. Сам по себе — в одиночестве — отец Серафим служил крайне редко. Так, я хорошо помню, что он совершал один Евхаристию только в день своего Ангела — на память преподобного Серафима Саровского, а в остальные дни или лишь готовил все необходимое для службы, без устали таская иконы и священнические облачения, или сослужил сбоку — в составе общего собора духовенства. Но молиться в храм он ходил всегда. Вечером он приходил к началу службы, вычитывал два

синодика и на 3-й песни канона уходил из храма — к себе в келью. Что он там делал в остававшееся до сна время — никому не известно. Но, по-видимому, спать он ложился так, как советовал его небесный покровитель, преподобный Серафим — между девятью и десятью часами вечера — чтобы легче было встать утром на молитву.

Телосложения отец Серафим был сухого, я бы даже сказал — аскетического. В баню он ходил вместе со всей братией — один раз в две недели. Мылся отец Серафим быстро, в бане не засиживался. У нас было такое ощущение, что даже воду, в изобилии текущую из крана, он экономил и не расходовал понапрасну. В парную он не ходил никогда, а, придя в баню, наливал ровно один тазик теплой воды, которой ему и хватало чтобы и намылиться и ополоснуться. Однажды некий послушник спросил у него: «Батюшка, а почему вы не пользуетесь душем, ведь воды-то сейчас вдоволь и хватит всем?» На это отец Серафим лаконично ответил: «Пользоваться душем — все равно, что шоколад есть». Для старца, наверное, и то и другое считалось роскошью. Хотя мы знали, что вырос он в пусть и обедневшей, но все же дворянской семье остзейских немцев; однако было это как бы в его «прошлой жизни», о которой он не любил ничего рассказывать. Мы практически ничего не знали о том времени его жития.

Однажды, в самом конце 80-х годов, наш монастырь посетила немецкая делегация из Западной Германии. После обеда в монастырской трапезной глава этой группы выступил со словами приветствия перед братией; кажется, он говорил о том, что многие немцы из этой приехавшей в обитель группы родились здесь, в России, и что они прибыли сюда ради того, чтобы посетить свою бывшую Родину. И вот от группы отделяется маленького роста сухонькая старушечка и обращается к отцу Серафиму с такими словами: «Отец Серафим, разве вы меня не помните, я ведь вас прекрасно помню — я фрау N. Когда вы были еще совсем маленьким ребенком, я с вами играла». Отец Серафим быстро взглянул на нее и, опустив глаза,

сказал: «Нет, простите, не помню». «Ах, как жаль!» — сказала огорченная старушка, а отец Серафим уже направлялся быстрой походкой к себе в келью.

Монахиня Надежда (одна из старых монастырских «церковниц», которые убирались в храмах и находились в ведении отца Серафима) рассказывала мне о том, что однажды — давным-давно, еще в 1950-е годы (по-видимому, в связи с тем, что обитель начала подвергаться тогда натиску различных советских органов) — батюшка уже надумал бросить монастырь и спасаться в миру. Но поскольку он был человеком обязательным и педантичным, то и свои обязанности выполнял до самого конца. И вот, в самый последний день — уже перед уходом из обители — он должен был вытирать пыль с «сияния»: так назывались лучи над алтарной «кувуклией» внутри Михайловского собора. Высота от пола там — около пяти метров. В этот самый день, поднявшись к «сиянию», отец Серафим нечаянно оступился, упал с высоты и сильно разбился. Он пролежал в болезни около года, пока не поправился; падение это не осталось без последствий — он стал прихрамывать, а в паху у него образовалась огромная грыжа. С тех пор он оставил мысль уйти из монастыря. Уже потом, после такого своего падения с высоты, батюшка безбоязненно лазал по парапету в барабане Михайловского храма, сам мыл там окна и стены — на что решался далеко не каждый из молодых монастырских послушников: высота там — около 20 метров, да еще и без оградительных решеток. Но отец Серафим проделывал это с невозмутимым спокойствием и непоколебимой верой в Промысл Божий.

Отец Серафим любил во всем размеренность, порядок и был очень трудолюбив. Сам таскал тюки с облачениями из храма в храм, сам колол дрова для печей Успенского храма, сам их складывал, сам подметал листья с крыш Успенского храма и выметал ветки, желуди и листья из желобов на карнизах. Для этого он привязывался веревками к коньку крыши, где у него были закреплены

Иконостас-ротонда Михайловского собора
Начало 1970-х гг.

специальные крюки, и опускался по скосу крыши — к ее краю, к желобам водостока; одной рукой он держался за веревку, а другой сметал листву. Это, безусловно, было очень рискованно для жизни, но отец Серафим проделывал это всю свою монашескую жизнь — до самой старости.

Отец Серафим вел жизнь строгого монаха, но вот духовных чад у него не было, да он и не видел в себе тех дарований духовника, что были у его духовного отца — старца Симеона. Поэтому к нему почти никто не ходил за утешением, да и едва ли он мог бы кого-то утешить, так как он бывал подчас очень резок и бескомпромиссен. Про него рассказывали такую историю: то ли он понравился какой-то экзальтированной прихожанке, то ли к нему нарочно подослали какую-то переодетую комсомолку, чтобы она смогла вкрасться к нему в доверие, но как бы то ни было, одна женщина стала досаждать ему своими приставаниями и желанием духовного окормления с его стороны. Тогда, чтобы покончить разом с эдаким «искушением», отец Серафим сказал ей, упорно ожидавшей батюшку на Успенской площади возле его кельи: «Хорошо, стой здесь, сейчас я приду», — и зашел к себе в каморку. Прихожанка, быть может, уже приготовила кучу неотложных вопросов, на которые жаждала услышать самые что ни на есть мудрые и духовные ответы. Вот тут-то и открылась дверь кельи, из которой — с полным ведром воды — вышел отец Серафим. Он спокойно, не торопясь подошел к этой даме, вылил ей прямо на голову и на платье ведро холодной воды, а затем так же спокойно зашел в свою дверь и закрыл ее за собой. Все это было проделано им в полном молчании. После такого происшествия ни одна дамочка отцу Серафиму уже не досаждала. Хотя у него все же была одна помощница — от Бога данная и неизменная келейница — ее тоже звали Серафима. Но ее благословил помогать отцу Серафиму еще старец Симеон. Причем произошло это промыслительно и чудесным образом: впоследствии все то, что предрек отцу Серафиму старец Симеон об этой его келейнице, сбылось в точности.

...Однажды некто из пономарей очень сильно разозлился на отца Серафима. Он стал спорить с батюшкой и доказывать некую свою правоту; однако отец Серафим не уступал ему и тоже настаивал на своем. Пономарь же не унимался и продолжал спорить со старцем. И тогда отец Серафим вдруг упал ему в ноги и попросил у него прощения. Тот в страхе убежал. Потом он мне рассказывал про поступок этот старца, будучи до глубины души поражен его смирением.

Нельзя сказать, что старец был замкнутым — нет; если к нему подойти с вопросом, то он всегда отвечал — коротко и по существу, правдиво.

...Из духовных писателей отец Серафим советовал мне читать, например, «Четьи-Минеи» святителя Димитрия Ростовского, святителя Тихона Задонского и еще, по-моему, преподобного Феодора Студита. Других духовных писателей он не рекомендовал, считая их слишком высокими для новоначальных монахов и послушников.

Простота, крайняя скромность, сосредоточенность и внутренняя собранность, никакой показухи, никакой вычурности, никакого желания произвести внешнее благоприятное впечатление, трудолюбие, постоянство и пунктуальность, некоторая внешняя суровость и строгость и в тоже время какая-то внутренняя доброта — вот каким запомнился мне старец отец Серафим (Розенберг).

Вечная ему память!

Воспоминания келейницы архимандрита Серафима Серафимы Александровны Костыговой

Батюшку Серафима я знаю с 1957 года. Познакомил меня с ним и благословил помогать ему старец Симеон.

В молодые годы я хотела монашеский путь жизни избрать. И вот поехала я однажды в Киев. В Киеве встретила матушку провидицу — Мариам ее звали... Первый раз я ее встретила по моем приезде — в субботу: мы с ней долго смотрели друг на друга, но друг

другу так ничего и не сказали. Потом я пошла на богослужение в Ближние пещеры. И вот стою я на службе, и что-то у меня душа так заболела — не могу спокойно стоять, молиться. Вышла из храма и вижу — матушка Мариам рядом стоит, одетая в монашеское, и манит меня к себе, зовет. Я подошла к ней. Она мне и говорит: «Это не ваш путь; поезжайте обратно — в Ленинград, кончите там учебу... Но долго в Ленинграде жить не будете». Потом вынимает иконку Николая Чудотворца и говорит мне: «Это Николай Чудотворец вас благословляет». А я не хотела вообще в Ленинград возвращаться, мечтала в пустыне — по-монашески — жить. Я задумалась и говорю: «Матушка, а можно я немного задержусь здесь? Я еще хотела во вторник пойти причаститься у Варвары Великомученицы». Она подумала-подумала и отвечает: «Хорошо, но прямо во вторник и уезжайте». И вот я поехала обратно в Питер, а меня к этому времени уже разыскивали по всему Советскому Союзу — как пропавшую.

Когда я впервые попала к отцу Симеону, мне было 25 лет. Я приехала сюда из Ленинграда — после того как долго пролежала там в больнице...

Отработала я в Питере — после возвращения из Киева и после учебы — три года и сразу заболела. Меня положили в больницу, а я все не поправляюсь и не поправляюсь... Слушали меня 14 профессоров, и они сделали заключение — упадок сил. И вот мне надо выписываться из больницы. В это время приходит ко мне знакомая, которая только что приехала из Печор, и рассказывает мне про Печоры. Там, говорит, есть великий старец — отец Симеон. А я, когда в юности читала книгу о старце Серафиме Саровском, очень много плакала и молилась: «Господи, подай мне встретить в жизни такого старца, и как он мне скажет, так я и жить буду». И вот Господь, в ответ на эту молитву, сподобил меня: отец Симеон был для меня — как отец Серафим Саровский.

Из-за долгой болезни меня к этому времени уволили с работы. И вдруг я попала по какому-то случаю к моим

знакомым, которые часто приезжали в Печоры. Пришла я к ним, а там были батюшка — отец Филофей, который служил в Шувалове, и его личный шофер — Адольф Семенович. Мы сели, покушали, а они и говорят: «Хотите фотоальбом посмотреть»? Я говорю: «Дайте и мне посмотреть». А в фотоальбоме — фотография отца Симеона. Я спросила: «А это кто»? «А это, — говорят, — батюшка Симеон». Я как стала тут плакать и говорю: «Господи, какие вы счастливые, а я то — грешница». И вот плачу, и больше сидеть в гостях не стала, встала и ушла домой. А батюшка Симеон, верю в это, про слезы эти мои знал.

И что вы думаете? Проходит какое-то время, и вот батюшка мой меня в Питере благословляет в Печоры ехать. У меня денег прежде на это не было, но я в родительскую Троицкую субботу в Никольской церкви принимала записочки — ну и мне за это денежки какие-то дали; вот батюшка и благословил меня съездить в Печоры.

В среду я отстояла акафист Николаю Чудотворцу в питерском Никольском храме, да и сразу на поезд. Приезжаю я в Печоры, вхожу в монастырь, а там как раз идет акафист святителю Николаю. Ну, надо же, думаю, удивляюсь: святитель Николай меня и благословил в дорогу и здесь, в Печорах, встретил.

Акафист я отстояла, спускаюсь вниз — от Никольского храма к Успенской площади. Только я Лазаревский корпус миновала, идет мне навстречу Адольф Семенович — шофер отца Филофея, и спрашивает меня: «А вы как сюда попали»? Я отвечаю: «Я только что приехала». — «И мы только что приехали. Идите к мостику, сейчас мы будем фотографировать батюшку — отца Симеона — и вас сфотографируем вместе с ним. Поднимайтесь на площадь — к заборчику». А мне скорее хотелось увидеть его живого. Мне не терпится... Подошла к входу в коридорчик, ведущий к его келье. А дверь там тогда еще не закрывалась на задвижку. Я и прошла туда — внутрь. И только коридорчик отца Серафима миновала, как мать Александра — келейница старца Си-

меона — открывает дверь его кельи, выглядывает оттуда и говорит: «Идите обратно, батюшка сейчас выйдет на улицу».

Потом матушка Александра стала схимонахиней Алексией.

Вышли мы все на площадь, стали напротив дома наместника и сфотографировались: батюшка Симеон, батюшка Филофей, матушка Александра и такая горбатенькая Наденька и я. А через пять минут батюшка Симеон благословил меня другой своей фотографией.

Теперь что же... Пошла я к отцу Симеону за духовным советом. Прихожу к нему в келью и говорю: «Батюшка, благословите меня замуж выйти». А у меня в ту пору женихов было много. Отец Симеон мне и отвечает: «Зачем тебе муж нужен? Какая ты замужница? Какая ты невеста? Какие тебе женихи»? А я думала: — Ну, может, за будущего священника благословит меня замуж выйти?.. А он мне и говорит: «За попежку-то? Да они тоже пьяницы. Живи в миру белой монашкой» ... Я как начала плакать. Ой! Я не представляла себе такого пути. Я думала, что или в монастырь пойду, или замуж выйду. А он мне вдруг говорит такое! А я ведь Богу обещала: «Господи, как мне отец Симеон скажет, так я и жить буду». Боже мой! Я реву. Я себе такого не представляла, что буду белой монашкой. Теперь я только поняла, много лет спустя, как он был прав в моем отношении. Тогда же я думала: «Нет, это не мое — жить в миру». Такое вот у меня было тогда своеволие, упрямство. Я даже перестала ходить к отцу Симеону. И вот, он однажды встречает меня в монастыре и спрашивает: «А почему ты ко мне не приходишь»? А я как заплачу, да и говорю ему: «Батюшка, благословите меня в монастырь». И только твержу: «В монастырь, в монастырь». Он меня спрашивает: «А тебе в миру трудно жить»? Я отвечаю: «Да, трудно». А отец Симеон и говорит: «А в монастыре жить еще труднее. Вот научись сначала в миру жить. И когда тебе в миру станет легко жить, тогда можешь и в монастырь идти».

Идет отец Симеон в другой раз навстречу мне по Успенской площади, а я подхожу к нему — опять заплакала. Батюшка снова спрашивает: «А почему ты ко мне не приходишь»? А я все плачу и говорю: «Батюшка, благословите меня в монастырь». Надоела я ему, он мне и сказал: «Ну ладно, езжай в Пюхтицкий монастырь, посмотришь, как там матушки все ругаются — сама в монастыре жить не захочешь». Но я не жалею, что я была в Пюхтицком монастыре — там была блаженная Екатерина и был батюшка Петр. Они со мной там чудеса творили...

Потом, после Пюхтиц, когда мне нужно было паспорт менять, необходимо было где-то работать. И год я проработала, в Печоры не приезжала.

Одно время у меня сильно болели ноги, трудно было по лестницам подниматься. Я написала об этом отцу Симеону: «Батюшка, помолитесь, у меня ноги очень болят». А он мне пишет в ответ: «С больными ногами не запляшешь — побольше будешь дома сидеть».

К тому времени я уже познакомилась с отцом Серафимом. Вот как это произошло.

На моем попечении тогда были девочки, за которыми я ухаживала; их мать уехала помочь своим больным родителям. Однажды я вместе с этими девочками приехала в Печоры на праздник — на Рождество. И вот на Рождество, уже вечером, мы с ними пришли к келье отца Симеона. Нас тогда прямо в монастыре поселили — в гостинице. Я научила девочек петь «Рождество Христово, Ангел прилетел...», и мы с ними попели колядки у отца Симеона. Батюшка нам столько гостинцев дал, что и не унести! И такой он был довольный! А потом он и говорит: «Вот, идите и к отцу Серафиму, и там тоже "Рождество Христово..." пропойте» — так нас к отцу Серафиму и отправил. Мы пришли к отцу Серафиму, а там у него как раз дверка была открыта. Мы и у него тоже «Рождество Христово...» пропели.

А потом, когда я некоторое время опять жила в Питере, батюшка отец Симеон благословил, чтобы у нас

была переписка с отцом Серафимом. Я писала отцу Серафиму письма, а тот читал их отцу Симеону.

После этого я все-таки не поехала в Печоры, но вернулась в Пюхтицкий монастырь. Я очень полюбила блаженную Екатерину [Малкову-Панину. — *Авт.*], мы с ней из одной кружки даже ели. И вот, когда я находилась в Пюхтицах, отец Симеон вдруг присылает мне денежный перевод (через отца Серафима) — 100 рублей — и приказ: приезжать в Печоры.

По послушанию старцу я приехала жить в Печоры. И все равно здесь было как-то не по мне. Начались искушения. Это был 1958 год. Печеряне меня приняли плохо. Они решили, что я — какая-то аферистка, приехавшая искушать монахов. И так они мне начали досаждать, что я уже не могла больше терпеть этого; я не привыкла к подобным искушениям. Я батюшке Симеону про это рассказала. А он и говорит: «А ты что же, раньше не была такой же, как они»? А я отвечаю: «Была». А он говорит: «Потерпи, и за это с тебя все прежние грехи снимутся». Это меня батюшка так поддерживал. А я к нему опять пришла и говорю: «Батюшка, а про меня вот так-то говорят...» А он в ответ: «К сердцу не принимай. На чужой роток не набросишь платок. Поговорят и бросят».

И все-таки я не выдержала этих нападок на меня. Я и говорю хозяйке, у которой в доме останавливалась: «Завтра я уеду». И вот как легла я после этих слов в постель в пять часов вечера, так трое суток и лежала недвижимая, не могла шевельнуться — ни рукой, ни ногой — ничем. Меня как парализовало.

Меня спрашивают: «Что у тебя болит»? Отвечаю: «Ничего». — «Позвать врача?» — «Не надо». — «Приготовить тебе покушать?» — «Нет, ничего есть не хочу».

И так продолжалось трое суток.

Ровно через трое суток все это прошло. Поднялась я с кровати и иду в монастырь. Прихожу туда, еле-еле иду. Поднялась по ступенькам на Успенскую площадь. Вижу, батюшка отец Серафим там стоит в углу — он иконки

продавал, ларьком на Успенской площади заведовал. Он спрашивает меня: «А чего вас так долго не было видно»? А я отвечаю ему: «Вот, хотела из Печор уехать, да три дня не могла с постели подняться». И заплакала. Он мне говорит: «Идите теперь же к батюшке Симеону в келью, он сейчас там один, там сейчас никого нет». Прихожу к отцу Симеону, плачу. Батюшка поставил креслице посередине кельи и меня, как маленькую, посадил на коленочки. Мне ни слова не промолвить, слезы текут, а он их вытирает, целует меня — он душу мою жалеет. А я ведь без его благословения хотела уехать. Он мне и говорит: «Деточка, без моего благословения впредь ничего не решай. Вот с сегодняшнего дня и впредь ходи к отцу Серафиму — каждый день ходи. Пусть он тебе время назначит, когда тебе к нему приходить. Пусть он тебя подкармливает, и пусть он тебя исповедует». Вот такое его благословение. А отец Симеон продолжает: «Сегодня же, вот сейчас же, иди к нему». Прихожу к отцу Серафиму. Батюшка отец Серафим присел и мне говорит: «Садитесь, рассказывайте, в чем дело». Я ему рассказываю: «Вот так-то и так-то мне батюшка Симеон поступать благословил». После этого отец Серафим мне время назначил, когда к нему приходить — в пять часов утра. И так продолжалось довольно долго.

Начал меня отец Серафим подкармливать (я ведь не работала тогда нигде, денег не получала), начал и исповедовать. Однажды я к нему прихожу, а он сидит перед своей кельей — там стоял диванчик — и говорит: «Я вас больше не буду исповедовать». А там наверху икона Матери Божией «Знамение» и Иоаким и Анна — от Богородицы по бокам. А я защитить себя никогда не могла сама — я заплакала, подняла глаза к иконе и спрашиваю: «Матерь Божия, что мне делать»? А отец Серафим говорит мне: «Сейчас я схожу к батюшке Симеону». Ушел к нему и долго у него пробыл. Я же все переживаю и думаю: «Что батюшка ему скажет?» И вдруг отец Серафим идет, открывает дверь к себе в келью и говорит мне: «Заходите» ...

Сел на кровать и заплакал...

За тридцать лет батюшка Симеон предсказал ему его болезнь. Батюшка Симеон сказал тогда отцу Серафиму: «Исповедуй ее, она тебе еще пригодится».

В эти годы — при отце Алипии — я купила в Печорах на Пачковке дом. Этот домик, в котором я и теперь живу, меня благословил купить сам архимандрит Алипий. Здесь, на Пачковке, на окраине Печор, по преданию, когда-то жили основатели Печерского монастыря святые Иона и Васса. До покупки этого дома я жила у людей на Большой Пачковке; обычно оттуда я ходила в монастырь — по лесу, а не через город. И вот я иду однажды в монастырь — не помню уж, какой праздник был, и вижу: стоит отец Алипий на горке. Он знал меня немного; а я в Печорах бывала еще до того, как он стал здесь, в монастыре, наместником. Я подхожу к нему под благословение, а он меня и спрашивает: «Ты живешь на этом месте»? Я ему и отвечаю: «Нет, я живу вон у того леса, у соснового, почти у большой дороги». Он мне говорит: «А ты купи домик здесь». Я ответила ему, что у меня нет денег. А он вдруг сказал мне: «А я тебе на это денег дам».

Ну и озадачил он меня этими своими словами!

А дело здесь вот в чем было. Неподалеку от того места, где я в то время останавливалась на Пачковке — еще до покупки дома — жила блаженная Феодосия*; она меня очень любила. Блаженная Феодосия приходила ко мне в дом, часто разговаривала с дедушкой — его хозяином. А потом вдруг принесла отцу Алипию 14 тысяч рублей. Отец Наместник ей и говорит: «Мать, ты бы лучше себе дом купила, чем мне отдавать эти деньги».

---

* Блаженная Феодосия — известная псковская юродивая 1950–1960-х годов, жившая в Печорах; сугубая молитвенница, не лишенная и дара прозорливости. Была убита и сожжена вместе с ее домом неизвестными. Погребена на печорском городском кладбище.

Упоминание о ней см. в кн.: *Игумен Роман (Загребнев).* Милость Божия над Псковской землей. О блаженном старце Михаиле и о многих. Псков, 2002. С. 32–37. Также: *Изборцев И. (Смолькин И.А.)* В руце Твои, Господи... О тех, кто всегда идет впереди нас. Издание Единецко-Бричанской епархии, 2006. С. 353.

Феодосия, печорская блаженная
1950-е гг.

Сказал он это потому, что там, где она жила, не было даже пола. А блаженная Феодосия ему и отвечает: «А ты купи мне дом на кладбище, а вот Серафиме дом купи». Это она благословила, чтобы отец Алипий мне дом купил. Поэтому-то он мне про покупку дома и сказал; он мне и денег на это дал.

А я и раньше, когда ходила мимо этого места, где теперь у меня дом — на Пачковке, все думала: какие здесь счастливые люди живут! Место мне это очень понравилось. И вот я уже сорок первый год живу в этом доме — чудесами Божиими...

Одно время в газете «Печорская Правда» печатали ругательные статьи про монастырь. И там про многих известных монахов писали, а в конце одной статьи было написано: «А игумен Серафим в некой Серафиме души не чает». И еще вот что было в газете сказано: «Даже такой тихоня, как игумен Серафим, тоже сумел неплохо

устроиться — привлек из Ленинграда в Печоры молодую девицу». Вот такая провокация. И поэтому батюшка Серафим на время меня от себя отстранил и сказал мне: «Вы даже под благословение ко мне пока не подходите».

А я тогда уже долгое время нигде не работала. Такие чудеса были! Когда отец Симеон умер, в это время здесь в Печорах был другой великий старец — отец Никита (Чесноков)*. И как-то он меня к себе привлек.

---

* Архимандрит Никита (в миру Петр Васильевич Чесноков) — родился 28 мая 1883 года в Петербурге, в семье бывшего крестьянина Тверской губернии, занимавшегося в столице аптекарским делом. С 1900 по 1904 год — послушник Валаамского Спасо-Преображенского монастыря. В 1907 году, по окончании общеобразовательных курсов, выдержал экзамен на учителя Министерской народной школы. С 1908 года — псаломщик; в 1912 году рукоположен в Житомире во диакона и по 1915 год служил в одном из храмов Волынской губернии.

3 октября 1915 года рукоположен во священника епископом Гдовским Вениамином (будущим священномучеником) в церкви Преподобного Алексия, человека Божия, Новоладожского уезда Петроградской губернии и оставлен для служения в этом храме Алексеевского Общества дел милосердия — на Успенском острове посреди реки Волхов. С января 1919 года — настоятель церкви Рождества Богородицы в селе Черенцово Новоладожского уезда Петроградской губернии. С 1930 года — благочинный Третьего Ладожского округа Петроградской епархии; с 1933 года — протоиерей. Арестован 27 декабря 1933 года и осужден «тройкой ОГПУ» на 5 лет концлагерей. Отбывал заключение в лагерях Дальнего Востока. С 1939 года проживал в Новгороде, где работал сторожем. После начала оккупации немцами Новгорода (в августе 1941 года) служил священником недалеко от него — в общине Трясовского прихода (деревня Орлово), где им был выстроен и освящен храм Вознесения Господня, действовавший до 1950-х годов. Осенью 1943 года был эвакуирован вместе с приходом и местным населением в Литву. С 8 ноября того же года — настоятель Успенской церкви в городе Можайки Литовской епархии. В 1945 году вернулся в Новгород и с 15 октября стал настоятелем храма в селе Бронницы Мстинского района Новгородской области. В конце 1950-х годов местным «уполномоченным (Комитета госбезопасности) по делам религии» был лишен права совершать богослужения в Бронницах и вскоре (по кончине супруги) принял монашеский постриг в Псково-Печерской обители.

Был известен как благоговейный молитвенник, мудрый, опытный духовник и живой проповедник.

Скончался 25 октября 1963 года. Погребен в монастырских пещерах.

См. о нем: *Малков Ю.Г. и Малков П.Ю.* У «пещер Богом зданных». Псково-печерские подвижники благочестия XX века. С. 376–385; Петербургский →

Архимандрит Никита (Чесноков), кормящий монастырских голубей
Начало 1960-х гг.

А я выучилась к тому времени на портниху и шила для отца Никиты, снимала с него мерки. Потом — по его молитвам и благословению — устроилась работать в больницу. И именно в это время, когда я начала работать в больнице, в доме культуры в Печорах зачитывали список людей на высылку из города, и я там была в этом списке — «за тунеядство»*. Вот как меня батюшка Никита от высылки из Печор спас.

Когда отец Серафим тяжело заболел — в последние пять лет его жизни — я и одевала его, и обувала, и убирала в келье, и еду готовила ему, и кормила. Здесь очень пригодилась прошлая врачебная практика. Все стерилизовала, содержала в чистоте. И врачи ему говорили: «Вы живете за счет хорошего ухода».

У него был перелом большой берцовой кости. Этот перелом у отца Серафима случился вечером, а он еще этим же вечером ходил с переломом по келье — до стола и обратно. И, кроме того, у него была большая грыжа, которую не оперировали.

И отец Зинон ухаживал за отцом Серафимом, когда он болел.

У отца Серафима была замечательная память. Он на память знал всю Псалтирь. Отец Серафим выучил наизусть Псалтирь в течение тридцати лет, и за сутки ее всегда прочитывал. У отца Серафима была небольшая карманная Псалтирь, и в ней было его рукой написано: «31 октября — память преподобных Спиридона и Никодима просфорников. Изучил на память всю Псалтирь и, трудясь усердно ради спасения своей души, беспрестанно пел псалмы — за сутки всю Псалтирь. Тридцать лет трудился».

Он всегда великий постник был — все ел по чайной ложечке — и до болезни и во время болезни.

батюшка. Жизнь, служение, творчество протоиерея Владимира Шамонина. М.: Отчий дом, 1997. С. 27–31.

* «Компания» по борьбе с верующими и «инакомыслящими», проводившаяся советской властью под этим лозунгом в конце 50-х и в 60-х годах прошлого века.

Когда отец Серафим лежал и болел, он все молился, лежал с книжечкой. Он ведь каждый день причащался, и я вместе с ним тоже. Причащал его отец Зинон. Отец Серафим и за себя, и за меня молился — правило читал — мне-то некогда было правило читать. И зрение у него хорошее было, замечательное, читал без очков.

...Отец Серафим молчаливый был, мало говорил.

Но вот однажды я посуду мою вечером, а он вдруг и говорит: «Как начнут умирать один за другим». И повторил: «Как начнут умирать один за другим»... И правда, после его смерти как пошли умирать батюшки наши: отец Александр, отец Досифей, отец Феофан, отец Нафанаил.

В келье у отца Серафима среди чтимых им икон была икона Пресвятой Троицы и икона Божией Матери «Умиление» — такая, как у преподобного Серафима Саровского...

Я все переживала: — Как отец Серафим умрет? — беспокоилась, боялась. Но умер он очень спокойно. На третий день Рождества я стала читать вечерние молитвы — про себя — и канон Архангелу, а отец Серафим мне вдруг и говорит: «Помогай». А у него была над кроватью «балканская рама» (такие делают для больных, чтобы они могли за нее держаться и приподыматься с постели), но ему уже было до нее самому не достать; у него и почки к тому времени совсем отказали. И вот я до последнего его вздоха держала ему ручки, чтобы он мог за раму держаться. А я посмотрела в это время на фотографию отца Симеона и говорю: «Батюшка, отец Симеон, помолись — батюшке Серафиму тяжело». А батюшка Симеон мне — как живой — вдруг говорит: «Да и тебя-то жалко». Я говорю: «Батюшка, мне-то не тяжело, а вот ему, отцу Серафиму, тяжело». А батюшка Серафим три раза коротко вздохнул, да и дышать перестал. Вот такая смерть была у него. И не закрыл глаза — так и умер с открытыми глазами. Умер он в 11 часов вечера.

Когда я за ним ухаживала, я все время чувствовала себя не на земле, а на небе...

Письмо со Святой Горы Афон отцу Серафиму (Розенбергу)*

Ваше Высокопреподобие! Священноигумен отец Серафим! Благословите Вас поздравить с наступающим Вашим тезоименитством, днем Вашего Ангела Святаго Преподобнаго Серафима Саровского Чудотворца. С пожеланием Вашему Ангелу Хранителю — Злат Венец, а Вам, Ваше Высокопреподобие, Священноигумен отец Серафим, доброго здоровья, благоденствия и мирного жития, успехов во всем, на благопроцветание Святой Православной Церкви, на многая лета. В наших воспоминаниях о Вас, Вы посеяли в нас добрые семена, нравы и чувства, как любвеобвильный старец — к своим братиям, воспламеняясь серафимскою любовию словесных овец, подражая своему Ангелу Хранителю, преподобному Серафиму Саровскому Чудотворцу. Сейчас в сей момент находясь на далеком расстоянии от нас телесным образом, ваша душа предстоит рядом с нами и возносит свои горячие молитвы в сем Святем месте земнаго удела Божией Матери, Святой Горы Афонской, во обители Святаго Великомученика и Целителя Пантелеимона. С помощию Божией в праздник Крещения Господня вечером у нас исполняется полтора года с того момента, когда наши стопы вступили на сию Святую освященную землю Святой Горы Афонской, в сию святую обитель земного удела Божией Матери, и продолжаем свое дальнейшее житие.

Климат здесь гораздо теплее, чем в тех северных краях Псковской области и Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Сегодня на море сильная буря, подымает сильные волны и слышно в кельях сильный шум волн, но погода стоит теплая. Температура стоит тринадцать градусов тепла в тени по градуснику Цельсия. Если когда здесь выпадает снег, то он лежит в течение трех дней, а потом весь тает на южной стороне Святой Горы Афона, а на северной стороне Святой Горы Афона снег тает немного позднее. Прошлый год на праздник Крещения Господня выпал снег и пролежал полторы недели, а потом весь растаял. Святая Пантелеимоновская обитель находится на южной стороне Святой Горы Афона. Служба

* Как уже говорилось выше, письмо было написано прибывшими в июне 1966 года на Святую Гору Афон, в Свято-Пантелеимонов монастырь, русскими иеромонахами Ипполитом (Халиным), Евстафием (Маркеловым) и Досифеем (Сороченковым).

совершается здесь всегда в ночное время, как это установили Святые Отцы первых веков христианства. Часы исчисляются здесь по Византийскому времени, как только успеет солнце скрыться за горизонт, уже здесь считается двенадцать часов ночи, и сразу начинается малое повечерие с каноном и акафистом в течение часа. После сего расходимся по келлиям до полунощницы. Полуношница здесь начинается в семь часов утра, когда у вас там время половина второго ночи. Все совершается по порядку; полуношница, Шестопсалмие, две кафизмы, каноны, первый час и без перерыва совершается Литургия. Кончается Литургия половина двенадцатого дня, когда у вас там время половина шестого утра. Желаем Вам провести сии праздники — своего дня Ангела, Новолетия, Крещения Господня — и сии святые дни в духовной радости и благополучном здравии.

Стихотворение «Всем монашествующим на память о Преподобном Серафиме Саровском»

Взыграйте духом и сердцами,
Священный иноческий лик.
Что в наши дни и между нами
Великий праведник возник

Блаженны мы, что в наше время
Светило яркое зажглось,
И веры оскудевшей семя
В сердцах обильно разрослось!..

Спешат ко гробу Серафима;
У всех на сердце мысль одна…
И благодать не всеми зрима —
Для всех чувствительно видна.

Источник щедро изливает
Потоки благодатных вод,
Тела и души исцеляет,
Сердцам отраду подает.

Слепые ясно прозирают,
Больные тут же восстают,
Глухие слышать начинают,
Немые славу воздают…

И всех, в беде и скорби сущих,
Утешить скоро он спешит;
Но нас, в обители живущих,
Особо любит и хранит.

Он духом был и будет с нами,
Он — член монашеской семьи;
Любовью, верой и трудами
Мы навсегда ему свои.

Он путь нам к Богу освещает
Сам по пути сему ведет.
Он всех на подвиг поощряет,
Во всем пример нам подает.

Любил труды, терпел гоненья,
Всегда послушный, как дитя,
Он не желал успокоенья,
Земное странство проходя.

Прощал врагам своим с любовью
Когда жестоко пострадал,
Как потом, был облит он кровью,
Но никого не обвинял.

Псково-Печерский монастырь

Любил измлада он обитель,
Там было небо для него;
Теперь же сам небесный житель
И — Ангелы — друзья его.

Возлюбим мы ее, святую,
Чтоб Серафиму подражать:
За жизнь короткую земную,
На небе вечную стяжать!

Да будет нам во утешенье
Святой обители краса:
И в ней покой нам и спасенье,
Здесь нам и рай, и небеса!..

Да будут скорби наши в радость,
Труды и теснота — в покой,
И горесть жизненная в сладость,
И ни во что весь шум мирской!

И в мире житие честное
Избранных к Богу приведет,
Но лишь монашество святое
Столпы вселенной создает.

Сокрыты многия светила —
И грешный мир не видит их;
Когда же скроет их могила, —
Прославит Бог рабов Своих.

Пресладко рай благоухает,
Велика слава там Святым,
И тою славою сияет
Теперь Саровский Серафим...

Приступим все со умиленьем,
Прославим доброго отца,
Чтоб Бог и нас, его моленьем,
Сподобил райскаго венца.

Чтоб рай отрадно созерцая,
Нам легче было все сносить,
Всегда со старцем повторяя:
«Там лучше, лучше!..» —
С Богом жить.

«...Зде Спасение, зде Бог»

Это стихотворение с Афонской книги стихотворений под названием «Пучок цветов с Афона». В признание Вашей любви к нам, вашим чадам, высылаем виды — открыточки сей Святей Пантелеимоновской обители и иконочки на шелку. Высылает Вам иконочки Крещения Господня Отец Иеромонах **Евстафий**. Вам одну, а другую матушке монахине **Серафиме** Усенко. Всем передавайте, нас знающих, наше **приветствие**. Взаимно просим Вашего благословения и ваших святых молитв о нас. С неизменной любовью к Вам ваши чада — ныне Пантелеимоновской обители на Святей Горе Афон.

Русские Иеромонахи. Святая Гора Афон.
Обитель Святаго Великомученика и Целителя
Пантелеимона. 1968 год, 3 января нового стиля
(Приписка отца Серафима: «Получено 17 января (шло 2 недели)»).
Подтверждение тому, что отца Серафима хорошо знали и глубоко уважали на Афоне, мы находим и в письме, присланном тогдашним игуменом Пантелеимонова монастыря архимандритом Иеремией Тамаре Ивановне Розенберг. В нем, в частности, говорится: «...Из Псково-Печерского монастыря на Афоне сейчас 9 братиев; отлично знающие отца Архимандрита Серафима, они сугубо кланяются вам и молитвенно желают многих Милостей Христовых. От души поздравляем вас с праздником Успения Пречистой Божией Матери!..
Игумен Св.-Пантелеимоновского Монастыря
Архимандрит Иеремия с братией. Святая Гора 1979 год».

«...Я — ТЕМЕН, ТЫ — СВЕТ»

АРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ О СЕБЕ (ИЗ ДУХОВНЫХ ДНЕВНИКОВ СТАРЦА)

Довольно значительная часть рукописного наследия архимандрита Серафима посвящена его личному духовному деланию. На страницах дневников отец Серафим искренно и очень прямо пишет о том непростом пути, что пришлось ему преодолевать, шествуя ко Спасению.

Наибольшая часть подобных записей относится преимущественно к 1930-м годам, когда архимандрит Серафим еще только начинал свой монашеский путь. Однако есть там и фрагменты, относящиеся к более позднему времени — вплоть до 60-х годов.

В записях этих отец Серафим говорит и о своей любви к Богу, и о том, как счастлив он жить в Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре, и о своем понимании смысла священнического служения.

Однако большинство записей относится в первую очередь к той непростой борьбе с грехом, что вел на протяжении всей жизни старец Серафим.

Отец Серафим очень строг к себе. Те нелестные самоопределения, что дает этот смиренный инок на страницах дневника, могут порой даже вызвать некоторое недоумение у читателя и смутить его: уж слишком жесткие и нелицеприятные характеристики дает себе старец. Он пишет о себе, как о величайшем и недостойнейшем грешнике, обуреваемом то греховными помыслами, то самопревозношением перед ближними.

Но тут необходимо иметь в виду следующее.

Во-первых, как уже было сказано ранее, бóльшая часть этих дневниковых отрывков относится к самому началу монашеского пути молодого человека, еще совсем незадолго до поступления в монастырь пережившего тяжелейший духовный кризис, в результате

которого он, собственно, и обратился от своего былого полу-атеистического равнодушия к Православию. Тем самым, перед нами — картина начального этапа пути его христианской жизни — того этапа, что бывает духовно непростым и искусительным для любого человека, лишь недавно уверовавшего во Христа и только что вступившего на тернистый путь борьбы с грехом.

Во-вторых, следует помнить и о том, что отец Серафим на протяжении всей своей долгой жизни отличался предельным смирением, искренне считая себя — и в юности, и в маститой старости — недостойнейшим из всех людей. Он всегда мнил себя чуть ли не самым грешным — в очах Божиих — из живущих на земле. И это — несмотря на его подлинную жизнь во Христе, полученные им от Бога разнообразнейшие благодатные дары! Обладая предельным смирением, он непрестанно обличал себя за гордыню. Будучи подвижнически трудолюбив и искренне радуясь поручаемым ему физически тяжелым послушаниям, он винил себя за лень. Ведя крайне аскетический образ жизни — корил себя за сластолюбие. При этом отец Серафим ничуть не лицемерил. Он действительно считал себя презреннейшим из монахов, который — за свои злые дела — обречен на адскую муку и может надеяться лишь на неизреченное милосердие Божие, способное спасти его из пучины погибели.

В этом он — подлинный наследник тех многих древних христианских святых, что и у гробовой черты — стяжав за годы своего подвига полноту Божественных даров — считали себя еще даже и не начавшими путь ко Спасению.

И именно поэтому поздние отрывки из дневников отца Серафима, содержащие все то же искреннее самообличение старца за привязанность ко греху, так мало отличаются от его ранних записей.

Во все годы своего жития в Псково-Печерском монастыре отец Серафим сохранял одно и то же убеждение: без помощи Божией, одними своими силами, человек не способен достичь чего-либо доброго, благого, спа-

сительного. И даже то доброе, что может оказаться совершено христианином, также ему, по большому счету, не принадлежит, но имеет своим Делателем лишь один Источник и Причину всякого блага — Бога. Именно в этом смысле отец Серафим отказывается видеть в себе любые достоинства, духовные совершенства, «успехи» на пути ко Спасению. Все благое — Божие. Его — лишь грех и духовная нищета.

Но архимандрит Серафим, сознавая свое недостоинство и духовное бессилие своего обособленного «я» перед лицом зла, твердо знает и то, что, под защитой Божественной благодати, наделенный Божественной силой и стремящийся свободной волей ко Спасению, он оказывается способен этого Спасения достичь. Именно поэтому он, решительно избегая состояния отчаяния, уныния, — надеется на своего Бога и Творца, и, обращаясь к Нему, восклицает: «на Твою милость уповаю крепко»!

Архимандрит Серафим о самом себе (из духовных дневников старца)

Ты — все блаженство мое, Господи, и радость, и все, все. Ничего мне не надо, кроме Тебя, прости неверность мою — что угождаю плоти, миру, диаволу. Помоги!

5.3.34 старого стиля.

Где более благоприятное место для Спасения души, как не здесь? Где удобее помнить Бога, смерть, Суд Страшный, вечную жизнь, суетность земной жизни? Где удобее видеть себя, свои страсти и очищать душу от них, укреплять дух в молитве, Таинствах Покаяния и Причащения Тела и Крови Христовых? Зде, в обители Печерской. Зде познается всякая прелесть диавольская. Зде хорошо ожидать смерти. Зде все напоминает о Боге, каждая пядь земли посвящена Богу и освящена Им, покровительством Богородицы, жизнью Святых Печерских и их трудами. Зде Спасение, зде Бог.

В монастыре живу — здесь и умру ради чистоты души; откажусь от мысли жить в миру жизнью злою (там ждет меня — смерть души). Не буду прогневлять Господа, живя в удалении от Бога, сохраню монашеские обеты, озлобления сии стерплю, чтобы не лишаться небесной надежды.

Знаю в чем мое счастие. Когда в церкви скоблю, тру что — душа радуется. Почему же безумствую, иду против Бога? В этом — горе мое. Природнись, полюби монастырь, потрудись.

Стоя на клиросе, думал: я был прежде в городе — мразь — и вот, по милости Божией, нахожусь теперь в святой Обители, в храме, среди ангелоподобных братий. Слава Тебе, Господи.

Не осуди меня, Господи, на Суде Твоем, что я, недостойный грешник, живу в монастыре — в таковой благодати Твоей, в изобилии и довольстве, при ничтожном труде моем, когда в миру люди и при тяжком труде голодают и холодают.

Не осуди мя, Господи, и за сие, что не по грехам я сыт, обут, в тепле, благоволят все ко мне и хвалят, когда пред Тобою я осужден, обретаюся на муки, и лишь по долготерпению Твоему ждешь Ты покаяния моего.

Облагодатствован я Богом, но прокажен изнутри, люди видели б это — возгнушались бы мною (мои блуд, сластолюбие, себялюбие, лень, осуждение, тщеславие). Бог по милости терпит мя, да еще и благотворит мне — а я возношусь и нерадею.

Побеждать надо сон, лень, чрево, блуд, гордость, гнев — Богу содействующу.

И монастырь благодетельствует мне: Владыка, братия, еда, кров, свобода, сделался монахом, читать на клиросе дают — спаси их, Господи, и их молитвами даруй мне смирение.

Спаси их, Господи, начальников моих, и мя спаси — их святыми молитвами. Сердце мое смири, очисти, со-

грей, устраши. Жив Господь, я — один из миллионов Его созданий. Истинны слова Его — не прейдут.

Сам я не вижу всех грехов своих, немощности, безумия! А вот если бы был я всем виден насквозь (но я скрываю себя от других, лицемерю), то, о срам, разглядели бы: я — ленивый, сластолюбивый, обжора, самолюбивый, и прочее...

Если бы поступило в монастырь несколько интеллигентных монахов (не таких, как я) — был бы я пономарем, работником, картошку чистил; тогда все может измениться: поселят куда на чердаке, в холоде, будут насмехаться, обижать...

Нищ я — тяжких грехов исполнен. Милостив буди, Господи, ко мне; на Твою милость уповаю крепко, каясь и слезя о нагости и нищете моей. Даруй и покаяние, и сокрушение мне, и даруй мне зреть грехи моя, помнить о них. Ты еси свят — освяти мя. Не отвержи от Себя мя на суде Твоем. Я — нищ, Ты — богат. Я — грешник, Ты — свят. Я — подл, Ты — велик. Я — зол, Ты — благ. Я — темен, Ты — Свет.

Преподобный Серафим говорит о веселости, полезной при усталости. Преподобный Серафим зовет сам: призывай меня и спасешься.

Должен я жить в послушании Богу, по воле Божией, по Его заповедям:

Необходимы: любовь, **правда**, смирение, самоотвержение, терпение, **честность**, **трудолюбие**, кротость, милосердие, целомудрие, воздержание, молитва, вера, надежда, верность.

Достоин терпеть: голод, холод, быть без крова, побои, ругания, напраслины, лишения, гонения, мучения и умереть — подобно псу.

Все плохо делаешь, кругом виновен, ошибаешься постоянно, не умен; я — как и другие — человек, от матери рожден тогда-то и умру (скоро), как и **все**. Господь и Богородица, и Святые примут и защитят меня тогда,

помогут, как и теперь пекутся о мне. Грехи мои? Жалею о них, каюсь в них, виноват.

Нужно брать пример со Спасителя — Бог смирился, смирился до смерти. Что Он претерпел? И от кого? От грешного создания Своего. И претерпел напрасно!

Нужны мне: сочувствие, усердие, гостеприимство, стыдливость, честность, храбрость, мужество, приветливость, снисходительность, искренность.

Ни диаконство, ни Причастие Святых Христовых Тайн не спасет меня, если заповеди преступаю — возношусь, малодушествую (первый есмь аз грешник, нужен страх Божий; все доброе — дар Божий, мое — лишь грехи).

Что я — христианин, и монах, и диакон, и живу в монастыре — особый дар Божий; более и взыщется с меня. И архиереи некоторые осудятся на вечную муку.

31.1.35. Библиотека.

Страсти смиряют грешников; страсти притаились и во мне; лишь по милости Божией иногда дают покой мне — ради Спасения моего.

Я обязан нести труды смиренно, и претерпевать болезни — да вечной муки освобожусь, не допуская мысли тщеславной; я обязан все претерпевать: скорби, выговоры, недостатки — все — со смирением, так как по грехам и худшего достоин. Я уже осужден, но дано мне время для покаяния — не впасть бы в вечную муку. Я обязан всех почитать за господ, за благодетелей и за святых; пред всеми (даже и малыми, и дурачками) обязан смиряться (пред людьми я — ничто, пред Богом я — мерзость); обязан отвергать всякое себялюбие, самомнение, тщеславие, лень, самонадеянность. Должен твердо надеяться на Промысл Божий — тогда и не убоишься, и не смутишься при искушениях.

Грехи содеянные должен иметь пред собою **всегда — как сегодня сделанные** (не напоминая себе

их подробностей — да не увлекусь сим вновь во грех, должен помнить лишь самую их суть): блуд, злобу, гордость, тщеславие, осуждение, лень, сребролюбие, бесстрашие.

Грех не мечта — он реальность, он бессмертен; **грех** — не помнить и самой греховности своей; здесь — легкомыслие и пагубное нерадение. А вот чужие грехи ты видишь, ближнего в них подозреваешь.

Дай мне, Господи, памяти грехов, сего блага великого. Вот обман и слепота: перед людьми трепещешь высказать малейшую слабость, и при открытии для других твоего греха — готов умереть со стыда, сквозь землю провалиться: в обществе ты ни за что не согрешишь плотски, потому что боишься чужого худого мнения о себе. При этом забываешь, что ты ходишь пред лицем Бога и тмы Ангелов, Богородицы и Святых — и не страшишься нагло и бесстудно грешить пред глазами Божиими. Вот слепота и безумие! Не пожелал бы ты утешений, сладостей, покоя, удовольствий, в великом **смирении** пребывал бы в неосуждении ближнего, если бы все грехи зрел «пред собою выну» — как бремя на плечах, все увеличивающееся и гнущее к земле твою выю, — то есть зрел твою гордость.

Два дела невозможно делать сразу с полным вниманием: одновременно и скрывать свою страсть, приводящую тебя в смущение, и, в то же время, бороться против этой же страсти, не обращая внимания на то, что она, быть может, станет заметна другим, — либо богомыслие, либо суета; несовместимы похоть и лень с памятью о смерти; несовместимы гордость и осуждение — с памятью грехов.

Поучаться следует в заповедях Господних (повторять их в уме и внедрять в жизнь), размышлять о словах Его, сказанных Духом Святым — через Пророков и Угодников Его. Несправедливый укор претерпи — в чем другом-то непременно погрешил. Противно и мерзко Богу возношение, гордость, осуждение.

Горе мне, лицемеру и лжецу, обманываю всех — показывая себя целомудренным, и кротким, и смиренным, и трудолюбивым — словом, святым; прости мя и не осуди, Господи.

Я — иерей, целуют мне руки, оказывают почет некий — Бога ради. И всё же они выше меня; о если бы мне достигнуть их меры смирения, веры, простоты, страха Божия... Нет во мне смирения, нет страха пред Престолом Божиим — нет и начала Спасения.

Я — слуга Богу и людям. Сан ношу из послушания, лишь до смерти.

Ничего не могу без Бога — ни шагу ступить. Не имею ничего своего, все — Божие. Я — Его создание, Им одним храним, питаем, спасаем. Темен я, нечист, всех хуже — пред Богом и Святыми. Подвигов не имею, добрых дел не имею, заповеди постоянно попираю, Бога не помню. Смерть внезапная приближается, грядут Суд и вечная мука. Покаяния не имею, даже и не начинал его совершать. Называюсь христианином, монахом, священнослужителем — недостойно. Живу, ем, сплю — недостойно.

22. I. 39.

Крепился на всенощной — милость Божия дала понять, в чем казус весь: ложное понятие о себе, глубоко вкоренившееся, о своих силах, правах. При истинном познании себя — придет и внимание, и страх Божий. Нужно молить усердно об этом милостивого Бога, бороться и молиться. Я — слуга монастыря; обязан всеусердно, старательно и наилучше исполнять данное послушание — обслуживание посетителей, забывая свое «я». Суд надо мной будет без милости и по заслугам.

Что сказать о себе? Разлад ума и сердца во мне. Нецелостен, неискреннен (другим в глаза не взглянуть), неуверен, боязнен, нерешителен — или **самолюбив**, пребываю в **самомнении, самонадеян**. Нужно быть спокойнее, ровнее, сдерживать нервность, разлет мыс-

лей, собирать их, **молиться**, помнить — бесы тут, помнить об их кознях, не внимать им. Желаешь отлично все делать, нравиться всем, думать: «Все на меня смотрят»; а Бог что — не смотрит?.. Ты — похититель славы от Бога, возвышающийся над братом, коего уничижаешь, осуждаешь за мелочь, себе же — прощаешь всякую мелочь...

Нужно помнить всегда — кто и что ты на самом деле (не в мечтах, воображении). И в молитве тщеславишься. Что можешь — сам по себе, что имеешь сам? Все дано тебе от Бога. Откуда ты явился, куда грядешь, кем живешь? Ты **не хочешь** смиряться, хочешь славиться, прельщаешься бесовскими сетями; напоминай себе истину Христову, молись, борись. За себя будешь отвечать Судии. Сознавай свои грехи, плачь и вой.

Встряхивайся, реально осознавай все происходящее с тобой и себя самого: прочь мечты, помыслы, разбирания, критика себя самолюбием. Грехами огорчаешься — по самолюбию, немощами же — еще более (Господь говорит: *сила... Моя в немощи совершается* (2 Кор 12, 9); огорчайся, что Бога Отца оскорбил).

Уверен бываешь, что отлично вышло — за богослужением и в общении: движение, возглас, выражение лица; нужно помнить: все худо делаю, делаю как могу (забудь себя на время; это — не театр, а ближние — не зрители). Пагуба во всем этом, смиряйся ежесекундно, **укоряй** себя выну; отчаянно напрягаешься отлично дать крест богомольцам, стоять среди церкви и так далее.

Дай зрети грехи моя мне, Господи.

Постоянные стычки с отцом Антонием — проявляю в них: жадность, скупость, лень, упрямство, себялюбие, интерес к чужим слабостям (своих незамечание). Если прощу ему все безвозмездно (не буду требовать от него денег, ни ждать похвал, ни испытывать недоброжелательности к нему) — моя **прибыль чистая**.

Отец Вукол напомнил мне слова отца Иоанна Кронштадтского: будь купцом, каждую минуту покупай

Царство Небесное, то есть пользуйся каждым делом, случаем для смирения, терпения, очищения сердца, терпи. Вот и ты поступай так.

Не доверять себе никогда.

Даже евангельские книжники и фарисеи, обличаемые своею совестью, не осудили блудницу (см. Ин 8, 1-11) — ты хуже их.

Вот чем согрешаю ежеминутно Богу моему: **разленением**, нетерпением болезни, насмешек, желанием удовольствий, исканием приятного, выспаться бы послаще, неприязнью, уничижением других, гневом, себявозношением, самомнением, прельщением, ожесточением, в молитве нетерпением, ленью, бесстрашием, неверием, невниманием, гордостию, **маловерием**, трусостию, суетою, человекоугодием, нехранением заповедей и обетов своих.

Гордый и ленивый, лживый монах, пришел ли ты сюда, чтоб объедаться?

Ведь перед гордостью своей унываешь и плачешь ты, согрешив; не удивляйся — ты зол, мерзостно себялюбив, сластолюбив, ленив, похотлив и прочее — это истина: таков не другой кто, а **ты**.

Объедаюсь; это — чревоугодие; я даже не начинал работать Богу, не положил начало своей духовной жизни.

Я в ужасном заблуждении, самообмане; мое себялюбие сокрыло от меня самого, что наг я и безобразен; оно внушило мне, что я чего-то стою, а что все эти людишки вокруг меня — негодные; как будто они не Богом созданы и Он не проливал Крови для их Спасения; оно внушило мне, что они должны все вежливы быть со мною, низко кланяться мне, мою волю творить, поступать — как я того хочу. При этом я сторонюсь их и боюсь и внутренне опасаюсь — как бы не уведали они (да и я сам) такого моего безобразия. И сам я при этом не люблю

никого, кроме себя. Хочу казаться себе подвижником... Что толку любить читать жития, если не любишь подражать Святым. Лицемер.

Хочешь все отлично делать, быть хвалим, при начальстве или при чтении на клиросе — что какой петух ходишь; мерзостен ты Богу. Согрешишь — унываешь и отчаиваешься, не желая смиренно признать свое ничтожество и вину; кажешь себя целомудренным, когда блудник еси; кажешь себя смиренным, когда горд и самолюбив. В великой прелести ты — чужие недостатки видишь (или тебе кажется, что ты их видишь, — ошибаешься, может, на их счет, может, и нет их совсем — недостатков этих), а своих не видишь: великая пагубная слепота; если бы видел свои недостатки — считал бы себя и перед величайшим грешником, как навоз, и смотрел бы на лучшие качества любого человека. Если бы ты не скрывал себя — по самолюбию — от других, и если бы ты не прятал от себя самого греховности твоей, то никто не почитал бы тебя, а плевали бы, увидев тебя. Очень ты желаешь почета, покоя, тишины, легкой жизни, удовольствий, сластей, мягкого, теплого, сытого. Ты — монах: вспомни свои обеты, возлюби уничижения. Смиренный — в скорбях не печалует, ибо думает, что **достоин** худшего. Враг — душегубец — всюду подсовывает мысль: хорошо ты сделал, сказал, лицо состроил, шагнул, дунул, плюнул (не принимай этих мыслей, вспомни смерть свою грядущую, и прочее). Не можешь любить Бога и людей, когда сердце занято себялюбием. Васю считаешь животным*, не сдерживаешься, проявляешься весь: унижаешь его, злишься на

* Василий («Васенька») Чарский — местный печерский «блаженный», о котором имеются краткие упоминания в некоторых источниках по истории Псково-Печерского монастыря, относящихся к концу 1920-х — 1930-м годам. Так, о нем вспоминает в записках (1973 года) о своем пребывании в обители около 1930 года схимник (возможно — схиепископ) Феодор Иртель (см. о нем: *О. Г[ерман] П[одмошенский].* Отец Сергий Иртель, валаамский послушник, мексиканский юродствующий // Русский Паломник. № 39. 2006. С. 139–153). Эти записки отца Феодора Иртеля приводятся ниже — в разделе, посвященном преподобному Симеону. →

него, зло делаешь ему, кричишь, ругаешь, не терпишь, не смиряешься, гонишь, и прочее. А ведь Бог его создал для чего-то, и печется о нем более, чем о тебе, любит его, за его душу Кровь пролил и дарует ему вскоре Царствие Небесное. А ты — подлец — если обещал следовать Христу, если ты монах и при этом не боишься Бога, и не плачешь о том, что, можешь быть, по смерти обречен на отлучение от Бога, на вечные веки, на муки совести, в ад; борись, поминай смерть, Суд, ад, вечность мук, имей страх Божий. Тяжело сие — узкий путь ведет ко Спасению. Души их всех, людей, созданы Богом по образу и подобию Божию, мир весь не стоит и одной человеческой души; любит их Бог, спасает Своими судьбами, распялся за них. Велит о душе пещися, обещая и давая телу все потребное для поддержания жизни — до самой смерти.

Дай, Господи, зрети мне моя грехи и не осуждать брата моего. Брат — подобен Тебе, Господи, и он — сын Единого Бога.

Болий же в вас да будет всем слуга: иже бо вознесется, смирится: и смиряяйся вознесется (Мф 23, 11–12). Господь и ноги умыл ученикам и сказал им: *образ бо дах вам, да, якоже Аз сотворих вам, и вы творите* (Ин 13, 15).

Фарисей ты: сам хвалишь себя, считаешь, что хорошо сотворил дела свои перед другими — то, что они слыхали (видели) от тебя, — в их глазах петушишься. Помни: Бог тут, рядом — мерзко и дело, и тщеславие твое пред Ним; покайся, моли Его об очищении.

О Чарском тот же Иртель вспоминает и в письме (вероятно, конца 1960-х годов) некоему «дорогому о.[тцу] Р.»: «...Старец Симеон был хороший столяр и пчеловод... В пчеловодстве ему на Святой горе и у церкви Преп. Лазаря помогал юродивый Вася Чарский, порховский житель, Печерской монашеской слободы — истовый молитвенник...» (*О. Г[ерман] П[одмошенский].* Указ. соч. С. 144). Под датой 10 октября 1939 года этот блаженный упомянут и в дневниках («Дежурных тетрадях») печерского игумена-мученика Павла (Горшкова), где говорится: «Сашенька [Прелин, печерский послушник, духовный сын отца Павла. — *Авт.*] сделал доброе дело — вымыл Васю».

Рассуждение. Очень хочу всем нравиться, считаю себя правым всегда — полюби быть в пренебрежении у всех, всегда считай себя неправым. Не стою я ничьей любви, уважения, хуже скота, мразь. Я только лишь думаю о себе, что очень истинно сужу о всем, знаю все, умею все — но ложь это: сам убедись, что это — обман. Постоянно говори си: что я? Впери взор в небо — видишь ли его конец? Так и Бог велик (букашка — ты). Сразу Он тебя не исцелит — десятками лет будешь мучаться, быть может, так и умрешь в грехах гордости. Борись терпеливо.

Грехами я богат. Почему мне нельзя и ошибиться? — Оставь старанье свыше сил всем нравиться, все делать отлично, не возбудить недовольство — **огромен страх** во мне сего недовольства. Но ты — мразь — и не скрывай сего, **не лги** (от Бога ничего не укроешь).

Властию прельщаешься, хочешь быть правым, делать отлично все, иметь значение в глазах других, быть почитаемым, считаться святым, умным; ты — слуга ничтожный, глупый, орудие в чужих руках; вспомни надгробный крест, гроб, кости.

Познай, что ты есть на самом деле, и тем и считай себя; ты — смех бесов, мерзость Богу.

Ты будто незнаком с собою — берешься мастерить что, строишь планы, накупаешь книг — времени и денег истратишь, а сделать дельного ничего не сделаешь, лишь смутишься. Знай свою меру, не мечтай о неисполнимом. Был ты в школе, учил бухгалтерию, немецкий язык, английский язык, [учился] на шофера, на пароходе, в аптеке — а ничего не помнишь, с людьми обходиться не умеешь, сам сделать ничего не можешь, лишь мечтаешь; **уважай** людей, почитай — видя их одаренными талантами, дельными, смиренными, любящими Бога.

На клиросе поя, читая, бывает, что стараешься всеусильно выделиться — как столб некий, пример всем,

молитвенник, с разумом поющий: шваль ты этакая, обманываешь себя больше, люди видят насквозь тя и Бог, смеются над тобой, но терпят тебя, хотя и не внимают тебе. Господи, помоги.

Читал много о любви — в тебе ее нет; проследи, как ты относишься к людям: свысока, холодно; а они относятся к тебе кротко, любовно, снисходительно. Плачь! Лжец, и актер, и святоша. Нет другого пути, кроме Христом пройденного и указанного: самоотверженность, смирение себя, любовь, неосуждение и прочее. *Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф 11, 12).

...Прежде писанное не вполне искренно — ум это сознает. Хоть и видишь за собой грех, осуждаешь себя, но **сердце** по-прежнему остается грехолюбиво, гордо. Сердце мое, сойди с ложного престола, познай свою немощь, испорченность, ничтожество, да вместе с умом будешь всесильно каяться Богу! Пока еще долготерпит милостивый Господь. Напоминай сердцу своему смертный час, Суд, вечное присутствие Божие.

Все окружающие меня — рабы Божии, много больше меня любящие Бога, молящиеся и кающиеся горько втайне Ему. А я люблю ли вообще Бога, Которого не слушаю? Боюсь ли Его? Не думай зря, что **один** ты любишь Бога — это клевета на других. Любовь к Богу подается лишь от Бога. Им, ближним моим, Господь дал и смирение; они — крепко надеясь на милость Божию — спасутся, а ты — на себя и на свои дела надеясь — погибнешь.

На кухне: все они (братия) правы, делают свое дело, искренни, добры — то есть по совести делают все; а когда время придет — и помолятся от души. А ты — святоша — грешен пред Богом и людьми, лжешь им и себе: смирись, будь естествен.

Высоко-духовные мысли — не для меня; ты — злой, обжора, сластолюбец, блудник, осуждаешь, горд, жад-

ный, ленивый, непослушный; нужны тебе — смирение, самоукорение, терпение всего-всего. Даруй, Господи, **зрети** моя грехи и **не осуждать** брата моего. Слеп ты — высокого мнения о себе. Смотри выну на своя грехи (а не в церкви — на клирос). От Бога все имею — рожден, выкормлен, окрещен, выучен (чрез людей), посвящен Богу, живу в монастыре. Что даю другим или как служу — Божие, не свое. И силы и ум — от Бога. Убойся себе присваивать Божию честь — не нам, Господи, *не нам, но имени Твоему даждь славу о милости Твоей и истине Твоей* (Пс 113, 9). Нам же стыдение лица подобает. Я — лишь слуга, орудие Божие; умру — и всего лишусь — одни грехи у меня останутся да покаяние.

Епископ Даниил на Успение 1943 года* сказал мне: не забывай и Спасения за делами.

---

* Архиепископ Даниил (Юзвьюк) — родился 2 октября 1880 года. Окончил Жировицкое Духовное училище в Белоруссии, Духовную семинарию.
До 1914 года занимался педагогической деятельностью в духовно-учебных заведениях. С 1914 года учился на Юридических курсах в Петрограде. После 1917 года находился на гражданской работе в Харькове, откуда переехал затем в Вильно.
В период 1925–1939 годов — преподаватель Виленской Духовной семинарии. С 1939 года — секретарь митрополита Литовского и Виленского Елевферия. В апреле 1942 года принял монашеский постриг, рукоположен в иеромонаха и возведен в сан архимандрита. С того же апреля 1942 года — епископ Ковенский. В августе 1942 года присутствовал на съезде православных архиереев Прибалтики в Риге. В мае 1944 года по завещанию Экзарха Латвии и Эстонии Сергия (Воскресенского) возведен в сан архиепископа и назначен временно управляющим Виленской и Литовской епархией (с правом управления всем экзархатом).
В архиве Псково-Печерского монастыря имеется упоминание — в «Тетради о Входящих и Исходящих Бумагах» отца наместника, игумена Павла (Горшкова) — о присланном Указе Владыки Даниила [как Архиепископа Ковенского. — *Авт.*] (Вход. № 193 от 16 июня 1944 г.) с сообщением о принятии им на себя обязанностей настоятеля Псково-Печерской обители.
В конце 1944 года и в 1945 году находился в Чехословакии. 30 декабря 1945 года восстановил общение с Московской Патриархией и был назначен архиепископом Пинским и Брестским. С декабря 1948 года — архиепископ Пинский и Полесский. 31 октября 1950 года уволен «на покой». В 1956 году ослеп. Жил затем в мужском монастыре города Измаила, →

Не вини воспитание: в твоей воле Спасение твое — очищай себя искренне, веруй, молись, тщись заповеди Божии исполнять, зри грехи, добровольно сделанные.

Гордость — великий и тяжкий — сатанинский грех, молиться об избавлении от него надо.

Боюсь людей, боюсь темноты, прячусь, ленив, сластолюбив, нетерпелив, и прочее.

Очисти и спаси, Господи, имиже ведаешь судьбами.

Не знаю я себя, ни грехов своих, ни людей, ни Бога. А **думаю**, что знаю, что умен, что лучше всех: *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* (Пс 50, 12) ... Мечтаю, сцены себе представляю, разговоры — наперед, в воображении живу, как во сне. Беспокоит некто — ожесточаешься, в глаза не глядишь, тяжело на сердце; Васю не терпишь и с букашкой его сравниваешь. Видимо, корень греха — **гордость сатанинская** — глубок. Трезвонил на звоннице — как гордишься! Доброго поведения и не жди — при сердце нечистом. Помнить надо: есть Бог, Спаситель, заповеди Его, есть грехи мои, есть смерть, Суд, вечность, блаженство и адские муки. Неискренен — потому что во мне разлад ума и грехолюбивого сердца; есть грехи, коих не подозреваю за собой.

Иеросхимонах Арсений на Афоне спокойно умер, говоря: **свою волю** я не творил, но Божию; добрых дел не имею, имею великую надежду на Бога.

Своей славы ищешь, учительствовать хочешь, духовником стать мечтаешь — ради того же: будешь кумир. Стараюсь оторвать внимание от своей особы хоть при богослужении — нет, не могу — **помоги**, Господи!

а с ноября 1964 года в Свято-Михайловском женском монастыре близ Одессы (село Александровка). Скончался 27 августа 1965 года.

В 1943 году епископ Даниил принимал участие в проходившем в Псково-Печерском монастыре на праздник Успения архипастырском совещании. Об этом совещании подробнее см.: *Архимандрит Тихон (Секретарев)*. Врата Небесные. История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Печоры, 2007. С. 110.

«...Я — темен, Ты — Свет»

Враг виноват во всем этом, но и **ты** не мало. Познавай лучше его козни — а вини прежде всего себя. Зазнавшись, думай: «Эка я птица — кто я? Особенный? Лентяй, сластолюбец, похотлив, горд — да!»

Судия един — Бог, подсудимый же — я. Велика моя худость. Брат, которого я осуждаю, покается, а я не смогу.

Если бы окружающие узнали душу мою — презрели бы меня, оплевали бы, оставили бы, гнушались бы, прогнали бы; Бог же всегда видит ее.

Лучшие меня — Святые — умерли страшной смертью: были задушены, погибли позорно, мучительно; тебе ли желать легкой смерти, окаянный грешник? Борись, надеясь на Бога, за Его заповеди. Господь слышит слова твоих молитв...

«БОГУ ИЩИ НРАВИТЬСЯ...»

ДУХОВНЫЕ ПОУЧЕНИЯ АРХИМАНДРИТА СЕРАФИМА (ИЗ ЗАПИСЕЙ СТАРЦА)

В этом разделе книги вниманию православных читателей предлагаются наставления архимандрита Серафима, касающиеся, главным образом, различных сторон христианского нравственного учения — тех путей Спасения, по которым призван следовать за Христом всякий из нас.

Разрозненные высказывания отца Серафима, разбросанные по страницам его дневников, а также запечатленные на обнаруженных в его личном архиве отдельных листках, сгруппированы в соответствии с основными богословскими и аскетическими темами, нашедшими отражение в рукописном наследии печерского старца*.

На страницах дневников отец Серафим касается таких тем, как любовь к Богу и ближнему, роль Бога

---

* Значительная часть публикуемых ныне высказываний отца Серафима дается здесь после некоторого необходимого (чисто литературного) редактирования. К этому авторов книги побудило в первую очередь то, что записи в дневниках старца носят порой отрывочный, весьма конспективный характер. В подобных случаях авторами восстанавливалась почти что утраченная на письме связь между словами в предложениях, иногда существенным образом уточнялись знаки препинания. При этом важнейшей задачей авторов являлось предельно бережное сохранение всего смыслового содержания речений замечательного печерского подвижника благочестия.

Также была осуществлена и реконструкция присутствующих в дневниках старца библейских цитат. Обыкновенно отец Серафим только цитировал два-три слова, или же маленький отрывок библейского текста, а то и попросту давал лишь ссылку на книгу, главу и стих Священного Писания. В осуществляемой ныне публикации поучений соответствующие фрагменты библейских текстов приведены целиком.

Записи отца Серафима сопровождаются подчеркиваниями, сделанными самим старцем, выделявшим наиболее значимые для него мысли, идеи. Такие подчеркивания архимандрита Серафима в настоящем издании приводятся жирным шрифтом.

и человека в деле Спасения, Священное Писание, православная вера, противостояние ересям и сектам, святость и христианские святые, богослужение, церковные праздники, молитва, монашество и монашеский подвиг, церковные, монашеские послушания, смирение, скорби и болезни, христианское терпение, грех и страсти, борьба с унынием и печалью, Таинство Исповеди, страх Божий, смерть.

Особняком в рукописном наследии отца Серафима стоят его материалы к Исповеди. Они включают основную часть проповеди старца, которая обычно произносилась им в храме перед совершением Таинства Покаяния (к сожалению, это «слово» к исповедающимся полностью все же не сохранилось), список вопросов, задававшихся старцем кающимся, а также различные заметки о принципах собеседования с грешниками, которые отец Серафим сам для себя определил. Этим достаточно целостным и по содержанию, и по композиции набором записей старца открывается глава, посвященная духовному наставничеству псково-печерского подвижника благочестия, архимандрита Серафима.

Здесь следует также еще раз напомнить и о том, что поучения старца Серафима теснейшим образом связаны с иноческим опытом и подвигом его собственного учителя — святого старца Симеона. Они предельно созвучны основным аскетическим понятиям этого великого псково-печерского преподобного, будучи буквально пронизаны его мыслями, его молитвенным и духовным опытом, основанным на важнейших принципах православного монашеского жития.

Глубокий и весьма поучительный нравственно-аскетический опыт архимандрита Серафима — подлинного духовного наследника преподобного Симеона — и предлагается ныне боголюбивому читателю.

Пусть искренняя любовь ко Господу и возвышенная духовная мудрость многоопытного печерского старца послужит на пользу всем жаждущим обрести подлинную жизнь во Христе.

Архимандрит Серафим о Покаянии

Слово перед Таинством Исповеди

Братие, мы все — православные христиане, члены святой Православной Церкви, принятые в нее через Таинства Крещения и Миропомазания, давшие обеты верно служить Христу, исполняя Его волю и отрекшиеся сатаны и злых его дел.

Но человек настолько испорчен, склонен ко греху, и диавол по зависти так постоянно искушает его на зло, что и одного дня не может он прожить без греха. Правосудие же Божие требует наказания за каждое преступление воли Божией.

Но милосердие Божие свело Сына Божия с Небес на землю, Который понес на Себе наказание за грехи всего мира. Он дал нам, беспрерывно согрешающим, и возможность всегда очищать свою совесть, примиряться с Богом — в Таинстве Покаяния, и способ получать вновь и вновь Божественную благодать или силу бороться со грехом, исправляться — в Таинстве Причащения.

Грех, или преступление Божественной воли, ослушание голоса нашей совести (которая учит нас тому же, чему и заповеди Божии) — производит в нас ослепление ума, окаменение сердца, развращение воли, искажение совести и растление тела; греша человек исполняет волю врага Божия — диавола, сам делается врагом Божиим, лишается благ Божиих, подвергается болезням, скорбям, несчастьям, становится повинным вечной муке.

Покаяние есть тот великий дар Божий, посредством которого мы примиряемся с Богом, снова становимся детьми Божиими и наследниками райского блаженства.

Покаяние состоит из: 1) познания своих грехов (мы молимся об этом Великим постом так: «...ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения...»*); 2) раская-

---

* Молитва святого Ефрема Сирина.

ния в них, то есть сокрушения, жаления об оскорблении грехами великого правосудного милосердного Бога; и 3) твердого намерения больше не грешить.

Исповедание своих грехов перед священником и получение через него от Самого Господа прощения в них завершает это великое и спасительное дело.

Условиями того, чтобы получить прощение своих грехов от Бога является: 1) простить ближним от сердца обиды и примириться по возможности с ними; 2) верить, что всякий с сокрушением исповеданный и разрешенный грех — прощается; а механически, без сокрушения и намерения не повторять его — исповеданный, или вовсе сокрытый — усугубляется, то есть вменяется вдвойне. Таковая ложная исповедь человека, не сознающего себя преступником пред Богом, не видящего своих грехов или не желающего изменить своей греховной жизни — влечет за собой и недостойное Причащение Святых Таин — Тела и Крови Христовых, Которые он принимает себе в осуждение. Принял и апостол Иуда Святые Тайны, но с сердцем ожесточенным самолюбием, честолюбием и сребролюбием, без веры и любви к своему Учителю, и, как свидетельствует Священное Писание, — по Причащении вошел в него сатана, приведший его к предательству своего Божественного Учителя и, по осознании своего греха, — к отчаянию и самоубийству.

Поэтому и надо нам знать Божественные заповеди, вести жизнь внимательную, беречь свою совесть, к Исповеди подготовиться — припомнить свои грехи.

Я вам помогу в этом — объясню вам Божии заповеди — чего они от нас **требуют** и что **запрещают**. А вы, не перебивая меня словами: грешен, грешен... внимательно слушайте — проверяйте свою жизнь по святым заповедям; и уже после, если найдете за собой согрешения, на мой вопрос: «Не согрешил ли ты в чем против этих заповедей?» — ответишь: «Грешен».

Помните, что в отношении ко греху есть две крайности: 1) равнодушие, оно же беспечность, 2) фанатизм, он же прелесть. Старайтесь их избегать.

Десять заповедей Божиих были даны Богом пророку Моисею на двух скрижалях, или каменных досках, причем четыре из них велят любить Бога и запрещают богопротивные дела, а остальные шесть — велят любить ближнего (то есть каждого человека) и запрещают противные этой любви дела.

1. *Аз есмь Господь Бог твой... да не будут тебе бози инии разве* [кроме. — *Авт.*] *Мене.* Первая заповедь повелевает веровать в Единого Триединого Бога — Творца вселенной — и почитать Его. Грехи против нее: маловерие, сомнение, суеверие, легкомыслие, отчаяние, бесстрашие, холодность, ропот, своеволие, ложный стыд, оставление молитвы.

2. *Не сотвори себе кумира и всякого подобия, елика на небеси горе и елика на земли низу, и елика в водах под землею: да не поклонишися им, ни послужиши им.* Вторая заповедь запрещает обожествлять тварь вместо Творца (как часто мы говорим о ком-то или чем-то: «обожаю»; это тоже нарушение второй заповеди). Грехи против нее: гордость, тщеславие, самолюбие, высокоумие, сладострастие, корыстолюбие, чревоугодие, гортанобесие, пьянство, скупость, жадность, щегольство, кокетничество.

3. *Не приемли имене Господа Бога твоего всуе.* Третья заповедь запрещает произносить святое Имя Божие попусту, без страха и благоговения. Грехи против нее: богохульство, кощунство, божба, ложные или легкомысленные клятвы, проклинание себя и других (проклинание связывает на всю жизнь), нарушение обетов.

4. *Помни день субботный, еже святити его: шесть дний делай и сотвориши (в них) вся дела твоя: в день же седмый, суббота Господу Богу твоему.* Четвертая заповедь — чтить праздники и усердно трудиться в будни. Грехи против нее: нехождение в храм, рассеянность на богослужении, небрежное осенение себя крестным знамением, нарушение постов, леность и недобросовестность в труде, праздное времяпрепровождение — в забавах, развлечениях, вечеринках, гулянках, театре, кино — особенно в церковные праздники.

5. *Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет и да долголетен будеши на земли.* Это — пятая заповедь. Грехи против нее: непочитание родителей, сродников, благодетелей, начальников (неблагодарность, неуважение, оскорбление, ослушание старших), беззаботность о воспитании в вере и благочестии детей и подчиненных (может быть, даже потворством им), нелюбовное обращение — с нерадением о благосостоянии родных.

6. *Не убий.* Шестая заповедь. Грехи против нее: убийство, притеснение, лишение средств, неподаяние помощи, гнев, оскорбление, злословие, ненависть, вражда, злопамятство, соблазн, мстительность, жестокость с животными. Заповедь требует: относится к ближнему кротко, ласково, вежливо, искренне, снисходительно, мирно, терпеливо; она предписывает обращение благотворное и примирительное...*

...Грех — это злоупотребление даром свободной воли. Также отпали и Ангелы — сами и свободно.

Нам следует сильно почувствовать свою **греховность**, виноватость перед Богом и Его великую **любовь** к нам. Вспомним, как Давид ночами омочал слезами постель, вспомним евангельскую грешницу слезящую, блудного сына, апостола Петра, который всю жизнь оплакивал отречение, преподобную Марию Египетскую, — все эти примеры удаляют от нас безпечность и легкомыслие. Нам необходимо самоосуждение. Нужно и самоиспытание совести по заповедям. Следует приобрести желание не повторять уже совершенные грехи. Необходимо ненавидеть содеянные грехи. Через покаяние мы отрясаем их с себя, хотим начать новую, чистую жизнь.

Иерей по данной от Господа власти отпускает грехи кающимся, а благодать Святого Духа очищает сердца их. Исповеданный грех как бы становится вне нашей души. Необходимо крепко верить: Господь снимает с нас

* Часть Слова, посвященная остальным четырем заповедям, в дошедших до нас рукописях отца Серафима отсутствует.

тяжесть и скверну любого греха и силен поставить нас на путь новой жизни. Перед Причащением сохраните внимание и обращение ума и сердца к Господу. Помните, как говорит Сам Господь: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин 15, 5). Необходимо думать: это для **меня** готовит Господь спасительную Вечерю, Причастие Святых Своих Таин... Следует помнить об этом все время. Даже с утра, проснувшись, нужно поскорее ухватиться за эту мысль, поспешить воскресить в себе сознание величия события, наступившего для нас в тот день, когда Господь даровал нам Свое Причащение. Помни: в Святых Тайнах присутствует Сам Господь...

Мы согрешаем:

не принося Сердцеведцу Богу чистосердечного покаяния за грехи во всей жизни нашей;

приходя без говения на Исповедь и Причастие;

не имея страха и полной веры во оставление грехов прежних и настоящих;

не примиряясь с ближними;

не чистосердечно, но без сокрушения и страха перечисляя на Исповеди грехи;

с греховными и недостойными чувствами приступая к Причащению Святых Христовых Таин.

В грехе происходит омрачение ума и окаменение сердца. Тогда и за богослужением сердце не участвует, и ум едва приходит в себя.

Следует в покаянии:

1. Выйти (вернуться) к самому себе.
2. Познать себя и осознать себя болеющим грехами.
3. Осознать вину греха.
4. Сокрушаться и плакать о грехах.
5. Твердо решиться оставить греховную жизнь и положить начало благое жизни в Боге (приобрести вражду и ненависть ко греху).
6. Исповедать грехи.
7. Молитвенно обратиться к Богу с мольбой о помиловании.

Всего более на Исповеди вредит притворство.
Нужно стремиться исповедоваться чаще.
Следует исповедаться с семилетнего возраста.

Первая Исповедь [особенно у взрослого человека, впервые приступающего к этому Таинству. — *Авт.*] должна быть за всю жизнь.

[Далее следуют список вопросов, которые отец Серафим обычно задавал на Исповеди и его заметки о том, как ему самому надлежит принимать Исповедь. — *Авт.*]

Знаешь ли что такое Исповедь? Что такое грех? Знаешь ли заповеди?

Сказать кающемуся об опасности нераскаянности и беспечности, о милосердии и правосудии Божиих.

Что совершил с последней Исповеди? Кайся, но без подробностей.

Не пил? не курил?

Веришь ли в Бога? Надеешься ли на Него?

Со всеми ли примирился, идя на Исповедь? Почитал ли воскресные и праздничные дни? Может быть, гордился собою? Не роптал ли пред Богом? Молишься ли Богу всегда и усердно? Не осуждал? Оклеветал ли кого? Лгал? Обманывал? Украл ли что? Имя Божие призывал напрасно? Нехорошими словами ругался? До пьяна напивался? Завидовал ближнему в его счастии и благополучии? Грешил смехотворством? Празднословием и пустословием? Долго сердился? Обид долго не прощал? Злом за зло воздавал? Постов не соблюдал? Не подавал милостыни по силе возможности? Если холост: сохранил ли девство и целомудрие, не согрешил ли блудом? Если женат или замужняя: не нарушили ли любви и верности, не согрешили ли прелюбодеянием? Стараешься ли соблюдать в чистоте свое сердце? Не услаждался ли нечистыми помыслами? Чем еще согрешил пред Богом?

Далее необходимо ободрение или пригрозить. Не везде уместна кротость, но много силы имеет и благоразумное обличение. Епитимия.

...Жалеешь ли о совершенном? Имеешь ли сердечное желание и твердое намерение не повторять грехов, но исправляться с помощью Божией?

Не забывайся. Трезвись. Молись о помощи Божией. В Евангелии сказано: *Просите, и дастся вам* (Мф 7, 7). Молись о вере, о молитве, о Спасении, об избавлении от врага.

На Исповеди для священника важны молитва и благожелательность. Для него необходимы снисхождение, кротость, терпение. Следует помнить: я и сам слаб и немощен. Сам с ними исповедайся, им сочувствуй, верь в их исправление.

Нужно ободрять страждущих серьезным и уверенным словом.

...Детям на Исповеди: молишься ли? Не божился ли? Пребывал ли в праздности? Посещаешь ли храм? Слушаешься ли родителей? Как учение? Почитаешь ли старших? Не грешишь ли упрямством? Своеволием? Не сердился ли напрасно? Не бранился ли? Не ссорился ли? Не пил ли вино? Не бил ли животных? Не лгал ли? Не обманывал ли кого? Не брал ли чего без дозволения? Не тратил ли деньги на лакомства, на ненужное, вредное? Не сделал ли еще что постыдное?

Потом сказать: живи лучше, не повторяй грехов, не оскорбляй Бога, но угождай Ему добрыми делами.

На Исповеди священнику в нашей обители следует отвечать на сложные житейские вопросы от незнакомых людей так: по неопытности мы советов житейских не даем, но только о борьбе с грехом (со страстями, с помыслами). С вашим же вопросом следует обращаться к отцу наместнику, монастырским схимникам.

О любви к Богу и к ближнему

Счастливы мы, христиане, во свете ходим, Бога имеем, вечной жизни ждем.

Какого же Бога имеем мы? Сотворшего небо и землю, все сущее. Природа создана для нас, для нашего наслаждения ею. А **создал ее Бог**. Посему Его следует любить более всего, Его заповеди хранить. Главная же из них — *возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслию твоею* (Мф 22, 37).

Мирские сласти, честь, суетная любовь — тля, гной. Бог создал все, Он один — Источник прекрасного, Его желаю любить, Он — все мне заменит, в Нем найду по малом терпении духовное блаженство, радость, сладость, веселие, благоухание, красоту, музыку, свет.

Бог любит мя (*и будеши яко сын Вышняго, и возлюбит тя паче неже мати твоя* (Сирах. 4, 11)), Он на Кресте по любви за меня умер; и я должен ответить Ему тем же. Представь себе: Бог так меня любят, а я?..

Благословен Господь Бог! Как страшны Его величие, святость, могущество. Он всегда блажен. Как Он любит тебя! Как смирился во Христе Иисусе — души твоея ради, и как Он постоянно смиряется, промышляя о тебе! Как надо Его любить, слушать, чтить, бояться! Я — сор. Ради славы имени Твоего, Господи, спаси мя, помилуй мя!

Сердце окамененное гибельно для христианина. Делай **дела любви**; увидев твое желание и старание, Господь вложит в сердце твое любовь.

Даруй, Боже, и мне любити Тя, помнить Тя, волю Твою творить, Благодетелю мой. Как отблагодарю Бога за все Его благодеяния? *Что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми?* (Пс 115, 3).

Любить Бога означает и благоговеть перед ним — находить драгоценное и высшее благо вне и выше себя, то есть в Боге. Тем и прославился во Святых Господь — и они блаженствуют с Ним.

Но, может быть, ты мнишь, тебе кажется, что более других любишь Бога?

Это — ложь, лицемерие. *Аще кто любит Мя, слово мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидема и обитель у него сотворима: не любяй Мя словес Моих не соблюдает* (Ин 14, 23–24). Каких словес не соблюдает? О любви к ближнему. *Любяй брата своего во свете пребывает* (1 Ин 2, 10). Без любви к ближнему нет любви к Богу.

Любовь к Богу испытывается на любви к ближнему: *Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть: ибо не любяй брата своего, егоже виде, Бога, Егоже не виде, како может любити* (1 Ин 4, 20).

Не отворачивай нос от других, не лицемерь перед ними, но **люби** их; смири свое «я» (смирение и любовь **выше** дара умной молитвы), исполни заповедь: *возлюбиши искренняго твоего яко сам себе* (Мф 22, 39).

Но и путь любви к ближнему один — через Бога; полюби Бога — всем сердцем, умом, мыслию — и полюбишь ближнего.

Нужно меньше о себе думать, но больше — о других, являя тем самым любовь к ним.

Не может быть человек одиноким в мире — над ним царит Бог, а вокруг него теплится образ Божий в сердцах людей. Любовь и молитва не допускают одиночества.

Ум смотрит тысячами глаз, любовь глядит одним;
Но нет любви — и гаснет жизнь, и дни текут, как дым.

Необходимо любовное общение с людьми; Господь нас сводит одного с другим, прижимает одного к другому, спасает одного посредством другого; обособляясь же по себялюбию, беднеешь душой, слепнешь; мы ответственны друг за друга.

Люби братьев твоих — людей; они — Божии возлюбленные. Люби и врагов; Сам Господь говорит: *любите враги ваша* (Мф 5, 44). Ведь и Бог равно *дождит на праведныя и на неправедныя* (Мф 5, 45).

Любить следует без пристрастия — всех. Особенно возлюби искушающих тебя, окажи им любовь. Это святоотеческая мысль: ненавидь грех, но люби грешника. Отделяй грех от человека, желай ему Спасения, жалей его, не замечай совершенного им греха, людской злобы, испорченности. Человек этот может исправиться — тому есть много примеров; молись за него, ведь и для него грех не естествен, он — грязь прилипшая.

Следует искать и находить ценное и прекрасное в каждом (его душа безсмертна, в нем — образ Божий). Нужно не внешне расценивать встречающихся тебе; неправильно делить их на хороших и плохих.

Греховное осуждение ведет к разделению. Но при **победе в себе над грехом** люди взаимно **приближаются**. При горделивом же осуждении мы видим лишь личину другого человека, а не подлинную его жизнь. Такая наша **самость** искажает также и нашу жизнь.

Учись **преодолевать** предубеждения: он, мол, не симпатичный. Общительность — одна из сторон любви — есть дарование Божие; это подвиг, требующий от нас для своего осуществления принуждения себя и молитвы. Мы глаголем за Божественной Литургией: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святаго Духа». Именно так поступали первые христиане.

Святой Иоанн Златоуст говорит: чудо есть — когда злой превращается в доброго. Трудно сие. Бойся посечения тебя — как бесплодной смоковницы. Если же преодолеем тьму в себе, то и вокруг нас — в отношении других — сделается светло. Но мы — рабы ленивые и лукавые и не исполняем сего. Следует в этом проявлять настойчивость. Сказано: *Просите и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам* (Мф 7, 7).

Тем же и тщимся... благоугодни Ему бытии: *всем бо явитися нам подобает пред судищем Христовым* (2 Кор 5, 9–10).

О Боге и человеке в деле Спасения

Откуда все в мире началось? Откуда насекомое, не учившись ничему, все потребное для себя знает? Каким образом из яйца — птица? Из зерна — дерево? Из земли однообразной — тысячи форм растений и цветов? Земля висит, движется — кто двинул ее? А день и ночь — какой порядок, послушание, служба живущим — смена времени для работы и отдыха! Почему это твердо и непреклонно: что за осенью будет зима, и так — каждый год? А красота, польза, порядок, мудрость (даже и в микробе), послушание установленным законам! Чьей волею вся природа живет? Кто управляет всем миром?

Бог.

Он сотворил *светила велия... солнце во область дне... луну и звезды во область нощи* (Пс 135, 7–9). Без Него — мы слепы. Вот — величие ужасное Божие.

Для чего все это сотворено? Для славы Божией.

Почему Бог дал все на земле во власть человеку — ни за что? Почему и я должен ходить по земле, есть, думать, родился, умру? Так — Он, Бог, хочет.

Человек, как и прочие животные, был сотворен Богом, но в него Бог вдунул дыхание жизни — от Себя нечто дал ему.

Бог — Дух, Сама Жизнь, всему дает жизнь. Кто не верит в Бога и Богу — ослеплен диаволом — через свою свободную волю.

Если бы не держал Бог волею Своею мир — все исчезло бы, смешалось, рухнуло; Он — Царь.

Если бы не промышлял о мне Бог — я был бы растерзан врагом.

Думай: о судьбах Божиих я ничего не знаю. Но, при этом помни, что мы всегда под крылом Божиим. *Яко чуждии восташа на мя, и крепцыи взыскаша душу мою, и не предложиша Бога пред собою. Се бо, Бог помогает ми, и Господь заступник души моей* (Пс 53, 5–6).

Спроси себя: почему у меня есть возможность спастись от вечной муки? Потому что Иисус Христос, будучи непо-

винен, за меня пострадал и умер. Он — Всемогущий — волею перенес унижения, страсти, смерть, хотя и мог уничтожить моментально всех грешных — восставших на Него; но Он **стерпел всех** — ради меня грешнаго.

Ныне — день Спасения — венцы готовятся.

Иисус Христос умер за души наши; не лучше ли и нам умереть за душу свою, чем преступлением заповеди погубить ее?

Помни: меня ради Христос умре, меня — окаянного. *Облецытеся Господем нашим Иисус Христом, и плоти угодия не творите в похоти* (Рим 13, 14).

Это **мне** сказано Богом в Евангелии: *Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф 5, 48). Без помощи Божией сие, конечно, не возможно: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин 15, 5). Но Господь Сам научит нас всему: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашым* (Мф 11, 29). Следовательно, все сие **возможно**; лишь бы мы сами пришли ко Христу: *Приидите ко Мне вси **труждающиися** и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф 11, 28). Блаженство есть — работать Господу милостиву.

Призван ты и сам уподобиться Христу, стать царем; только не забывай молиться о мудрости и крепости, и помни, что ты — орудие в руках Божиих. Он дал дело, цель тебе — даст и сил, но оставайся при смирении. На ся понадеешься — **осрамишься**, **согрешишь**, повредишь себе много.

Великое призвание у тебя — царское. Но помни: кому много дано, с того много и взыщется. Чем более приближаешься к Богу, тем более видишь себя грешным. Старайся более всего благоугождать Богу.

Господь Бог — Мать родная, породившая мя: Его волю да творю — премудрую и спасительную, а не волю «мачехи» — диавола, ищущаго моей погибели, — да не оскорблю любовь Божию.

В мире владычествует дух антихристов и торжествуют его носители. Но в нас пребывает Дух Божий: *Вы от*

Бога есте, чадца, и победисте тех: яко Болий есть иже в вас, нежели иже в мире (1 Ин 4, 4).

Помни: мирские красота и сладость — ложные; умрет тело твое — обратятся они в гной. Бог — Источник всякой подлинной красоты и благ, Его люби. Сотворен ты Им и в Его благодеяниях, как в одежде, ходишь; Его благодари и славь, помни наготу свою.

И покаяние — тоже дар Его тебе.

Земные блага — честь, богатства, красота, сладости — это обманные блага, потому что со смертию они кончаются, не удовлетворяя совершенно ими пользующихся. Это блага, дающие радость лишь на момент, а затем приносящие только горечь, греховное желание, беспокойства. Враг тщится прельстить ими душу, да отвратившись от истинных благ, погибнет человек на веки. Господь прямо открывает, что узкий путь — самоотвержение, пост, смирение — ведет в вечное блаженство; Он предлагает нам прямо противоположное внушениям сатаны — себялюбию, объядению, широкому пути, лени, беспамятству, и прочему.

Знай: в начале пути ко Спасению нужно прежде всего разобраться в себе — в собственных страстях.

Помни при этом: всегда открыто пред Богом — помышляемое тобою, Он — здесь.

Бог знает мя лучше меня самого: зрит Он не лице мое, но зрит ум и сердце выну.

Люди лице видят, Бог же — сердце.

Каково сердце твое, которое Господь знает лучше тебя самого? Очищай его: *сердце чисто созижди во мне, Боже* (Пс 50, 12), *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс 50, 19). Сердцем веруй, что жив Господь и пред тобой **выну**; сердцем веруй, что мы, люди — Его тварь; сердцем веруй, что, когда умрем, узрим Его — если будем чистыми сердцем.

Помни: все Богом сотворено — дано в управление тебе, ничего твоего у тебя нет, и сам ты — не свой. Живешь еще пока по милости и долготерпению Божию —

так и не тщеславься, а плачь выну. Думай: блудник невоздержанный я, а не целомудренный; плачь.

Взор обращай долу (*яко земля еси, и в землю отыдеши* (Быт 3, 19)), а душу — горé. Зде, на земле — на чужбине она... Там — горé — ее отечество. Мысленные очи наши должны быть к Богу устремлены. Душа — природы духовной, как и Бог, и потому, очищенная от страстей, суеты, может зреть Бога — всегда.

Но невозможно тебе это без благодати Божией. Благодать — невидимая сила Духа Святого, помогающая во всем добром и хорошем нам. Благодать Божия делает человека способным творить добро.

Иисус Христос прежде начал творить дела, а только потом учить — *яже начат Иисус творити же и учити* (Деян 1, 1). И ты начинай с доброделания. Ведь *вера без дел мертва есть* (Иак 2, 20): борись, кайся, надейся на заслуги Иисуса Христа — получишь милосердие по своей смерти.

Левой рукой борись, правой — за Божию полу держись. Будет всегда то, что даст Бог.

Исполняй заповеди. **Первая заповедь и главная** такова: **всегда** помнить Бога и Его святую волю, ни в чем не преступать ея, поучаться в ней всегда, все терпеть в надежде на Него со смирением, то есть считая себя достойным худшего, считая себя за ничто пред Ним и много виноватым; всюду понуждать себя на исполнение заповедей; о грехах плакать, не забывая их, но с твердой надеждой на милосердие Божие — на заслуги Иисуса Христа и заступление Божией Матери. Нужно любить ближнего как себя: что себе желаешь, того и ему желать; чего себе не хочешь, не желать и ему, — не глядя на лица.

Господь дает тебе все — и ты дай просящему; причем не жди от него возврата; следует победить сребролюбие, пристрастие к вещам — ради вечного блаженства.

Надо все делать со всем усердием, успех же дела предать в руки Божии. Нужно спасаться своими **трудами**, но с **Божией** помощью!

Держава Господь боящихся Его (Пс 24, 14). Главное в деле Спасения — помощь Божия, но как ее получить? Искать сокрушения сердца, покаяния, смирения — *близ Господь сокрушенных сердцем* (Пс 33, 19), *а смиренным... дает благодать* (1 Пет 5, 5).

Смиренным несением жизненного **креста** спасается человек; Бог же, призываемый на помощь, даст сил. Проси помощи у Бога, терпи — вдруг ничего не дают — потрудись сперва.

Надо понуждать себя на **труд**, на воздержание, на **терпение** оскорблений, болезней, на **смирение**, на **страх** Божий, а не на малодушие, на **веру**, надежду, любовь, на **целомудрие** (*неправедницы Царствия Божия не наследят* (1 Кор 6, 9); *всяк блудник... не имать достояния в Царствии Христа и Бога* (Еф 5, 5)), на **молитву**, на память **смерти, суда, вечности мучений,** блаженства (как **награды** от Бога). Грехи ведь твои записываются — по правосудию Божию. Дар Божий нам — время на покаяние.

Вот три легких правила в совершении дела Спасения: читай заповеди из Евангелия, исполняй их — по мере сил, и молись Богу о том, чтобы правильно разуметь читаемое и исполнять его.

Не были бы и заповеди даны, если бы исполнять их было невозможно — с Божией помощью. До крови нужно трудиться в исполнении заповедей.

Предайся воле Божией: **мое — злое**, все же **доброе — Его**; здесь необходимы **сыновняя любовь** к Богу **и доверие** Ему до конца, совершенный отказ **от самого себя**; я — **бессилен**, я — **орудие** добра.

Удивительное безумие — создание не желает знать Творца, возносится над Ним. Это — прелесть бесовская: когда мне кажется, что я что-то значу, что-то сам по себе делаю доброе. Един Бог есть — Он все, все восполнит. Если я даже и все заповеди исполню, то и тогда я тоже — ничтожество, ибо и сие исполнение дал мне Бог — как дар; я же служил Ему орудием — но через согласие воли своей; ведь весь состав мой, сила ума, чувства, тело — все Им создано — Его.

Тщеславишься? Вспомни, что сказал Господь: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин 15, 5). Славя Святых — Бога, в них прославившегося, славим (Дивен Бог во Святых Своих (Пс 67, 36)); они — блаженные орудия славы Божией (и, по отношению один к другому, — люди — те же орудия в руках Божиих). «Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Бог, Ты мое радование... **силе Твоей** слава, Человеколюбче»*.

В книге Притч сказано, что *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать* (Притч 3, 34). Немощи свои надо признать во всем и нести смиренно, прося Бога о помощи: *сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор 12, 9). И тогда прославится Бог в тебе. Только не возносись, не высокоумствуй, все доброе приписывай Богу; ведь сам знаешь свою низость, ничтожество, немощь. *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф 5, 16).

Доброе Бог творит чрез тебя. Все доброе во мне — от Бога; мысли добрые — от Духа Святаго, Им научен и Святыми Отцами.

Хорошо, что исправил доброе дело, помолился, победил грех. Не приписывай этого себе, и проси прощения у Бога, если в сем согрешил, но говори так: «Слава Тебе, Господи, за сие — Ты вразумил меня и мне помог». Говори: «слава Богу, давшему сие»; ведь все — Его, от Него, чрез Него, Им.

Господи, знаем, что в деле Спасения нашего всегда бывает так: усердие наше, но дело — Твое; труд наш, но благодать — Твоя; тщание наше, но совершение — Твое.

О Священном Писании

Нужно веровать всему сказанному в Евангелии — потому что Святым Духом сие писано и потому что вся Святая Православная **Церковь** сие соблюдает и так верует.

---

* Ирмос 4-й песни канона Октоиха, глас 8.

Читать надо во славу Божию, во имя Божие.

Священное Писание читай с целью **познать Бога** и Божью **волю** — относительно мира и человека: вдумывайся, кайся, запоминай истину.

Чтение без рассуждения не пользует.

Читай Писание — как обязанный суметь его и **пересказать**.

О православной вере, противостоянии ересям, сектам

Узнай православную веру. Читай правила Вселенских Соборов, и знай, что к их решениям нельзя не прибавить, не убавить от них.

Помни: правда в **догматах**, а не правда у меня — в уме, который превозносится знанием догматов. Оказывай послушание Церкви — разуму своему не верь.

Древние христиане от гонений **бежали**, скрывались, ибо им лучше было жить со зверьми, чем с нечестивыми, — дабы **веру сохранить** непорочно.

Сектанты? С еретиками не разговаривай, отрежь. Не вступай с ними в прения! С еретиками не спорь — укрывайся в лоно Матери-Церкви, на свой ум не надеясь. Раз Церковь так верует — то оно так и есть. Говори: «верую — как Святая Церковь наша; а Церковь верует — как и мы».

Но за еретиков молись: не покаются ли как-нибудь; хотя их самих — бегай.

Надо не стыдиться креститься — на людях, исповедовать Христа смело; и тогда Бог будет с тобою, и не прельстит враг тебя; хотя и претерпишь через это насмехательства, оскорбления, гонения и даже, быть может, смерть телесную — но наследишь вечную блаженную жизнь.

Каков новый календарный стиль? В благочестивое время старый держался. Ныне же — время нравственного упадка. Иерусалимская же Церковь и ныне празднует Пасху по старому стилю. По новому же календарю Пасхальные праздники совпадают с иудействующими и со светскими днями отдыха. Опасно такое послабление миру, свету; в этом — ересь.

При новом стиле и церковные службы посещаются меньше; по старому же стилю — народу было более. Из-за отсутствия народа крестные ходы не удаются — превращаются в посмешище. Рождается через это в народе недоверие к своим пастырям. Господи, спаси благочестивыя.

О святости и святых

Чистии сердцем узрят Бога (ср. Мф 5, 8): зде — на земле, и там — в Царствии Небесном. Только они.

Поминай духовных родителей своих — Святых Угодников Божиих.

Надо любить Святых Угодников, ибо они до смерти, мучений, самоотверженно любили Одного с тобой Бога — Его же и ты любишь и хочешь Ему угодить. Утверждайся надеждою, глядя на них. Утверди через них сердце в Господе, твердись надеждою.

Читая прославляющие подвижников их дивные жития, порой забываешь главное — труды святых, их скорби, борьбу, самовольные мучения, жестокость к себе: вот — корень их святости; ты же глядишь только на **плод**.

Слава мучеников за что им от Бога дана? За терпение болезней, пыток — ради Христа.

Хотя тело мученика и страждет, но помысл его, утвержденный в Бозе, всегда пребывает непреклонен.

Древние подвижники подобны мученикам, но, в отличие от них, добровольно терпели муки (одежда, до крови дравшая тело, ложе их — острые камни, сносили укусы комаров); как в чужом теле страдали

они, укрепляемые Богом, так как имели **твердую решимость**, веру, мужественное сердце, непоколебимый помысл.

Бог и Ангел Хранитель — и ночью, как и днем, — хранят нас с одинаковой любовью: не бойся ночи, уповай непоколебимо на Бога и имей чистую совесть.

Ангел Хранитель — наш лучший и верный наставник, первый друг.

О богослужении и церковных праздниках

Если ты будешь помнить в храме, в священническом служении, что ты находишься пред Лицем Господа, то и не станешь ничем посторонним смущаться.

Гони в церкви посторонние мысли о других делах, бойся этих мыслей, — не имеешь права на них отвлекаться. Потом, если будешь так поступать, все посторонние заботы и уладятся — Божиим Промыслом. Пока же удели Богу несколько часов.

Ни одной службы хотя без краткого поученьица не следует оставлять.

Не упусти ни слова из богослужения, часов; полезны долгие молитвы — терпи; за пустым разговором — бодр, за поучением же — сон? Не от врага ли это?

Церковное богослужение научает всякого внимательно слушающего его, пусть и безграмотного мужика, **благочестию** и **вере**. Служащему следует читать молитвы, ектении внятно, с понятием. **Отец Иоанн Кронштадтский** читал молитвы громогласно, четко, осмысленно и прочувствованно.

Шестопсалмие есть как бы размышления с самим собою человека, услышавшего о рождении Спасителя (покаяния бо псалмы исполнены суть и умиления); следует им внимать, поминающе смерть, будущую муку и вечную жизнь.

Литургия — воспоминание Спасения рода человеческого Богом.

Не только головную боль, но и смерть примем, — лишь бы возможно было послужить Литургию и Причаститься Святых Таин.

Чистота и благоговение необходимы при совершении Литургии — да не уничижатся тобой Божественные Тайны.

Следует особо чтить Церковные праздники — иначе осудишься.

Значение праздника Преображения таково: здесь явилось и Божество Иисуса Христа, и высокое достоинство во Христе человеческого естества, и открылась жизнь людских душ по разлучении от плоти — в лице пророка Моисея.

В праздник **Воздвижения** сам Крест Христов открывается нам и как величайшая Божия любовь к людям, и как страх для тех, кто не хочет расстаться с грехом.

При чтении 50-го псалма — слов его: *окропиши мя иссопом, и очищуся* (Пс 50, 9) — приходит мысль о том, какая великая благодать Божия присутствует в кроплении Богоявленскою водою.

О молитве

Докучать надо молитвами Господу и святым Его.

В молитве своей поведай Всецарю прошение твое. Принеси Богу в молитве исповедывание грехов, сокрушение, проси Его о милости. Искренне благодари в ней Бога за благодеяния, прославляй совершенства Божии.

Собираясь произнести слово молитвы, — затаи над каждым дыхание. **Молитва** — дыхание духа. Через нее — сердечное умиление.

Молитва есть возникновение в сердце нашем одного за другим благоговейных чувств к Господу: чувства самоуничижения, преданности, благодарения, славословия, прошения, сокрушения, покорности воле Божией и прочее.

Сердце надо принести Богу в молитве, и Он не даст тебе поколебаться. *Возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает: не даст в век молвы праведнику* (Пс 54, 23). Слова таких твоих молитв — как бисер многоценный (как драгоценный жемчуг) для Бога.

Молитва — непобедимая победа. Молитва же без надежды грешна.

Настоящий молитвенник око ума выну имея протяженно к Богу, зрит «умными очесы» Бога.

Молитва — непрестанное обращение ума к Господу в сердце. Сила Иисусовой молитвы — от веры и глубокого с Ним сочетания сердца и ума. При молитве Иисусовой ум заключай в сердце.

Не давай уму быть праздным — молись. Ум, властвуй над помыслами. В молитве и добрые мысли отгоняй, не внимай им — тать прячется под ними, чтобы отвлечь тебя. Перекрести уста — если враг не дает молитву выговорить.

Следует молиться, не внимая бесовским помыслам.

Не ленись и не малодушествуй; но прежде чем заснешь, многие сотвори молитвы в сердце своем и противостой помыслам и покушениям диавола водить тебя по воле своей — да восприимет тебя Бог. Сколько сил есть — заботься о том, чтобы засыпать с псалмами (слова для молитв часто берутся из Священного Писания, Псалтири) в устах и умным поучением, и никак не позволяй по нерадению уму своему принимать чуждые помыслы, но с какими помышлениями молился ты, в тех поучаясь — склонись и на одр, чтобы и когда будешь спать, они прибывали в тебе, и когда пробудишься, собеседовали с тобою. Проговаривай также и святый Символ православной веры прежде чем заснешь; ибо православствовать о Боге есть источник и охрана всех благ.

Бог вездесущий есть и в нас. Потому-то необходимы страх Божий, отрешение земных благ, чистота совести. Господь близ и внимает тебе, молитве твоей, Он — ближе воздуха.

Нудь себя на молитву, молись о ней.

Я здесь, Господи! Лица Твоего, Господи, взыщу! Продли, Господи, лета жизни моея, да потружусь во Спасение, да не в погибель умру, яко заслужил ад душе своей, да потерплю Тя, поборюсь — с Твоею помощью — во очищение себя от страстей мерзких и постыдных, по милости Твоей великой.

Молись за всех от сердца. Порой забывай себя. Спаси их всех, Господи!

И за еретиков молись — не покаются ли как-нибудь. Но их самих бегай, с ними не разговаривай — отрежь.

Кто всем сердцем желает обратиться к Богу, того Сам Бог научит, как молиться.

Но **молись** — даже и тогда, если, кроме трудов, не видишь утешения в ней, прилежно, усердно. Легко молиться в несчастии — не упусти такого случая. Молитва есть беседа с Богом. Одна опора у нас — **милость** Божия. Предстой в молитве Страшному Суду. Помни сказанное: *Господи, услыши молитву мою, внуши моление мое во истине Твоей: и не вниди в суд с рабом Твоим, яко не оправдится пред Тобою всяк живый* (Пс 142, 1–2). И еще: *Помяни убо, откуду спал еси, и покайся, и первая дела сотвори; аще же ни, гряду тебе скоро и двигну светильник твой от места своего, аще не покаешися* (Откр 2, 5). И слово Апостола: *Или о богатстве благости Его и кротости и долготерпении нерадиши, не ведый, яко благость Божия на покаяние тя ведет? По жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираеши себе гнев в день гнева и откровения праведнаго суда Божия, Иже воздаст коемуждо по делом его* (Рим 2, 4–6). Добрые же наши дела немногие перемешаны в нас с грехом.

Господь Крестом совершил наше Спасение. У Него сила и власть. Я же нищ. Я — **непотребен** и **безответен** пред Богом. Чувствующий свою внутреннюю **бедность** не престанет молиться. Я — бесплодная смоковница, достойная посечения. Помилуешь — буди благословен — слава милосердию Твоему! Накажешь — буди

благословен — слава правосудию Твоему. Слава Тебе, Господи, за всё!

Молись терпеливо, и дастся тебе. Вспомни евангельскую притчу о вдовице и судие неправедном (см. Лк 18, 1–8).

Слепый **звал**: *сыне Давидов, помилуй мя* (хоть слеп был — звал как мог). Господь внял его молитве — нищего и слепого — просветил очи его, и бывший слепец *по Иисусе иде* (Мк 10, 52), славя Бога (познав Его как Господа — «познал Его быти Бога»).

В молитве следует хранить ум безвидным; не давать воли воображению; быть в присутствии Божием, предстоять Господу — но не воображать Господа. Внимать всецело словам молитв — умом, чтобы ум погружался, заключался и вмещался (чуждый всякого мечтания) в словах молитвы, — причем сердце обыкновенно сочувствует уму душеспасительным чувством печали о грехах. Здесь следует избегать самочиния. Нужно **отвергать** все образы, рисующиеся в способности воображения, потому что ум в молитве предстоит невидимому Богу, Которого невозможно представить никаким вещественным образом. Те, которые в молитве не видят ничего, — как раз и видят Бога.

На православных иконах — лик темен, бесстрастен чертами; здесь и есть образ немечтательной молитвы.

Видения не принимай — как недостойный; пребудь в сознании своего ничтожества; враг преобразуется даже и в Ангела света; скажи ему с мужеством: «Возвратись, окаянный, во тьму свою; как недостойному — мне не подобают видения и откровения. Одно мне нужно — безмерное благоутробие Господа моего Иисуса Христа, молитвы и заступления Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии и всех Святых».

О монашестве и монашеском подвиге

Подобает монаху вознестись превыше естественного закона. Монах — земной Ангел и небесный человек, если победит искушения, то будет счастлив, ибо велика

его награда, радуйся сему. Монах — Ангел, призванный стяжать бесстрастие и память смерти. Монашеским чином пополняется отпадший чин ангелов.

Сам монастырь есть **школа** братии. Иноку иные правила жизни, чем прочим, — обеты. Обеты девства, нестяжательности и послушания составляют сущность монашества.

В миру — ложь, прелесть, грех. В этом мире **никуда** не стремись и **ничего** не ищи. Безучастно относись к окружающему монастырь миру. Ежедневно благодари великого Бога за Его милость к тебе — мертвого оживил, привел сюда, в монастырь, дабы приготовить к смерти, оплакивать прежние грехи (потерянный для тебя тот день, в который не оплакивал ты грехи свои), очищать сердце, прилепляться к Богу любовию. *Жив Господь и жива душа твоя* (1 Цар 25, 26).

Кто есть монах? Никто за тебя не ответит пред Богом. В твоих руках Спасение твое. Принуждай себя, терпи; **неси** натуру свою, крест свой как Крест Христов (Крест — монашествующих крепость); уважай всех, не критикуй; познай свое ничтожество и всемогущество Бога; монах да думает о себе, что он — **мерзость**; Богу ищи нравиться; не лезь и мыслию в чужие дела.

Не смеешь раздражаться, осуждать, уничижать брата — не твое дело — Божие.

Что другие в грехах живут — не мешает им спастися; и что ты в монастыре живешь — не препятствует тебе погибнуть. Не низшим, но высшим подражают. Жалеть надо о предающихся похотям и суете, а не завидовать им. Зрячие слепым не завидуют. Помолись о них; тверд будь в своем — в памяти смертного суда, вечности, в надежде блаженной вечности.

Порой ты **обманываешься**, даешь прельщать себя врагу, ищешь исправлять и начальство свое, и мир весь, а своих неисправностей не видишь, забываешь о них, закрываешь глаза на них. Обязанность монахов не учить, но плакать.

Молись — и молись — и молись. Святые Отцы учат: «Лучше небольшое делание (правило), но постоянное».

Сиди в келье — здесь можно всему научиться, здесь воздуха тебе довольно, трудись, твори поклоны, попеременно молись и занимайся рукоделием, читай. Кропи келью святой водой.

Жену в келью не пускай (буря помыслов приходит следом за нею).

Молитва и труд — основа иноческой жизни. Учись не знать, а делать. Занятый молитвой и трудом меньше дуришь, мечтаешь, грешишь — некогда. Блаженный Иероним говорит: «За трудолюбивым монахом ходит только один злой дух, а за праздным — бесчисленное множество». Помни, что главное средство против похотливости есть **воздержание и труд** (телесные занятия до усталости и умственное отвлечение).

И **телесное** наше, когда бывает по Богу, вменяется в духовное. В тяжелом труде терпя потерпи и проводи дни твои в радости; и так будь усерден к своему делу, чтобы и во сне послушание твое не выходило у тебя из мыслей.

Труда ищи — и найдешь. Душа радуется, когда по послушанию потрудишься. Трудись с пользой, дабы не быть осужденным за легкую, сытую, почетную жизнь и благодари Бога и всех выну.

Следует возненавидеть свои душу и тело — то есть не щадить их для соблюдения веры Христовой. Нужен труд до устали (также и умственный).

Тесный путь — труды, не ищи покоя зде, на земле, жди его там — на небеси. Доводи до конца труд и терпение, иначе зря стараешься — ни во что будет весь твой труд. Но не должно, принимая на себя какое-либо послушание в монастыре, самому вызываться на тяжелые, низкие дела — это ведет к тщеславию.

Послушание выше поста и молитвы. Сами по себе без послушания, они приводят к духовной гордости. Пред начальником вспомни Бога. Если в монастыре что делается не по твоей воле — отвергни ее назад перед братией. Помни: не «я хочу», а «порядок того требует», «я же слуга ваш».

Для монаха недопустимы: упорство, ропот, непослушливость, прекословие, вмешивание, замечания.

Найди себе духовного руководителя — непременно (иначе можешь впасть в самомнение). Опасно. Монаху необходимо постоянное сердечное исповедание и открытие своих помыслов и своего сердечного устроения духовнику.

При возможности духовного послушания старцу исполняй его; самочиние с таким послушанием несовместимо: одно из двух.

Послушание возможно только в добре, во зле же бывает не послушание, но преступное соучастие. Потому будь послушен во всем благом — но не на злое.

Молись, смиряйся, терпи. Не тот мученик, кто будет многократно биен и мучен, но тот, кто **претерпит до конца**. Ослабевший близ своей смерти и отрекшийся от святых обетов монах подлежит осуждению в день судный — он погубил прежние свои труды и не претерпел до конца.

Если ты греховно усладился, то вспомни, что Христос желчь пил, умер в мучениях тебя ради; если ты греховно вознесся, то вспомни, что пред Богом ты смердишь, огорчаешь Его человеколюбивого, тщащегося спасти тебя и делаешь это всяким образом! Окаянный!

Душе, непоколебимо со стремлением безмездным пребывай, мнящи предстояти Распятому Спасу, паче же сраспятися тебе ради Распеншемуся. Исполни слово Христово: *возмите иго Мое на себе, и научитеся от Мене, яко кроток есть и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашым* (Мф 11, 29).

Вспомни — на что способен христианин: «Имуще бо крепость Твою, мучителей низложиша, сокрушиша и демонов немощныя дерзости»*. Имеешь ли ты это? Укоряй себя: монах называется.

Пребывание с другими людьми (в монастыре) нужно не для советывания и подражания всем, а чтобы

---

* Текст общего тропаря мученикам.

в сообращении с ними познавать душевные свои немощи и смиряться пред ближними.

Будь доволен своим положением. Ешь — что дают, во время, в меру, не до пресыщения. Гони уныние, лень, холод, небрежность, забвение, рассеянность, расслабление. Помни — откуда все злое, нестроения, — от **бесов**.

Возненавидь: покой, почет, славу, приятность, хвалу, сласть, красоту, сытость, похоть, свою волю, тело, самую жизнь, упокоение — желание сего разлучает от Бога, удаляет от Него, лишает благодати, ввергает в вечную муку (если сердцем желаешь всего греховного). Вспомни, когда **прельщаешься**: смерть, гной, суд, грехи, навоз, вечную муку, Судию, кротость, краткость легкой жизни, **бесов** (от них и исходит прельщение).

Отвергайся покоя, всего приятного, вкусного, хвалы, почета, власти, сытости, радостей... Возжелай же быть уничижен, в лишении, в холоде, в голоде, оскорбляем, понукаем, бит, в тяжелом труде, обидим, наказуем.

Смиряй плоть: «томлю томящаго мя» — говорил преподобный Серафим, носивший с собой тяжелый мешок с камнями.

Следует дать возможность твоей душе стать господином самого себя.

Невоздержник, ставший воздержен, — «отвергается себя». Монаху нужно оставить любовь к телу, не иметь никакого попечения о теле и о житейских потребностях, презирать самого себя, чтобы возлюбить смерть. Богатство? — через него своя воля. Не пригодится тебе твое богатство: грядет во славе страшный неподкупный Судия, судяй по делам. Не копи, монах, денег. Самочиние брось — плохо кончишь.

Думай: ничего своего не имею, кроме греха.

Отказывайся от ложных сластей ради вечных совершенств. Как прекрасны целомудрие, воздержание, труд, смирение, любовь, кротость; и как мерзки похоть, злоба, самолюбие.

Тяжко не то, что виды преступления воли Божией, греха разнообразны, что их миллионы, а само престу-

ление воли Создателя (Адам ведь всего одну заповедь преступил, а каков результат); страшно нарушить волю Благодетеля твоего — Святого и Страшного, по величию Правосудного. Страшна и постоянность грешения, нераскаянность: каешься и, не исправляясь, грешишь вновь и вновь, находясь при этом в отличных от других христиан условиях (монастырь, вера, послушание, хорошее отношение братии, сытость, чтение книг и прочее).

Монахом следует открыто быть пред всеми, не только не стеснятся одежды или креста или имени Божия, но и давать пример другим. Стесняться нечего — *иже бо аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со Ангелы святыми* (Мк 8, 38). Молись при таких смущениях: «Господи, твори волю Твою Святую во всех случаях». В какой одежде получил благодать Божию, в той и находись. Думай: радуюсь, что благой путь дал мне Бог, по душе.

Презревший мир — всегда весел. При том надобно всегда **терпеть** что-нибудь — Бога ради — с благодарением.

Печальный человек не верит в Бога, он — в опасности; монах же должен быть весел. Но помни и слова Христовы: *Блаженни плачущии, яко тии утешатся* (Мф 5, 4) — вот монашеский узкий путь.

Не следует стараться делать на людях спокойное лицо или вести высокую подвижническую жизнь, когда духовного основания для этого не положено и к этому не готов — впадешь в заблуждение, в ошибку. Напротив, и наружный вид, и действия вытекают следствием внутреннего расположения духа, а не являются его причиной; в молитве же — при вере и уповании на Бога — монах естественным образом делается спокоен, самоотвержен.

Чтоб не соблазнять окружающих — надо немного говорить (но не будь и безрассудно молчалив), есть, пить; **чтоб не уязвить** (не вызвать зависть) — четки напоказ не носить. При этом четки всегда носи на себе на шее —

невольное напоминание, что обязанность твоя есть непрестанная молитва и богомыслие.

Монаху многого внимания на лица обращать нельзя. Криволицый, без лица? Не человек?

Не смотри пристально ни на что, ни на кого, ни в газету.

Кто почитает кого-либо особенно — тот и презирает особенно. Будь равнодушен.

Итак, нрав держи простой, речь не хитростную, ступание не тщеславное, голос не притворный. Полюби жить в **скудости** и быть всеми **небрегаемым**. Презрение и бесчестие — более славы. Паче же всего попекись о **хранении** ума и **трезвении**, будь терпелив при всяких теснотах и хранись; **не принимай** тайных сластей.

Не вспоминай иного, кроме грехов, не мечтай вперед, не представляй себе образов смерти, суда, вечности. В настоящем будь сосредоточен, будь всегда как при смерти... Молись о даровании христианския кончины живота...

Преподобный Феодор Студит говорит: будучи монахами, «призваны мы к высокой жизни, но так ли живем, как вознамерились сами [а ты ищешь покоя, здоровья! Разслабел... — *архимандрит Серафим*], и как другие ожидают от нас?.. [Святой Отец! Помолись! — *архимандрит Серафим*] Будем неизменны в добре и не станем увлекаться страстьми не только делом, но и в мечтаниях. Зачем ушли мы из мира? Чтоб жить в лишениях [исполняя обеты. — *Архимандрит Серафим*], — в надежде».

Увы, новое монашество, в отличие от древнего, не ищет духовного подвига, совершенства. Среди новых, современных монахов блаженнее тот, кто хотя и мог преступить заповедь Божию, но не преступил ее, и мог зло сотворить — и не сотворил.

Но и сегодня училища для юношества должны быть при монастырях. Преподавание, находясь в руках монашествующих, будет проникнуто духом христианского благочестия, а не тем зловредным суемудрием и неверием, которое все более и более овладевает миром.

О пономарском послушании

За точное и тщательное исполнение пономарского послушания да ожидает трудящегося награда от Господа в день воздаяния.

Пономарь, со страхом и великим прилежанием проходи послушание, которое тебе поручено, потому что оно поручено тебе от Бога и есть Божественное.

Лампады возжигай со страхом и усердием — пред Богом; иконы бы не пылились; мети два раза в неделю; не повредить бы чего, малейшего — смотри.

О смирении

Что нужно монаху прежде всего, чтобы улучить милость Божию? Каков я должен по Евангелию быть? *Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф 5, 48).

Далеко до сего. Чтобы достичь этого, каждое твое движение и шаг да будет со страхом Божиим, ибо мы — члены Божии. Всё в мире и в нас самих принадлежит Богу и находится в Его власти. *Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живущии на ней* (Пс 23, 1). При этом, Он всегда зрит внутрь меня: есть ли там чистота, страх, смирение?

Кто же спасется? Смиривший себя — тот вознесется. *Смиритеся пред Господем, и вознесет вы* (Иак 4, 10). Кто смирен — тот мирен и спасен. Говорят, что смирение и любовь даже **выше** дара умной молитвы.

Вся жизнь твоя должна быть положена на то, чтоб свое «я» стереть в порошок. Монах, будь мал сам в себе. Непадательно — иметь себя под всей тварью. Если монах действительно не увидит себя хуже всякой твари, то не получит ничего.

Тот, кто немного значит в собственных своих глазах, бывает умерен в желаниях своих. Хотя он и ошибается иногда в своих намерениях, но не потеряет сам себя и блаженного спокойствия души. При этом, чтоб быть кротким, потребна добрая воля и твердость.

Научись самоукорению и самоотвержению. Самоукорение — в том, чтобы и при добродетелях считать себя мало блага что сотворша (по крайней мере, плачь и вой о своем греховном бессилии). Я худой, злой, нечистый, плотский, похотливый, гордый, немощный — и при этом люблю себя. В самоотвержении же — первая забота не о своем самочувствии, удовольствии (пусть даже и духовном) и прочем, но об исполнении заповеди Божией.

Смиренный никогда ни в ком не может возбудить зависти. Наружное же и ложное смирение вызывает тщеславие. Подлинное смирение внутри — не снаружи.

Всем угодить трудно: *горе, егда добре рекут вам вси человецы* (Лк 6, 26) (равно и благочестивые, и злочестивые). **Честь** в глазах других — пустое: не ищи похвал, не будь честолюбив, не ищи всем нравиться; от хороших и за хорошее не ищи почета; не кажись лучшим, чем есть; не старайся быть бóльшим, чем на деле есть.

Тайная гордость славы, чести, похвалы ищет; высоко себя и дела свои превозносит, других презирает и уничижает, ищет себя показать, бесстыдно себя являет, какое добро имеет — **себе** приписывает, а не Богу; хвалится и тем добром, которого не имеет; недостатки и пороки свои **скрывает**; в презрении и уничижении быть **не терпит**; увещаний, обличений, советов не принимает; в дела **чужие** самовольно вмешивается; в несчастии ропщет, негодует и часто хулит Бога.

Аще кто хощет старей быти, да будет всех менший, и ***всем слуга*** (Мк 9, 35). Усвой!

Преподобные отцы Варсануфий и Иоанн учат: почитай себя за ничто; ни с кем **не сравнивай** себя, не говори о своем добром деле. Каково добротворение — когда ты полон страстей? Не думай что ты сделал что-нибудь доброе. Ни в каком случае не следует почитать себя **за нечто**, но во всем **отсекать** свою волю, повиноваться **всем**; без смущения переносить, что постигнет нас от вне. Не следует обращать внимания на чужие грехи. Познавай свои согрешения и немощь. Необходимо

самоукорение. Нужно считать себя землею и пеплом (И пророк Давид говорит: *Аз же есмь червь, а не человек* (Пс 21, 7)).

Иоанн Лествичник наставляет нас: «аще грешник за вину будет **укорять себя** искренно и чистосердечно пред лицем Божиим, то Господь призрит нас и разрушит наши гордость, возношение, яко паутину».

Нет ли в сердце мысли — что ты хоть немного, да лучше других живешь? В этом — горделивое самомнение (от них же первый есмь аз). Считай себя за бесполезный прах. Пример нам здесь — Христос. Заповедь Божия: будь всем раб и слуга — это говорит Иисус Христос, Который Сам умыл ноги апостолам, Который, будучи Сыном Божиим, плотию оделся нашею, умер за меня, терпел оплевания. И даже в Своем смирении Он — всех выше. А ты — худший бесов: тебе ли не смиренномудрствовать? **Вспоминай Иисуса Христа**, смирение Его... Смотри, как Господь учит нас Своим словом и всею Своею земною жизнию. Он Сам Себе *умалил, зрак раба приим... смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп 2, 7–8). Именно потому Господь наставляет: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф 11, 29). Он говорит: *сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор 12, 9). *Блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное* (Мф 5, 3). Ведь и печаль о своем недостоинстве, нищете духовной — есть дарование благодати Божией.

Итак, сила смирения — сила Христова. Святые непрестанно смирялись, смирялся Сам Господь Иисус Христос. Ты ли, грешник, не будешь смирять ся выну? Выну вспоминай смирение Божие и Святых Его.

И ныне Бог беспредельно смиряет Себя, чтобы снизойти до нас, до каждого нашего дела. Без помощи Божией ты не можешь ничего. *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин 15, 5); *Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии: аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий* (Пс 126, 1). Помни это и смиряйся. Жертва

Богу дух сокрушен: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс 50, 19).

Не ищи, чем **потщеславиться** — делаешь это напрасно! Ты — тварь и раб купленый Кровию Христовой — твори волю Господа, а не свою; различай их. Как часто говоришь в молитве: «да будет воля Твоя» (исповедуешь самоотвержение), а при этом лишь своей воли ищешь и ее исполняешь. Но Господь речет, что даже если мы и Его волю, а не собственную, творим, то все равно должны глаголать: *яко раби неключими есмы: яко, еже должни бехом сотворити, сотворихом* (Лк 17, 10); мы — рабы Божии, Его создание, искуплены Кровию Иисусовою и потому просто обязаны исполнять Его волю — а обязанность или долг не принято хвалить за исполнение! Ты трудишься? И здесь нечем хвалиться. Труд — это твоя обязанность. Как говорит, Апостол, *яко аще кто не хощет делати, ниже да яст* (2 Сол 3, 10).

Молитвенно предстои Богу. Помни, что Он — Создатель мой; я — весь Его, а совершаю многие грехи, проявляю непослушание, неблагодарность. Он — мой Благодетель ежеминутный, Искупитель Кровию Своею, Промыслитель, Податель благ; я же — лишь дело рук Его. Его величие безмерно, Он мир видимый и невидимый создал из ничего Словом. Вот величие Божие! Ему Единому подобает слава! **Ты** же — что?

Господу известно, что в тебе есть, в твоей душе, чего ты стоишь и всегда испытывает тебя. Святые, умирая, понимали и говорили: **ин суд Божий и ин человеческий.** А теперь вспомни грехи свои прошлые: за ними — бездна. Бог — Судия мой грядущий — по делам судит, осуждает на вечную муку непослушных и нераскаянных.

Ничего я ради Бога не сделал доброго; одна опора мне — неизреченное милосердие Божие. Говори: **кто я такой?** И кто **считает меня за что-либо?** Всех нас одинаково ждет смерть, суд, вечность; избави, Боже, всякого человека от худой судьбы по смерти.

Признавай себя неразумным, неосоленным и уничиженным, и вовсе ничего не значущим. Внимай лишь себе, умри для всякого человека, **не верь** своим помыслам, оставь самооправдание, не желай славы человеческой, исполняй послушания, осуждая только себя. Молись молитвой святого Ефрема: «Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего» ... Если узнают все: каков я? — презирать будут меня и насмехаться. Думай, что все худо делаешь, всякое дело.

Не верь себе даже и в добром; учись **вопрошать** других, а не полагаться на себя.

Тем более не нужно желать быть учителем; хочешь для вразумления сказать: делай это с ласкою, кротостию и любовию, а главное — испросив внутренно помощь Божию.

Во всякий момент имей себя ниже всех; будь готов терпеть смиренно, как заслуженное, насмешки, укоры, выговоры, искушения, лишения; до последнего издыхания считайся всех худшим — при вере, твердой надежде на милосердие Божие, при покаянии.

Не должен я ненавидеть подобных мне людей — с их слабостями и пороками; мы все — одно тело, одного Бога Отца — дети. Не смешивай человека, этот образ Божий, со злом, которое в нем, потому что зло есть только случайное его несчастие, болезнь, мечта бесовская, но существо его — образ Божий — все-таки в нем остается.

Да не следует даже и сравнивать себя ни с кем — все умнее и лучше тебя пред Богом. Я пред оком Божиим, по грехам — ничто, а он (мой ближний) — всё. Я далек от исполнения заповедей Божиих — а другие их исполняют.

Считай себя хуже всех людей. Всегда смотри на свои недостатки, укоряйся, мысли себя хуже бесов, старайся вменяться ни во что, считай себя землею и пеплом, ни с кем не сравнивай себя.

Думай так: внутри я — нищий, нагой и убогий; помни о своей нищете, руку к Богу протянув, будь по сему и смирен, как и подобает просящему нищему.

Когда человек узна́ет от Духа Божия совершенную свою нищету, он исчезнет перед величием Божиим в ничто. Такой на всякого другого человека смотрит, как на святыню Божию, с нерешимостию рассуждая в себе: кто весть, — может, он в сердце своем стяжал Того, Кто превыше всего. Ведь ты не знаешь тайных добродетелей других! То есть даже и при пороке пьянства человек, может быть, горько кается Богу и выше тебя — трезвого.

Итак, оправдывать себя — неблагодарное дело. Непременно солжешь. Тогда и снедает тебя ревность не по разуму. Тогда бывают свои пороки и недостатки забыты. Тогда одолевает злоба. Если тебе хочется осудить кого — сосчитай свои грехи и недостатки. Отбрось осуждение. Молчи — смиряясь. Совесть не разрешает осудить — не стану. Я сам — в блуде, в осуждении, в сластях, в лени? Страшно, если совесть **молчит**.

Жития читай, чтоб видеть, чего ты не имеешь. Чтение житий — через описываемое в них святое мужество — возбуждает к ревности или через показуемое всесвятое смирение приводит тебя к глубокому познанию твоей немощи и к зазрению самого себя.

Думай так: лишь дети Божии — наследники Царствия Небесного — я же раб их непотребный.

Избави мя, Господи, от самомнения, которое есть обман и самообман; да вижу себя без покрова самолюбия и буду смирен и пред последним из людей. Пусть я всегда молюсь, каюсь, подлинно отвергнув нерадение, маловерие, забвение, смиренно жду смерти, суда и вечности.

Говори: «Ты моя крепость, Господи; слава силе Твоей». Признай немощность свою, отрини свою силу, значение, приписываемое себе доброе. Да будешь всем слуга и раб. Бога ради люби ближнего и смиряйся пред людьми: они — Божии создания, возлюбленнии Господом, бессмертные души, земные Ангелы, Святые, с ними пребывает Бог; я же хуже всех их пред Богом. Он Кровь

Свою пролил ради Спасения их душ, они — наследники вечной жизни. Исполненных мною добрых дел — не вижу; все спасутся — кроме меня.

Желающий смириться должен всегда **так молиться**: «Дай мне, Господи, положить начало Спасения. Господи, даруй мне зреть грехи мои, зреть свое действительное духовное растление, яко же есмь. Господи, даруй мне печаль и болезнь сердечную о грехах моих многих, яко же песок морской. Духа Твоего Святаго не отыми от мене, воздаждь мне радость Спасения Твоего. Сердце чисто созижди во мне, отврати лице Твое от грех моих и вся беззакония моя очисти. Сердце сокрушенное и смиренное мне даруй и то, чтобы зреть себя хуже всякой твари».

Но следует помнить и о том, что просящий Бога об истинном **смирении** — просит послать ему кого-либо, кто уничижит, **оскорбит** его. Именно потому и говорится: радуйтеся в искушениях (ср. Мф 5, 11–12; 1 Пет 1, 6). Просишь подлинного смирения — смирись в искушениях и страданиях, ибо чрез них очищаешься от страстей и получаешь жизнь вечную. Ведь сердце богоугождения — есть смирение с терпением. Борись с собой. Помни: даже и враждебные мне люди — мои благодетели; они учат меня терпению и незлобию (указывают мои недостатки). Поношение человеческое причиняет боль сердцу, но бывает причиной чистоты для того, кто его **переносит**.

Есть два возможных выхода при перенесении унижений от ближнего. Во-первых, гордый отпор — настоять на своей воле, не уступлю, моя правда, гнев, возмущение, оскорбление словом, грех. Во-вторых — смиренное **перенесение** с терпением оскорбления; это не легко, но именно так велит поступать Господь. Учение Смитов и Джонсов — об укреплении характера, о том, чтобы убедить себя, что я сильнее и выше всех; учение же Спасителя — противоположно. Я ничего не знаю сам (не имею своего) и научить других (дать им что-либо от себя) не могу. Сатана шепчет: ты осо-

бый, пусть дорожат тобою, ведь ты желаешь Спасения, хорошо умеешь что-то, физиономия у тебя значительная. Но ты ответь ему: мое здесь — лишь грехи и немощи, а я сам и все доброе во мне — от Господа Бога, создавшего мя.

Одним дается тем премудрость, что познают слепоту свою. Свет Христов просвещает видящих тьму свою, и благодать Божия очищает признающих нечистоту свою. Ибо *Кто бо чист будет от скверны? никтоже* (Иов 14, 4). Се — истина, а самолюбие — ложь. Се первая ступень совершенства — познание своих мерзостей и ничтожности; кроме тьмы — во мне нет ничего. И тогда так смирившиеся просят уже света, и он им дается. Так исполняется слово Апостола: *Наше бо житие на небесех есть* (Флп 3, 20). Тогда возможно бывает *отложити вам, по первому житию, ветхаго человека, тлеющаго в похотех прелестных, обновлятися же духом ума вашего и облещися в новаго человека, созданного по Богу в правде и в преподобии истины* (Еф 4, 22-24). Осуществляется духовное рождение, которое есть целиком Божие дело. О сем молись, и тогда *Отец, Иже с небесе, даст Духа Святаго просящим у Него* (Лк 11, 13).

Святитель Василий Великий говорит о силе молитвы смиренных людей: «если кто водимый Святым и человеколюбивым Духом, не мечтая о самом себе, но уничтожая себя, чтобы возвысить других, возопиет духом, испрашивая чего-либо великого, и не произнесет ничего недостойного и низкого, выражающего искание земного и мирского, то вопль сего просящего услышан будет Господом».

Покаяние падшего восстановляет,
Плачь о грехах во врата небесные ударяет,
А смирение оныя отверзает.

Пользуйся всяким случаем, служащим ко смирению. Отвергни **волю** свою от себя и **смиряйся** во всю жизнь, и спасешься.

О скорбях, болезнях и их терпении

Временное наслаждение есть наживка на крючке греха, от сатаны закинутая.

Временное же страдание есть горькое, но полезное лекарство, если претерпим — то оно нам во Спасение; ведь мы достойны по грехам худшего. Бог посылает страдание во Спасение нам, принимай его со смирением и радостию. «Милость Свою Господь мне послал», — говорил отец Иоанн Кронштадтский о своей болезни.

Мучение и даже смерть не суть зло. Грех, неведение Бога, нерадение — вот зло, гибель души.

Клевету, наказание (когда и бываю невиновен), оскорбление, гонение, обиду, болезнь, нищету, голод, холод, заточение, труд каторжный — все терпи с благодарностью. Все обязуюсь терпеть Бога ради, оставления грехов и будущаго блаженства с радостию, благодарением.

И искушению радоваться следует — и побеждать его, терпением и молитвою к Богу о помощи, благодарить Господа за это искушение, видеть здесь Промысл Божий.

Свои скорби, болезнь следует скрывать — будь весел пред людьми; думай: какое им дело до моих скорбей.

Кто потерпит досаждения, без труда спасется. Великомученице Варваре Спаситель в ее страданиях дал обетование: «Претерпи до конца, чтобы вскоре насладиться вечными благами в Царствии Моем».

Христос — **Царь** наш — страдалец; Он — Царь мучеников, нищих, гонимых. И Царица — Богородица — страдалица.

Потерпи — Господь терпел невинно мене ради, и что, неужели зря? Вот и ты терпи.

«В терпении обретай мужество», — говорит святой Ефрем Сирин.

Терпеть не будешь — бесу жертвою будешь.

Терпеть надо все без исключения, принимая то, как от руки Божией. Терпи мужественно все, преодолевай себя. Бога ради неси недуги и крест.

Крест свой тяжел, но, преобразясь в Крест Христов — делается легок. Сам Господь говорит об этом: *иго... Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мф 11, 30). Достигнешь сего, если, даже и каясь, будешь благодарить Христа; от благодарения и славословия — приходит радость. Не ропщи на тяжесть твоего креста, но многократно повторяй: **слава Богу!**

Уповай на помощь Божию. Ведь *упование... не посрамит* (Рим 5, 5).

Болеешь — жди с упованием утешения от Бога; когда же радуешься — жди от Бога смиряющей скорби. И так будет.

Если ты в нездоровье унываешь — то как бы «утешаешься» раздражением. Сие не полезно.

Молись: «Господи, имиже веси судьбами спаси нас, грешных. Помоги нам, грешным, благодушно терпеть посылаемые Тобою скорби».

Если против желания терпишь болезнь, холод, досаду, укор, насмешки — вспомни Царя, без воли и ведения Коего **ничто** не совершается. Раз Он допустил сие — это и есть **самое** нужное — лучшее тебе. Ты ведь часто молишься: «Да будет воля Твоя». Вот и отвергай свою волю, подчиняя ее воле Божией.

О грехе, страстях и борьбе с ними

Спроси себя: есть ли вся жизнь твоя — предстояние Богу?

Будь правдив к себе. Бездна грехов совершается тобой в неведении, волею злой, в слепоте. Слеп, кто в страсти, во грехе.

Вся твоя внутренняя жизнь открыта и ясна Богу — Создателю Твоему. Любой грех не скрыт, но явен Богу и Ангелам и Святым. Постыдись в помыслах Бога и Святых, коим все видно как на ладони. Но ты не стыдишься, услаждаясь в мыслях блудом, злобою, тщеславием, осуждением, сластьми. Помни: **грех не насытим.** Молись Богу: «Господи, научи! Дай зреть и познать грехи

моя мне — гору их, постоянно растущую; они целы, реальны — эти преступления воли Божией. Хочу видеть их, но не вижу, обманываюсь собою — самомнением, и посему не терпелив, осуждаю других, смущаюсь. Самолюбие меня слепит. Даруй мне, Господи, всегда помнить о них, о грехах моих и каяться в них всегда, *яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну* (Пс 50, 5). Господи и Владыко, избавь меня от бесчестных страстей — гордости, лени, осуждения, блуда, уныния, раздражительности, смущения сердца (смущение — это мост бесовский), нетрезвенности ума, лжи, маловерия, чревоугодия, любостяжания, скупости и прочих грехов».

Знай: грехи против Духа Святаго таковы: 1) отчаяние, в котором не надеешься на милосердие Божие; 2) излишнее упование на это милосердие; 3) сопротивление познанной Истине Священного Писания и догматов веры, Апостолами и Святыми Отцами утвержденной; 4) зависть к духовным благам, которые твой ближний приемлет от Бога; 5) пребывание во грехах и состарение в злобе; 6) нерадение о душевном Спасении до конца своей жизни.

Блажен не видевший Ангелов, а кто всегда видит **грехи** свои. Знай лишь свои грехи. Оплачь их, моли Господа избавить от них и омыть тебя. Скажи: «Грешен я; не могу воззрети на небеса». Даже если бы ты постоянно зрел Ангелов, жил во гробе Христовом и прочее — все равно не спасешься, если заповеди Божии не соблюдешь и себя не очистишь от страстей.

Также и если живешь в нищете, да желаешь покоя и наслаждения — не спасешься; лучше, все имея, быть сердцем ни к чему не привязанным, быть нищим духом. Помни: *Близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренныя духом спасет* (Пс 33, 19). Видящий свои грехи не осудит никого, не вознесется, не нерадит о Спасении.

Единственно милосердие Божие спасает нас, его и призывай на себя — всем существом. И само покаяние — также вечный **дар** милосердия Бога.

Оставишь сию плоть, душе; гора грехов моих предо мною; значимо одно: я и Бог — в сердце ищу Его.

Неверие есть грех, служба диаволу. Верь: Бог умер за тя, явил так любовь к тебе, врагу Его. Что воздам Богу за все Его благодеяния (*Что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми?* (Пс 115, 3))? Апостол Павел учит: держи в уме — *Христос Иисус приide в мир грешники спасти, от нихже* ***первый*** *есмь аз* (1 Тим 1, 15). Я — первый из грешников. Надеюсь на одно **милосердие** великое Божие (несть грех, **побеждающий** человеколюбие Его, хочет Он всем спастися, пришел грешных спасти) и на **заступление** Богородицы и Святых Его Угодников.

Не знаешь Бога, Его свойств — тут причина нерадения и бесстрашия. Помни свойства Божии — Он премудр, свят, благ; а ты грешишь, волю Его, противясь святой благодати, дерзко не исполняешь, делаешь запрещенное и не боишься Бога!

От осознания Божественных всеведения и вездесущия рождается страх Божий, рождаются смирение и мужество (в отношениях с людьми).

Не уповай излишне на милосердие Божие — ведь Бог не только милосерд, но и **правосуден**.

Господь говорит Апостолу: *сила... Моя в немощи совершается* (2 Кор 12, 9). Ты думаешь: «я немощен, значит, могу и не бороться с грехом, с искушениями, но надеяться только на Господа, Господь же мне благодать при этом все равно дарует». Заблуждаешься; это — лишь отговорка. Искушениями возбуждаемся к собственному труду — к борьбе во Спасение. Господь не упоминал ничего про какие-либо удовольствия в деле Спасения, но сказал, что оно достигается узким путем, с трудом; чем же прельщается сердце твое — то ложь есть, обман сатаны, отца лжи, завистника.

Борись за Спасение: Царствие Божие Небесное — великое благо, оно даром не дается; радуйся, что не совсем ослеплен грехом, пав — восставай, крепись, веруй в Бога и Богу.

Как говорит Апостол, *аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор 4, 16). Насколько тлеет внешне ветхий наш человек, настолько внутренний обновляется.

Отталкиваешь совесть ради передачи себя греховной сладости? Убойся, судить-то как раз и **будет** тебя твоя **совесть**; слушайся ее.

Если ты вступил во тьму греха, то тьме наказания и повинен — смерть вечная ждет.

Согрешив, я виноват, потому что так велел не поступать мой Господь. **Изучи!** Какие грехи, как сильны, как являются, каков способ борьбы с ними. Помни о главных путях защиты от греха: самоукорение, страх Божий, память смерти.

Сколько раз ты уже прельстился мечтою — обманом врага, опять ли так поступишь? Лучше умереть в борьбе с грехом, чем вновь и вновь грешить.

Как сладок грех в устах, и как он горек во чреве! Согрешил — пережил момент наслаждения, а чрез минуту уже приходят тяжесть, вздохи, слезы, молитвы, омерзение, презрение себя; **хранись** от греха. Скоты тоже творят, что и ты. Молись выну. Во всю жизнь не оплакать тебе содеянных грехов — тьма их, всегда помни их — и плач; заповеди преступил все, все виды греха соделал; если не совершаем некоторых грехов делом, то уж в мысли их точно осуществляем (что одно и то же пред Богом): *всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцы своем* (Мф 5, 28).

Помни всегда — и за греховные **помышления дам** ответ. Грех в мыслях, если не воспротивишься ему, равносилен греху в действиях (быть может, твоя застенчивость и не дозволяла ему проявиться во вне, но он был в мыслях даже большим, чем наружный); если же борешься с ним, то награду получишь.

Отец Сергий Четвериков говорит о том, что мысленный грех даже хуже сделанного, ибо, в отличие от поступка, он неограничен в мыслях.

Богу ты не послушлив. Слушайся опытных, доверяй им — Отцам, тем более Богу — и приобретешь чистоту. Помни: *Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф 5, 8). Терпи, не осуждай, не злобься...

Как мне пред лицом Божиим принять врага Божия — противное воле Его помышление, помысл блудный или суетный, гордый? Это для меня безнаказанно не пройдет. Страшно преступить волю Божию; за это — вечная мука. Вечная мука!!! Как страшно нарушать волю **Бога**! Ни один грех у Бога не забывается, записываются они — дашь за них ответ. И у врагов-демонов не забыто ни одно твое преступление заповеди Божией. Чтó стоит моего внимания: краткое, связанное с горечью, земное наслаждение, которое исчезнет со смертью, или вечное блаженство? Разумный изберет второе, **отвергая** всегда первое.

Всегда и во всем искренне сознавай себя **виновным**. Необходимо **самоукорение**. Вопи, взывай, кайся (нет добродетели выше покаяния), плачь (потеря невинности души всегда достойна слез), борись, трудись, ревнуй, понуждай ся — до самой смерти.

Чего при смерти следует возжелать из мира сего? Ничего, лишь совести чистой. Вот **заповедь** Апостола: *Не любите мира, ни яже в мире* (1 Ин 2, 15). И потому всегда отвращайся мирского, земного, будь непрестанно — как при смерти. Это и означает слово Спасителя: *бдите и молитеся, да не внидете в напасть* (Мф 26, 41).

Может, и совсем мало времени осталось тебе на покаяние — до смертного часа твоего. Молись: «Даруй, Господи, мне время покаяния (помни: каждый новый день — дар Божий), даруй всегдашнее покаяние, дабы не отыти мне на Суд Твой Страшный в нерадении. Время покаяния истекает, приближается конец, даруй, Господи, не забывать грехов, зреть их все, не обманываться касательно себя и братий, плакать о грехах». Потерянный день — в который ты не оплакивал грехи свои.

Следует держать всегдашнее покаяние (монахи — это просто монастырские рабочие, если они не держатся

покаяния), к которому прилепляется благодать Божия. Нужно постоянно болезновать о своих грехах; как говорит Псалмопевец: *яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну* (Пс 50, 5).

Мы же — словно ночью — не видим пятен на себе, пребываем в окамененном нечувствии. Но чем ближе христианин к Богу, тем виднее ему собственная греховность. И великие подвижники представляли себя во грехе, как по горло в тине — вот-вот захлебнусь, помоги мне, Господи, на Страшном Суде. Сисой Великий, умирая, обращался к Ангелам: дайте мне время покаяться, не знаю — начинал ли я покаяние?

На Исповеди мы порой бываем немы — значит мы праведны? Если мы немы, то дай, Господи, зреть наши грехи (да сделаемся мы нищими духом (ср. Мф 5, 3), да приобретем мы сердце сокрушенно и смиренно, которое Бог не уничижит (ср. Пс 50, 19)). И помни: исповеданный грех становится внешним по отношению к тебе.

Ненавистен Богу самодовольный праведник, но близ Он сокрушающегося грешника. Где Бог, там и рай, — и в чистой душе тоже делается рай.

Куча грехов у нас еще не раскопана — почему и не рыдаем подобно святым Угодникам о них. Нечистая сила, как невидимый воздух, окружает нас; та́к побежим в страхе от нее, что засвистит в ушах. Одним лишь страшным именем Божиим можем бороться с бесами и грехом, очищать сердце, в коем сей источник зла.

Борись с парением мыслей — собирай ум. Мечтам не внимай — они отвне. Мечты — это задние мысли. Суетные помыслы оскверняют (чти, когда одолевают тебя, акафист Иисусу Сладчайшему).

Не следует внимать помыслам; они — чужие, от диавола. Мысли хульные, нечистые, неверие — от него. Если они приходят без твоего **соизволения**, то они — ничто, не обращай на них внимания, **презирай** их, не возбуждаясь ими, не смущаясь по прельщению диавола и маловерию. Молись об избавлении от них.

Здесь и ненависть к демонам нужна: *Совершенною ненавистию возненавидех я: во враги быша ми* (Пс 138, 22).

Познавай действия **врага** и не внемли, откинь помысл. Его тщание против тебя: отнять твою веру, надежду, любовь, вринуть в отчаяние, в грехи, в нераскаянное чувство — в **богопротивление**, погубить навечно. Первым делом — следует отревать помыслы, не внимать им, не сочувствовать, распознать — **чьи** они. Внимание не следует обращать на духовно вредное, но на молитву, заповеди Божии. **Помысл** встречаю, как огнь, со слезами — и исчезает.

Существуют **три** источника греховных помыслов — **память**, **сердце** (как источник зла), **диавол**. Святые Отцы называют средства против помыслов: 1) память Божия; 2) память смертная: *поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши* (Сир 7, 39); 3) память Страшного Суда, на котором откроются тайная согрешения твоя.

В монастыре следует совершать вечером откровение помыслов старцу; для этого можно записывать в книжку то, что нужно сказать ему; чтобы не забыть этого — вести самонаблюдение.

Все это гоже и духовно настроенным мирянам: три первых средства хороши им, когда борются они с помыслами изо всех сил.

Не принимай прилоги, то есть вражии мысли, а помолись: и мысль будет уже не крепка; если же примешь ее, то согласишься со врагом и согрешишь; старайся же иметь в мыслях Бога и думать всегда: «Господи, помилуй» или: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Иисусова молитва — как солнце против помыслов и греха — все в тебе оживает в ее лучах; она, как лев, — все враги скроются от нее в страхе.

С помыслами бороться не легко: ум привык ко всему прислушиваться, все знать, видеть; следует его понуждать против этого. И все же и это в твоей воле: всем, противным воле Божией, не интересоваться, ему не внимать, не сочувствовать, не желать. Здесь необходимо трезвение, и тогда, через богоугодную жизнь, тебе

откроется «яже вещей истина» — самая действительность вещей. Помыслу следует давать отпор с гневом и молитвою, гнать немилосердно — до своего отрезвления. Тем самым, с трезвением сочетай молитву; **не понадейся** на себя. Знай: нужна нам постоянная непрестанная молитва.

Больше трудись. **Трудящемуся** некогда грешить.

Страшно поблажать разленению. Если одолевают душевная праздность, косность — следует нудить себя бороться с ними; если тяготеешь к любоначалию — научись в первую очередь господствовать над своими страстями.

Не кричи и не говори громко и скоро. Не будь **упрям** и не настаивай на своем слове, чтоб не вошло в тебя зло (злость, **серчание**). Сам по себе гнев сдерживать бесполезно; не плод, но корни его вырывай.

Грех убивает и душу, и тело. Тело блюди — как храм Божий. Помни: тело — храм Святого Духа. Воздержание приносит облегчение и для тела, и для духа.

И в то же время **отторгни душу от всякого сострастия телу**. С душею и тело должно смиряться, не желать утехи. Пусть великие подвиги и непосильны, но воздержание обязательно. Беги приятного плоти: еды, сна, хвалы, почета, всего, что по твоей греховной воле.

Следует презирать плоть, ибо она преходит: не обращать внимание на ее желания, заниматься богомыслием, противостоять ей мужественным и твердым сердцем. Как сказано, нужно «презирати убо плоть, преходит бо, прилежати же о душе, вещи безсмертней»*. И это возможно только с помощью Божией: «имущее бо крепость Твою... сокрушиша... демонов немощныя дерзости...»**.

Знай: и большая, и малая страсть (например, курение), злоба, похоть — есть один и тот же огонь. Берегись их, пусть и кажутся они тебе незначительными:

---

* Из общего тропаря единому преподобному.

** Из общего тропаря единому мученику.

от **сытости** бывает **распутство**; грех даже и слушать худой разговор; и пренебрегать деньгами также безрассудно — это от бесов... Потакая таким и многим другим страстям, усыпляешь, заглушаешь совесть. Перестань оправдывать свою похоть, даже и малейшую, осуди ю пред Богом и собою. Взмолись об избавлении, Спасении к **Спасителю**. Один Он исцеляет, что означает то же самое, что и прощает. Жаждай этого. Тебе кажется, что курение помогает успокоить нервы: это распущенность, ложь, мираж, страсть. Успокаивать себя удовлетворением страсти нельзя; ее нужно лишь побеждать, противостав ей, удержавшись от нея, понеся крест борьбы против нея — крест ея неприятия в своем **сердце**. Всякое **утешение** вне Духа Святаго Утешителя (если этого ложного утешения ждет твое сердце, если оно его любит, если оно ему радуется) есть тот безумный соблазн, на котором строят свои мечты устроители так называемого «человеческого рая». Молиться духом, куря папиросу, **невозможно**: душа утонула в папиросе, души почти нет, как блудный сын скитаешься в сей момент. Приди вновь к Отцу твоему — Богу, верни себе прежнее достояние твое. Главное же богатство, расточенное блудным сыном, — это чистота его души в детстве, молитва ребенка, вера, любовь.

Борись с душевным в себе, поступай — как духовный. Нуждающемуся давай не из душевной жалостливости, но по христианской **заповеди**. Отношение к мелкой душевности в себе, ее преодоление — термометр горячности веры человека и его любви к Богу.

Так, греша, человек может потерять свою душу, всегда теряет, и хорошо — если находит опять ее всегда и борется, чтоб опять не терять, дрожит над душою своею, как над любимым младенцем своим. Душа — младенец бессмертия, беззащитный и жалкий в условиях окружающего нас мира. Как нужно прижимать к груди своей, к сердцу своему — собственную душу, как нужно любить ее, предназначенную для вечной жизни.

О, как нужно очищать даже малейшее пятнышко с нее. Бывает: вознеслось сердце, разгневалось, ожесточилось, сладостно возмечтало при взгляде на женщину, оскорбилось, обиделось, предпочло праздность, **«утешение»** в виде сласти, похвалы, погружения в мягкое кресло. Потом больно душе, духовная ревность снедает, каешься — и бываешь прощен. Но в худшем случае, если далеко зайдешь в услаждении, оказываешься изранен, лежишь в рове нечувствия, нераскаянности, хлада. Сластолюбивое сердце свое очищай, храни чувства. Только так Бога узришь.

Но ты и не вспоминаешь Бога в момент победы в тебе греха, в состоянии духовной распущенности; в этот миг сказать о Боге — то же самое, что обличить себя и весь мир: стыдно, трудно. Юноша богатый тотчас поспешил отступить от Христа — с печалию или чтоб просто «покурить».

Кто задумает сам по себе, без помощи Божией, обуздать океан ветхой жизни, тот погибнет в его волнах. Цепок враг и лукаво действует, человек же ленив и быстро отступает. Призвать помощь Божию, обратиться к Богу — значит, прежде всего, покориться Его воле, и уже покорившись Богу, — молиться Ему. **Ты не молился** — если непокорно, несмиренно обращался к Нему — как к виновнику твоих страданий или как к равнодушному их зрителю.

Бывает, что борясь с искушением, ты боишься не волю Божию преступить, а страшишься самого искушения; молишь о смирении лишь ради избавления от неприятного смущения. Это неправильно.

Боюсь показаться перед другими грешным, а Бога не боюсь. Самооправдание и человекоугодие борют, и при этом сам себе объясняешь, что не виноват ни в чем, что — святой совсем, что умен, а не глуп совсем. Даруй, Господи, трезвение.

Ни за что не следует огорчаться, сердиться, смущаться, обижаться на грешащих — они лишь несчастные люди, водимые диаволом.

Чужие слабости и недостатки виднее своих — самолюбие скрывает свои несовершенства от себя самого. Учись их видеть и познавать. Думай так: «Нет хуже меня никого пред Богом, хотя и пред людьми я кажусь лучше некоторых». Бог один «зрит тайная» сердца.

Я грешен и потому обязан все от других терпеть и всех почитать. От осуждения же других происходит плотская брань.

Великодушным, а не мелочным надо быть; отказать просящему, когда у тебя что-либо есть или требовать что-либо обратно — дурно. Но при этом проведи границу — не касайся чужой личности, не укоряй другого (но одного лишь себя), в своем деле будь тверд. Не следует при общении с другими вдаваться в смущение, но внимать лишь себе, знать **свои** грехи, тогда и не станешь излишне печься о чужом благе.

Помни: покаяние в том, чтоб не только раскаяться в грехе, но и не повторять его.

Надо подобно апостолу Петру (который, слыша петуха, рыдал) и, будучи прощенным, не забывать прежнего греха — смиряясь, зазирая себя, плача, — и не впадем опять в него.

И в то же время, чтобы возвратиться на путь добродетели, надо быть **деятельным**, а не мучить себя только **бесплодными** укорами и слезами; помни свое дурное дело, жалей об этом и старайся загладить его, а не увеличивай вины своим малодушием. Не напоминай себе в подробности совершенных грехов — но лишь то, что ты — великий грешник.

Помни, что демоны — перед твоим падением представляют Бога человеколюбивым, после же падения — представляют неумолимым.

Оплачь грех и прославь Бога, восстань и паки борись.

О борьбе с унынием и печалью

Помни, что сказал Апостол: *Всегда радуйтеся* (1 Сол 5, 16); печаль же расслабляет. И уныние есть пагуба.

Если по неверию унываем от горечи и по гордости — впадаем в грех.

Это от врага приходят — уныние, сон, лень, бесстрашие.

Нервность ведет к отчаянию, к **погибели**; она — уловка сатаны, извиняющая в наших глазах преступление заповедей.

Против отчаяния имей надежду, лучшую всякой другой надежды, — на милосердие Божие.

Шевели мыслями, разумей, бодрись, реальность восчувствуй.

Не строй **воображением** крыльев страху, печали и прочему — и они рассеются.

Помни: я немощен — Бог же силен. Не кажись сильным, смирись.

Мужайся, трезвись, бди, терпи, надейся на Бога, крепись.

О страхе Божием

Господь — всюду; ненормально — не помнить Его и заповедей Его. Бог и духовный мир — реальнее видимого, временного, обманного. Реален и мир бесов.

Постоянно следует быть в мире с Богом, пребывать в чувстве собственной греховности, покаяния, надежды, веры, терпения, страха Божия, памяти вездеприсутствия Божия.

Нужен нам страх Божий. В немощи своей уповай на Бога.

Работайте Господеви со страхом, и радуйтеся Ему с трепетом (Пс 2, 11).

Боящийся Бога ничего более не боится. Ничего не боюсь в мире сем — все подвластно Богу, Его же я раб, грешный; Он меня защитит — но и я должен быть верен

Ему, бояться Его. Он и неверных покрывает до смерти — авось обратятся к Нему.

Страх Божий — это страх по любви, претрепетный: не оскорбить бы Бога.

Страх Божий — отец молитвенного **внимания**, молитвенных помыслов.

Бойся Бога, бойся и греха, Его гневящего и оскорбляющего, бойся нанести «бесчестие Богу» — тогда и не убоишься ничего другого — даже бесов. *И не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих убити; убойтеся же паче могущаго и душу и тело погубити в геенне* (Мф 10, 28). Оставь надежду на свои силы, ум, характер, благополучие — *на Господа уповах...* (Пс 10, 1). «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый: Троице Святая, слава Тебе» (вечерние молитвы). Он — Бог — Живой, Святый, Премудрый, Благий.

Страх Божий есть единственная преграда греху во внутренней жизни человека; а для его внешней жизни преграда дурным делам — даже и без страха Божия — это стыд перед людьми, сдерживающий его от совершения неблаговидных поступков. При духовной же смелости против греха — когда есть и страх Божий, и стыд перед людьми — оба эти препятствия действуют совместно и сдерживают человека от совершения греха; при этом внешнее препятствие совпадает в нем с действием внутреннего.

Мысль о милосердии Божием принимай только тогда, когда видишь, что низвлекаешься в глубину отчаяния. Не придумывай предлогов к оправданию своего нерадения и к своей поблажке грехам.

От Бога — и мысль благая, и средства ко Спасению, и сила на его совершение, и сам ты — *Руце Твои сотвористе мя и создасте мя; вразуми мя: и научуся заповедем Твоим* (Пс 118, 73).

Сила наша против сатаны не в самонадеянном поджатии губ, но в смирении — в признании пред Богом своей немощи, виновности (все муки я заслужил, но надеюсь на милующее сердце Твое, Господи). И тогда благодать

Божия поможет. Во мне собственной благой силы нет — грехи одни. Господь Сам научит и поддержит. *Возмите иго Мое на себе и* **научитеся** *от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем; и обрящете покой душам вашым* (Мф 11, 29); *Близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренныя духом спасет* (Пс 33, 19); *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс 50, 19); *Блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное* (Мф 5, 3); *Потерпи Господа, мужайся, и да крепится сердце твое, и потерпи Господа* (Пс 26, 14). Молись об этом так: «Господи, научи мя творити волю Твою, даруй мне молитву, милосердие, внимание, память Твою и страх Твой, память смерти, самоукорение, смирение с терпением, покаяние, трудолюбие, сердце теплое от любви Твоей, терпение в молитве, зрение грехов моих, мужество души и твердость сердца».

Господь велит нам молиться, терпеть, бдеть, ждать смерти, бояться геенны, трудиться. Он Сам нам примером служит в том, как нам надлежит никого не осуждать, любить врагов.

Страшись преступать волю Творца благого — волею своей: в уме ли, в сердце ли, в слове ли, в деле ли. Кто ты — и кто Он? Как терпит Он тебя, оскорбляющаго выну Его величество, как не уничтожает тебя — непотребного раба, тварь: темже плачь и вой непрестанно, и люби Его. Говори себе: «Горе мне! — что случится, если кончится вдруг долготерпение Божие ко мне и восхитит Он душу мою от тела в то время, когда я буду пребывать в гневе, в лени, в похоти, в злобе, в осуждении, в гордости»? Чего ты тогда окажешься достоин?

Святые — пример нам; они возмогли все преодолеть силою Божией. Нет тебе извинения в том, что касается добродетелей. Думай: подножие всем я.

Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение: управи сердце твое и потерпи (Сир 2, 1–2). Итак, уготовься к искушениям и прояви терпение, твердость, смирение; молись.

Веруют или нет люди в Бога, боятся ли Его или нет, чтут ли или нет — от сего не изменяется ничего;

вопреки сему Бог есть, есть смерть, суд — есть слово Божие судящее, есть вечность блаженства или мучений.

Подлинный ужас — это безнадежная мучительная вечность. Господь Иисус Христос и пришел спасти от нея человека. Каково смирение, которое явил Он ради бесценно дорогой Ему души! Я же — червяк. Велик, и Свят, и Жив Господь Бог!

Распятие, изображающее страсти Христовы, Его Плащаница говорят тебе: вот как возлюбил Бог тебя недостойного, как велика цена души человеческой, как тяжек грех, как страшна вечная мука!

Люди не могут твоей душе сделать зла: тело умертвят, но душа не смертна. Бог один властен в геенну водворить ее.

Умилостивляй Судью — пока дается тебе время.

Знай: смерть непременно наступит, и суд, и вечность. Перед небом и землею мы должны будем отдать Богу отчет во всей своей жизни — а ты смеешься, веселишься?

Что ты, облагодетельствованный в этой жизни от Бога, ответишь на истязания о грехах на Суде?

Скрежет зубов в геенне огненной означает безполезное раскаяние на том свете. За отсутствие добрых дел осуждается грешник на Суде — по Евангелию (ср. Мф 25, 31–46).

Почему суд Христов — Страшный Суд? Потому что конец его страшен мне — вечная мука. Вечная жизнь — лишь для праведных. Потому и нужны: вера и жизнь по вере — в уповании жизни вечной. Боже, милостив буди мне грешному!

О смерти

Не знаю — когда мне суждено умереть.

Смерть прячется за спиной — и является внезапно.

Встав от сна, не будем **надеяться** дожить до вечера, и, отходя ко сну, будем **помнить**, что, может быть, не доживем до утра.

«Пусть память смертная и спит, и встает вместе с тобою», — говорит святой Иоанн Лествичник.

Утром скажи: вот дарует мне Господь Бог еще день (может и не весь) на покаяние. Ныне — время Спасения. Не медли с ним.

С утра поразмысли, дабы утвердиться в Боге на день — в память смерти и Суда Вечного — первые мысли посвяти Богу. Молитва важнее всего — и чтения; в ней ты испрашиваешь помощи от Всесильнаго Бога.

Святой Исаак Сирин говорит: «Неблагоразумно изжих ты жизнь свою, человек посрамленный и достойный всякого зла. Остерегись же хоть этот день, оставшийся от дней твоих, прошедших напрасно без дел добрых и обогатившихся делами худыми».

Не сей ли — мой последний час, последнего дыхания? Сия земля, в нюже пойду; еще на час сократилась жизнь моя.

Канул день, не вернется. Все ближе я к смерти.

Завтра сделаю то-то, если буду еще в сем теле и в сем мире.

Даст ли Господь завтрашний день мне?

Быть может уже тогда разлучусь с плотию — в кою влюблен безумно.

Еще на день ближе ты к смерти. Плачь — зря прожито в грехах твое время. При свете Суда Божия обрящешься обнаженным.

Аще бы ведал дому владыка, в кую стражу тать приидет, бдел убо бы и не бы дал подкопати храма своего (Мф 24, 43). Ничего нет известнее сего, что умрем! И нет ничего безвестнее того — когда мы умрем. Бди, да готов всегда будешь встретить «тать» — смерть.

Каждую минуту Бог видит меня (на сердце смотрит), и каждую минуту может наступить смерть — разлучение души от тела.

Я не могу видеть Бога — но Он-то везде и всегда меня видит — смотрит на меня, я хожу пред Ним, Пресвятой Богородицей, Ангелами и Святыми.

Memento mori! Помни о смерти; память смертную **вращай** в уме.

«Память смертная, как **хлеб**, необходима человеку», — учит святой Иоанн Лествичник.

При смерти, может, сию же минуту, возьмется от меня все, яко не мое, и тогда наг отыду — с грехами моими одними — пред **Судию**...

Над всеми — неизвестность смерти. Не дай, Господи, умереть в ожесточении, в похоти, сласти, в безумии, безчувствии.

Ожидаю смертного часа — приближается; тогда кончится время покаяния, напрасны будут вопли, и жаление, и мольбы.

Страшна внезапная смерть без покаяния.

Время дано тебе на покаяние, но оно ограниченно.

Не хочу умирать сейчас, ибо исполнен нечистоты, страстей, похотей, грехов — не могу. Дай, Господи, претерпети и победити вся искушения. Тогда, когда Бог Господь Спаситель мой найдет нужный момент взять душу мою от тела, — тогда я хочу умереть.

Господи, как мне умереть будет? Как мне, Господи, на Страшный Суд придти? Как мне, Господи, ответ дать за мои дела? Царица Небесная, помози мне!

Моли Богородицу Пресвятую о помощи при исходе души твоей. Чти **акафист** Пресвятой Богородице ежедневно, если **хочешь не умереть внезапною смертию.**

В час **кончины** моли о помощи и своего Ангела по монашеству.

В Евангелии сказано: *Исповедайте убо друг другу согрешения* (Иак 5, 16) — так можно, по Священному Писанию, поступить при кончине, за **отсутствием** иерея: исповедать друг другу грехи.

Может, совсем мало осталось времени для покаяния; конец долготерпению Божию — трезвись, бодрствуй. А ты, душй, осуждаешь, тщеславишься, плоти служишь, не слушаешь Бога, не боишься Его — горе тебе нерадивая! Ужас! — если в грехах, в прельщении **внезапно** восхитит тя смерть; потому всегда блюдися.

Приближается конец покаянию, смерть, разлучение души от плоти, начало нескончаемой блаженной или, о ужас, мучительной жизни. Отвергайся себя, умри для греха ради заповедей Божиих, тесни себя, уничижай, смиряй, устрашай, оживляй веру — надежду, люби, как себя, всех.

«Если хочешь, чтоб Бог даровал тебе слезы, сокрушение и бесстрастие, — говорит святой Ефрем Сирин, — непрестанно приводи себе на память **смерть** и **гроб** свой».

Памятование о смерти отторгает нас от суеты века сего, делает мертвым миру. Молись Богу о даровании его.

Бдите убо (то есть будьте настороже — не усыпляйтесь), *яко не весте, в кий час Господь ваш приидет* (Мф 24, 42): то есть чаще напоминай себе неизвестность времени твоего исхода, который может наступить каждый час; оставишь все — и даже тело свое. Потому меньше заботься о здешнем, не обращай внимания на требования плоти, презирай их (будь то лень, похоть, чревоугодие, слава, гнев). Верь, и верою взирай на будущую вечную жизнь, в которую смертию вступишь, и на Бога Судию праведного, и на Его заповеди, коими унаследуешь блаженство, а неисполнением коих — за нерадение, неверие — получишь мучительную вечность. Напоминай себе и бренность тела, и бессмертие души. Внимай **себе**, а не суете окружающей (храни безмолвие). Помни: без Бога *не можете творити ничесоже* (Ин 15, 5). Будь — как собирающийся ежеминутно покинуть мир, как странник.

Туне приясте, туне дадите (Мф 10, 8). Не привязывайся к земному.

При смерти все земное станет пустым, бесцельным, ненужным, отвратительным, смешным — все увлечения, страсти, «дела» — все это суета, мелочь; тогда ты увидишь, какое великое зло — грехи, прельщения и какое великое добро — добродетели. Но поздно уже будет; время делания прошло — время воздаяния наступило.

Небо и земля мимоидет, словеса же Моя не мимоидут (Мф 24, 35). Какие словеса? Вот эти слова: *И идут сии* (грешники) *в муку вечную, праведницы же в живот вечный* (Мф 25, 46). Также и заповеди Божии не мимоидут.

Не доверяйся уму своему, но познавай Бога и Его заповеди — в них живот вечный.

Не сегодня — завтра ты оставишь обязательно тело (и мир сей), как ненужную более вещь или одежду (как некую темницу), навсегда. И тогда пожалеешь очень, что много времени и внимания зря уделял ему и сердцем прилеплялся к земному — как бы в надежде вечно жить здесь, порабощался ему, душею унизительно служил ему (забывая, что тело — земля, душа же — дыхание Божества). Христианин в этом мире — на дороге к дому; он должен шествовать как бы по воздуху (исполнением заповедей Божиих) и помнить — некогда мне привлекаться долу, к земле — чрез служение (внимание) страстям, миру, плоти, через грех. Я готовлюсь отыти в вечность, жду прибытия вестника, открытия двери смерти, одеваюсь в добродетели, снимая грязные лохмотья страстей. Духовная жизнь за гробом ждет нас, а не плотская и притом не имеющая конца. Как же прельщаться лицами, снедями, страхами, боязнью труда, самолюбием (и подобным)?

Человек! Последняя твоя поминай: смерть, Суд, ад и рай!

Человече, поминай заповеди Божии, грехи, смерть, Суд, муку вечную и блаженство!

Нечего бояться боли, холода, голода, бессония, труда; не следует слушаться плоти — оставишь ее — отгниет, будут голые кости. Душа — вечна. Бога бойся. Так или иначе — умрешь, погибнет красота плоти. Перестань слушать ее, слушай Бога — что спасет душу от вечной муки; тело все равно не спасешь от червей — отдается оно им на съедение.

Жизнь — постепенное умирание. Господь сказал согрешившему Адаму: *в поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишися в землю, от неяже взят еси: яко*

земля еси, и в землю отыдеши (Быт 3, 19). И Еве сказал: *в болезнех родиши чада* (Быт 3, 16). Изгнан человек из рая: с тех пор жизнь — для плача, мир — место изгнания.

Для какого конца рождается человек в мир? Чтоб умереть, то есть оставить мир.

Богом создан — Им хожу — к Нему отойду.

Наша земная жизнь — что **капля в море — в вечности.**

Где труды, там воздаяние. Сие время — дано, чтоб ты и трудился как раз для снискания вечности.

Человек есть минутный гость мира.

До меня жили люди и по мне, может быть (по кончине моей), будут жить — миллионы.

Вот оная земля — где мне лежать.

Будь тверд и уверен, что хотя и останется плоть на земле и сгниет, душею же будешь взят Богом. Смерть — дверь в вечность.

Но Бог созидает и тогда, когда разрушает.

Усну до общего воскресения; ничего страшного, силен Бог восставить меня из мертвых. Чаю — **ожидаю** — воскресения мертвых...

До свидания в будущей жизни, умирающий брат.

«Земля еси и в землю отидеши», — смирись с этим.

Четыре искушения бывают в час смерти: колебание веры, отчаяние, тщеславие, устрашения — бесовские образы.

Но бояться следует не самого исхода из земной жизни, а умереть во грехах без покаяния, внезапно, и так предстать Судии. Верх совершенства — слова Апостола: *желание имый разрешитися и со Христом быти* (Флп 1, 23) и *по вся дни умираю* (1 Кор 15, 31).

Что скажет тебе тогда Господь? Может речет: *Отметаяйся Мене и не приемляй глагол Моих имать судящаго ему; Слово, еже глаголах, то судит ему в последний день* (Ин 12, 48)? Или скажет: *Днесь **со Мною** будеши в раи* (Лк 23, 43)?

Со смертию примирись; так или иначе, сегодня или завтра — придется разлучиться с телом: такова благая

воля Божия, ею оканчивается время изгнания и испытания нашего здесь, на земле.

Смерти должно ожидать как перехода к лучшей жизни, где Бог — Источник всякой радости и блаженства, как перехода туда, где уже миллионы... смирись, непременно умрешь — навсегда мир оставишь — хочешь или нет.

Умершие живы. Бог — *несть Бог мертвых, но Бог живых* (Мк 12, 27). *Еда небо и землю не Аз наполняю? рече Господь* (Иер 23, 24). Моя душа вечна, тело временно, оставлю его. Ведь соединение души и тела — это соединение вечного и смертного.

«Умершие» (души их) живы, у Господа, здесь же — во гробах — лишь их истлевшие одежды; они даже живее чем «люди» (в «одежде» — в телах); они старшие меня, им — особый почет; они лучше меня, умнее — как знающие Бога.

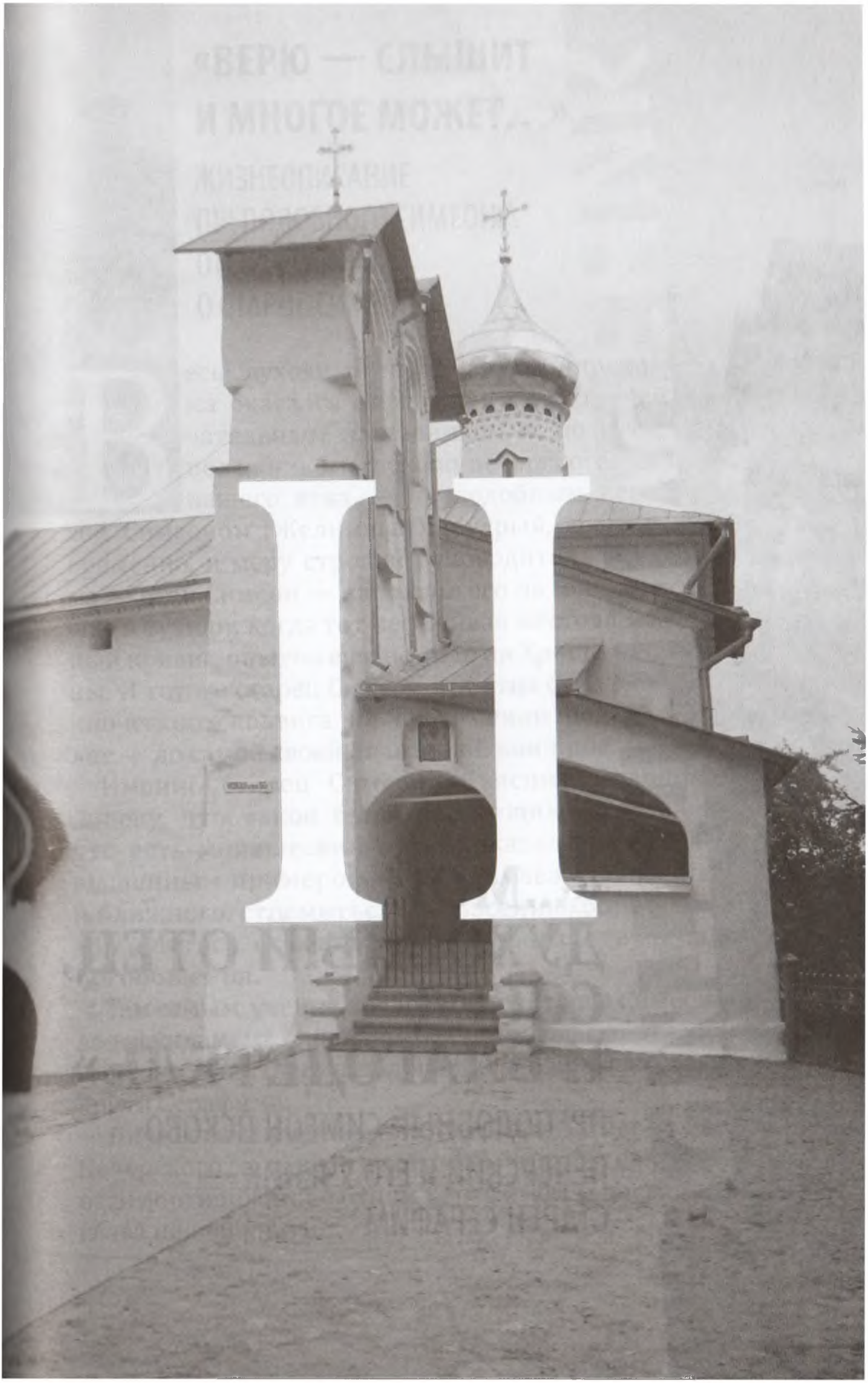
Блаженны таковые — умирающие в вере и покаянии.

Святые, умирая, говорили: ин суд Божий, и ин суд человеческий... Кому много дано — с того много и спросится...

Если тебе много дано, нечего этим возноситься перед мирянами, с тебя более и спросится — в час твоей смерти. Неграмотный мужик будет в раю, а ты — в муке нескончаемой. Нет тут (перед лицом смерти) заслуг твоих — наг обретаешься добродетелей совершенно — у всех же других есть какие-нибудь добродетели.

Где в настоящий момент Святые Угодники и Господь — там Рай, ликование, а где грешники нераскаянные — там ад, мучаются.

При каждом вздохе нужно поминать последнее издыхание. Страх Божий да имеем в сердце, и память смертную да носим всегда в душе.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

«...МОЙ ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ, СОСЕД И БЛАГОДЕТЕЛЬ»

ПРЕПОДОБНЫЙ СИМЕОН ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ И ЕГО УЧЕНИК — СТАРЕЦ СЕРАФИМ

«ВЕРЮ — СЛЫШИТ И МНОГОЕ МОЖЕТ...»

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СИМЕОНА. ОТЕЦ СЕРАФИМ О СТАРЦЕ СИМЕОНЕ

Весь духовный путь архимандрита Серафима оказался определен его встречей с замечательным наставником и, по сути, основоположником псково-печерского старчества нашего века — преподобным иеросхимонахом Симеоном (Желниным). Мудрый, добрый и, одновременно, в меру строгий руководитель отца Серафима — отец Симеон — направил его на монашеский путь еще в ту пору, когда тот переживая жесточайший духовный кризис, опытно еще не знал ни Христа, ни Его Истины. И тот же старец Симеон вел отца Серафима по пути иноческого подвига на протяжении почти тридцати лет — до самой своей блаженной кончины.

Именно старец Симеон объяснил молодому человеку, что такое быть настоящим христианином, что есть монашеский путь, показал ему своим возвышенным примером — как надлежит любить Бога и ближнего, стремиться ко Спасению, бороться с грехом, каяться, стяжать подлинную молитву и радость Богообщения.

Тем самым, учение преподобного старца Симеона легло в фундамент, основание всей монашеской — труднической и молитвенно-подвижнической жизни архимандрита Серафима.

Личности и учению преподобного Симеона Псково-Печерского, а также некоторым обстоятельствам его взаимоотношений с отцом Серафимом и посвящена эта глава нашей книги.

Иеросхимонах Симеон и его духовный сын и ученик — иеромонах Серафим
1955 г.

Преподобный иеросхимонах Симеон* (в миру Василий Иванович Желнин) родился 1 марта 1869 года в крестьянской семье — в деревне Яковлевской Островского уезда Псковской губернии; крещен он был в храме погоста Вехнево.

Уже с детских лет — под впечатлением от рассказов о преподобном Серафиме Саровском (еще задолго до причисления того к лику святых) — Василий загорелся стремлением встать на иноческий путь посильного подражания этому великому молитвеннику Русской земли. Как повествует сам преподобный Симеон в своей «Автобиографии», «будучи десяти лет, я пас своих лошадей и слышал, как люди рассказывали про жизнь отца Серафима, Саровского чудотворца. Как он молился

* Канонизация иеросхимонаха Симеона в лике преподобных, в качестве местночтимого святого Псковской епархии, была осуществлена в 2003 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Прославление преподобного Симеона совершилось 1 апреля 2003 года.

на камне в лесу. Вот я и задумал подражать ему. Нашел в поле большой камень и стал на нем молиться».

Определенную роль в таком благодатном духовном развитии будущего инока безусловно сыграло и его общение с известным своей прозорливостью монахом местного Крыпецкого монастыря — отцом Корнилием. Преподобный Симеон пишет: «В семилетнем возрасте я помню, как в дом отца моего приезжал, бывало, отец Корнилий, монах Крыпецкого монастыря. Иногда и ночевал у нас, и ложился спать всегда со мною, и, бывало, говорил мне: "Будешь ты монахом, будешь старец великий". Иногда брал меня с собою по сбору [пожертвований на монастырь] и говорил: "Вася, вот здесь не дадут, а вот здесь подадут нам" — так и бывало. И много другого говорил он, но я уже [это] забыл».

Укреплению же в отроке Василии столь доброго желания иночества особенно способствовало неоднократное посещение им вместе с родителями (Иоанном и Наталией) Псково-Печерской обители.

Как рассказывает старец в «Автобиографии», «в возрасте 12–13 лет ежегодно ходил я со своими родителями в Печерский монастырь помолиться. Так мне все в нем нравилось и так хотелось остаться в нем навсегда, и эта мысль меня никогда не покидала».

Годам к двадцати решение о необходимости принятия монашества созрело в нем окончательно, но родители поначалу не хотели и слышать об уходе сына в монастырь. Вот что рассказывает преподобный старец Симеон:

«Когда исполнилось мне 20 лет, я стал просить отца, чтобы он отпустил меня в монастырь, но он и слушать не хотел, а говорил: "Женить тебя надо, а не в монахи"; а я еще ответил: "Не хочу жениться и не буду никогда". И так продолжалось сколько лет! Потом отец решил мне выстроить в усадьбе домик, а для какой цели — я не знал. Не то хотел-таки меня женить и выделить из дому? Впоследствии я жил в нем и молился каждый день. По утрам отец приходил ко мне и звал на работу,

и скажет, бывало: "Я думал, что ты молишься, а ты спишь". И так продолжалось до 25-летнего возраста.

В это время жил в нашей местности старец Симеон, как звали его наши деревенские люди, и считали его за блаженного. Этот старец приходил в дом отца моего; родители принимали его, и он иногда оставался ночевать. И вот, однажды я решил спросить его совета и благословения идти в монастырь, но он никогда не давал мне на это никакого ответа. А вот в одно прекрасное время приходит к нам в дом и говорит отцу: "Я пришел к тебе умирать". А я в это время подхожу и говорю: "Батюшка, благослови меня в монастырь!"

Он берет веревку, свернул ее жгутом и давай меня бить и гнать из дома во двор, со двора на улицу, и гнал вдоль улицы за деревню, а потом вернулся домой, сел на лавку, затем лег — и умер. Люди, видевшие это, поняли, что он выгонял меня из дома идти в монастырь. Но отец по-прежнему не хотел отпускать меня; но потом смирился и отпустил».

Итак, прожив в мечтах о Печерской обители и крестьянствуя в родной деревне лет до 26–27, Василий все же дождался того момента, когда его отец в конце концов смирился с упорным стремлением сына к монашескому подвигу.

В 1896 году, получив отцовское благословение, Василий поступил в Псково-Печерскую обитель послушником.

Как сообщает старец в «Автобиографии», «по прибытии в [Псково-Печерский] монастырь был я принят отцом Мефодием, бывшим в то время наместником монастыря*. Он взял меня к себе в келейники. Жил он в настоятельском доме — наверху. Пробыв у него в келейниках 7 лет, я кроме келейного послушания нес еще общее послушание монастырское, как и вся братия.

---

* Архимандрит Мефодий (Холмский; 1831–1906) — наместник Псково-Печерской обители в 1894–1906 гг., особенно проявил себя в качестве неутомимого строителя обители. Неоднократно бывал гостем царской семьи и сам принимал ее в монастыре в 1903 г.

В это время строили за монастырскими святыми воротами гостиницу для приходящих и приезжих богомольцев. Некоторые из братии работали здесь с 5 часов утра и до позднего вечера, до ужина.

И так продолжалось пять лет, и в продолжение этого времени мне мало приходилось спать на постели; я большей частью засыпал, сидя за столом за книгой, и, бывало, проспишь так до утра, когда надо уже идти на работу».

Проявив в обители самый добрый нрав, природную сметку и хозяйственность, а, главное, любовь и истовую приверженность к иноческой нерассеянной молитве, Василий был уже в 1900 году пострижен в монахи с принятием нового имени — Вассиан. Вскоре же — в 1901 году — его рукоположили в сан иеродиакона.

В последующие годы отец Вассиан не только верно служил Богу у Святого Престола, но и нес многочисленные хозяйственные послушания: то следил за освещением обители, будучи «ламповщиком», то столярничал, то работал в саду и на пчельнике.

Как пишет далее преподобный старец Симеон, «летом после работы молодые послушники и монахи, бывало, собирались отдыхать на свежем воздухе, на Святой горе в саду, и всегда меня приглашали с собой, но я всегда отговаривался и уклонялся от их бесед — ввиду того, что наместник дал послушание сделать то или другое, так как я имел специальность столяра-краснодеревца. Я имел свой столярный верстак и инструмент, а также и токарный станок по дереву, мог вытачивать разные вещи в свободное время. Вот таким образом и оправдывался от собеседования с братией.

Со времен преподобного Корнилия и в наше время был установлен крестный ход с чудотворными иконами в Псков, Изборск, Порхов, Остров, Качаново, Палкино и другие места — [в] Латвии и Эстонии — в память победы над Баторием и другими народами. В память чудесного заступления образа Успения Божией Матери

Иеромонах Вассиан, в схиме Симеон (Желнин), будущий преподобный Псково-Печерский
1909 г.

и образа Умиления Божией Матери крестные ходы назначались по указанию и расписанию. На это по распоряжению правящих иерархов Псковской Епархии назначались местным [монастырским] наместником иеромонахи, иеродиаконы и послушники на совершение молебнов, а также певцы и охраняющие святые иконы монахи, и руководящие крестным ходом. Иногда и сам отец наместник сопровождал крестный ход, служил в приходах Божественную Литургию, куда и меня брал, так как я был уже иеродиаконом. Он любил меня за голос — громкий тенор. Ночевали в деревнях у прихожан; ели, что было приготовлено. И скажет, бывало, наместник: "Не гнушайся — что подают, то и кушай, ибо Господь сказал ученикам, чтобы они ели то, что им подадут — где они находились в доме; на это Он дал им благословение".

Однажды наместник при разговоре со мной, — это было в конце его земной жизни, — сказал мне: «Я скоро умру, в день Пасхи, но не дома; а когда меня привезут и будут брать мое тело, то на один час будет от моего тела запах тления, а когда внесут в пещеры, то запах прекратится». Так в действительности и исполнилось его предсказание. На Страстной неделе отец Мефодий был вызван в Питер в Священный Синод. Там он заболел и умер в первый день Пасхи [в 1906 году. — *Авт.*]; и все, что он сказал о себе, все исполнилось в точности.

Когда гроб ввезли в Печоры, то тление прекратилось, а когда внесли в монастырь и в церковь, то от тела было благоухание.

Когда он говорил о смерти, то упомянул, почему на время от его тела будет [исходить] запах тления: «Это, — говорит, — потому, что меня люди везде хвалили; вот Господь и хотел [бы] смирить меня этим запахом по смерти, чтобы я не превозносился». Отец Мефодий похоронен в пещерах монастыря — где [погребена] и его сестра, схимонахиня Анна.

После смерти отца Мефодия меня перевели из настоятельского дома под трапезную, около ворот — был я в то время иеродиаконом.

Псковской епархией управлял [тогда] архиепископ Арсений*, впоследствии митрополит Новгородский, который иногда приезжал в монастырь для служения и по другим делам. Однажды, проходя мимо моей кельи, заметил в окнах цветы и занавеси и спрашивает сопровождающих его иеромонахов: "Кто это живет здесь?" Ему говорят: "Отец Вассиан, иеродиакон". — "Это не по-монашески живет, позовите его сюда". Я подхожу, весь трясусь, и бух ему в ноги: "Простите, Ваше

* Святитель Арсений (Стадницкий) — род. в 1862 г.; один из выдающихся церковных деятелей первой трети XX века. С 1899 г. — епископ Волоколамский, с 1903 по 1910 г. — сначала епископ, а затем архиепископ Псковский; с 1910 по 1933 г. — правящий архиерей Новгородской епархии (с 1918 г. — в сане митрополита); затем возглавлял Ташкентскую кафедру, будучи в ссылке в Ташкенте, где и скончался в 1936 г.

Преосвященство!" Он говорит: "Ты, как красная девица, живешь, а не как монах!" "Простите, — отвечаю, — люблю я цветы как создание Божие и чистоту". А потом [он] наедине и говорит: "Молодец, так и живи! Лучше в чистоте, чем в грязи"».

Примерно с 1910 или 1911 года отца Вассиана временно перевели в древнюю Рождество-Богородицкую обитель в Пскове (в должности эконома) для приведения в необходимый порядок здешнего монастырского хозяйства.

Как рассказывает в «Автобиографии» старец Симеон, «пробыв несколько лет в чине иеродиакона, я был посвящен в иеромонахи, после чего вскоре был назначен в Псков, в Снетогорский монастырь, в качестве эконома — для восстановления монастыря и монастырского хозяйства. Прожив там четыре года — вплоть до революции, при епископе Евсевии* вернулся обратно в обитель свою, будучи 46 лет».

---

* Владыка Евсевий (Гроздов) перед революцией возглавлял кафедру Псковскую и Порховскую; затем в Эстонии был в 20-х годах архиепископом Нарвским. Краткая биография его такова: «Евстафий Гроздов (в монашестве Евсевий) родился 17 марта 1866 года. В 1890 году окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. 6 марта этого же года рукоположен во священника и назначен служить в Виленский кафедральный собор. Одновременно является законоучителем образцовой школы при Литовской Духовной Семинарии. В 1895 году избирается сверхштатным членом Литовской Духовной Консистории. В 1899 году он уже инспектор Литовской Духовной Семинарии. В 1902 году отец Евстафий принимает монашеский постриг с именем Евсевий. Через год возведен в сан архимандрита с назначением ректором Ярославской Духовной Семинарии. А по прошествии еще трех лет, в 1906 году, архимандрит Евсевий хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. В 1909–1910 годах последовательно занимал Рыбинскую и Тобольскую (Сибирскую) кафедры. Участвовал в прославлении святителя Иоанна, митрополита Тобольского.

С 17 апреля 1912 года Преосвященный Евсевий занимает Псковскую кафедру. Здесь застала его революция и гражданская война. В 1918 году вместе с отступающими белыми войсками Владыка Евсевий покидает Псков, взяв с собой причт кафедрального собора, во главе с настоятелем Черноозерским и протодиаконом Сахаровым.

Последние годы своей жизни Владыка провел в Эстонии. В апреле 1918 года он был возведен в сан архиепископа. С 1924 года возглавляет автономную Нарвскую русскую епархию в Эстонии.

Итак, в 1915 году отец Вассиан вернулся в Печерский монастырь, но вскоре же получил новое послушание: заняться устройством печерского имения в Мустыщево (в монастырских документах оно также называется Мустищево и Мустышево) (а также погост Коношин, или Коношино), где он на славу и потрудился, выстроив там к 1921 году скит с храмом во имя Святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, с целым рядом различных рабочих помещений и с братским корпусом, в котором тогда поселилось около двадцати человек монашествующих (к сожалению, все это в годы второй мировой войны сгорело, за исключением братского корпуса, и заросло бурьяном).

Как рассказывает об этом периоде своей жизни сам преподобный старец Симеон, «было очень много трудностей, — где из лаптей не вылезал. Нужно было восстанавливать почти вновь все хозяйство. Первым долгом нужно было храм выстроить во имя Иоанна, Крестителя Господня, церковный дом, хозяйственные постройки, сарай, скотный двор и прочее. Наладить землепашество, чтобы оно давало какую-то пользу монастырю. На это потребовалось много лет. Когда дело пошло на лад, возвратился я в монастырь».

С середины 20-х годов отец Вассиан вновь зажил постоянно в самом Псково-Печерском монастыре.

К этому времени он принял твердое намерение просить церковное чиноначалие о пострижении в схиму. И вот в 1927 году, на праздник Сретения Господня, несмотря на некоторое сопротивление начальства — в лице епископа Иоанна (Булина), желавшего видеть его настоятелем Печерской обители, отец Вассиан удостоился схимнического пострига с присвоением ему нового имени — Симеон.

Как пишет преподобный старец, «начальство монастыря хотело возложить на меня большое бремя

Скончался в 1930 году (по другим сведениям в 1929 году). Погребен в Нарве. — Благодатные лучи // Вестник Псковской Епархии. №3 (22), май — июль 1995 г. С. 18.

послушания, поставить наместником монастыря. Видя, что это послушание мне не под силу, стал отказываться; да к тому я очень устал — и на этом основании стал просить схиму, в чем мне впервое [то есть поначалу. — *Авт.*] отказали и все же настаивали, чтобы я принял наместничество. Но я наотрез отказался от этого еще ввиду внутреннего внушения принять схиму.

На это упорно не соглашался епископ Иоанн Булин, но, наконец, все же согласился и разрешил постричь меня [в схиму] с именем Симеон — в память Симеона Богоприимца — 2-го февраля и перевел меня в келью рядом с храмом Успения Божией Матери, куда привел сам и сказал: "Вот тебе келья, здесь и умрешь".

В действительности эта келья представляла нечто ужасное: грязная, мрачная, сырая, темная, стены мокрые, воздух сырой — одна комната с одним оконцем. Размер комнаты 3 на 5 метров, с длинным темным коридором 2 х 10 метров; стены голые, песчаные. Много пришлось приложить трудов, чтобы придать вид жилого помещения. Крыша дырявая; сырость попадала на потолок, а с потолка в келью. Пришлось установить три печки, провести трубы вдоль коридора, чтобы осушить, оштукатурить, побелить, и все это — почти своими руками. Но с Божьей помощью все это проделал и смирился.

Но это еще не все — враг рода человеческого не оставляет в покое человека, а в особенности тех, которые решились последовать Христу и идти Его крестным путем.

По прибытии [моем] в новую келью, в которую меня привел настоятель и где мне пришлось ночевать первую ночь одному, приступили ко мне злые духи, которых стала полная келья. Страшные такие. Я их раньше никогда не видел и страшно испугался и не знал, что и делать.

А они начали на меня кричать, дергать и гнать. Говорят: "Зачем ты сюда пришел? Уходи отсюда, все равно мы не дадим тебе здесь жить", и тому подобное.

Я закрыл лицо свое руками, чтобы их не видеть, а сам трясся от страха да только говорил: "Господи, приими дух мой". Думал, что и не переживу этой страсти, от которой даже не мог перекреститься. Во втором часу [ночи] они скрылись, а я не мог уже уснуть.

Такие страхи продолжались много раз, но мне уже не так были страшны при помощи Божией, как в первое время; и я уже научился отражать их силою Креста и молитвы.

Вот так и дожил до конца моей жизни — в этой келье, по благословению епископа Иоанна.

Труден путь монашеский, но труднее подвиг схимнический — если идти так, как указал нам Подвигоположник наш Господь Иисус Христос. При помощи Святаго Духа все возможно победить, перенести, претерпеть и достигнуть вожделеннаго, обетованнаго нам Им, неизглаголаннаго вечного наследия в Его Царствии Небесном».

Сразу же после принятия схимы, старец Симеон назначается духовником всей монастырской братии и паломников.

Сознательно отказавшись от почетного, но весьма хлопотного настоятельского звания и в какой-то мере также устав от постоянных хозяйственных и строительных работ (да и возраст его уже приближался к шестидесяти годам), иеросхимонах Симеон отныне почти полностью отдается молитвенному подвигу в стенах полуподземной древней кельи, где некогда спасался и причисленный недавно к лику святых — печерский «схимник прозорливый» Лазарь. Здесь же — по предсказанию-благословению епископа Иоанна, поселившего отца Симеона в этой келье, — ему и суждено было скончаться, пробыв в составе печерской братии около 64 лет.

Помимо молитвы (или, лучше сказать, — наряду с молитвой), отец Симеон продолжал по мере сил трудиться и физически — то в столярне, то в саду.

По свидетельству его современницы, имени которой мы не знаем, отец Симеон «без дела никогда не сидел; хотя был уже в схиме — все равно трудился по хозяйству над чем-нибудь. Разводил древесный питомник, рассаживал деревья, выделывал цементные столбики, ступени для лестниц, выделывал для них модели. Порою ухаживал за пчелами и много чего делал другого. Делал оконные рамы, кивоты для икон; и так всю свою 92-летнюю жизнь трудился. Всегда был бодрый, свежий, на лице румянец, крепкий телосложением, среднего роста, коренастый старец».

И все же самое значительное время с той поры он отводит для более важного послушания — становится советчиком-старцем многочисленных своих духовных чад из иноков и мирян.

Среди них оказался и отец Серафим.

Сохранились относящиеся к этому периоду краткие записи отца Серафима, характеризующие личность отца Симеона. Вот они:

«Отец Симеон.

Каков его подвиг?

Пост. Бдение. Молитва.

Молился: "Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго", совершал поклоны.

Сосредоточенность.

Вседоступен — прост.

Осторожен. Говорил: "Нужно идти средним — царским — путем".

Трудолюбие. Отец Симеон усиленно трудится — 60–70 лет; говорил, что трудиться полезно. Зная пользу труда, разводил сады фруктовые и другое.

Говорил: "Утомляю плоть, противящуюся духу моему. Как и древние подвижники делали, в свободное время следует трудиться — переплетное дело, ложки, корзины плели, четки вязали, общие послушания". Ободрял тружеников надеждою будущего вечного воздаяния: "Пот от послушаний подобен мученической крови — спасителен".

Братия некоторая поносила его в лицо — не злобствовал, наслаждался внутренним спокойствием, прощал. У истинных подвижников молчание на явную клевету заменяет словесное оправдание, которому не всегда верят. Искал не земных, а небесных наград.

Отец Симеон говорил: "Не люблю похвалы, сам знаю в совести, каков я есмь".

Всю жизнь устранялся медицинских пособий и при конце жизни не изменил этому правилу... Хотя и старец Симеон пролежал в больнице некоторое время...

В Великий Четверг им совершалось общее Елеосвящение в храме.

Ест обед в 4–5 часов.

Как просто и живо отец Симеон представляет себе и рассказывает жизнь Христову! Вот — богомыслие!»

К гораздо более позднему периоду, чем 1930-е годы, относятся те характеристики, что дал отец Серафим преподобному Симеону в письмах к Тамаре Ивановне Розенберг. Впрочем, в этих заметках, относящихся к периоду 1960–70-х годов, отец Серафим суммирует весь свой многолетний опыт общения с великим старцем. Вот что рассказывает он о личности и некоторых сторонах учения старца Симеона в письмах к сестре:

«Иеромонах Симеон не имел обыкновения специально "поучать", а лишь если ему на что пожалуешься, то и скажет что вскользь... При моем посещении поил меня чаем с вареньем...

...Говорил, что все Спасение — в исполнении заповедей. Брал у меня Историю Ветхого Завета — видимо, размышлял о судьбах Церкви и, вообще, имел "богомыслие", то есть углублялся в размышление о Божественном, чем и вселил в себя Бога, Который через него благотворил его духовным чадам. Меня называл неудалым; **но умирая — ободрил.**

Отец Симеон иногда вспоминал о том, как один юродивый приговаривал: "Люби Бога, плачь и вуй" (то есть «вой», должно быть, — о своей немощности

и грехолюбии); еще говорил отец Симеон: "Когда даст Бог страх Божий, тот все управит" (то есть страх Божий исправляет все неполадки в духовной жизни) ...»

Очень интересную характеристику личности старца Симеона, данную ему отцом Серафимом, мы находим на обороте фотографии Преподобного, присланной отцом Серафимом сестре. Вероятно, фотография эта была отправлена Тамаре Ивановне уже после кончины преподобного Симеона. На ней старец Симеон запечатлен в монастырском поле — среди спеющих колосьев пшеницы. Вот что пишет на ее обороте отец Серафим:

«1957–8 год... Батюшка на прогулке с богомольцами, духовными чадами, на монастырском огороде. Сзади слева видна монастырская стена; деревья — на Святой Горе. В руках у Батюшки по тросточке, с помощью которых он передвигался на своих слабых ножках. Слабенький старец, которого трепетали бесы и кричали устами бесноватых уже у ворот монастыря: "Сенька, Сенька...", [после чего бесноватые эти уже] насильно вводились во Святые ворота [для их "отчитки". — *Авт.*]».

Отец Серафим прислал Тамаре Ивановне и другую фотографию преподобного Симеона, где он запечатлен в монастырском саду вместе с самим отцом Серафимом. На обороте фотографии присутствует подпись:

«1959. На Святой Горе, возле дубов, снялись, конечно, по настоянию паломников "на память". Отец Серафим».

Вместе с одним из писем к сестре отец Серафим выслал ей также фотографию чудотворного монастырского образа «Успения», сделав при этом такую приписку:

«...Прилагаю изображение образа "Успение", гранитные ступени, ведущие к которому, сделаны старанием старца **иеросхимонаха Симеона**».

...К жизни отца Симеона в 1930-х гг. относятся краткие воспоминания о нем схимника Феодора (Иртеля), бывшего валаамского послушника, который сделал эту запись (на основе немногих встреч со старцем) гораздо

1957–8..?

Батюшка на прогулке с
богомольцами, др. у. гадами,
на мон огороде. Сади слева
видна мон. ограда; деревья-
на св. Горе. Въ рукахъ
у батюшки по трость, съ
помощью которыхъ
онъ передвигался на
своихъ слабыхъ ножкахъ.
Слабенький Старецъ, кото-
го трепетали сотни и
тысячи уже у воротъ мо-
настыря: „Сенька, Сенька"...
и насильно вводили въ ке-
лью.

(+ 1960 г.)

Иеросхимонах Симеон в монастырском поле. Оборот той же фотографии с пояснительной надписью, сделанной рукой о. Серафима
1957–1958 (?) гг.

позднее — уже в 1973 году — в США. В этих воспоминаниях содержатся очень живые черты, рисующие нам яркий портрет святого старца*.

«Жил он в келье Печерского монастыря — 20 ступеней под землей**. Это была келья очередного духовника братии.

"Не зашибись-то головою", — говорил он откуда-то из-под земли, когда я, постучав с молитвой Иисусовой в наружную дверь, спускался к нему на исповедь. Он встречал с тонкой восковой свечечкой в руке, садился со мной у угла покрытого темной скатертью стола. На стене висела большая икона-картина Воскресения Христова — с припавшей к ногам Воскресшего св. Марией Магдалиной.

Говорил Симеон просто, с псковским акцентом, — о впадающем в грех послушнике: "Только бы не прилакомился".

Днем отец Симеон работал в столярной мастерской или на Святой горе с пчелками. До избрания своего на должность духовника братии Печерского монастыря жил он много лет на монастырском хуторе Мустыщево с послушником, братом Константином, в безмолвии и уединении. Вспоминал мне о своем начальном послушании, когда вступил в братство Печерского монастыря, — ламповщика. Он заправлял по монастырю лампы, кроме других работ.

В последние годы [имеется в виду конец 1920-х годов. — *Авт.*] отец Симеон страдал ревматическими болями от жизни под землей и потому на уклоне горы, где протекал ручей Каменец, насупротив епископско-

* Воспоминания отца Феодора (Иртеля) впервые опубликованы в России в книге: *Малков. Ю. Г. и Малков П. Ю.* У «пещер Богом зданных». Псково-печерские подвижники благочестия XX века. М.: Правило веры, 1999. С. 32–33.

** Имеется в виду один из входов в монастырские помещения, где находилась келья отца Симеона, а именно вход, ведший сюда сверху из сада — со Святой горы. Основной же вход в келью находится с западной стороны площади перед Успенским храмом — непосредственно на ее уровне.

го дома, искусно построил себе деревянную келью для дневного отдыха.

Большой толпой шли к нему печерянки за советами и для исповеди — это походило на старчество.

Также прилеплялся к нему печерский юродивый Васенька Чарский, тридцатилетний, но детски простой и наивный молитвенничек. Отец Симеон на собранные по Печорам Васенькины копейки покупал ему сапоги и одежду.

Во время чтения Евангелия за ранней Литургией в подземном Успенском соборе отец Симеон часто плакал, прерывая чтение.

Я прислуживал ему за этими ранними Литургиями.

"Собирался я до войны на Валаам, — говорил мне отец Симеон, — да не доехал. Война задержала; да я после и не жалел; говорили мне, что там много зависти между монахами: кто более молится".

Отец Симеон был прост, ревнитель безмолвия, старец по дарованию от Бога — в этой простой и суровой внешней оболочке таился дивный огненный цветок любви Божией».

В начале 1930-х годов старец Симеон обрел, наконец, желанный покой от внешних дел и полностью отдался «внутреннему деланию»: пост иноческий, неукоснительное посещение храма Божия, (он постоянно служил ранние Литургии в Успенском храме, и печеряне потому прозвали эту церковь «Симеоновой»; всегда в алтаре у окна вынимал на проскомидии частицы из просфор), непрестанная молитва Иисусова, келейное молитвенное предстояние за братию и ближних, за весь православный мир — особенно же за страждущее Отечество Российское — вот что становится отныне основным содержанием монашеского жития печерского подвижника.

Теперь отец Симеон получает гораздо больше возможностей пребывать в благодатной тиши своей кельи. У него появляется время и для чтения сочинений

духоносных иноков: многие из богомудрых советов опытных аскетов древности он запоминал, кое-что — выписывал. Старец хорошо знал творения преподобных Антония Великого, Иоанна Лествичника, Варсонофия, Исаака Сирина и других великих учителей православного монашества. Часто пользовался он и такими известными сборниками аскетического характера, как «Добротолюбие», «Отечник», «Цветник духовный», — в поисках ответов на собственные вопросы и для воспитания своей многочисленной паствы.

Как и положено истинному монаху, постоянно памятуя о близящейся кончине (возраст отца Симеона приближался уже к семидесяти годам)* и о необходимости дать вскоре ответ Господу за прожитую жизнь, старец ничуть не унывал, духом был по-прежнему бодр, общителен с братией и паломниками и все полнее отдавался ответственнейшему делу пастырского душепопечительства.

Все более и более устремлялись к нему жаждавшие его молитвенной помощи, укрепления и советов — в прихожей его древней «Лазаревской кельи» собиралось все больше народа, нередко подолгу ожидавшего вызова к отцу Симеону на беседу.

Кроме того, значительно чаще приходилось старцу нести и особо трудное и даже небезопасное в духовном смысле послушание — «отчитывание бесноватых», которое ему — как многоопытному иноку — доверило монастырское начальство. Но строгий пост, углубленная молитва и столь всегда естественное для отца Симеона смирение — были безотказным и победным его оружием над «князем тьмы».

Поскольку и физические наши недуги чаще всего являются лишь следствием неблагополучия человеческой души, и, тем более, — если некоторые больные

* Известно, что старец, подобно многим подвижникам (например, преподобному Серафиму Саровскому) сам — еще лет за тридцать до кончины — смастерил себе дубовый гроб и постоянно хранил его «ради памяти смертной».

страдальцы вообще оказывались — в той или иной степени — «одержимы» бесами, то лечение всех этих несчастных требовало от старца особой внутренней собранности веры и твердости духа. Все это предполагало в нем одновременное присутствие и развитие, с помощью свыше, таких духовных даров, как неустанная молитва, полное доверие к Промыслу Божию о каждом человеке, тонкое знание человеческой психологии и обостренность внутреннего зрения — прозорливость, о наличии которой у него отец Симеон, по свойственному ему смирению, предпочитал умалчивать.

Отец Симеон никогда не был равнодушен к бедам и печалям своей многострадальной Родины, порабощенной большевизмом. Не мог он оставаться равнодушным и к событиям военных лет. Известно, что весной 1944 года древние монастырские пещеры стали с помощью отца Симеона тайным убежищем для русских разведчиков, переброшенных через линию фронта и возвращавшихся в свою часть после выполненного задания. Именно отец Симеон — несколько дней укрывал их здесь, способствуя затем незаметному их уходу*.

Как уже говорилось ранее, в главе, посвященной жизнеописанию отца Серафима, именно преподобный Симеон в 1944 году возглавил ночную монашескую соборную молитву в страшную ночь накануне возможной насильной эвакуации отступающими немцами Печерских иноков.

В послевоенные годы для отца Симеона наступает новая пора — особенных его пастырских трудов: он в еще большей степени, чем прежде, вынуждается самой церковной жизнью быть духовным наставником, просветителем и многозаботливым утешителем

* Об этом имеется свидетельство бывшего фронтового разведчика Сергея Яковлевича Новикова. См.: *Галаева С.* Добрая традиция // Ветеран. 1989, № 48 (100).

«страждущих и обремененных» россиян, узнавших о существовании такого светильника Божия в ранее не доступном для них, находившемся прежде на территории Эстонии, Псково-Печерском монастыре.

Так начались те, наиболее хорошо известные нам, полтора десятилетия жизни отца Симеона, когда он, пребывая уже на пороге Вечности, отдает теперь все силы духовному «окормлению», или водительству, «народа Божия» — отовсюду потянувшихся к нему православных верующих России.

От этого времени сохранились многочисленные свидетельства о личности страца Симеона, оставленные нам его посетителями.

Показательно — каким живейшим чувством благодарности и каким уважением к старцу исполнены все эти рассказы о человеческих судьбах — причем самых разных людей: образованных и малограмотных, старых и молодых, мудрых и простецов. Многие любили его, ибо он опекал и юродивого и питал нищего, помогал советами собратьям-инокам и скорбел о «неверах»; он находил яркие, убедительные слова о вере и истинном смысле христианской жизни — и для крестьянина, и для профессора. Все чувствовали и испытывали на себе великую силу его иноческой мудрости и такой человечной его любви.

И в этот период старец продолжал жить в своей полуподземной келье. Как вспоминал один из старейших насельников обители архимандрит Феофан, «жил он просто. Как войдешь в келью — прямо окно; по сторонам от него висели кресты; справа — койка, стол — слева, иконы — и в правом и в левом углах. У кровати было вделано железное кольцо, за которое старец, когда стал слаб, цеплялся своей клюкой, чтобы подняться самому с постели. Никого не беспокоил. Добрый и скромный был старец».

В прихожую перед кельей вел темноватый коридорчик-полутерраса, единственное украшение которого составляли несколько иконок да вставленный в рамку

под стеклом лист с переписанным отцом Серафимом текстом из поучений святителя Тихона Воронежского, Задонского чудотворца*.

...Вся жизнь отца Симеона заключалась теперь только в келейной молитве, посещении храма и в «старческом» наставничестве.

По словам одного из печерских иноков отца Давида (Попикова), «отец Симеон имел свое постоянное место в Успенском храме, сбоку за алтарной дверью. Здесь стоял стул — в довольно темном месте: старца иногда тут даже не замечали. Кто-нибудь вдруг увидит его — шепчет батюшкам: "Отец Симеон здесь", и тут идут все приветствовать его. Умилительный был старец, достаточно мягкий».

Глубина же внутренней его молитвы оставалась неведомой никому. Налицо были только результаты сосредоточенного молитвенного подвига старца — его всегдашнее мирное устроение духа, отзывчивость на человеческие скорби и пастырская духовническая мудрость.

Многие могли после встреч и бесед со старцем сказать: «Приди к духовнику с верою — и получишь рай».

Учил отец Симеон — во время своих бесед с чадами — самым, казалось бы, простым и известным, но необходимейшим вещам. Особенностью же тут было то — как он этому учил, с какой силой убежденности, искренности, с какой отеческой твердостью.

Подобно и многим другим старцам, он четко определял круг обязанностей православного христианина для наследования Вечной Жизни. Вкратце их можно свести к следующим основным требованиям духовного устроения человека:

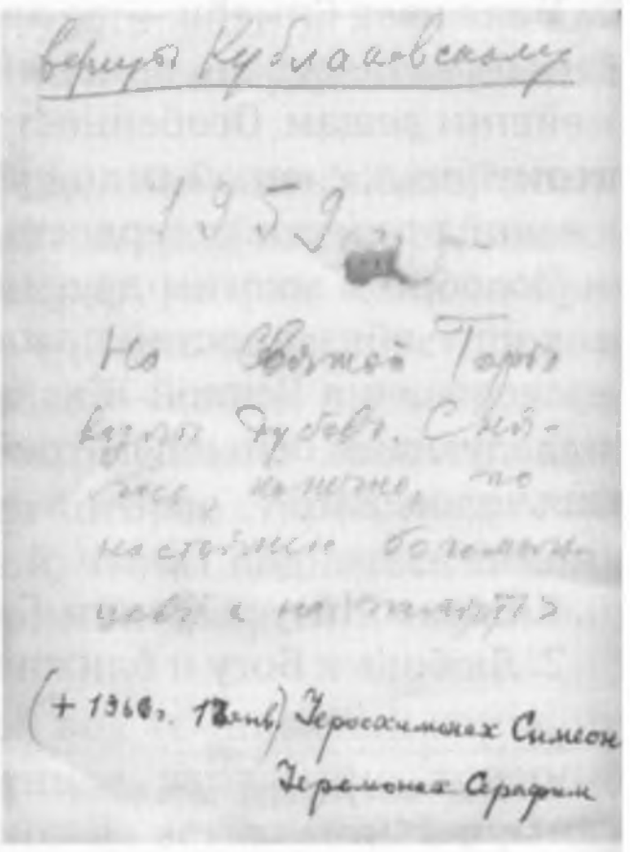
1. Вера в Иисуса Христа, Сына Божия.
2. Любовь к Богу и ближнему.

---

* Этот текст уже приведен выше — в главе, посвященной жизнеописанию старца Серафима.

Иеросхимонах Симеон и иеромонах Серафим в монастырском саду на Святой горе.
Оборот той же фотографии (с автографом о. Серафима)
1959 г.

3. Соблюдение всех заповедей Божиих.

4. Постоянное и частое Причащение Святых Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа.

5. Добрые дела.

6. Пребывание в лоне Святой Православной Церкви.

7. Искреннее и постоянное покаяние в своих грехах.

Сам следовавший этим законам христианской жизни, все более проникавший духом «в горняя» и все более сподоблявшийся Божественной благодати, старец особенно восходит в эти годы «от силы в силу»: получаемые им свыше небесные дары начинают постепенно все явственней проявляться и вовне. Порой как бы само Небо присутствует в его убогой келье, освящая и окружающий старца мир. Свидетелями этого неоднократно бывали — и его «сотаинник» и содруг отец Серафим, и матушка Александра, помогавшая инокам по хозяйству, которая и рассказала, в частности, о таком удивительном случае:

«Однажды батюшка Симеон читал правило в келье. И вдруг отец Серафим ощутил в это время необычайно прекрасный аромат, разлившийся по всему полуподземному их жилищу. Он начал стучать в стену соседней симеоновой кельи, говоря: "Что вы там, батюшка, делаете? Ко мне доносится от вас необыкновенное благоухание". Но батюшка не отвечал. Тогда отец Серафим (вместе с матерью Александрой) вошел в келью старца, наполненную чудным благовонием, — с тем же вопросом. Батюшка же повернулся от аналоя, у которого стоял на молитве, и, делая вид, что ничего необычного не произошло, сказал: "Да это всего лишь дымок из печки пошел, а вам показалось — благоухание". Вот насколько батюшка по своему смирению скрывал дарованную ему благодать и свое достоинство пред Господом».

В этот период, по молитвам преподобного Симеона, происходили многочисленные исцеления православных христиан, больных тяжелейшими физическими

недугами. Среди этих чудес, совершившихся благодаря предстательству пред Господом за страждущих преподобного старца, о которых оставили свои свидетельства их очевидцы и сами выздоровевшие православные христиане — исцеления от паралича, рака, желудочных болезней, больных глаз, многих других недугов.

Приведем всего один пример из многочисленных случаев исцеления людских недугов по молитвам преподобного старца Симеона. Вот рассказ келейницы старца матушки Александры об исцелении раба Божия Николая:

«Однажды я пригласила некоего Николая попить чаю — он только что прибыл с луга, то есть с покоса монастырского, где косил сено со всеми монастырскими рабочими.

Когда он выпил стакан чаю, то вдруг вскрикнул и схватился руками за голову: "Матушка, да что же это со мной? Где я был? И что я делал? И какой я был, и как это получилось, что я даже забыл, зачем сюда приехал? И что со мной случилось?" И он бросил пить чай, и все говорил, и удивлялся — кому такое чудо приписать: "Вот, — говорит, — дела-то!"

Я попросила рассказать, чему он так удивляется, и Николай начал свой рассказ:

"У меня болели так сильно ноги, что я не мог ходить. Врачи предлагали мне отнять ноги. Я в конце концов согласился и прибыл в больницу на операцию, но здесь повстречался с одним человеком, который мне сказал, что в Печорах есть такой-то врач и что он всех лечит без операций безошибочно.

Он дал мне адрес, так как дороги в Печоры я не знал: как человек молодой, церковью я никогда не интересовался. По указанному адресу я и попал теперь к старцу Симеону и рассказал ему о своем несчастье. Он со мной побеседовал, а потом сказал: "Завтра приобщись Святых Таин". Выходя от батюшки, я оставил тут свой чемодан; пошел совсем здоровым: и свои костыли оставил, не заметив — где.

Приобщившись Святых Таин, я после обедни был приглашен молодым дьяконом с братией на покос, на что с удовольствием согласился.

Повторяю — все забыл: и что мои ноги болели, а теперь — ходят и нет в них никакой боли. Даже не зашел к батюшке, а прямо пошел на луг. Там я весь отдался работе и забыл, зачем я сюда пришел, забыл, что я — больной. И вот теперь вспомнил, что привез "врачу" гостинцы и что лежат они тут в чемодане».

Тогда я ему сказала: "Заберите их и отдайте батюшке".

Николай же ответил: "Ведь я теперь только вспомнил, каким я вышел от него. Я был уже здоров, а когда приобщился Святых Таин, то такую получил радость, что готов был на любое послушание и забыл — как был болен".

После этого он пошел к батюшке и стал просить, чтобы отец Симеон дал ему наставление на жизнь.

Батюшка даже благословил его жениться, несмотря на то, что ему было около сорока лет. Потом указал — в какие праздники приезжать в обитель и как жить, чтобы спастись.

Николай так и сделал — как ему посоветовал батюшка. Он женился; родился у него сын, которого он очень любил, и когда приезжал с ним в обитель, то все просил меня, чтобы я полюбовалась на его сына и помолилась о нем.

Всегда вспоминает, как Матерь Божия познакомила его со Своей обителью, которая ему очень дорога и в которой так радостно бывать ему».

...Вообще отец Симеон старался — по смирению — скрывать от всех столь явно обитавшую в нем благодать Святого Духа. В обращении с духовными детьми он всегда был скромен, прост и естествен, что изначально было его добрым природным свойством.

Многие вовсе и не подозревали, что даже через обычное прикосновение батюшки они порой уже получали исцеление от того или иного недуга.

Как правило, батюшка предлагал своим духовным чадам выпить у него стакан чая — и тут они, по молитвам батюшки, через освященную монастырскую воду также очищались от скверн духа и тела, даже не помышляя об этом (старец сам именно таким образом и разъяснял иногда — наиболее близким ему людям — смысл подобных скромных «чаепитий»).

Во всех повествованиях об отце Симеоне он неизменно предстает перед нами истинным сердцеведцем, как бы улавливавшим своей чуткой и зоркой душой промыслительные «смотрения Божии» о каждом приходящем к нему человеке — так что и сам он с любовью и добротой мог принимать, по Божественной благодати, участие в судьбах духовных чад, с отеческой осторожностью направляя их всех ко Спасению.

Важнейшим и совершенно необходимым условием «старческого окормления» отцом Симеоном своих чад являлся дар прозорливости — способность старца к духовному как бы «просвечиванию» (порой мгновенному) человеческой личности, к выявлению ее прошлых путей и возможных будущих судеб.

О прозорливости иеросхимонаха Симеона сохранилось немало рассказов его современников. Известно, что отец Симеон предсказал будущему Первосвятителю Русской Церкви Пимену (Извекову), являвшемуся наместником Псково-Печерской обители в 1949–1954 годах, его патриаршество. Вот, что рассказал об этом отец Давид (Попиков):

«...У отца Симеона в келье был как-то раз отец Пимен, тогдашний наместник монастыря. Минут через пять после его ухода зашел к старцу отец Нафанаил и заговорил о нем с отцом Симеоном: "Какой видный и разумный у нас наместник — он, пожалуй, мог бы быть и архиереем". Отец Симеон возвел глаза вверх — к иконам — и сказал задумчиво: "Он будет не только архиереем, но и Патриархом".

Так и случилось».

В эти годы продолжает проявляться и полученный от Господа дар преподобного старца изгонять бесов из одержимых ими несчастных людей. Бесы испытывали страх и трепет от одного присутствия старца Симеона.

Свидетельство о таком страхе бесов перед печерским подвижником сохранилось и в записках архимандрита Серафима (Розенберга).

Судя по краткому тексту его заметки, бес, вселившийся в некую несчастную Нину, то и дело, как попугай, повторял: «Сеньки боюсь! Сеньки боюсь!». Так лукавый дух называл отца Симеона. При этом рот больной был даже закрыт.

Время от времени в недрах ее происходил как бы некий диалог. Один голос призывал: «Покайся! Ангелом будешь» — на что другой отвечал: «Мне и так хорошо». «Иди тогда в бездну!» — говорил первый. Второй отвечал: «Там человеков нет» — то есть, еще не окончательно падших и еще живых грешников, которых и может — в качестве жертв — завлекать в свои сети враг нашего Спасения.

Приведем еще один — весьма необычный — случай, в котором проявилась власть преподобного Симеона над лукавыми духами. Вот свидетельство об этом рабы Божией Антонины из Петербурга (тогда — Ленинграда), посетившей старца в 50-х годах:

«Была я маловерная грешница, но, по милости Матери Божией и Господа нашего Иисуса Христа, прибыла в Печерскую обитель. Помолилась, простояла Литургию — и пошла на благословение к старцу Симеону.

Вошла в коридор со страхом, подошла к двери прихожей перед его кельей и сотворила молитву на вход, но ответа не было. Подождав немного, я повторила молитву — опять никакого ответа. Было тихо, но до слуха доносился откуда-то глухой разговор.

Приоткрыв дверь в прихожую, я увидела, что там перед батюшкиной кельей сидят люди. Я подумала: какие скромные — сидят, молчат, боясь нарушить тишину,

чтобы ответить мне. Отец Симеон был в своей келье и с кем-то разговаривал. Кроме этих людей, здесь никого не было. Я у них спросила: "Вы тоже к старцу на очереди?", но ответа от них не получила.

Удивилась я такому странному их поведению и начала более пристально вглядываться в их лица.

Комната, где находились эти люди, была без окон и освещалась только керосиновой лампой — так что я не сразу смогла их рассмотреть, а когда посмотрела внимательно — не могла понять: не то — женщины, не то мужчины; мрачны были их лица, какие-то горбоносые. Лица некоторых походили на головы хищных птиц с клювами, со злым выражением, с опущенными глазами — и показалось мне, что их ресницы и брови как бы шевелились. Я даже подумала, что, верно, эти люди — иностранцы и что не знают они русского языка, а потому на мой вопрос и не отвечают.

Тогда я решилась и подошла к той двери, откуда доносился разговор. Прочитав молитву и не дожидаясь ответа, я приоткрыла дверь и быстро вошла — страшно мне стало от этих людей. Прикрыв за собой дверь, я остановилась на пороге и, боясь помешать старцу, беседовавшему со старушкой, тихо стояла, ожидая конца разговора, а потому невольно и слышала его.

Старушка все роптала на свою жизнь, обижалась на детей, за то, что они не платят ей "алименты". Живет она у одного сына, а с остальными хочет судиться (чтобы содержали ее на старости лет). Старец ей говорит: "Ведь ты сыта, одета, обута; по силе возможности помогай сыну, у которого живешь. Живи и не судись со своими детьми". Но старушка продолжала свой ропот и перечисляла обиды, а потом еще что-то говорила — но тихо.

Старец немного помолчал и сказал: "Видишь, как тебя грехи-то мучают — сколько ты их за собой привела!" Я же не могла понять — кого она за собой привела; да и она тоже, видимо, не соображала — о каких таких грехах говорит старец и как это она их за собой привела.

Тогда старец встал и говорит ей: "Пойдем, я покажу тебе — кто тебя мучает, и отгоню их от тебя: ты отдохнешь и успокоишься".

Направляясь к двери, старец заметил меня и, удивясь, спросил: "А ты зачем здесь?" Я же от страха и стыда не могла вымолвить и слова. Но он вдруг открыл дверь, и мне было видно, что те люди все так же еще сидели, не поднимая голов и не встав при появлении старца — так и продолжали сидеть и молчать. Старец же Симеон сказал старушке: "Видишь — сколько их с тобой пришло?" А потом, топнув ногой, прикрикнул на сидящих: "Вон отсюда!"

Я не могла понять, что произошло после этих слов батюшки — эти люди как бы растаяли и исчезли; и дверь не открывалась для выхода, а страшных людей этих (то есть "образов" грехов. — *Авт.*) — не стало. Тогда батюшка обратился к старушке и сказал: "Ну теперь ты свободна от твоих преследователей. Иди и живи с Богом".

Стояла я, как столб, и не могла ничего сообразить, и потому ничего не сказала и не спросила у старца. Поклонилась ему — и вышла в раздумье...»

Велика была любовь отца Симеона к Богу и людям. Только любовью этой он и жил; только благодатью Божией, ниспосылаемой ему из горнего мира в ответ на эту любовь, он и сокрушал козни врага Спасения, ниспровергая его жертвенники в душах порой соблазненных и порабощенных им грешников. Только из чистого небесного источника и черпал он силы для столь тяжкого ежедневного подвига исцеления — и духовного, и физического — приходивших к нему страждущих чад. Ведь возраст его приближался уже к девяноста годам, и, опираясь на одни только человеческие силы — естественно, все более слабевшие, он не имел бы возможности не то, что исцелять других, но и исполнять даже те иноческие обязанности, что возлагались на старца монашеским уставом. Но, как говорится в книге Притчей Соломоновых, *Страх Господень прибавляет дней* (Притч 10, 27).

Всю свою необычайную энергию старец получал через великое Таинство Святых Тела и Крови Господних (он в это время причащался ежедневно) и через непрестанные молитвы — особенно к Божией Матери, Вышней Покровительнице Псково-Печерской обители. С Нею у отца Симеона всегда сохранялась глубокая внутренняя связь.

...И в последние недели своего земного бытия отец Симеон не оставлял подвига старчества: привычный распорядок его дня не особенно изменился. Он, хотя и в меньшей степени, все так же принимал некоторых из чад — для духовных бесед, исповедовал их в келье и благословлял прощальным благословением — порой имея силы совершать это, лишь лежа в кровати.

В монастырском архиве сохранились записи об этом заключительном периоде жизни старца, основанные на воспоминаниях очевидцев, находившихся около него (вплоть до самых последних земных минут его) почти неотступно; значительная часть этих воспоминаний принадлежит монахине Александре, обычно прислуживавшей отцу Симеону в течение дня.

«Она видела — как повествуется в этих записках — его жизнь и подвиги, и общение его с приходящим к нему людьми, больными душою и телом, объятых духом неверия и другими немощами.

Старец всех принимал, всем помогал при помощи Божией — никто не уходил от него неутешенным, неободренным; зато и текли в нему люди — отовсюду. И так — до последних дней его земной жизни».

Еще одним свидетелем последних дней старца был отец Серафим (Розенберг). Неотступно пребывая рядом с ним на протяжении почти тридцати лет, отец Серафим и в дни отшествия ко Господу своего наставника, духовника, сомолитвенника был почти что постоянно рядом с ним. Он исповедовал и причащал отца Симеона, предстоял вместе с ним пред Богом в молитве, вел с ним беседы, выслушивал последние наставления.

...Отец Симеон готовился к переходу в вечность — с радостью и со страхом Божиим.

Радовался он скорой встрече с горним миром, воздыханиями о котором и было преисполнено все его житие, радовался — ибо *ожидание праведников — радость* (Притч 10, 28). Страшился же он, как и все православные христиане, ответа за гробом перед Судьей, *Который судит каждого по делам* (1 Пет 1, 17).

Однако страх этот сраствoрялся в нем с надеждой на милость Божию и заступничество Самой Пречистой: обетование на это было дано старцу во время чудесного посещения его Божией Матерью, о котором сохранились свидетельства в монастырских записях:

«Однажды батюшка говорил, что "лукавый, что ни день, то все ко мне подступает со своими законами, спрашивая, зачем я ежедневно приобщаюсь Святых Таин?"

За несколько дней до смерти батюшка сидел в кресле против аналоя, держа руку у сердца, и вдруг сказал: "Матерь Божия! Вот тут у меня болит!"

В это время мать Александра входила в келью и слышала эти слова, произносимые батюшкой, и подумала, что батюшка молится, глядя на образ Божией Матери, и показывает Ей свою болезнь в сердце, — и сразу вышла, чтобы ему не мешать.

А на кухне тогда сидела Евгения — духовная дочь батюшки из Вырицы. И как только мать Александра вышла из кельи батюшки в кухню, та сразу же задала ей вопрос: какие это гости пошли сейчас к батюшке? Она, мол, их видела: видела, как открылась дверь в келью и туда вошла высокая женщина в необычном одеянии игумении и с нею двое мужчин.

Мать Александра была крайне удивлена, слыша такие слова, и вернулась к батюшке в келью, оставив дверь открытой, чтобы Евгения слышала, что будет говорить батюшка. Мать Александра попросила батюшку подтвердить, что, кроме нее, в келье в тот момент никого не было.

На это батюшка ответил: "Она права, что видела приходящих, и ты права — что никого не видела!" И, как бы про себя, сказал: "Была Матерь Божия с Апостолами Петром и Иоанном — спрашивали, где у меня болит..."

"Ох, батюшка, и ты с Нею говорил?" — воскликнула мать Александра, а батюшка смиренно ответил, что это уже не в первый раз Матерь Божия посещает его, грешного.

Спустя некоторое время батюшка сказал, что приходил Архангел Михаил с сонмом Ангелов, а за час до своей смерти сказал, что у него был сонм святых угодников Божиих».

А вот что говорится в монастырских записях о последних днях земного жития преподобного старца Симеона:

«...За три дня до смерти батюшка лежал на кровати, повернувшись лицом к стенке. Там висели часы, которые в это время пробили, и на бой часов батюшка сказал: "Благодарю вас, часики, что вы верно мне служили во всю мою жизнь, и я никогда не проспал — ни к службе Божией, ни на послушание".

Затем стал он благодарить Господа и Пречистую Его Матерь, говоря: "Вы во всем мне помогали, Вы всегда были со мной — я любил Вас и святую Вашу обитель. А теперь я перехожу в неведомый мир — как-то Вы меня примете?" И зарыдал, как ребенок, и стал просить Господа, чтобы Он простил ему все грехи, содеянные им в жизни.

Долго он неутешно плакал.

Присутствовавшие, слыша все это, сами плакали и свидетельствуют перед Богом об этом всеобщем покаянном плаче.

Тут же батюшка стал вспоминать, как он работал в саду монастырском и видел в каждом цветке и листочке Самого Господа и как было ему радостно жить с Господом.

...Три дня мать Александра не могла с утра вычитать молитвенного правила батюшке, так как батюшка раньше благословил ее печь просфоры.

Через некоторое время мать Александра вошла в келью батюшки и посетовала, что он в этот день не приобщился Святых Таин. На это батюшка смиренно ответил: "Да. Не приобщился".

В час ночи мать Александра освободилась и спросила у батюшки благословения отдохнуть; он благословил. В три часа ночи она снова вошла в келью батюшки узнать, как он себя чувствует, и видит: батюшка светлый, как солнце! Он сказал: "Я уже приобщился". Мать Александра удивилась, так как никто в это время не приходил к батюшке. Видя ее удивление, батюшка и говорит ей: "Приобщился сам, а Чашу чудесным образом принесли!"

После этой ночи отец Серафим каждый раз в два часа ночи приходил и приобщал батюшку Святых Таин.

...Перед смертью батюшка сказал: "Я теперь все распределил; теперь только осталось снять епитимью с тех, на кого я наложил".

На другой день все предстали, о которых он говорил.

Одного духовного сына из Ленинграда мать Александра спросила, как он явился вдруг к батюшке? Тот ответил: "Не знаю, как сюда попал, и не знаю, как отсюда попаду".

Сняв со всех епитимью, батюшка сказал: "Ну, теперь я спокойно отойду..."

На вопрос духовных чад своих, на кого он их покидает, батюшка ответил: "На Матерь Божию!" — и наставлял всех любить друг друга, прощать всем обиды, так как ненависть хотя бы к одному человеку ведет к смертному греху; и надо так прощать, чтобы человек обязательно знал, что ты простил его.

Говорил, что за дары монастырю Матерь Божия сторицей воздаст, а кто монастырское расхищает — вещами или деньгами, тому нет прощения от Господа. Образно сказал еще: "Кто на каком суку сидит — такой сук и подтачивает; сук упадет — и сам с суком тоже". Не будут прощены грехи тому, кто свою братию поносит и расточает монастырское добро. Затем сказал матери Александре: "Ничего не бери монастырского; ты скоро

после меня отойдешь ко Господу — приобретай больше Духа Святаго".

...По откровению от Господа батюшка ждал смерти 2 (15) января 1960 года — в день преподобного Серафима, Саровского чудотворца, но, по послушанию отцу наместнику Алипию (Воронову), умер 5 (18) января.

Отец Нафанаил, архидиакон, когда пришел к батюшке, то сказал матери Александре: "А вдруг батюшка умрет в самые дни праздников — что мы будем тогда делать?" А также, когда пришел и отец наместник Алипий, то он тоже забеспокоился об этом и говорил с батюшкой, чтобы тот попросил Господа отодвинуть смерть на несколько дней — чтобы им не погребать старца под праздник Крещения.

Батюшка и говорит ему: "Хорошо! Ты — наместник, а я — послушник: пусть будет по-твоему".

Так и вышло! Батюшка умер в Крещенский сочельник, в 10 часов утра, а хоронили его через день после самого празднования Крещения...

Еще в 5 часов утра в этот день — 5 (18) января — стали приходить к батюшке паломники. Он, как всегда, сидел в кресле, так как ему в этом положении было легче дышать.

В эти часы около батюшки находилась его духовная дочь Вера Р. и поддерживала его.

Время от времени батюшка говорил, что смерть подходит все ближе и ближе к груди. Но люди все шли и шли на благословение, и он всех их благословлял.

Около 10 часов утра у батюшки голова совсем склонилась, и он при помощи Веры и матери Александры лег на кровать лицом к аналою, подложив левую руку под щеку.

В это время постучали в дверь; вошли две женщины по разрешению матушки и подошли к батюшке под благословение. Батюшка положил руку на голову сначала одной, а затем и другой, глубоко вздохнул и утих.

Мать Алаксандра поняла, что это наступает смерть, загоревала тут и говорит: "Батюшка умер". Богомольцы

же все еще предполагали, что у батюшки сердечный приступ или он уснул. Но, увы, он был уже мертв...

Все почувствовали одновременно и скорбь, и радость: радость же о том, что обрели еще одного молитвенника за всех у Престола Божия».

В тогдашней церковной печати — в сообщении о кончине отца Симеона — соборное отпевание старца описано следующим образом:

«...Ко дню его погребения в монастырь из разных мест прибыло большое количество его духовных чад. После водоосвящения в навечерии духовенством монастыря при большом стечении молящихся был совершен торжественный вынос тела почившего из его пещерной кельи в Благовещенский храм, где после панихиды началось непрерывное чтение Евангелия и совершение заказных панихид. В день Богоявления Господня, после поздней Литургии, гроб с телом почившего был установлен в Сретенском храме, в котором до дня отпевания непрестанно, день и ночь, совершались панихиды.

Отпевание почившего старца было совершено по монашескому чину в четверг 21 января собором 40 священнослужителей при пении двух хоров певчих. Возглавлял заупокойное служение наместник Псково-Печерского монастыря игумен Алипий. По окончании богослужения духовенство с пением "Святый Боже" и под мощный трезвон колоколов вынесли гроб из храма в пещеры, где он был установлен на месте, приготовленном самим старцем за несколько лет до его кончины. До самого вечера верующие подходили к пещере, чтобы еще раз взглянуть на гроб своего духовного отца, поклониться ему и совершить молитву о упокоении его души»*.

Как дополняют это сообщение монастырские записи, «в надгробном слове отец наместник ярко охарактеризовал подвижнический образ жизни старца отца

* ЖМП. 1960. № 2. С. 41–42 (Некролог).

Симеона, его смирение, послушание, труд неустанный на служение ближним и обители в течение своей 91-летней земной жизни.

В заключение отец Алипий, в частности, сказал: "Да будет примером сей старец для всех нас — современников двадцатого века — как он трудился на ниве Христовой! Он был духовником братии и мирян; ему приходилось принимать мирян и в келье, и в коридоре, и в кухне; никому он не отказывал, так как Господь открывал ему сердца верующих"».

Важным дополнением к рассказу о последних часах жизни преподобного старца, о его кончине и погребении служат воспоминания архимандрита Серафима (Розенберга), сохранившиеся в его записях.

Вот что пишет отец Серафим о кончине своего старца, в смиренном послушании которому он прожил не одно десятилетие:

«18 января (нов. ст.) 1960 года на 91-м году жизни скончался мирною христианскою смертью блаженный и приснопамятный старец, духовник обители и богомольцев — иеросхимонах Симеон, мой духовный отец, сосед и благодетель.

Епископ Пимен [будущий Патриарх. — *Авт.*] написал: "Почил молитвенник земной — чтобы молиться о нас на небе".

Слава Богу — упокоился от трудов и болезней.

Благодарение Богу, что сподобил меня жить рядом с таким старцем, видеть, исповедовать и исповедоваться у него, причащать и служить вместе, напутствовать его, облачать в смертные одежды, покрасить его гроб, ископать могилку.

Верю — слышит и многое может — и разговариваю с ним, как с живым.

Его святыми молитвами помоги, Господи, дожить в покаянии свой век и мирно переселиться туда, где он.

Сколько народу на погребении, сколько священнослужителей!

Батюшка сподобил меня причастить 150 человек его духовных чад перед отпеванием и прочитать разрешительную молитву ему. Свечи и свечи, пение хора, слезы горя и радости...

С 18-го января после обедни и до 20-го — после обедни же — гроб его находился в Благовещенской церкви — мне в утешение, где я как ризничий имел работу рядом в ризнице».

Отец Серафим принимал у старца Симеона последнюю предсмертную исповедь и написал об этом событии так:

«Исповедь — перечисление грехов из вечерней молитвы и "вседневная". Тщательное покаяние в забытых давно грехах — повторное. Особое благоговение к святым иконам, к Святым Тайнам. Потом звучало: "Разбойника благоразумного во едином часе раеви сподобил еси Господи, и мене древом Крестным просвети и спаси мя" (Светилен утрени Пятницы Страстной седмицы)».

А вот что записал отец Серафим о последних днях и часах жития преподобного старца:

«Батюшка оставил своею жизнью нам пример, образец; также — и смертью, и терпеливым несением предсмертной болезни, когда говорил: "У меня семь болезней", — причем несением сознательным: "за грехи мои"; и он даже не стонал.

...Тюря, чай с маленьким кусочком сахара — отец Симеон не ел, а лишь "вкушал".

Перед кончиной отец Симеон советовал: отцу наместнику — "молитесь, трудитесь и пребывайте в послушании".

На вопрос, что самое нужное для меня, отвечал: "Самое нужное? Будь общительнее, нельзя в нашем монастыре иначе. Хотя затворничество твое отчасти и хорошо... Такой у тебя характер". Я обещал. Он продолжал: "Проживешь до смерти с каким-либо старцем, а жизнь твоя нормальная — монашеская". Перед смертью учил меня смирению: "Будь у всех под ногами". Он и сам был всегда в труде — до 90 лет: насаждения, пчелы, столбики, иконки.

Людей направлял обращаться к отцу Афиногену — "отчитывать" посылал, или же к отцу Пимену [Гавриленко. — *Авт.*].

Незадолго до кончины отец Симеон сказал доктору: "Умираю и умереть хочу". Потом: "Ангелы причастили... Ангелы, Ангелы... Ангелы поют на небе... От чего-то ведь умереть надо"».

В письмах отца Серафима к сестре — Тамаре Ивановне также присутствует свидетельство о кончине любимого им старца:

«В воскресенье вечером под Крещенский Сочельник, 18 января 1960 года, отдал душу Богу иеромонах Симеон.

Отец Симеон умер в полном сознании. Но он заслужил это своей благочестивой жизнью...

Похороны состоялись 21 января, и похоронен он в пещерах. Идут по нему непрерывные панихиды. Его слова: "Поминайте меня, а я буду за вас молиться"... **Старец поддерживал тысячи верующих** своими богомудрыми советами. Ничем он наружно не отличался от других, **но внутренне, видимо, был постоянно с Богом. Веруем, по смерти еще сильнее** будет его **молитва об обители, им любимой, и духовных чадах его».**

«Я верю в сильное **предстательство за обитель** нашу и за меня лично **Батюшки покойного отца Симеона.** Если мне хорошо — благодаря ему...

Потеря в лице **отца Симеона** — незаменимая...»

Самый же большой интерес в записях отца Серафима представляют имеющиеся там упоминания о случаях посмертного духовного общения старца Симеона с теми, кто любил и ценил его как замечательного пастыря и «путевождя» ко Христу. В этих драгоценных для нас и духовно укрепляющих каждого христианина записях особенно ярко выражена живая связь Церкви земной с Церковью Небесной, к преподобническому воинству которой принадлежит старец Симеон. Вот что пишет отец Серафим:

«...Жена регента — Мария Николаевна — имела неразрешенный вопрос к отцу Симеону. Как-то, беседуя с дочерью, произнесла: "Особо благочестивым лишь людям являлись умершие святые угодники и наставляли их". Вскоре задремала и вдруг увидела отца Симеона — в келье, в сером подряснике — и старец разрешил ее недоумение.

Рижского монастыря одной монахине приснился отец Симеон, который сказал: "Хожу до сорокового дня — когда сменю одежду".

Монах Аввакум — сторож при Святых вратах монастырских, чтец правила ко Святому Причащению — видел во сне раз батюшку веселым.

Второй раз видел во сне таким образом. Отец Аввакум караулит в монастыре; вдруг слышен выстрел, на звук которого он и спешит — обеспокоенный. Неожиданно откуда-то появляется батюшка Симеон и впереди Аввакума спешит туда же, так что тому его и не догнать.

Я отцу Аввакуму так истолковал его последний сон (хотя в принципе снам не придаю серьезного значения): отец Аввакум, добросовестно проходя свое послушание, получил урок смирения и, вместе с тем, одобрение в сем деле — не он один, а и батюшка (и еще усерднее его) бдит о покое святой обители.

Духовная дочь батюшки Нина, простая душа, ветеринар, порой видит его и отца Бориса [добрейшего и смиреннейшего бывшего валаамского инока, жившего в Печерской обители. — *Авт.*] во сне, которые дают ей советы, как обращаться с животными, — когда она особо скорбит в каком-либо недоуменном случае.

Отец Александр, послушник-повар, видел батюшку во сне: тот идет впереди — ровно и быстро, а он сзади — спотыкаясь, падая в ямы; собачки маленькие дергают за ноги — и все батюшку не догнать. А под конец какая-то женщина навстречу — тоже препятствие.

Думаю, урок: не вдаваясь в особые подвиги и не будучи беспечен, ровно иди — и продвинешься быстрее к намеченной цели, к Спасению.

Хромая Наташа видит часто батюшку во сне: в светлой келье. Три схимника на кровати. Он говорит: "Это — мои друзья. А я — с вами, не умер".

Февраль 1963 г. Почетный эконом, отец архимандрит Сергий [Лосяков. — *Авт.*] рассказал как-то при взаимном со мной приветствии в алтаре Успенского собора: "Видел во сне покойного отца Симеона. Спрашивает меня: "Чего лежишь?" — "Болею", — говорю. "Ну что ж, — отвечает, — это милость Божия. Молись Иисусовой молитвой". Я ему: "Не умею, нет сил, научите". А отец Симеон улыбнулся, поцеловал меня и исчез"».

...После кончины преподобного старца Симеона отец Серафим в какой-то мере был вынужден встать «на его место», приняв на себя духовное попечение о некоторых духовных чадах отца Симеона. Еще в день погребения старца, по собственному свидетельству отца Серафима, он причастил около 150 духовных чад преставившегося преподобного. Эти православные христиане, приходившие ранее за советом к почившему великому старцу, видели теперь в отце Серафиме продолжателя его дела. Однако сам отец Серафим по своему монашескому складу и по особенностям характера стремился уклониться от столь непростого и тяжкого для него пути духовнического подвига. Тем не менее некоторые из бывших духовных чад отца Симеона еще не раз обращались за советом и поддержкой в своих житейских трудностях к архимандриту Серафиму.

В завершение краткого рассказа о личности преподобного Симеона Псково-Печерского — первейшего наставника и духовника архимандрита Серафима — представляется уместным привести хотя бы отдельные выдержки из нескольких писем близких чад почившего старца к отцу Серафиму (Розенбергу).

Монастырский сторож-привратник о. Аввакум
Конец 1960-х — начало 1970-х гг.

С помощью этих писем можно явственным образом увидеть, как вообще воспринимали они духовное окормление своих монастырских отцов. Поистине, это глас народа Божьего, выражающего свою любовь, безмерное доверие и уважение к печерским старцам...

Письмо о. Серафиму от его духовных чад
(написано в связи с кончиной старца Симеона)

«Мир Вам Христов!
Дорогой отец Серафим!

Как Вы там живете, как привыкаете без родного нашего Батюшки? Знаем, что очень трудно Вам. Великая человеческая скорбь постигла, а Вас — в особенности. Нет слов для утешения, не выразить человеческим языком. Только силен один Господь Вас подкрепить. Нет ни одного дня, чтобы мы не вспоминали Вас. Еще не можем осознать всего случившегося, что нет здесь на земле нашего родного отца, самого близкого сердцу человека. Трудно представить, что наш родной отец уже в том мире. Всё — как "в сказке": был человек — и нет. Конечно, мы должны радоваться, что наш Батюшка пошел домой, на покой. Его Господь простит, он много потрудился. Господь наш — добрый, ласковый, милостивый, обязательно помилует — за нас грешных — его: что мы нерадивые ко Спасению. Дорогой Батюшка, я — великая грешница, еще не могу разобраться в своем сердце, что происходит: и радость, и печаль. Прискорбно по-земному. Ведь мы, великие грешники, маловерные, привыкли питаться духовным молочком, твердая пища для нас тяжела. Ведь за родным Батюшкой мы жили как за каменной стеной, как за родной, любящей своих детей матерью. В моей жизни родители мои так не заботились обо мне, как родной отец Симеон.

Да! Много осталось в памяти — что я такая великая грешница. Да! Нет на белом свете грешней меня. И как только Батюшка терпел меня??? И по милости Божией... я... сподобилась такого духовного отца. При-

скорбно, что здесь на земле больше не услышим [его] ласковых добрых слов... но [за всё] слава Богу. Очень и очень тоскливо, когда вспомнишь всё. И радостно [лишь] то, что наш дорогой, любимый Батюшка будет у Господа; он еще дерзновеннее будет молиться за Вас, за нас — после 40 дней. Увидеть всю красоту Рая Божьего!.. Да, но как нам дожить свой век? Уходят великие наставники наши. Но будем надеяться на милость Божию, на Царицу Небесную, что Она нас так не оставит сиротами, еще пошлет нам духовного отца.

Родной отец Серафим!

Не скорбите, не печальтесь; [хотя] как Господь нам сказал — только скорбями и болезнями войдете в Царство Небесное. Мужайтесь. Мне тоже очень тяжело, ведь я потеряла за буквально малый промежуток времени самых дорогих в моей жизни людей. Это сынулю и родного Батюшку.

Ведь не выразить словами — бывает такое душевное терзание, а к кому пойдешь, кому расскажешь, и вот так терзаешься. И только одно утешение — это Ваша Обитель.

Мы не забудем Вашу родную Обитель, мы также будем приезжать при первой возможности. Это для нас самое дорогое осталось в жизни. Батюшка [Симеон], когда мы уезжали, всегда говорил: "Как мне не хочется вас отпускать из нашей семейки".

Помню, как я осудила одного монаха и каялась Батюшке — он мне сказал: "Не надо, родная, ведь вы наши". Недостойная я. Боюсь помыслить — чтобы быть в монастырской семье. Ведь это уголочек Рая.

Дорогой отец Серафим, простите меня, что я дерзнула Вам написать. Писала самым простым языком. Да хранит Вас Господь и Пречистая Царица Небесная. Да подкрепит Вас Матерь Божия. Не забудьте и нас, грешных, в Вашей молитве. Помолитесь в день моего Ангела: я с Батюшкой вместе [отмечаю именины] — в Сретение Господне. Приехать, очевидно, не удастся, [отпускных] дней не дают.

"Высокая" А.

Все искренне Вам кланяемся — В., А., З.»

Из письма отцу Серафиму
(16 февраля 1962 г.)

«...И что о нас сказать?.. Стараемся исполнять на деле Ваши советы, то есть все, все приносить Господу и ни о чем не печалиться. Как это дивно и утешительно.

Многогрешная И. и многогрешная Т.»

Из письма отцу Серафиму
(9 июня 1966 г.)

[В тексте письма имеется следующее молитвенное обращение к старцу Симеону. — *Авт.*]:

«...Батюшка, родной! Когда ты был с нами на земле, мы приходили к тебе благословиться перед всяким делом. Благослови и сейчас наш приход к любимому сыну твоему — отцу Серафиму...

Т., И., Н.»

Из письма отцу Серафиму
(26 июня 1968 г.)

[Основное содержание письма — соглашаться на операцию или нет. — *Авт.*]

«...Простите, дорогой отец Серафим!

Я знаю, как Вы не любите давать советы, но Вы попросите Батюшку родного [то есть отца Симеона. — *Авт.*] — и он вложит Вам мысль, что мне ответить...

И.».

Мы видим, что почти во всех приведенных письмах духовные чада преподобного старца Симеона согласно выражают одну и ту же мысль: и после кончины их великого наставника все такими же неизменными остались то единство веры, любви, предстояния пред Господом, устремленности в горняя, что были всегда присущи двум печерским сомолитвенникам — преподобному Симеону и старцу Серафиму. То единство во Христе, которое существовало между ними на про-

тяжении почти тридцати минувших лет их совместного монастырского подвига, не смогла уничтожить даже смерть. Именно поэтому будет совершенно справедливым и духовно оправданным, если и в нашем сознании образ архимандрита Серафима навсегда останется неотделимым от образа его любимого учителя — преподобного отца Симеона.

И для самого архимандрита Серафима истинность того, что его сыновнюю связь со старцем Симеоном не в силах разорвать даже кончина преподобного, была также совершенно очевидна. И потому до самого конца земных дней он всегда молитвенно предстоял пред Богом, ощущая себя как бы «плечом к плечу» со своим богомудрым наставником монашеского делания — с тем, кого он называл: «Мой духовный отец, сосед и благодетель», — с преподобным Симеоном Псково-Печерским.

«ИСТИНА ВСЕГДА ПРОСТА»

ПОУЧЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО СТАРЦА СИМЕОНА В ДУХОВНЫХ ДНЕВНИКАХ АРХИМАНДРИТА СЕРАФИМА

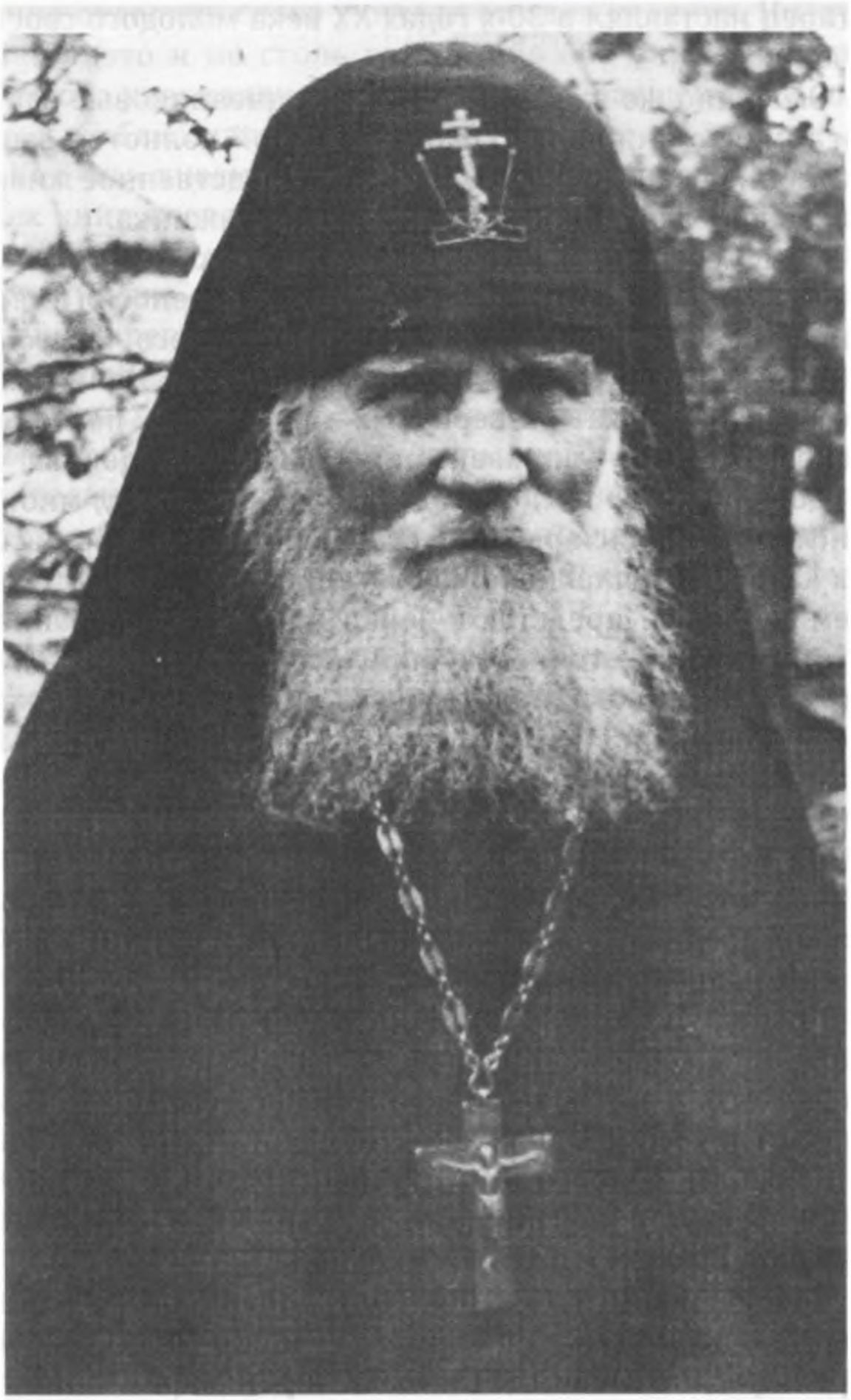
Замечательный подвижник XX века, преподобный Силуан Афонский особенно часто любил повторять слова аввы Евагрия (истинность которых он, конечно же, опытно пережил и сам): «Если ты богослов, то ты чисто молишься; если же ты чисто молишься, то ты богослов». Слова эти с полным основанием можно отнести и к псково-печерскому современнику святого афонца — преподобному старцу Симеону.

Мудрой и очищенной от страстей душой постоянно пребывая в Боге, — это было для него так же естественно, как дышать, — он богословствовал, не составляя притом каких-либо богословских трактатов, самой своей молитвенной жизнью. В течение долгих лет пребывания в Псково-Печерской обители иеросхимонах Симеон также являлся духовным учителем подобной, подлинно «богословской» молитвы и для собратьев-иноков, и для сотен и сотен приходивших к нему за советом паломников-мирян.

Собственно письменное учительное наследие преподобного Симеона нам, к сожалению, почти неизвестно.

До сих пор найдено и опубликовано лишь несколько не слишком больших по объему записей бесед и наставлений богомудрого старца. Тем ценнее оказывается всякое его слово, донесенное до нас в воспоминаниях современников — собратий по иноческому подвигу и духовных чад преподобного.

По милости Божией, духовные дневники архимандрита Серафима, относящиеся к начальному периоду его пребывания в Печерском монастыре, достаточно подробно знакомят нас не только с общим образом богомыслия его аввы — отца Симеона, но и с теми принципами монашеского жития, в которых этот святой

Иеросхимонах Симеон в монастырском саду
Вторая половина 1950-х гг.

старец наставлял в 30-х годах XX века молодого своего ученика.

Особенно же важны для нас эти дневниковые записи тем, что они являют нам с большой полнотой запечатленное в них, по сути, само непосредственное живое слово прославленного печерского подвижника.

Отец Серафим — в то время еще только вступивший на путь монашеского делания — трепетно вносил в свой дневник каждое наставление преподобного Симеона. И пусть эти записи кратки и отрывочны, пусть они, чаще всего, не содержат развернутых и подробных поучений святого старца — все равно они для нас драгоценны.

Дошедшие до нас, благодаря отцу Серафиму, многочисленные записи речений старца Симеона — при всей их кажущейся внешней простоте и конспективности — тем не менее предстают перед нами, по переданной в них глубине, точности определений, ясности и боговдохновенности полета мысли Преподобного, как, безусловно, вполне святоотеческие поучения, заслуживающие самого серьезного внимания со стороны православных читателей.

По большей части поучения эти были адресованы лично отцу Серафиму — хотя, вероятно, некоторые из них предназначались поначалу даже и другим лицам, но все равно оказались им записаны.

Преподобный Симеон наставляет отца Серафима на путь монашеской жизни, учит понимать смысл диаконского, а затем и священнического служения. Есть здесь и поучения о должном отношении человека к Богу и ближним, о молитве, о борьбе с грехом, о покаянии и смирении, о перенесении искушений и страданий, о страхе Божием и памяти смертной.

Следует заметить, что в силу дневникового характера записей этих наставлений — когда отец Серафим при передаче слов отца Симеона порой выражал и личное восприятие сказанного ему опытным старцем (при этом развивая его мысли и прилагая их к своему духовному состоянию) — не всегда удается предельно

точно отделить слова учителя от слов ученика. Но, думается, это и не столь важно, ибо оба они — одного духа, оба укреплялись накрепко связывавшей их одной и той же благодатью Христовой.

Как мы знаем, среди немалого числа святоотеческих книг, посвященных православной аскезе, имеется подобный же пример «соавторства» двух великих подвижников — так называемое «Руководство к духовной жизни» преподобных Варсануфия Великого и его ученика Иоанна. И недаром эта известнейшая «энциклопедия» христианской аскетики представляет собой особо замечательный образец неразрывного — и собственно учительного, и литературно-стилистического — авторского единства, ибо об источнике последнего сам преподобный Варсануфий выразился так: «Бог Варсануфия и Иоанна один» (ответ 220).

Точно такой же духовной связью — и единством цели и смысла монашеской жизни, и единством аскетического опыта — были связаны оба псково-печерских отца.

И потому для дела нашего христианского научения и Спасения не столь уж важно — какие, собственно, из записей отца Серафима напрямую цитируют слова его наставника, отца Симеона, а какие являются более или менее распространенными их толкованиями, принадлежащими его внимательному ученику, автору дневника.

Впрочем, в абсолютном большинстве своем — с учетом как стилистических речевых особенностей, так и степени монашеской опытности, глубины и яркости изначально предельно живой христианской мысли, — наставления и духовные советы непосредственно самого иеросхимонаха Симеона выявляются в тексте записок отца Серафима с достаточной степенью определенности.

Здесь следует иметь ввиду и то, что большинство записей речений старца Симеона в духовных дневниках отца Серафима относится именно к середине 30-х годов XX столетия: к тому периоду жизни последнего, когда он — молодой послушник и затем монах, только еще вступил на путь христианского шествия

ко Христу. Лишь совсем недавно он обратился от полуатеистического состояния к живой вере, пережил жесточайший духовный кризис. Вряд ли он сумел бы в это «новоначальное» для себя время прибавить что-либо духовно существенное к наставлениям своего аввы. Так что в отношении ранних записей речений старца Симеона (повторим — их абсолютное большинство) подобных вопросов об авторстве практически не возникает. Сомнения здесь возможны лишь в отношении небольшого числа записей 1940–1950-х годов. Поэтому авторы книги относили к речениям старца Симеона лишь те дневниковые записи позднейшего периода, что прямо указывали на принадлежность Преподобному тех или иных высказываний, содержали упоминание его имени...

Иногда речения Преподобного, перемежающиеся на страницах дневника с многочисленными выписками из книг и духовными размышлениями самого отца Серафима, поддаются вычленению и объединению их по названным выше учительным темам. В таких случаях авторы — при подготовке поучений отца Симеона к печати — группировали их в соответствии с тематическим содержанием.

Порой же речения его включают в себя советы, пусть и данные отцу Серафиму по самым различным проблемам и поводам личного свойства, но, однако, имеющие характер наставлений более общего порядка — говорящие более всего о нашем (в том числе и монашеском) пути ко Спасению. Подборка их дала возможность предварить отдельные тематические своды поучений преподобного старца разделом, включающим в себя именно такие его, основополагающие для всякого православного верующего, разъяснения самой цели, внутреннего смысла и правильного хода христианской жизни.

Бóльшая часть дневниковых записей бесед и высказываний отца Симеона была сделана в 30-х годах прошлого века, хотя среди них есть и небольшое число

записей 40–50-х годов. Однако явное единство мысли и неизменная органическая целостность поучений преподобного позволили отказаться при их публикации от распределения цитат по хронологическому принципу и отдать предпочтение принципу сугубо тематическому.

Авторы книги особенно рады познакомить читателей (и монашествующих, и мирян) с сохранившимся в записях архимандрита Серафима и недавно лишь открытым, причем достаточно большим по объему, учительным наследием преподобного отца Симеона — в точном изложении его ученика.

Пусть живой голос благодатного псково-печерского старца еще раз донесется до нас, просвещая наши умы и сердца непреходящими глаголами вечной жизни (см.: Ин 6, 68).

Духовные советы преподобного Симеона его ученику — отцу Серафиму (Розенбергу)

Еще в самом начале своего монашеского пути отец Серафим, решив вести для собственного назидания и монашеского самоконтроля духовный дневник, записал в нем: «Кто-то сказал мудрый: один из способов исправлять ошибки состоит в том, чтобы **не повторять*** их. Для сего — сия запись в книгу сию».

И поскольку на подобные его — духовные — ошибки ему в первую очередь указывал именно отец Симеон, то и неудивительно, что записки отца Серафима оказались в итоге обильно содержащими в себе поучения Преподобного (в виде достаточно прямого их цитирования). Зачастую они занимают целые страницы дневниковых тетрадей и, естественно, им порой сопутствуют и размышления над сказанным самого отца Серафима.

---

* Слова, подчеркнутые о. Серафимом, здесь выделены жирным шрифтом. — *Авт.*

Вот одно из первых таких записанных речений святого старца, которое его ученик сопроводил своими смиренными рассуждениями.

«Батюшка [отец Симеон] сказал:

"Удивляюсь, как люди гордятся тем, что не они выдумали, написали, изобрели..."

И я тщеславлюсь собою — забываю, что всего лишь Божие творение; [тщеславлюсь] службой церковной. Она составлена иными, а я нищ и наг — нечем мне гордиться. Мысли мои — не мои, но вычитанные, сказанные другими, а мною — лишь искаженные. Многое читаю без понятия, вдруг — милость Божия — строчку понимаю, да так ли еще? Не верь, что ТЫ понял, но что БОГ **вразумил**, глаза открыл тебе на сие; не тщеславься безвременно, но **благодари** Бога...»

Многие записи поучений преподобного Симеона стали для отца Серафима основным — после Евангелия — руководством к собственной доброй монашеской жизни. Думается, послужат они и к духовной пользе еще немалого числа православных христиан.

Но важно и то, что, узнавая из его дневников о наиболее драгоценных для новоначального инока советах его учителя, мы одновременно еще зримей представляем себе не только замечательные духовные образы обоих содругов — отца Симеона и отца Серафима, но и ту высокую степень напряженного монашеского подвига тогдашних печерских иноков, что исподволь совершался ими в казавшихся внешнему взгляду порой столь тихой и спокойной жизни Псково-Печерской обители.

Но обратимся же теперь непосредственно к самим наставлениям преподобного Симеона, записанным его верным учеником, — прежде всего к поучениям более общего характера, говорящим нам о важнейших сторонах христианской жизни о Господе и смысле монашеского жития в том числе.

О МОНАШЕСКОМ ПУТИ КО СПАСЕНИЮ

[Отец Симеон сказал]:

На церковных службах не высокоумствуй, но со смирением внимай им умом и сердцем — зде Спасение.

Молитва потребна и потребно **смирение** в ней. Вот молитва **«Отче** наш»: «да будет воля Твоя... яко же и мы оставляем должником нашим...» — здесь смирение и любовь к ближнему. Любовь Божия к нам велика: мы — Его образ и подобие — великая честь. Но мы и слуги Божии: *не отврати лица Твоего от отрока (слуги) Твоего* (Пс 68, 18). Все живы для Бога, никого Бог не оставит. А ты просто и любовно не глядишь на человека — сортируешь, критикуешь, оцениваешь по лицу — создание Божие уничижаешь, себя же изображаешь пред ним смиренным, умным, сильным волей, смелым, судишь его и осуждаешь.

«Душе моя, душе моя, востани, что спиши»?* Не спи, борись, понуждай себя размышлениями о смерти, суде, вечности, любви Божией, страданиях Иисуса Христа.

Обращаясь с людьми, будь таков, **каков есть**, — не прибавь, не убавь. Свободное обращение много вредит — не прельщайся, не ищи легкости, **непринужденности**, — это от диавола; будь сосредоточен, короток; сердцем будь тверд, крепись, мужайся, терпи, не прельщайся. Очень и очень хорошо, что бывает временем у тебя **много дел** — не смущайся этого, проси Бога, чтобы всегда так было; сам не подвигнешься ко Спасению, так необходимость заставит — лишь терпи, в благодушии. Пустой вопрос задали, отвечай: не знаю, не мое дело, вас не касается — кратче говори. Если болен — не сиди в келье, хуже будет; ветра берегись; в одежде приличной ходи. Ешь, спи и прочее нормально, до сыта, по немощи; не твори себе озлобления, лишь терпи оскорбления и скорби. Ты **не знаешь** мыслей человека или что он в следующий момент

* Кондак Великого канона преподобного Андрея Критского.

Иеросхимонах Симеон в беседке монастырского сада
Вторая половина 1950-х гг.

сделает — и не суди о нем, не говори плохого о нем. Знай лишь **себя, познавай,** сосредоточен будь в себе. Смиренный не падает — ты к ногам Божиим, Богородицы и Святых припади.

Себя понуждай пойти в церковь часа за 2–3 до звона; войдя, поищи и найдешь себе дело: одно — другое почистить, смазать, вытряхнуть, и так далее.

Смерть напоминай себе: что будет, если в лени она придет?

Хлеб будешь есть смелее (на пользу, с благодарностью) — если потрудился. Труд — заповедь Божия (*в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт 3, 19); *аще кто не хощет делати ниже да яст* (2 Сол 3, 10)); ты обязан трудиться (за обязательное не хвалят) — усердно, по совести. Как в миру живут (трудятся)? Ты же **соединяй** труд с молитвой, с богомыслием, по заповеди (*непрестанно молитеся* (1 Сол 5, 17)) — и не будет **чужд** труд душе твоей.

Трепет твой — покаяние. Молись: Ты, Боже, поставил мя на путь сей блаженный, помози, укрепи, спаси. Борьба наша не против себя, не против *крови и плоти, но к... духовом злобы поднебесным* (Еф 6, 12). Господь называет сатану — *князь мира сего* (Ин 16, 11).

Что открыто нам, уже не обманет нас; раз мы сие познали, значит оно нас не одолеет... (нужно познать наши страсти и потому молиться: **даруй зрети мне**, Господи, моя прегрешения) — мы научаемся бороться, как дети, «начинаем ходить» в этом. *Начало премудрости* ***страх Господень*** (Притч 1, 7).

Крещение — отвержение сатаны трехкратное: помни об этом всегда; о помощи взывай и прощении. Мы — братья; **виновник зла** — «дух злобы поднебесной», враг нам; мы же лишь немощны и больны. Дмитрий Ростовский говорит: «Простите меня, братья, если я всякого грешника, не думающаго о своих грехах, назову бесноватым». Есть Бог и сатана с его прелестьми. Множество **малых грехопадений** (незаметных, привычных) тяжелее душе человека, нежели несколько великих, всегда

стоящих в памяти, могущих всегда быть **снятыми** в покаянии. Смотри Евангелие об этих малых грехопадениях: прелюбодейный взгляд, слово жестокое, осуждение, тщеславие. Легче борьба с великим грехом, легче возненавидеть его. Но тебя постепенно затягивает тина мыслей: «я не святой», «я в миру живу», «я должен жить, как все люди» — так успокаивает себя ноющая совесть. Живи, как они, но не преступай заповедей Божиих, подобно им. Смерть чрезвычайно **близка** нам — подумай; сколько помирает в сие мгновение людей по всему миру — разными смертями.

Убиваешь сам себя через грех: живешь мгновенным, а вечность? Бессловесная природа учит человека, как нужно нести крест послушания Богу — среди всех бурь и страданий этой жизни. Смерть? Это не гроб, не балдахин, не могила в глине, но это — когда духовный росток жизни нашей вылезет на поверхность земли и станет под прямые лучи Божьего солнца; на земле зерно умереть и прорасти должно (это есть рождение духом, второе рождение по Евангелию). Горе нам. Грех и малый, и большой органически однородны. Откровение Церкви утверждает, что не освободившаяся от той или иной страсти душа перенесет эту страсть в потусторонний мир, где в виду отсутствия тела (до воскресения) не возможно будет ее удовлетворять — от чего душа будет пребывать в непрестанном томлении самосгорания, непрестанной жажде греха и похоти без возможности ее удовлетворить (гастроном, блудник, курильщик, пьяница — не лишатся духовной жажды стремиться к пище страсти). Попробуй избежать этого и будь дальновиден.

Возлюби — ради Бога — ближнего, молись, желая Спасения всем. Угодники постились, холодали, мучения терпели... и подобное. А ты, непотребный, чем думаешь наследить вечное блаженство? Благодари Бога, терпи, учись у Иисуса Христа, волю Его чти, уважай, люби, подчиняйся, исполняй; себя вини, твердо уверь душу свою, что есть мука и Царство Небесное, есть Бог,

воздающий каждому по делам; верь: то, что говорит Сам Бог в Священном Писании, есть неизменяемая правда и истина Божия. Монастырь — нравственная врачебница. Искушений не бойся, но терпи, при сем свою волю отсеки — Божией предайся. За себя ответ дашь Богови — себе и внимай, не осуждай других. Весь день пребывай в страхе Божием. Приобрети: веру, воздержание, терпение, смиренномудрие и прочее — чем по благодати Своей снабдит тебя Бог. Сохрани молчание и **странничество**, то есть удаление от всех.

Мир служит плоти, поработил душу плоти — как бы душевного «всадника» плотскому «коню», исполняет волю диавола. Следует отторгнуть душу от сострастия телу, поработить плоть духу (желания плоти — это все страсти), чего и добивались подвижники. Достигали они этого постами, бдениями, молитвами, слезами, жестоким житием, а главное — памятию о бессмертии души, о будущей духовной жизни души, о **вечности**, о Боге и размышлением о духовном, презрением краткой временной плотской жизни (ей же конец — смерть), **памятию смерти**. Непрестанно памятовали они сей час, когда наконец освободится душа от оков, от бренного телеси, из места изгнания и испытания, дабы получить воздаяние за труды, за верность Богу в борьбе с сатаною, за исполнение заповедей или за борьбу ради сего — как верная раба Христова, да насладится вечным покоем и радостию. *Изведи из темницы душу мою, исповедатися имени Твоему* (Пс 141, 8). Берегись: конь вскакнет, всадник не удержится — и будет гибельное падение.

Ты, монах, имя мирское переменил, — так и житие плотское на духовное подобает тебе переменить. Следует презирать плоть и ее желания, ибо она преходит («презирати убо плоть, преходит бо»*), душа же твоя идет в **бессмертие**... Христос вывел нас в духовную

---

* Из текста общего тропаря единому преподобному.

жизнь — Ему да наследуем. *Аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет* (Мф 16, 24). Поработить плоть духу значит отвергнуться мира. Плотской человек живет сегодняшним днем, не помышляет о конце (даже и христианином называющийся). Духовный человек живет в мире, как вне мира, помышляя исход из него и истинную вечную блаженную жизнь, зная, что непременно придет к плотскому человеку неожиданная, нежеланная, жуткая гостья — смерть, и, вместе с ней, конца не имеющие муки. Духовный человек верует сердцем в Бога и Богу, открывшему людям все нужное ко Спасению. Тебе открыто все, ты не можешь быть слеп уже более, но ты — зрячий; и ежеминутно будь зрячим, не поддаваясь ослеплению от диавола, мира и плоти. Погибнет человек плотской — неверующий (пусть и так называемый «христианин»). Спасется тот, кто постоянно помнит конец временной жизни — разлучение с телом, истление, смерть, оставление всего, к чему прилепился — оставление навсегда. Спасется тот, кто помнит и конец мира, когда *земля... и яже на ней дела сгорят* (2 Пет 3, 10), кто живет надеждою будущей жизни — вечной, сию же (и блага ея) умеет ставить ни во что, зрит выну [то есть всегда. — *Авт.*] горé [то есть устремляется всегда ввысь, в «горняя». — *Авт.*] — куда ему вскоре отити, чувствует себя здесь, на земле, как чужой и мимоходом — не надолго, и так живет, не прилепляясь ни к чему, трудясь охотно, но и не прельщаясь здесь ничем. Спасется тот, кто **отрекается** и от всех удовольствий земных, являя себя готовым нести унижения, лишения, мучения, гонения, труд (самый тяжелый — со смирением, самый грязный, самый недоходный, самый неблагодарный; и трудится так не ропща, не смущаясь, не унывая, не раздражаясь!).

При Иисусовой молитве: Ты **мужчина**, хоть пока и **мальчишка**; ты ведь христианин, инок — будь тверд, воздержен, самостоятелен, настойчив, сердце держи в руках, думай — ведь ты не бревно или машина,

а живой человек, как и все, ты создание Божие. Нужно самообладание — покорение плоти духу. Нужна **борьба** до издыхания последнего; пал? — не унывай, мужайся, держи сердце в руках, ободрись тотчас, вразумись, покайся, поплачь, помолись и снова стань на стражу к сердцу, на **борьбу — тотчас**.

Радуйся каждому случаю поучиться в сем, каждому **искушению**, благодари Бога, не беги и не пугайся его (искушения этого), иначе не будет мужчины — христианина (последователя Иисуса Христа) из тебя.

Ум займи трудом молитвы — да не поддался бы сердцу.

Многому можно научиться и от мирян — труд, усилия, стремления к повышению (в твоем случае: в чин ангельский, в звание христианина).

При головной боли — претерпи, пройдет, представь массу людей в много худшем положении, чем ты: Иов, Иисус Христос; терпение награды ждет. Что такое претерпеть? — значит: не распускать чувства, избегать сластей.

Моли Бога о здоровии, будь всегда способным исполнять всякие послушания, будь всем полезным — во славу Божию.

Что рыба в воде — то человек должен быть в Боге.

Бог сильнее сатаны; Он — наш Всесильный Помощник.

Слабостей в тебе много: погляди со стороны — иеромонах, мужчина, а сахар ешь, нежишься в постели, ешь без меры, одолевает постыдная лень (лень — это безжизненность); читаешь, питая тем самолюбие, а не исполняешь прочитанного, лжив, мерзко себялюбив; все сие и Богу мерзко, и сим растишь себе наказание — вечное отчуждение от Бога.

Знание нам в еще большее осуждение, оно ведь — не мое, ум — дар Божий.

Не допускай страстей до сердца, и оно всегда будет **мирно**.

Храни: 1) внешние чувства в порядке, ходи и все делай благочинно и тихо; 2) расположись любить всех людей и в согласии со всеми быть: *аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте* (Рим 12, 18); 3) храни совесть незапятнанною (не грызла бы): в отношении к Богу, к себе, к ближним, ко внешним вещам — *мир многъ любящым законъ Твой, и несть им соблазна* (Пс 118, 165); навыкай без смущения сносить всякие неприятности и оскорбления; помолись в скорби (вспомни, как молился скорбящий Иисус Христос в Гефсиманском саду) — перенести бы ее.

Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии; аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий (Пс 126, 1); основание главное сердечного мира — смирение и избегание тревожных и хлопотных дел и занятий.

Легкая добродетель — милосердие, когда проявляется оно как снисхождение к ближним.

Трудись ради исполнения заповедей Божиих, проявляй послушание, все делай с молитвой — делись плодами своего труда с ближними.

Помни: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин 15, 5).

Хорошее желание докончи, пусть и через силу. Три часа до спанья есть. Будь прям, смел. Нужна Иисусова молитва (четки) — и в работе. Ежедневная исповедь, исповедуйся чаще. Говорят при тебе пустое, худое — не слушай. Нужно чтение (не только Псалтирь) и физический труд — помогает победить разжжение. Одолевают помыслы, отвлекись от них, **пожди** — фантазии не прими всерьез, много их у нас сменилось. Помысл вначале гони — молитвою, богомыслием (вспоминай и мучение **вечное**, безнадежное, и то, что жизнь кратка). Божию волю твори — веруй и надейся на промышление Его; не даст Бог впасть в заблуждение. Подобно Христа ради юродивым — будь перед другими прям, без излишнего стеснения. Помни: если ругают, то от этого ни хуже не стану, ни лучше. Благодать Божия пребывает со смиренным.

Какого кто духа — так и следует поступать с ним. Большевицкого духа? Отвечай коротко и метко, да замолкнет; не следует робеть перед ним.

Ставь себя ниже других (против своей гордости).

Если и кажется тебе, что доброе делаешь (например, просишь прощения), — не верь, не думай, что доброе творишь, — со злом оно может быть сраствореno в тебе: ведь по испорченности природы ты по-прежнему тяготишься, если кто недоволен тобою, и в другом чем... Наше — грехи; самая же мысль о добром и исполнение ее зависят от Бога: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин 15, 5) ...

Думай так: «Ты, Господи, Сам научаешь: *просите, и дастся вам* (Мф 7, 7). Дай мне помнить Тебя **всегда**, среди толпы, в трудах, **везде**».

Знай: нельзя внимать тому, что не касается Спасения души твоей, да еще и отвлекает тя от сего, губит: себе внемли.

Не желай ничего здесь в мире: ни добра, ни вкусного, ни удовольствий, ни чести, ни богатства — довольно и того, что ты жив, есть у тебя одежда, кров.

Жив Бог всемогущий — твой Создатель и **Спаситель**. **Надо** веровать, потрудиться, просить у него как нищий, как пребывающий в беде, помня, что заслужил ад вечный себе. Ты бесчестишь грехами Создателя, но милостив Бог.

Бог создал все — и тебя — для прославления Себя, ты же — позоришь Бога Отца своим непослушанием и всеми твоими страстями.

Мир души — это мир совести. Мешают достичь его: малодушие, сребролюбие, самолюбие, тщеславие, лень, распущенность чувств, свобода глаз, нецеломудрие, подчинение требованиям плоти.

Искушения — радей, терпи, тяни руки к Богу с душою, рассуди пути борьбы, плачь, бей себя в грудь, молись Богородице, Святым.

Искушения: блуд, лень, тщеславие, злоба, неверие, осуждение, уныние, чревоугодие.

Одолевают **помыслы** — не слушай их, об избавлении от них молись, проси.

Чувства береги от греховных впечатлений (в том числе и чрево). Даже от малой **искры** бывает пожар.

Согрешил? Требуется мужество: сознай, что виноват, тотчас кайся, совесть проверяй и страсти; пади, плачь, убойся Бога, говори: «более не буду», «Господи, помилуй» — встань и борись.

Внимания нужно больше к иконам, крестному знамению, поклонам, четкам; тело держи в струнку.

При **разговоре** обращай внимание на лучшие стороны человека, нужно здесь особое чувство — благородство; а ты раздражаешься; не нужно ему [человеку] льстить, но нужно и снисходить к его слабостям; думай: я — инок, он — создание Божие, с бессмертной душею, — нам всем умереть и на суд предстать следует.

Идя по улице, помни: *Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущии на ней* (Пс 23, 1). Мир весь — Божий; Бог промышляет о нем, посему и Бог все наполняет Собой, все держит, всем управляет — нет места, где Его не было бы. Всюду Бог. Я же всех худший пред Ним. Все — лучше меня пред Ним. Он меня создал, вырастил, оживил, хранит, спасает, одаряет, я — Его весь; злое же — только мое: неверность Ему. Уйти от Него я не могу — от Его суда. Искушение одолевает? Вспомни внезапную смерть — без покаяния, осуждение на **вечную муку**.

Поклонися ближнему твоему: созданию Божию, образу Божию, возлюбленному Божию — Ангел Хранитель его с ним, бессмертная душа у него, он — наследник вечной жизни (в это нужна живая вера). Себя не понимаешь, не видишь, несправедливо жалеешь, как же других можешь осуждать? Осуждай только себя. Как можешь их уничижать — возвышай их. Как можешь их не жалеть? Знай: ничего я не могу, и не имею, и не сто́ю — **без Бога**.

Сравнивай себя с идеалом, а не с низшими тебя, и тогда скажешь: «Что я? Червь, смрадный».

Все делай во славу Божию, всегда ходи пред Богом — страшным. Начинаешь что? — Говори: «благослови, Господи, помози, укрепи, просвети, очисти, спаси». Сотворил благое? Говори: «Слава Богу — Создателю моему (*без Мене не можете творити ничесоже* (Ин 15, 5)), я — орудие Его, сам могу лишь зло без Него творить». Имею ли что? Лишь грехи и немощи. Нужно же иметь страх Божий, смирение, мужество в борьбе с грехом. Кто верует — тот подлинно **уверен**, и не лишь про себя, но всюду — и среди людей, открыто.

Часто беспристрастно рассматривай себя.

Имей страх Божий — страх, что ввергнут тело и душу твои в геенну.

Люди — лишь над телом властны.

Нужны истинная вера, мужество в борьбе с грехом, страх Божий, смирение.

Прельщаешься, мечтая вперед, сочиняя, измышляя, преувеличивая.

Это великая милость Божия, что мы здесь, в монастыре. **Милость** Божия к тебе и в том, что Он тебя — недостойного — кормит, спасает, хранит, одевает, любит, Кровь проливает ради тебя.

Искушаешься? Скажи себе: здесь — в искушении — прелесть, обман. Здесь истины нет. Убедись в этом и проси крепости от Бога. И победишь.

Помни: это всегда в моей воле — волю Божию или волю диавола творить, ко Спасению или к погибели идти.

Мнишь себе быти что? Думаешь, что умен, истинен, тверд, чист, делаешь что-то, достоин уважения и награды и удовольствий — льстишь так себе. Думай, что глуп, не знаешь ничего, блудлив, лентяй, беспамятен, слаб физически, бесполезен, плакса, пинка не достоин. Говори: «Господи, избави от прелести сей мя, вразуми, укрепи, спаси».

Борись, смиряйся, молись.

Внимай себе, а не массе народа. Они — как море шумящее. Как перед лицом смерти окажешься один — так и всегда будь сам в себе целиком.

Среди людей будь, как в лесу — пред одним Богом, знай свое дело, не слушай других, не смотри по сторонам.

Реши в себе: спорить, дерзить, настаивать, упрямиться или (пусть даже и в уме, а не на деле) сопротивляться, мстить, язвить, себя оправдывать, смущаться — не стану, но, помолясь, предам Богу все дело: неприятность потерплю молча (как достойный ее) — такова воля Божия — грехи свои вспомню. Думай, что рядом с тобой — люди святые, хотя порой и не видны внешне тебе их смирение и кротость. Будь выше спора, выше дрязг, выше злобы на причиняющих тебе неприятность, выше самооправдания, выше осуждения — будь **смирен** и **мирен**. Не смей мысленно спорить, язвить, оправдываться (будто ты чист как голубь), побеждать в споре, унижать, устыждать, укорять, противиться — начальнику ли или равному себе или другим — но зри свои грехи; предай же Богу с молитвою дело твое (если сам по его поводу так смущаешься и если **страстен**).

Если ты немощен (одолевают тебя слабоволие, малодушие, лень, чувствительность, глуповатость и прочее) — не отталкивай эти немощи от себя по гордости — сознайся в них: естественная немощь не грех — будь смиренным (что естественно при сем), крепче надеясь на Бога, всегда взывая к Нему о помощи, утверждении в добре, вразумлении...

Человекоугодие, своеволие, свобода обращения, фамильярность с людьми недопустимы.

Помни заповеди: не укради, не возжелай чужого, чужой собственности. Блюди тут совесть. Думай: и что у меня есть — не мое, но казенное; и время моей жизни — не мое, и весь я — не свой. Ты — **Божие** создание — Божий раб.

Забываешь, что люди — Божии, создания как и ты, но лучше тебя; Бог любит их и заботится о них. Тебе

кажется человек худым — а у Бога ты ему подножие. Они — Ангелы, **бессмертные души**, бесценные — Кровью Христовою искупленные. Со страхом обращайся с ними, как раб и слуга, внутри себя смиряйся, терпи их немощи, не осуждай, не замечай. Всем нам умереть — на Суд предстать: чем немощнее человек, тем более он любви достоин и чем хуже — тем более достоин слез и жалости. Но и **мужествен** и тверд будь (смело уверен; с людьми веди себя бодро), в вере и надежде на Бога; *и не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих убити; убойтеся же паче могущаго и душу и тело погубити в геенне* (Мф 10, 28) — бойся **Бога**».

Бойся своей неприветливости, бойся ленью, раздражительностью, упрямством, гордостию, ожесточением, сребролюбием **соблазнить** кого и согрешить пред лицем зде присутствующаго Бога.

Смиряйся сердцем пред каждым (не считай себя за нечто — но за прах), да вознесет тя Бог, друг друга честию больше творяще. Если снаружи только ты таков — это лицемерие не по Богу, человекоугодие. Выход во всяком случае здесь — смирение с мужеством и терпением.

С людьми так поступай, **как желаешь**, чтоб с тобою они поступали бы (это — заповедь Божия. — *И якоже хощете да творят вам человецы, и вы творите им такожде* (Лк 6, 31)): будь приветлив, почтителен, послушен — Христос между нами.

Зло побеждай добром — слушай не свою пребывающую во зле природу, но Бога. Избегай самооправдания, желания славы человеческой, боязни показать свои слабости — что высмеют. Следует внимать себе и Богу, а не чужой красоте или поступкам. Нужен страх Божий — а не человеческий. Внимай себе и умри для всякого человека. Должен признавать себя неразумным, ничего вовсе незначащим, уничиженным. Презирай и попирай страсти. Будь усерден, гони лень — долг исполняешь. Не обращайся ни с кем свободно. Не спорь. Терпи уничижение от других. Да будь ты Соломон царь — но и тогда

считать следует себя прахом (*аз же есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей* (Пс 21, 7)); но ты кто? — юный себялюбивый ленивый человечишка? Если терпишь муки незаслуженно — должное исполняешь — исполняешь заповедь Божию, подражаешь Иисусу Христу. Презирай смущение, попирай гордость, взывай к Владычице Богородице, Святым и Господу Богу. Да будешь всем раб. Страх Божий имей и не обращайся свободно ни с кем. Познай заповеди — и Кем даны — и обвяжись ими (заповедями), во еже не согрешать. Нужны тебе любовь к Богу и человеку, чистота, вера, кротость, воздержание, терпение, нестяжание, смирение.

Веруй, помни Бога, заповеди знай,
Грехи помни, смерть, Суд, муку вечну, рай.

Бойся Бога и заповеди Его храни.

Помни: есть **мир, где Бог** — Богородица, Предтеча, Апостолы и Святые — миллионы душ человеков и тмы Ангелов; существует сей мир — и мне вскоре туда отити. Зде — чужбина.

Ты судишь всех — как судья, критикуешь: решаешь — кто хорош, а кто худ. Кто перед тобой льстив и тебе потворствует, перед тобой смирен, услужлив — тот и нравится твоему самолюбивому сердцу. Потому и ошибаешься в людях. Оскорбляешь сам этих людей, а совесть тебя за это и угнетает. Ставь себя на должный уровень! Кто дал тебе право критиковать? Ложного мнения ты о себе, ошибаешься на свой счет: ты такой же человек, как и другие, слабости те же у тебя (своим фантазированием, мечтательностью испортил реальное отношение ко всему). Потому-то ты и не представляешь, насколько ты хуже их всех — даже и самых «худых».

Вот о чем проси Бога, Велевшего нам Его просить (*просите, и дастся вам* (Мф 7, 7)): дал бы мне Творец мой видеть себя, свое опасное положение, гибельное (но при этом, не унывать, не отчаиваться); и тогда

какая **перемена** произошла бы с тобою — при памяти о внезапной и неизвестной близкой смерти и об угрозе потери благоволения Божия на веки.

Апостол говорит: *по вся дни умираю* (1 Кор 15, 31). Следует жить, ежедневно готовясь умереть. Отвращайся удовольствий — как преходящих, пребывая в непрестанном страхе и имея всегда перед очами день Суда. Ибо сильный страх и опасение мучений уничтожает приятность удовольствия и восставляет клонящуюся к падению душу. *Егда крепкий вооружився хранит свой двор, во смирении (в мире) суть имения его* (Лк 11, 21).

Против демонов, страшных и коварных, брань наша, их много, близки они к нам. *Всяцем хранением блюди твое сердце* (Притч 4, 23). Много надо молитвы, подвигов, чтобы распознавать их. Бывает, что они, обманывая, даже благоговейными представляются: припоминают изречения из Писаний, будят на молитву. Но неприлично учиться у диавола, хотя он даже и говорил бы истину: не посеял бы и злобы своей власти. Мерзость... грешнику богочестие демонам (ср.: Сир 1, 25).

Не слушай диавола: *аз же яко слух не слышах, и яко нем не отверзаяй уст своих* (Пс 37, 14). Помощник твой — Бог: *Обаче Бог избавит душу мою из руки адовы, егда приемлет мя* (Пс 48, 16). Тем святые и «сокрушиша... демонов немощныя дерзости...»* Не бойся — они ничто, оградись верою и крестным знамением. Можем наступать на них, как на змей: *Се, даю вам власть наступати на змию, и на скорпию и на всю силу вражию: и ничесоже вас вредит* (Лк 10, 19). Диавол перед Богом бессилен: он просит у Бога позволения сделать зло Иову, просит разрешения войти в свиней (**животных**) — сам не может. Презирай их, бойся же одного Бога. Правая жизнь и вера в Бога — орудие на них.

Не знают они, чего не увидят наперед. *Единый Бог есть сведый вся прежде бытия их* (Дан 13, 42). Бесы же более угадывают, нежели знают что по предведению.

---

* Из общего тропаря единому мученику.

Молись Господу споспешествовать нам в победе над диаволом. Христос сделал диавола бессильным — потому презирай диавола. «Я — раб Христов», — так ответь демонам. Имей же и упование будущих благ.

Брось свои страсти виновникам их — демонам.

От самолюбия рождаются безмыслие, немота, боязнь неприятностей, спора; через самолюбие и озлобишься — дескать, я прав, умен, праведен! Кажешь себя идеальным, совершенным; но это ненормально: будь тем, что ты есть на самом деле; по силе действуй, не рвись ранее времени в поднебесье — ты немощен; не лги и действиями — признавай себя тем, что на деле еси: то есть нищим добра и немощным, бессильным самому (без Бога) добро сделать, ниже́ подумать. Ты — подножие всем: смиряйся не только мыслию, но и сердцем — то есть искренне ощущай сердечно этот твой смиренный помысл.

Добрые мысли бездейственны, если сердце не чувствует их.

Смирение — фундамент, не обойдешься без него; оно горько самолюбию, но в нем покой — в ненадеянии на себя, но на Бога. Будь смирен и мужествен. Веру укрепляй, молись **смиренно**.

Крест твой — **мечтательность**, то есть нереальное отношение ко всему и ко всем. Исцелимо ли это? **Молить** ли Бога об избавлении от него? Нужно молить вот о чем: дай, Господи, видеть и сознавать грехи, их тяжесть, виноватость мою, *яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну* (Пс 50, 5) ...

Вспоминай жизнь в миру без Бога, жизнь твою в миру с Богом, и, наконец, — жизнь в Обители. Отчего бывает отчаяние, самоубийство (страшный грех неверия)? — от неверия, от полного краха самонадеяния. От Бога же даруется сила. Благодари Его за милосердие — жив ты телесно, оживай и духовно. Отвергнись себя; ты сам по себе — бессилен, ничто; люби Бога и люди Его, терпи **легкое** наказание, **легкое** бремя жизни, — Он нес Крест

Свой Сам. Ты бываешь так несерьезен, а ведь бесы все наши грехи записывают. Думай: «Не желаю здесь удовольствий, сластей, приятного, славы, услаждения красивыми лицами, приятными мечтами — чтобы вечно мучиться, быть удалену Бога, единыя Радости и Блаженства моего».

Уразумей из случая на ярмарке (картинки увлекли) — каков ты, чего стоишь; не сравнивай себя с другими и, не тщеславясь, ходи (по храму, например), но ползи паче долу, не смея и глаз поднять на людей. Вне себя ты бываешь в отношении с другими? — бойся Бога, смерти, геенны, грехи зри. Бывает, воображаешь о других то, чего **нет** (ложь). Не от сердца ведешь себя с ними — бываешь с ближними неискренен, подозрителен. Не смей делать этого, уважай каждого и почитай: они — Божии рабы верные, самоотверженные, смиренные.

Нет в тебе преграды помыслам худым... Лень ума? Бываешь несерьезен — не думаешь о Боге, но мечтаешь греховное, пустое, неосуществимое. Молись: Господи, **помози подвизаться**. Бываешь **неискренен** в разговорах? Не имеешь постоянного настроения — ты бесхарактерный: зависишь от случайностей, бросишь взгляд неосторожный — и сразу буря помыслов, смущение, уныние...

Вражия преграда нам — ложное понятие о себе и о людях. Ложное понятие о себе: как об особенном человеке, с особыми правами критиковать всех, идеальном, а не подобном всем другим; ложное и понятие о людях: как о врагах твоих, желающих сделать словом ли, делом, поведением — зло тебе. Не захолаживайся по отношению к ним, будь к ним участлив; нужны здесь доброе слово, приветливость, общительность; будь тверд в вере и благочестии: тогда и других своим добрым примером невольно заразишь, исправишь. Входи в положение других: как кто воспитан? Беден он, нет у него времени на покаяние, среда плохая, неграмотность.

Помни: долг выше родства и дружбы.

Нужна твердость характера, настойчивость; ясно сознавая грехи свои, не можешь быть легкомыслен, смеяться.

Мнительность — это вера помыслам. Нужна решительность; в том числе иногда и вера в самого себя. Убеждение в своей неспособности к добру охлаждает энергию. Опасен излишний недостаток уверенности в себе. Но сила должна быть всегда спокойна. Терпение противопоставь раздражительности.

Рабочие ночью идут на фабрику, они еле сыты, заболевают от перетруждения! А **ты**? Как ешь, спишь, трудишься? Удерживай мысль, язык, глаза от греховных помыслов и впечатлений. Дорожи обителью.

Не думай, что ты — умнее всех. Расслабляешься ты, но лучше терпи лишения. Отрывай от сердца: сласти, удовольствия, покой, почет, приятное, красивое.

От **гордости** твоя заботливость о спасении людей, о «порядке», о ласковом обращении. Себя самого спасай: упорядочь, смири. Любишь ты выражать свои мнения, критиковать, разсуждать — молчи непрестанно, иначе — питаешь высокоумие. Молчи и помыслами.

Ложь опасна — лжешь себе много, бережа плоть от трудов и лишений — то занят, то болезнь, и так далее.

Помни о жизни за гробом. Помни, что говорит Авраам умершему богачу в евангельской притче: *чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоем, и Лазарь такожде злая: ныне же зде утешается, ты же страждеши* (Лк 16, 25)... Терпи ныне вонь из трубы, сырость, занятость, головную боль — ради Царствия Небесного.

Нет в тебе любви к Богу — живешь **пространно**; а некоторые монахи (и даже монахини) так живут: спят на скамье, в келье не топлено, и зимой одета на них полотняная одежда, ночь — в бдении, жестокая жизнь, вериги, власяница, впоследствии — тяжелая болезнь.

Борись, терпи, проси помощи у Бога.

Бог совершен, истинно правосуден; преступление против Него, совершённое Его созданием — Адамом, потребовало удовлетворения наказанием, через Жертву Иисуса Христа, Который все грехи бывшие, делающиеся ныне и будущие в человеках, покрыл, приняв на Себя наказание — как Богочеловек. Верою в Его Искупление нас и делами своими по вере мы спасаемся. Мы можем отныне победить в себе остатки первородного греха — Его благодатию: это и остается нам задачею земной жизни.

Преступление добровольное заповеди требует наказания. Христос умер замученный, да освободит нас от вечной смерти. Его моли: освободи мя от наказания и за сии грехи.

Первый человек, согрешив, потерял образ Божий; Святые вновь Иисусом Христом преобразились и Ему уподобились. Христос пришел восстановить Свой падший образ.

Святые — предызбранные сосуды благодати: Святитель Николай постился, будучи младенцем (Святитель Николай — всемирный помощник) ... Господь знал наперед: они сохранят и умножат благодать Его. А мы? Исполнены грехов. Нельзя нам дать благодать — потеряем, и, по правде Божией, должны будем нести наказание (как мальчишка в обновке, который вернулся домой грязным, оборванным — вот ему и затрещина, розги). Мы должны заработать благодать; молитва есть протянутая рука для ее получения, а хранить ее мы должны в чистом сердце (совесть блюди), и для этого служит та же молитва. Пример: хозяйка с пирогом возится — а внутри себя предстоит с воплем к Богу; и Моисей у Чермного моря без слов вопиял.

Все святые отрывали свое сердце от мира, плоти, красивого.

Внимаешь всему, кроме себя; вместо размышления о грехе своем — мечтаешь; одолевают тебя неверие, нерадение, легкомыслие, бесстрашие. Разве таков должен

быть христианин? Думай так: Господь Иисус Христос смирялся всю жизнь, и я обязан Ему следовать — по Его заповеди: *аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет* (Мф 16, 24). Он Кровь пролил за сих людей — любит их всех, не взирая на лица, любит в них образ Свой — и я обязан следовать Ему. Он волю Отчую исполнил — и я должен исполнять. Он терпел невинно поношение и смерть — и я заслужил сие.

Всякий грех есть преступление Воли одного и того же Бога (действием и в мыслях он [грех] одинаково тяжел и пагубен). Но нет такого греха, который не очищается — при покаянии — Кровию Христовою. Помни: ради Спасения души здесь я — в монастыре — а не ради человеков или плотиугодия, ради освобождения духа из рабства страстей. Действеннее всего — самому размышлять, благословясь, о Боге, грехах, смерти, Суде, муке вечной, блаженстве вечном (которое предназначено для людей, угодивших Богу, мне подобных, — но лишь тех, в отличие от меня, кои веровали, мужались, крепились, каялись). Все Святые возбуждали себя на труды памятью о вечной муке и желанием вечного блаженства. Надо алкать и жаждать Спасения души. Думай: «От нихже первый есмь аз» (из грешников). Нужно смириться пред всеми и стать при этом выше толпы. Судим я буду сам, предстоять буду за себя, не другой кто. Помни: сластолюбивому — геенна. Побеждай страсти, стой, крепись, мужайся, надежду на Бога возложи, молись.

Нужно трудить тело — душа б не загнила. Реши: теперь или никогда — и борись. Когда без Христа боремся, тогда и бываем побеждаемы. Прицепи свою слабую волю, при содействии Божием, к воле Божией, объясненной в Завете Божием.

Противься себе в худом и принуждайся на доброе.

Благодари Бога — и вновь получишь то благо, за которое благодаришь.

Совершил что доброе (благословясь) — говори: «Слава Богу, и вразумившему мя на сие, и силу мне давшему, и все свершившему».

Повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком (Деян 5, 29). Противное воле Божией приказание не слушай.

Бывайте убо подражателе Богу, якоже чада возлюбленная (Еф 5, 1).

Истина всегда проста.

Письма развлекают — должны быть кратки.

Желающие Причастия, испытывайте себя, свою совесть, вспоминая грехи свои, осудите себя прежде Суда Страшного...

Куча причин вдруг появляется против Причастия; и ты здесь едва не поддался — не слушай лукавого.

Не верь словам своим и чужим, верь делам своим и чужим.

Не надо разыгрывать добродетельного (не будет тогда и властвовать над тобой чувство неискренности своей) — когда ты и горд, и зол, и похотлив, и себялюбив, и ленив и прочее. Имей мужество быть тем, что ты есть, — каков за стеной кельи, таков и в народе.

И духовные книги читая, можешь быть далек от Бога.

Совесть грешного человека слаба, воля зла, ум — слаб и бессилен. Ропот вреден — вини лишь себя.

Ты должен **нести** как заслуженное — ревматизм, подавленность духа, плотскость, головные боли, страсти, хульные движения, мертвость, бесталанность, неповоротливость: все это — твой **крест**.

Но не будь неискренен с собою.

Не даешь **труда уму**. Имей мужество пользоваться собственным разумом. Мудр будь о Господе.

Следует ум **развивать** — начатое дело продолжать, размышлять (святые мысли помнятся — полезнее); тело — лечить и сном и пищею, достаточно его подкреплять — вовремя; двигаться на воздухе живее; теплее одеваться. Дух питать, ум питать, тело питать. **Не безумствовать** — блуд, романы, курение, мечты, злоба, лень, осуждение, искание развлечений, утешений. Нужно внимание к себе, плачь постоянный в себе и молитва. Не порабощайся похотьми, Бога избавить от этого моли.

Не всякому слуху верь; не всего, что видишь — желай; не все, что можешь — делай, но только то, что должно; чего не знаешь — не утверждай, и не отрицай, а паче вопроси; воздержаный живет здоро́во, долговечно и хорошо. Будь кроток, а не продерзлив, молчалив, больше нежели говорлив; ко всем будь ласков, но ни к кому не будь ласкателен; в бедности — проси; начинай что, лишь испытав свои силы; в несчастии — не унывай, в счастии — не расслабевай (земное счастье непостоянно, чередуется с огорчениями); служи кому только можешь; будь человеколюбив — будешь любим Богом и ближним; оскорбившему тебя прости; что терпеливый сносит, о том малодушный воздыхает, плачет, воет.

Надеждою утешайтесь — как святой Симеон Богоприимец.

Наказание Божие — лишение Духа Божия, отторжение от любви Христовой.

Следует перетолковывать видимое на духовное...

Воспитание чувств в разуме истины происходит на богослужениях.

Нужна простота. Цельность — это простота.

Необходимо всегда помнить о страданиях Спасителя.

Многие пытаются достигать головой неба, не отстав ногами еще земли.

Душа больна, пуста? Рецепт: в новый год, как и в старый нужно быть всегда в себе — пред Богом.

Дело Спасения — это дело жизни и смерти, серьезное. Помни об этом, не прельщай себя, ревнуй о Спасении, о жизни по Бозе и стремись к Богу Благодетелю.

Царев муж верою шел до дому, посему потом и узрел исполнение слова Божия (см. Ин 4, 46–53).

Христианский воин не только убивать идет, но положить свой живот за веру и Родину.

Юродивые не обращали внимания на мир, а были заняты лишь тем, что стояли умом на коленках у Престола Божия.

Рождается человек — плачет, живет — плачет, умирает — плачет. Иди прямою дорогою в Царство Небесное.

Помни: ты ничего не стоишь, ничего не значишь, никому не нужен, ничего не имеешь доброго, ничего не заслуживаешь, ты — ничто.

Чья мзда многа на небесах — по обещанию Спасителя? Нищих духом, плачущих, кротких, милостивых, чистых сердцем, в скорбех живущих и терпящих, алчущих и жаждущих правды. *Сей нищий воззва, и Господь услыша и, и от всех скорбей его спасе и* (Пс 33, 7). *Аз же нищ есмь и убог, Господь попечется о мне; Помощник мой и защититель мой еси Ты, Боже мой, не закосни* (Пс 39, 18).

В сердцы моем скрых словеса Твоя, яко да не согрешу Тебе (Пс 118, 11). Учись размышлять. Время проводи в труде, учись терпению — необходимо сие для очищения. «Утверди, Господи, на камени **заповедей** Твоих подвигшееся сердце мое,... мое помышление»*.

Вот заповеди: люби врагов, очищай сердце, будь нищ духом, плачь, алкай правды, будь милостив, радуйся гонениям.

Без Бога мы совсем непотребны, ни на что не годны, ничего не можем доброго. Мое — лишь грехи. Молись: дай, Господи, помнить их. Больше твори людям чести. Всегда будь в струнку — Бог пред тобою; не людей, а Его бойся: и душу, и тело может отправить в геенну...

Все «житейские» случаи — **пустяки**; лишь я и Бог обретаемся; едино важно — **заповедь** Божия.

Люди хотят обойти заповедь. Нельзя спастись, не исполнив ее. Иисус Христос сказал: соблюди заповеди. Заповеди знаешь? Не убий, не прилюбодействуй, не укради, не лжесвидетельствуй, чти отца и мать, возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе.

Умиление Бог нам дал: показывает всем милосердие Свое (за грешников умер, во грехах сущего тебя в монастырь вызвал, гневящего Его ободряет и милует, лентяя кормит), все — Его дар, отымет — и останешься со «своим». Возложи на Него всю надежду, молись, на себя брось надеяться, — это ложь, ничего нет у тебя добраго, никаких собственных «сил».

Внимай смыслу слов: «Господи, помилуй»; «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим».

Следует помнить и напоминать себе о Боге, присутствии Его и прочем всегда.

---

* Ирмосы 3-й Песни Великого канона.

Развалиться на кровати, в кресле, на стуле? А присутствие Божие?

Неуверенность, беспокойство? Они — от раздвоения, неискренности; от души верь Богу, утвердись на заповедях, ненавидь грех, страсти мори гладом (нужна и память смерти).

От вне иди внутрь! *Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя* (Пс 136, 5) — не смеешь забывать духовного отечества своего.

И **вера** — дар Божий; в искушениях напускное все пропадет: ты — наг; моли Бога — проси. Даже святой царь Давид говорит: *Аз же есмь червь, а не человек* (Пс 21, 7), я же что? Как велик, страшен, свят Бог, Который сотворил весь мир, — и каковы люди. Неси крест свой — немощи. Ты не свой, но Божий, Его тварь, под Его попечением живешь.

Говори так: я верю в Бога и Богу — помоги, Господи, моему неверию. Господи, подай мне потребное. Не люблю Бога — дай; не вижу грехов — дай; не имею смирения, терпения, кротости, послушания, твердости — дай; нет молитвы, внимания, теплоты сердца — дай; терпеливо проси — и получишь. Благодари Бога за полученное — помни, что от Бога все имеешь.

Не унывай, что согрешаешь, но приготовься пред искушениями; уничижайся выну — Бог-то как смирился на Кресте? Ты будь слуга всем — по заповеди: *Болий же в вас да будет всем слуга: иже бо вознесется, смирится: и смиряяйся вознесется* (Мф 23, 11–12).

Нужны: страх осуждения на Страшном Суде, решимость работать Богу с отрешением от всего, следует покорять сердце против его [сердца. — *Авт.*]воли заповедям, нудить себя на добро и противиться себе в худом.

Сначала основание положи каменное — веру живую, потом и здание нужно созидать понемногу — предать себя Господу, как железо ковачу, стараться заповеди Божии исполнять...

Думай так: за Царство Небесное Апостол Петр отдал свои сети, вдовица — две лепты, а у меня ничего нет, что я мог бы отдать Господу; отдай же Богу свое произволение (будь к ближним снисходителен, милостив, прощай их, почитай, терпи).

Блажени алчущии и жаждущии правды: яко тии насытятся (Мф 5, 6) — алкать надо правды; желать — это мучительно; стремиться нужно всегда к ней — к исполнению заповедей Божиих, **ко Спасению** — и получишь.

Чему не помочь, не изменить — нечего о том и беспокоиться (житейские обстоятельства), о грехах беспокойся. Немощи — ко Спасению, к смирению (например, забывчивость твоя). В настоящий момент спасайся, помни смерть и грехи, и Бога; по сему всегда трезвись.

Говори: слава Богу за боль, за немощи, за бесхарактерность — видно так для души лучше, спасительнее. Пусть болит голова, пусть глуп, беспамятен, бесхарактерен — лишь смиряйся; Господь идет на встречу тебе, радуйся.

Не ищи денег, удобств, вкусного, нового одеяния, почета, чтоб нравиться всем, чтоб по твоей воле все было. Ты кто? Бог — все твое блаженство и в будущем и в настоящем. Благодари Бога за все — не стоишь ты ни тепла, ни сытости, ни свободы, ни крова, ни покоя; молись за стоющих — и не имеющих.

Преподобный Серафим — был кроток, смирен, трудолюбив, весел. Уподобляйся ему.

Не позорь имени «Серафим», подражай Ангелам-Серафимам и преподобному Серафиму.

Имя твое — Серафим — да напоминает тебе о цели твоей.

Будь подобен упершемуся быку, достигай цели терпением, имей твердую цель и смирение. Следует твердо цель держать: умру скорее, чем отступлюсь.

Родных не учи — докажи суету мира.

Читаешь много, нравится тебе, но не понимаешь — не усвояешь.

Даже и **из мирских басней** христианин также может многому поучиться: Бывает, что осуждаешь кого и смеешься братней неудаче, неловкости... а сам возьмешься за это дело — так и хуже напортишь. Не внимай разноречивым мнениям мира, но лишь совести своей. Не суди о деле, не будучи в нем знатоком, осведомленным. Исправляй беду, пока мала, — потом не в силах будешь управиться. От твоего нрава (обращения, взгляда) зависит, что люди к тебе всюду худы. Желая успеха в деле, не берись за дело выше твоих сил и умения. И презренного человека **советом** не пренебрегай, не разсмотрев его. Благодетелям будь благодарен — постоянно. Насолив всем, себя и вини, если в беде не получишь ни от кого помощи. Услужливый глупец опаснее врага.

Здесь — много правды.

Очень далек ты от того, чтоб быть на одинаковой высоте простоты, смирения и близости к Богу со всей братией.

Насильно Евангелие читай, о жизни Иисуса Христа размышляй.

Работать надо; вечером и утром помолись довольно.

Мужественно неси свой крест — свой характер.

Будь весел.

Нужна исповедь чаще.

Берегись простуды.
Полезны гимнастика и освежение.

Говорить «погода худая» — нельзя...

Ты монах, солдат Божий, а пчел боишься.
Не бойся, токмо веруй (Лк 8, 50).

О ЛЮБВИ К БОГУ И О БЛАГОДАРНОСТИ ЕМУ

Помни: ближе Бога **к нам никого** нет.

Отечество наше и Живот — Пресвятая Троица.

В угождении Богу — жизнь твоя, покой твой, свет твой, радость, сила, блаженство твое. Послушание Богу лучше жертвы.

Любовь — двигатель, приближающий к Богу.

При слове «Бог» любовью наполняйся.

Возлюби Бога целомудренной смиренной любовью.

Возлюби Господа **всем сердцем, душею, мыслию.**

Память, благодарность и любовь суть неразлучны. Говоришь Богу: не забуди мене, Господи; так ведь и Он говорит тебе: и ты не забывай Мене и Моих заповедей.

Аще любите Мя, заповеди Мои соблюдите... Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам... Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидема и обитель у него сотворима... аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей, якоже Аз заповеди Отца Моего соблюдох, и пребываю в Его любви (Ин 14, 15,

21, 23; 15, 10). Любящий Бога, узнав волю Его, старается делать Ему угодное, борется в надежде на блаженную вечность.

Кто — Бог? Всё — Его. Сатана Им создан (некогда создан Ангелом). Ничто не сильнее Его. И Он — мой Бог. Люди — тоже Его, пешки. Тело люди убивают, но не душу. Он — Помощник мой всесильный. Пребывай в **Истине** — прилепляйся к Богу. Пусть и прельщает сатана, обманом устрашает, — сам же бежит от Креста Христова. Не внимай ему, Бога бойся. Ведь Он — Властитель всего, Он — всемогущ, любит тя. Сатана же может погубить душу, подбрасывает ей в сластях блаженство и в похотях; многие люди — слуги его, всячески он нас борет, прельщает, отторгает от Бога — погубляет поддающихся. Прельщает он самолюбием, похотью, чревом, неверием, нерадением, **забвением** смерти (забываем мы краткость сея жизни), Суда, вечности. Люди все **во тьме ходят**.

Бог есть Причина моего существования, а не я — причина бытия Бога; не создавать надо Бога, а познать, что ты и все — от Него, Им создано, Им держится и живет.

Верующий в простоте, что Бог есть, всегда есть и всюду, что Бог человеколюбив, что Бог печется о нем — таковой не смущается ничем, греха бежит, смел и тверд всюду.

Господь открывает по великой милости Своей и мне, убогому, истины Свои святые и Себя, просвещает меня, посылает благие и спасительные мысли — и думать нечего воздать чем Ему: Он создал меня, вырастил, кормит, учит, спасает, к Нему путь мой, когда явлюся лицу Твоему, сколько дано жить. Смиренно живи и жди зова Божия, благодари Его за все — люби Его. Молись: «Дай, Господи, любить Тебя более всего; Ты имеешь право на мою любовь, и в ней все мое счастье; и дай мне любить братьев моих — ихже любишь Ты, ведь они — Твои — хочешь им спастися всем; не дай мне быть хладным к ним или осуждать их или

гневаться на них — но терпеть от них все — ведь Ты сильнее оскорбляешься ими и терпишь их, и не оставляешь их».

Хвалящийся Божиим даром — Божию славу себе восхищает; коли боготворишь себя — сатанинский грех. Необходима благодарность Богу.

С красивой вещи переведи восхищение на Создавшего ее. От красот, от окружающей природы — восходи к Создателю мыслию. Пусть природа — цветы — будут наставниками и учителями боголюбия, богомыслия и богослужения! Гляди на мошек — толкущихся и славящих Господа. И человек должен славить.

Из случаев и вещей здешнего мира следует стремиться познавать Бога и вышний мир. Нужно лицезрение высшего бытия через низшее.

Мир весь — гусли Давидовы, славящие Бога... Вот, старушка ста (около) лет умерла — славила Бога в душе и сердце: продлил Бог жизнь ея... Давид настраивает гусли: *Хвалите имя Господне, хвалите, раби Господа... Благословен Господь от Сиона, живый во Иерусалиме* (Пс 134, 1, 21).

Уход за природой — тоже благодарность Богу.

О ПРОМЫСЛЕ БОЖИЕМ

Покров Божий над тобою. Знай: бесы есть — многи, но бессильны они — без попущения Божия.

Господь держит того, кто держится Его.

Человек — создание Божие, бессмертная душа; Бог печется о нем, умрет — предстоит ему Суд и вечность.

Каждая минута жизни твоей есть дар, благодеяние Божие.

Помни: с нами будет только то, что определил Господь.

Верь в Промышление Божие — сам не сочиняй ничего, живи — как Бог дал и кем ты есть; как можно, очищайся от страстей, молись, заповеди соблюдай, кайся. Видимо, так лучше душе твоей.

Понятно отчаяние самонадеянного, ибо лишь *надеющиися на Господа, яко гора Сион: не подвижится в век живый во Иерусалиме* (Пс 124, 1). Словеса Божии непреложны — верь Богу, надейся на Него.

И ты надеешься, что за словами молитвы последует чудесный прилив спокойствия, если ты молишься и смело отражаешь искушения, но, при том, не предаешься воле Божией?

Предоставь себя Богу. Говори: спаси, Господи, душу мою окаянную имиже веси судьбами, ея же ради Ты в плоть человечу оболкся, поругания, мучения и позорную крестную смерть претерпел еси.

Вспомни евангельскую притчу о богатом человеке. *Рече же ему Бог: безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе: а яже уготовал еси, кому будут?* (Лк 12, 20). Если бы не благоволение Божие — ничем человек не насытился бы; Бог питает и одевает человека.

Без пищи **не останется** угождающий Богу — верь в это (*Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам* (Мф 6, 33)).

Думай: держит мя в Своей руке Господь, посему я еще похож на человека; попустит — и сделаешься хуже скота и злее беса.

Всё и все — Божие: воздух, былинки, ты и твои способности. Бог через тебя все творит, ты же — Его орудие, смиряйся лишь. Он — Господин, Учитель твой; Святые — наставники и отцы твои; ты же — слуга Божий и людской (убогий).

Коли идешь мстить за себя сам — отказываешься от Божияго суда; коли берешь на себя все заботы о себе и семье и надеешься на себя — отказываешься от Божия Промысла, и Бог оставляет тя. Оставим заботы — и Бог попечется о семье и о нас. *Верен же Бог, иже не оставит вас искуситися паче, еже можете* (1 Кор 10, 13).

Помни: один Бог знает все мои грехи и немощи, и я выну пред Ним — будь в сем чувстве, вспоминай сие (при службе и в пещерах): я — как все: смертный, грешный, немощный человек; но и все — как я — люди, без Бога ничего немогущие. Не возносись, но и не страшись.

О ВЕРНОСТИ ПРАВОСЛАВИЮ

Ты — член Святой Церкви.

Православием надо жить. Надо под основу телесной жизни подводить основу жизни вечной.

Нас много — православных христиан; глава наш — Христос; в сей день повсюду во всех церквах одинаково празднуется то-то — вот наше единство.

ОБ ИНОЧЕСКОМ ПОДВИГЕ

Спроси себя: зачем я в монастыре, в храме? Помни **цель** сего: *Будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф 5, 48) ... **Исправляйся** с помощью Божией.

Вот монашеские обеты: жить по заповедям — в нищете, в презрении, в озлоблении от мира, в кротости, в последовании Христу, Его слушать, терпеть бодро искушения, молиться, готовиться к смерти, очищаться от страстей, обучаться страху Божию.

Ты отвергся сатаны, мира, плоти; отвергся своей воли злой, пристрастия к имуществу, пище, покою, людям, к себе, от суетных радостей, почета, сытости, самонадеянности.

Разум нынче не в почете — оказывай послушание ему. Бесчестие считай за честь и награду.

Совесть чисти. Собери ум. Укоряй себя в нетерпеливости, в немощи, в дряхлости, в лености; стыдись Бога и Ангелов Его и человеков.

Будь недоверчив к себе.

Если вышел из кельи — таков уж не возвратишься.

Не творящий своей воли, творит волю Божию. Самочинный же творит волю диавола.

Во всем признавай виновным себя, а не людей (пусть даже и нападают через них похоть или искушение); не оправдывай себя: сей знак оправдания — мать всем порокам.

Молись: помоги, Господи, нам грешным положить начало благое, друг друга тяготы носить.

Ты до конца дал обет настойчивости жизни в подвигах и трудах принятого монашества.

Будь тверд, побеждай малодушие; говори себе: умру здесь! — в монастыре.

Хочешь подвижничать — живи как все.

Подвиги к прелести приводят, трудно излечимой. Дело делаешь — голова работает, и слава Богу. Молись: Ими же веси судьбами спаси, Господи. Главное каяться в грехах, раскаяние; за всегдашнюю борьбу Господь только помилует, а не за «исправность», которой не имеешь и не будешь иметь (а если и будешь иметь — возгордишься).

Живи без особых подвигов; а у древних святых — отсекавших волю, пребывавших в беспрекословном послушании и всегдашней молитве — умершее тело благоухало.

Нужно мужаться, крепиться, бодриться.

Кривые, безногие, живут и благодушествуют, Иов Святой заживо гнил — терпел, мужался! А ты? Стыдись, крепись сердцем.

Блаженство монаха все вот в чем — во взывании из глубины души, с великим смирением себя пред

величеством Бога и с глубоким сердечным сокрушением о своей греховности (вине) и неисправности: Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго.

Время сие дано нам (мне) на покаяние — *бдите и молитеся, да не внидете в напасть* (Мф 26, 41).

Ищешь покоя, комфорта, приятного труда, удовольствий, боишься усталости, напряжения — **самоотвержения** тебе не хватает. Жалеешь плоть, голову, ноги, живот («без еды останусь») — это не инок, — если что или кто подвигу твоему препятствует. Раздражаешься, а от других требуешь самоотвержения, — надо к ним снисходить, а к себе будь строг — завтра умрешь; не ленись, нечего себя беречь, молись — хватит тебе на это сил, Бог даст, и терпения хватит на все (не отказывайся и другим помочь).

Искушений меньше при постоянном труде. Помни заповедь о труде (*в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт 3, 19)). Помни и **заповедь** о самоотвержении; говори: если позволите, я поем, докончу дело; в послушании должно быть самоотвержение. Нес дрова, позвали тебя — оставь дрова, исполни послушание.

Скотина тебя (тело твое, чувства), а не ты (разум твой) скотину должен слушаться.

Скорее сварится каша на большем огне, но следует и усерднее мешать — да не сгорит. Мария Магдалина рано встала, стражей не побоялась — спешила помазать тело Христово, и Иисус Христос первой явился ей, обрадовал ее.

Монах — выше естества, гнева, смущения, прельщения, гордости — и ниже всех.

Монах да думает о себе, что он — **мерзость**.

Сегодня для нас всё как и в древности: общежитие — прачечная, пустыня — красильня.

В мире будь, как вне мира.

Находиться среди людей — что на бурном море. Пещеры полезны тебе — научишься обдумывать свои слова, ответы и обхождению с людьми.

Преподобный Серафим Саровский назвал монаха, не имеющего молитвы и трезвения, «черною головешкой».

В монастырь ты пришел каяться о грехах.

Первая твоя забота — Спасение души, вторая — послушание.

Необходимо послушание: не нужно полагаться на свой разум, и не нужно следовать своей воле.

Послушание свято, спасительно — если совершается в детской простоте.

Будь **усерден** в послушаниях, не смей роптать, терпи.

Созерцание — уже взрослым; младенцу же — труд послушания с памятью Божией, учиться терпеть искушения.

Каков должен быть монах? Нужны твердость настроения и мягкость обращения.

Нужно всегда и о всем благодарить.

Монаху польза болеть. И в болезни монаху не надо лечиться, а только подлечиваться.

Инок златолюбивый Бога не имать.

Нужно труды чистоты ради совести своея подъять; распинаться миру, сраспинаться же Христу.

На все службы старайся ходить.

В каждом из нас — **двое: внешний и внутренний.** Забота об обоих особая.

Не знать, а исполнять учись.

Думай: Царство Небесное ждет меня — если исполню обеты.

Толцыте, и отверзется вам (Мф 7, 7) — Сам Господь такую настойчивость одобрил.

Ты не сам пришел сюда, в монастырь — но Бог путеводил тя.

Все следует творить с благословением (это — правило монашеское); даже печь затоплять, говоря при этом: «Брате, благослови!» С молитвою следует и закрывать печь.

Уединение родит собранность мыслей, дающую крепость воле.

Иноку никак нельзя развлекаться мирской жизнью. Ему нельзя даже и время по радио узнавать — что-нибудь попутное и отвлечет.

Опасный путь подвижничества следует проходить с истинным духом кротости и смиренномудрия.

В еде будь воздержан; в труде — нужна память Божия; с людьми будь смирен и тверд; молитвенные правила прочитывай — моли Бога.

Стяжание Святаго Духа — цель жизни. Бесы реальны — *диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити* (1 Пет 5, 8) — бди. Если и глядишь на человека — внимание оставь при себе, обращенным на себя. Имей память Бога, молитву — твердость.

Ныне — время лечения; все внимание обращай на очищение сердца, на укрепление ума, веры, молитвы.

Честь воздавай Богу делами и поведением, всем телом, мыслями, чувствами, словами, сердцем и умом.

В поезде открыто молись по четкам; не скрывай сего — и будет тебе легче, и Бог поможет.

Иже бо аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со Ангелы святыми (Мк 8, 38).

Сон. Сейчас некоторые монахи подымаются на молитву в монастыре на Афоне гораздо ранее, чем мы. Прежде были иноки, не спавшие совершенно. Презри плоть, не поддавайся сну. Бог и Ангелы бодрствуют выну. Сон — лишь для отдыха тела. Преподобный Серафим 4 часа спать советует. На фабриках некоторых — с 2–3-х часов ночи люди на работе, трудится так и ночной сторож. *Полунощи же вопль бысть: се Жених грядет, исходите в сретение Его* (Мф 25, 6). В сон клонит? Перекрестись, молись. В гробу выспишься. Расслабляет лишний сон — искушение в нем. Сонливость — вражеское искушение.

Пройдет 90–100 лет, и никого из нас не будет в живых — живущих в настоящее время по всей земле, миллионов людей.

Лучше сгнить здесь, в монастыре, чем слыть чем-то в миру и от него иметь уважение». *Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде* (Ин 15, 18).

Почтение оказывай молитвенникам твоим — преподобному Корнилию, наставникам.

О МОЛИТВЕ

Что такое молитва? Живому Богу говоришь — от сердца, в великом внимании — и Он **слышит**! Каждое слово!

Мысль: в молитве не гляди в даль и в высь, как бы призывая далекого Бога. Бог ближе воздуха к нам, опусти очи, смирись, углубись в себя, страшись и плачь

о грехах, и кайся Богу, и проси и благодари, так как Бог близ, сам же ты отдалился от Него — своими гордостью, суетою, грехами, рассеянием помыслов.

Господь говорит: *сила... Моя в немощи совершается* (2 Кор 12, 9). Умилостивлять нужно Бога, докучать Богу.

Помолись **прежде** всякого дела — будет хорошо. **От сердца** молись.

Без молитвы из кельи не выходи.

С молитвой всё начинай.

Злостраждет ли кто в вас? да молитву деет: благодушествует ли кто? да поет (Иак 5, 13).

Перед молитвой — самоуничиженно поставь себя в присутствие Божие и говори как в уши Его, по-детски просто.

Перед молитвой помысли: **в нужде я**, всё в Его, в Божией руке, Он живит и низлагает, велик, милостив, человеколюбец. В молитве внимай словам ее со страхом и трепетом.

Перед молитвой необходимо чувство благодеяний Божиих.

Проси в молитве у Бога **любви**.

Моли Бога о благодати Святого Духа.

Молись — указал бы Бог что сказать, делать, как поступать.

Молись о здоровии, научении.

Следует просить у Бога: доброго здравия души и тела, мирной жизни, христианской кончины.

Молись о помиловании в смертном исходе и о защите — когда не в силах молиться.

Проси Бога памяти о Нем и молитвы, и помощи в борьбе; ты — не светский борец, стискивающий зубы, а обращающий к Богу ум и сердце в искушении, вы-

ставляющий на бой: молитву, память смерти, терпение; коли худо тебе — терпи, даст все это Бог.

Ты не молишься, если не имеешь страх Божий и болезнование о грехах.

Не достоин ты, скверный и блудный, быть радостен чистой молитвой — терпи.

Велика любовь Божия, что не дает молитвы гордому сердцу и уму.

Преподобным Серафимом сказано — следует непрестанно памятовать Бога в молитве.

Собирай ум в молитве, не внимай помыслам, будешь тверд; романы, воспоминания, впечатления, тщеславие, страсти, мечты — расточают силы, убивают для духовной жизни тебя самого!

С одним человеком говоря — другому уже не внимаешь; и молясь, поступай также: молись и не внимай помыслам.

Особая сила — в сосредоточии молитвенного внимания на чем-либо одном, в удалении от отвлекающих предметов. Избегай наслаждения природой, лишних забот о чреве, о плоти. Спасительнее жить в тухлой атмосфере с сухой коркой, но при молитве и в **умилении**.

Стоишь как пред иконой, так душою пред Престолом Бога или Богоматерью и другими Святыми, стоящими около Престола; или как пред Вездесущим Богом, ум собрав — сосредоточен. Пред Ангелом Хранителем — как стоящим возле тебя. Нужно возноситься душою к Престолу Божию. Святые боролись за сие сосредоточие.

Послушание выше поста и молитвы — при соединении с молитвой.

Мы живы, а мертвые грешники — в беде великой, совсем немощны; мы за них молим; они сознают свои

грехи и страсти, и чрез те бывают мучимы — не удовлетворить их; они в страхе из-за своей участи; мы их нашей молитвой ободряем, облегчаем, радуем.

[Поначалу отец Симеон говорит об Иисусовой молитве отцу Серафиму следующее.— *Авт.*]:

Иисусова молитва? Для нее мы слабы. Вспоминай все время о Боге — вот и молитва; читай Евангелие, помни о будущей жизни.

[Потом разрешает ее творить, но с осторожностью. — *Авт.*]:

Каков ты есть — или каков стараешься казаться? Молись и молись. Повеселеешь, как станешь ниже всех в своем мнении о себе, будешь тогда и смелее в действиях.

Держи более устную молитву — не впадешь в прелесть, а умно-сердечную молитву без наставления проходить **опасно**. Суть этой молитвы — заключать ум в слова: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго»; где ум — там и сердце.

[Наконец, благословляет ее совершать. — *Авт.*]:

Иисусову молитву читай. Главное в Иисусовой молитве — вера, что Господь зрит тебя, тебе внимает, Он — близ, слышит. Говори в слух уха Божия Иисусову молитву. Сознание держи у сердца.

Правил молитвы держись, 5–10 минут.

Не мечтай о немедленных ответах на твои вопросы: когда надо будет, Господу помолишься — и вразумит.

О ТРУДЕ

Труд обязателен — заповедь Божия; без него либо уничижайся, либо насильствуй.

Трудись по любви к Богу и ради Спасения себя.

Всегда трудись, занимай себя чем-либо.

Соблюдай **разнообразие** в труде: если засидишься над книгой — утомишь себя нравственно, отяжелеет ум, интерес пропадет надолго. Трудись разносторонне — чтение, рубить, шить, думать.

Спасительнее тот труд, что тяжелее, тягостнее, скучнее (послушание, например, и свое дело — огород).

Прославите убо Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия (1 Кор 6, 20). Заведи привычку: **трудиться молясь.**

В труде — богомыслие должно быть. Нужно бороться с самим собою до последнего дыхания; но и особые подвиги и дары благодатные бывают вредны: возгордишься и потеряешь труд весь. Надейся за труды борения с собою внити в Царство Небесное. Люди без Бога, как мошки толкутся — вверх-вниз, и им кажется, что все это серьезно. Вспоминай смирение Господне — уничижился, сделался рабски бессилен перед Своим созданием.

Грех бывает и от застоя крови — коли дрова, мети, копай (древние монахи камни носили); кровь «полируется», если поел больше, — воздерживайся. Думай: воздержание не храню. Исправный же во всем — возгордится.

Слишком жалеешь себя. Вспомни евангельское слово: *аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит... душу свою, не может Мой быти ученик* (Лк 14, 26). Отдых — ночью, днем же согревайся трудом. Вот молотилка: без отдыха работает; а мы ныне как? Посидим, погреемся, потянемся, походим.

Труду и терпению научись у лукавого — он ведь не спит, не отдыхает, дабы погубить душу твою.

При занятии, труде — помыслы не так нападают. Труд и послушания, как ты и сам заметил, хорошо действуют;

и когда в церковь больше ходишь — всегда бываешь занят: нет времени для помыслов.

Стыдно и неловко есть хлеб и пользоваться кровом — даром; ты — больше других в обители облагодетельствован, больше других хлеба ешь — так и трудись усерднее.

О ДИАКОНСКОМ И СВЯЩЕННИЧЕСКОМ СЛУЖЕНИИ

[Наставление отцу Серафиму по его рукоположении во диакона. — *Авт.*]:

Ты диакон. Вот твоя присяга: жить тихо, трезво, со страхом Божиим, растить в себе дух страха Божия; должен служить с кротостию, внимательно, искать славы Божией, а не своей, пользы святой Церкви и Спасения ближних — содействием Божиим по Его милости, по молитвам Пресвятой Богородицы и всех святых.

[Советы отцу Серафиму — уже как священнику. — *Авт.*]:

К священнослужению приуготовляйся; здесь нужны благоговеинство и умиление, происходящие от размышления спасительного о роде человеческом Христа — Спасителя нашего смотрения. Здесь — Его любовь безмерная. Принял Он рождение, рабий зрак, алкал, жаждал, плакал, был гонимым младенцем, Которого желали убить, бежал во Египет, принял обрезание и крещение, был искушаем, проповедывал, был бесчестим, пошел на страсти, смерть...

Учись поддержать в других бодрость духа, вселить интерес ко Спасению, прогнать уныние и скуку, говорить об утешениях Христовой любви.

Святые на недоуменный вопрос отвечали — приди завтра; первому впечатлению не верь: помолись, рассуди — затем ответь; не спеши, не пустословь.

Следует поучать из книг Святых Отцов — памяти не доверять.

Читаешь что — не умом лишь, а и **сердцем**, волею принимай, молись; охладеешь — лицемером будешь.

Нужно так служить, читать: как могу — прочту, чего бояться; думай: **да**, я не без немощей.

Останется куча **голых** костей от тя...

Читая молитвы, помни и будь в чувстве своего ничтожества пред Богом, Святыми и всеми.

Это неуважение к своему священству и стыд для своего священнического звания — быть без подрясника.

О СМИРЕНИИ

Очень желаешь всем нравиться: уважали-б тебя, чтили, хвалили, умный, хорошо читает, боишься ошибиться, замечаний.

Тот, кто не много значит в своих глазах, бывает умерен в желаниях своих. Ошибившись — не потеряет себя и спокойствия. Огорчения его мирны и тихи. Не возбудит зависти. Для преобретения кротости обязательно нужны добрая воля и твердость.

Говори: Слава Богу за немощи мои; если и тут ропщешь, то что-же... Думай: не надо мне здоровья, совершенства — но смирения, Спасения, милости Божией.

Ищешь своей славы всюду — на людях боишься показаться слабым в чем — но ты все же слаб, немощен, несовершенен, малознающ, безпамятен, порочен (хоть иногда и кажешь себя праведником). Помни Бога — Он создал тебя, а не ты сам себя. Его, а не себя имей центром всего — и будет ти благо. Его славы ищи; а ты безчестишь Его своими беззаконными делами, словами, мыслями, исполняя свою волю и врага Божия.

Каков я не есмь — Господь знает; терпи, борись всякий момент со злом. Духовно мертв? Напрягись —

смирись — оживешь! Не беда, что слаб головой, здоровьем, духовно мертв, обуреваем бесами, не было б тут твоей злой воли, но были бы борьба, смирение, тщание творить Божию волю. Но ты плотян, самолюбив, ленив — последнее наихудшее! Готов убить человека ради угождения плоти. И Господь попускает путаться мыслям уже много лет — на грани духовной гибели добровольной. Вся вера — на людях, а в келье — перед самолюбием лишь. Доктора не помогут! Лекари твои — послушание, терпение, смерть, Суд, вечность, страх Божий...

Не ищи быть идеальным, не мечтай зря, не услаждайся подобными мечтами; зря тратишь и **силы** на разыгрывание умного, красавца, героя, всезнайки, святоши, с самообладанием, хладнокровием, с силой, со здоровьем... Это обман все. Будь тем, чем создан, — и это требует немалого мужества; будь прост, открыт, искренен — без задних мыслей. Помощь твоя — вера и надежда на Бога. Рассуди: что плоть против души и земная жизнь против вечной? Немощен головой? Так неси эти скорби, терпи, лишь кайся, смиряясь. Говори: имиже ведаешь судьбами спаси, Господи, мою душу.

Вера твоя — без духовного опыта, откровений? Ты что, хочешь видеть Бога наподобие Серафимов, находящихся у Престола Божия? Духовное борение требуется всегда; иначе вознесешься — будешь думать, что не такой, как прочие.

Гордый считает, что имеет что-то, что умен — и боится лишиться сего, боится унижения, смущается; ты ничего доброго не имеешь — нечего тебе и лишаться. Смиряйся пред каждым человеком.

Молчи в ответ на замечания: ты **во всем** ошибаешься, твое самолюбие скрывает от тебя твои недостатки и погрешности, а твое отношение к другим людям их

еще более увеличивает. Вспоминай их — *грех мой предо мною есть выну* (Пс 50, 5).

Ты пребываешь в уверенности, что ты — особенный, умный, святой, умелый? — не верь сему, **не верь** в свою праведность.

Лишь думаешь о себе, что ты умнее всех, правее всех, — докажи. Хуже многих мирян живешь.

Молись: «**даруй, Господи**, не считать себя за что, зреть грехи и немощи своя, помнить час смертный, Тебя помнить, Суд, вечную муку, вечное блаженство».

Думай так: «Я — ничто из ничего. Бог мой — всё, всё. По отношению к Богу другие люди — прах, как и я, лишь твари Его. По отношению же ко мне, они — рабы Божии, бессмертные души, дети Божии — Господа моего; со страхом и смирением нужно мне обращаться с ними.

Раньше видел, что были — хорошие люди? А теперь? Не видишь! — самолюбие ослепило. Все тебя лучше, а ты — навоз и прах бесполезный».

Верь: как человек — я хуже всех еретиков и язычников. Я согрешаю, сознавая свой грех, а они, не зная Бога и заповедей Его, — неосознанно. Их воспитание таково, среда, возможности.

Люди праведные — несмотря на свои большие знания, полезный труд и добродетели — никогда не гордятся, но смиренны. Они не мнят себя, как ты себя мнишь, **святыми, праведниками,** Богу угодными, **отличными, особенными**. Не ты лучше других, но все лучше тебя, и во всем лучше, чем ты, и при этом не гордятся.

Считаешь себя за нечто, всегда озабочен о славе **своей** — не впасть бы в бесславие; не уповая на Бога — грешишь, боишься лишиться поддержки от человек, лишиться денег и прочего.

Смиренный же — покоен, боится одного Бога.

Книги читаешь и кажется, что умен? Но умнее всех Христос. Находящийся в себялюбии — пребывает во лжи, находящийся в смирении — пребывает в истине. Смирение — путь к **любви**.

Гордыня — ложь. На чем она основана? От диавола она. Помни: я должен познать это и смириться пред Богом, слушать Его и Святую Православную Церковь.

Помни всегда **Бога**, ищи Его славы, Его бойся, служи Ему, греха бойся — чтоб не оскорбить и не разгневать Его, и всем сим сам спасешься и улучишь блаженную вечность.

Помни: я слишком низок для Божественных мыслей, много о себе думаю, копаюсь с собой, хотя недостоин никакого внимания. Один Бог — великий, чудный — достоин всякого внимания, послушания, хвалы.

Следует тебе быть как на военной службе: не мнить о себе что-либо и быть твердым.

Истина есть лишь у Святой Православной Церкви.

Думай: «Хочу того, чего Бог хочет...» Смиряться нужно Бога ради, а не ради себя лишь или по боязни (пред Богом, пред человеки).

Человек истинно добродетельный не видит своих добродетелей, но лишь недостатки (не сравнивает себя с другими). **Не сравнивай** себя ни с кем; ты — прах. Помни: я — прах, Бог же — всё.

Думай: я — человек, христианин, монах, облагодетельствован, одарен Богом — горе мне недостойному, осужден буду на Страшном Суде.

Будь уверен, что все будут в Царствии Божием, кроме тебя; можешь войти туда лишь по милости Божией и по молитвам братий.

Думай: все, все спасутся. Один я пойду в вечную муку: на словах люблю Бога, а делами служу диаволу.

Всех почитай высшими себя.

Помни: ты — хуже всех и каждого, не возносись, не удивляйся, если унизят. Укоряй всегда себя — ты ничто; смиряйся пред Богом и всеми.

Познай себя: ты — гной; жизнь твоя — на волоске, не в твоей воле, и добраго ничего нет в тебе, злаго же — полон.

Стяжай смирение — без него тьма; им ограждайся от диавола, ставь себя ниже людей. Смирение поставляет **выше** всех сетей диавола.

Побеждаешь в страстях настолько, насколько **смиряешься** и приемлешь помощь от Бога.

О себе меньше говори, похвалы и дары не принимай охотно.

Ублажают, ругают ли — нужно быть как бы мертвецом.

Все что имеешь здесь, на земле — дано тебе от Бога, и все со смертью твоей — отымется. Если хвалят тебя — скажи себе: хвалят меня не за мое, но за чужое.

Чем спастись? Помни: **не богат ты**, а нищ; наг ты добродетелей, нищ, грехами смердящ, немощен; молись: милостив буди мне, Господи.

Заповедь: будь всем слуга; пример тебе — Иисус Христос, Апостол Павел; грехи зри свои, думай: что я такое? — велика сила смирения, и велика гибельность гордости: вспомни примеры из житий Святых; помни смерть (за ней — Суд и ад); Бог — зде, я — червь, за грехи свои — смердящий. **Исполняй эту заповедь.**

Смирения ищешь? Не ищи более удобной одежды, вещей попрочнее, быть примерным, здоровья, безупречного знания дела, быть святым сразу — в глазах людей, почета, вежливости, уважения по отношению к себе; поминай смирение Господне — ноги умыл ученикам: Он — Бог сый, а ты кто?

Не старайся по-прежнему казаться сильным, но искореняй греховную слабость; бегай богопротивного, гибельного. Терпи, смиряйся (хотя слабость — в глаза не посмотреть — может казаться скромностию; трусость — кротостию, смирением; жалобность — человеколюбием (хотя и жесток); боязнь искушения — целомудрием, хранением очес).

Думай: жив Господь Бог — я же гной пред Ним и всем подножие.

Смирение необходимо иметь касательно добродетелей — говорить себе, что не имею добродетелей, своеволия, и осуждения беречься. Нужно иметь свои твердые убеждения, познавать людей, уметь обращаться с ними, помнить Бога.

Самолюбие — прелесть; диавол верит в Бога, но в прелести сый, идет против Него. Самолюбие — тяжелая страсть, долго может быть неискоренима. Кроется всюду. Кажется тебе: кого Бог избрал, того и научит, как поступать. И при смирении диавол подступает — ввергает в отчаяние. Смиряясь, надо надеяться на обращенное ко всем милосердие Божие.

Смиряйся всегда, унижай себя в душе: хоть ты и Серафим (соименен ангельскому чину), но ты — мурин [эфиоп. — *Авт.*] среди Ангелов Божиих, подножие им, первый грешник — то есть преступник воли Божией; тебе много дано — но много и спросится.

Всё на земле — и ты, и всё тебе принадлежащее — не твое, но Божие — ложь есть тщеславиться о сем.

Настойчивым надо быть, как евангельские нищий и слепой — просите, и дастся вам: *ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам* (Мф 7, 7) — с терпением и смирением.

Ты не свой сам; ты — Божие творение, искуплен Иисусом Христом — раб Христов.

Не лицемерь, но понудь ся исполнить заповедь — переломи себя.

Поучайся в заповедях; стой пред Богом в струнку; думай: не стою ничего...

О ПЕРЕНЕСЕНИИ ИСКУШЕНИЙ И СТРАДАНИЙ

Не бегай **терпения** и **скорбей**, сими спасешься.

Искушение напало? Учись претерпевать его без вреда душе (а ты распускаешься, унываешь). Терпению — венец.

Бедствия и искушения чистыми нас творят.

Будь тверд и мужествен. *Потерпи Господа, мужайся, и да крепится сердце твое, и потерпи Господа* (Пс 26, 14).

Скорби Христа ради бываемые вечное веселие ходатайствуют. *Претерпевый же до конца, той спасется* (Мф 24, 13). *Не бойся ничесоже, яже имаши пострадати... Буди верен даже до смерти, и дам ти венец живота* (Откр. 2, 10). Терпи.

Хватит жаловаться! Терпи, терпи... Скорби да болезни — для души полезней.

Молись: «Не попусти на меня, Владыко, выше сил моих искушение, или скорбь, или болезнь, но подай силу и крепость, чтоб я мог перенести все с благодарением». Все это — искушения, скорби, болезни — для твоего духовного исцеления; уныние скоро пройдет, о тебе Бог промышляет; запрети сатане, искушающему тебя, обрати мысли на другой предмет.

Терпи. В жизни этой потрешься меж кулаками. Нужно нам алкать и жаждать — спасти душу надо. Не будешь обращать внимание на стороннее. Все следует терпеть...

Головная боль, желудочная, жара, холод, неудобства, клопы, оскорбители — все суть благодетели твои;

почитай их и не оставляй их. Если будешь исправен во всем — возгордишься.

Учись переносить со смиренным терпением еду впроголодь, блох, головную боль, ругань, пьяных, искушения (девиц).

Терпишь насмешки, осуждаешь пьяных? А что ты такое? Худший всех пред Богом! Терпи.

Кто стяжет надежду на Господа, высший есть всех скорбящих — для врага страшны и всем дивны, горе́ бо зрят.

Никто Спасению нашему не в силе повредить; будь искушению рад — претерпи с молитвой — венец получишь.

Не думай в веке сем быть в **покое** и довольстве, но **будь готов** всегда к скорбям, искушениям, недостаткам, неприятностям — и трудись. Жди **в скорби утешения**, **в покое** же жди **искушений**.

Без искушений нельзя спастись — ими познаем себя, учимся борьбе и очищаемся. Ничто скверное не войдет в Царствие Божие. Мы же смиряемся, и тем приемлем силу от Бога.

Бог зрит внутрь человека: душа твоя **прокаженна** и смердяща ранами; они остаются у тебя неисцельны — так как **не принимаешь** лекарств, которые **подает** Бог. Скрываешь от людей раны и от себя самого, прельщаешься; Бог же всего видит тя ежеминутно — **убойся** и **смиряйся**.

Думай: я бездну раз грешил, и грехи все бессмертны, бездну раз преслушался Бога; имей все свои грехи пред собою.

Болезнь очищает душу претерпевающего ее благодушно.

Болеешь? Ты — грешен: злой раб получил наказание. Тяжело? Перестань быть злым. Если же зол — прими

наказание. Ты болеть заслужил, ты ад самый заслужил; благодари Бога за болезни...

Болезни радуйся — Господь взыскует зде с тебя за грех твой, да и не согрешишь больным; так ты крест свой несешь; враг твой — плоть — страдает.

Болезни — либо наказание нам легкое за грехи, вместо вечных мучений, либо приходят по моей вине (невоздержание и прочее). Терпи лишь, все это пройдет, со смертью все окончится, не так будет в вечности.

Претерпи малое зде: претерпи болезнь малую (не унывая и не поддаваясь греху), претерпи людей, немощных грехами, страстями, пьянством, — претерпи их действия в отношении тебя — претерпи с любовью, смирением. Если и зришь их грехи, то зри и Бога зде пребывающего — молись за грешащих. Бог им Сам воздаст. Помни, что виновник зла всегда — сатана. Верь, что те, кого ты терпишь, — благодетели тебе.

Обязан ты, подражая Христу, и как великий грешник, как достойный по делам своим и большего, переносить всякие скорби: поношения, немощи, искушения, болезни — переносить с радостию и смирением.

Смертных грехов берегись. Терпи и уныние, и все, не отчаивайся. Господь не оставит того, кто к Нему руку протягивает. Вера в Бога и надежда на Него — две главных добродетели.

Знай меру печали — не уныть бы. А то печаль бывает и от лукавого — с ленью, небрежением, бесстрашием, отчаянием.

Если грешен, то не имеешь **права** в болезни жаловаться, ныть, нетерпеть, расслабевать душею; снеси все терпеливо — ты обязан это сделать. Помни, что и большего — по грехам своим — достоин: геенны; делай свое дело, презирая болезнь, не обращая на нее внимания. Вспомни: а что невинный Христос **терпел**? Нужно вспоминать распятого за нас на Кресте Иисуса Христа.

Нужно всегдашнее **самоотречение** — ради испытания **воли Божией**; терпение недуга или недостатка телесного — вот твой крест. Думай: терпели все святые, терпит каждый многое, и в меру — **потерплю и я**.

Ради кино и конфет плотской претерпел бы все, а ты ради бесконечного блаженства перенеси лишения свои смиренно и с радостию.

Болит тело? Даруй, Господи, претерпеть это на пользу душе; осел это твой болит, нудь его, погоняй, чтоб не вредил душе и себе.

Зря прожит день, бывший без скорби. Земная жизнь — горечь, зато будущая жизнь сладка. Озадачивай себя: что я сделал-то такого, чем я лучше-то. Не верь себе, не надейся на себя.

ОБ ОТНОШЕНИИ К БЛИЖНЕМУ

Люби людей — братья тебе, все они — Божии, уважай их, всех — одинаково. Ни к кому не относись безразлично.

Могут быть прощены грехи твои многие, если за тебя будет много молящихся — делай добро пока не поздно, **люби** всех.

Я ничтожен. А они, ближние мои? — Божии; уважай их, люби.

Нужно сквозь грешного человека глядеть на неоценимую душу, любить ее — образ Божий, о котором Бог промышляет.

От сердца люби всех Бога ради — пусть и худых, будь всем слуга искренне; любовь приближает, а уважение держит на расстоянии.

Следует одинаково всех любить — ты не знаешь, кто ближе к Спасению, — отец Антоний или отец Симеон.

Будь как новоначальный послушник: говори — благословите, не рассуждая. Плохо поступил — виноват (достоин выговора). Начни с **любви** (она — выше внешнего подвига), берегись осуждения, угождай всем, считая **себя** худшим всех, **храни** любовь ко всем в сердце своем и проявляй ее на всех.

Враги твои — духовно больные, люби их, хотя бы и сатана руководил ими.

Настрой себя: чем хуже брат, тем более люблю его и ненавижу диавола, в сетях коего он, в беде, в опасности лишиться вечной жизни; если он меня унижает озлоблением — терплю, ради Спасения моей души, чтобы не стать подобным ему, питая подобные страсти.

Помни: ты — как и все, **такой** же.

И подлец — брат тебе; одинаково с ним рождаешься и умираешь, одна цель перед вами — Спасение.

Твердо веруй, что все окружающие тебя наследят Рай, любимы Богом, пред Ним лучше тебя. Они люди — как и я, одного Бога создания; общий вражок у всех — диавол, на него и гневайся...

Думай: я хуже всех пред Богом, а они (ближние мои) — смиренные, у них более веры, надежды, любви, они молятся усерднее, **умнее**, талантливее.

Не критикуй других, старайся ужиться с ними, иди им навстречу, потерпи их, будь ласков и приветлив, живи для всех, ближнего делай счастливым, смиряйся, промолчи, будь участлив — ради Бога, почтителен. Познавай себя, свои грехи и немощи — а не чужие.

Нельзя касаться чужой жизни — своих грехов не увидишь.

Осуждаешь, а если сам согрешил тем же, за что осуждаешь других?

Бываешь неискренен, любуешься собой, человека как-то уничижаешь, себя очень ценя.

Наблюдение за другими — их поступками — вредит: обманываешься этим. Не тебе за грехи других отвечать.

В глаза другим глядеть и незачем — это дерзость.

Все слушаешь, в других замечаешь и про себя критикуешь, судишь — нельзя! Спроси себя: кто я? Не имею права такого, один из них же, подсудимый у Бога; посему и одолевает тебя беспокойство. Право твое — только право любви, по которому, заботясь о Спасении брата, исправляешь его; но у тебя есть самолюбие; снисходи к ближнему, будь к нему милостив, внимай только своим грехам, за кои будешь **судим**.

Не нравится поведение ближнего? Размысли, не тяжелее ли твои грехи пред Господом? — снисходи к нему. Заповедь Божия: не суди, не осуждай. Молись за **врага**, еретика. Будь к себе требователен, а не к другим, — ответ дашь за себя пред Богом.

Плачь о еретиках, твоей братии по плоти, ты с ними — сотворен из одной персти. Так и Моисей молился за согрешивших братий своих: *аще убо оставиши им грех их, остави: аще же ни, изглади мя из книги Твоея, в нюже вписал еси* (Исх 32, 32).

Возмущает, гневит что тебя? Не человеку, а сатане приписывай. При недовольстве чем — будь осторожней: за вещью стоит живой немощный человек, и сатана ждет повода напакостить, погубить души.

Бесы лгут тебе на брата, а ты и не замечаешь лжи, веришь ему, слушаешь его. Диавол же — *ложь есть и отец лжи... он человекоубийца бе искони* (Ин 8, 44).

Чернят они брата твоего — а ты его и уничижаешь, льстят тебе — и ты возносишься, тщеславишься, высо-

коумствуешь. Но скажи им: не верю вам, лгуны, прочь! знаю я свою силу, знание, умность — сый червь смердящий; на одно же Божие милосердие надеюсь, ожидая смерти, суда и вечности; как могу судить и осуждать брата (критиковать его и уничижать), если сам сый человек и подсудимый у Бога?

От души имей почтение к человеку (это — заповедь); он — Божий раб, Его создание, Бог о нем печется, у него душа вечная, испытывай перед ней благоговение; оставь без внимания его недостатки (даже если пьян) — у тебя их больше; и таким образом говори с ним (как священник): убеди, накажи, обличи, не соглашайся с ним — если сие ему полезно.

С враждующими против тебя веди себя без человекоугодия, боязни, смущения — по Христу, смиренно, твердо, снисходительно, иногда, когда необходимо, даже и резко. Один Бог и их создал, и тебя, всем предстоит умереть, не обращай внимания на искушающих тебя. Сами по себе ничего не могут — пешки. Будь кроток, тверд; крестись всюду.

Крестись всегда с мыслию об Иисусе Христе. Нужно целиком себя предать Христу Богу.

Нужна любовь к нищим — да все едино будем.

Милосердствуй без малодушия.

Жадность есть у тя — деньги, дрова, пища и прочее. Конечно, нужны и благоразумие, и расчетливость, но и *просящему у тебе дай* (Мф 5, 42) — не скупясь, Бог тебе возместит, не оставит; делай это, и сам в нужде находясь, — действительно нуждающемуся.

Просящим давай без разбора — иначе узнав о недостоинстве просящего, будешь скорбеть; ты хуже их пред Богом, и все имеешь.

Делая зло телесно ближнему — себе вредим душевно; смеешься кому — диавол тебе смеется.

Докучают тебе, говори: «У меня дело», «Не знаю» и проходи далее; в келью кто придет — так же: найди какой-нибудь предлог и встань — он и уйдет.

В имянины свои будь тверд. **Смирись** — принеси булку Николаю; но говори: «Водку, милостию Божией, не пью — не хотел бы и никому пить ее; однако, не осуждаю вас за это, но "врага человеческого рода"».

Подражай Господу, будь ученик Господа Иисуса Христа.

Ты лишь считаешь себя иным, чем другие, на деле же — такой же, Божия тварь, смертный человек (правда, от привычки и от природы: флегматичен, слабоволен, кисляй, фантазер, ленив, непрактичен, самолюбив, сластолюбив, разлад между умом и сердцем).

Обходиться с людьми учись.

Не нужно напряженности среди людей — будь естествен.

Губительны черствость души и бесчувствие к горю ближнего. Помоги ближнему, поддержи его, утешь, будь общителен; расположи страждущих к терпению, возбуди в них веру и надежду на Промысл Божий, расположи их к молитве, молись за них, плачь с ними, дели их горе. *Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал 6, 2).

Кривляться отучись — естествен будь. Заботы волнуют? — Не допускай развлекающих мыслей; думай: как могу, так и сделаю. Немощен? Так что же. И не требуется от тебя больше возможного. Как вести себя с людьми? Проявляй любовь, избегай излишней разговорчивости, страхов. Веди себя естественно — как можешь, каков есть. Здесь размениваться нечего. Ты — монах еси — иной. Больше молчи. Не допускай себе смущаться. Будь — как каменная статуя: ругают ли, хвалят ли — стой безмолвно.

[Отец Серафим рассказывает отцу Симеону. — *Авт.*]:

Большевика струсил, так что дыхание сперло. Нервного инженера не вытерпел. Болезненного молодого человека — то же самое. Двум последним отказал показать Покровский и Никольский храмы и прочее. На оплате (за экскурсию) упрямился.

[Отец Симеон отвечает отцу Серафиму. — *Авт.*]:

Будь ласков, приветлив, терпелив, мягок, чувствуй себя свободнее.

Смирения у тебя нет: не гляди — худ ли человек; гляди — монастырь за тобою.

Не осрамись; и чтоб Бога прославить, а не опозорить.

Это тебе **урок** от Господа — искушение терпения, пёр против Него — тяжело тебе было, потом стыдно стало. Терпеть все надо: люди не Ангелы, ты должен нести их немощи — характер разный у них; тем более ты — как представитель монастыря; второй уже раз осрамился. Ты же — прах. Что пыжишься, что упрямишься? Смирись — легче будет. Богу, видимо, угодно так, чтоб Он испытывал твое терпение, все по воле Божией бывает — смирись, прими. Все желаешь более легкого; не ищи его, но прими тяжкое, и горькое, и выговор, и уничижение. Против Бога идешь.

Снисхождения требуют люди. Учись обращению с людьми. У тебя не характер — а упрямство с себялюбием, недоверием, с сребролюбием, с ленью, с нетерпением, с глупостью, с неверием. От Бога все тебе подается — к опыту, к твоему умудрению, к очищению сердца, чего и просишь ты у Бога; так что сам ты себе сей случай выпросил.

Когда действительно нельзя то или другое монастырскому посетителю, — так и скажи: **«Нельзя»** или «Не знаю».

Думай так: благодетели мои — посетители, оскорбляющие мя, насмехающиеся надо мной, неприятные, шумные, пьяные, худые на вид (знать не могу их так, как знает их Бог, — ни их воспитания не знаю, ни прочего).

Тупики такие — диавольские искушения; перескочи их верою с молитвою. Выход — обращайся **всегда** к Богу. Я, Господи, немощен; устрой, помоги, вразуми, укрепи, научи, умягчи его сердце (ближнего) и мое укрепи, Господи. Вот выход.

По Бозе все делай — и в пещерах монастырских (помни: исполняешь послушание, **требуя плату**, и прочее). Не забивай в себе монаха профессией. Вини твое нечистое сердце, что боишься сказать о деньгах, а сказав, смущаешься — **грешишь**.

Надо просить, молить Бога, Богородицу и Святых усердно, если хочешь получить очищение, вперед двигаться, иначе стоишь на месте; Бог дает тебе познавать свои немощи, молись, смиряйся под крепкую руку Божию.

Весь мир не стоит одной души твоего ближнего и твоей — береги ее.

Учись **отсекать** страсти, **возбуждать** мысли благие, **внимать** себе (и делу своему, а не туристам на экскурсии). Есть лишь **я и Бог**.

Внимание: смеются, издеваются, оскорбляют — не внимай сему, гневайся на врага (диавола), который восставляет людей — братьев во Христе — одного на другого; человека же люби по-прежнему, не осуди его — ему Бог Судия, не сердись на него — Бог попускает сему быть, ты же стóишь и худшего. Положись на Бога — без Его воли **ничего** не случается, и зла тебе не причинят — а если и да, то, видимо, это на пользу Спасению твоему, и смирению, о коем молишь Бога: следовательно, ты сам выпросил сие себе; может быть, ты и виноват сам в неприятности — и потерпи — может быть, сам тоном голоса, телодвижением, взглядом вызвал ее (неприятность). Перебери свои бесчисленные и тяжкие вины, свою испорченность, немощность... Смиряй себя — учись этому; берегись ложных чувств невинности, оскорбленности, обиды, ощущения себя как святоши, злобу брата обрати **в шутку**. Бог зде —

предоставь Ему все; молись покрыть, укрепить, терпение дать, незлобие, любовь, благоразумие. Не верь, что худ брат, но верь, что ты не хорош — извини его, снисходи к нему, его добро найди, свою же гниль. Нам всем умереть, на Суд прийти: избави, Господи, кого-либо худой вечности. Думай так: извиняю, прощаю всех, мне чем-либо насоливших; прости, Господи, нас всех и спаси. Почитай и уважай по-прежнему и оскорбляющих тя; раскается он, может быть, потом. Будь очень благодарен ему — способствует он твоему Спасению — Божиим Промыслом. И с птичкой, и с вещью со страхом Божиим обращайся; а ты так ли поступаешь? — издеваешься, господствуешь гордостно, обижаешь (муравьи — все Божии твари, для чего-то сотворены, — кормит и их Он).

Людей падших, и нищих, и кротких не презри, но наоборот почти высшими тебя; в каких условиях ты вырос? — в довольстве и прочее, выучен, пребываешь в Святой обители. А будь ты на их месте, то им уподобился бы сам, — вспомни свои хуже скотских грехи, злобу, осуждение, лень, обжорство: пред Богом окажешься как бы в смердящих лохмотьях и со зловонием изо рта.

Сознавай чистосердечно свою наготу и нищету от всего доброго (не старайся казаться иным, чем еси) — и не будешь внимать чужим поступкам, делам, характерам, лицам и прочему.

Думай: не **радостное** настроение мне нужно, коего я не достоин, но **милости** Божией на Суде Христовом. Радуйся о Господе, о себе же плачь. Имея в мыслях непостижное величие Божие, имей в них и ничтожество, и скверну свою.

Всегда помни свое несовершенство, недостоинство, нищету, наготу, безобразие — сокрушайся об этом; держи себя скромно, кротко, жаждай истины, Бога, добродетели; будь милостив к братии — даже и к их согрешениям.

Как Костин и другие молятся — не внимая никому? Как чужие — все пусть тебе да будут [на молитве в храме] — как будто ты первый день в монастыре; не замечай постороннего; ты и не знаешь их совсем, что у них на душе, не слушай их — не твое это дело; они — Божии рабы, за себя каждый ответит на Суде; внимай зде сущему Богу и Святым Его и себе.

О БОРЬБЕ С ГРЕХОМ

Неделя Блудного сына — сегодня именины всех нас — все блудные дети. Кто? Кто живет, как хочется, в свое удовольствие, без Бога. Человек по телу — зверь, надо обуздывать. Иногда говорят: я — грешник, а в душе я — праведник; и при этом любят страсти.

Дерзновения в молитве нет, потому что любим свои страсти, немощи, не хотим бороться с ними. Хоть до упаду молись.

Плотская жизнь — плыть по течению и любоваться по сторонам; духовная же жизнь — против течения: труд беспрерывный, иначе отнесет куда.

Обращаясь лицом к Богу, поневоле спиной обратишься к миру. Живя в мире (в окружении зла; князь его — темная сила) — не сливаться с ним.

Грех — бессмыслица, насмешка врага над человеком, безумие — избави его, Господи.

Великая глупость, безумие — грех; ты ведь должен быть подобен распятому — **не можешь** грешить (вера в Бога не допускает, и прочее); и не веровать — тоже тьма, безумие.

Кто мир любит, кто ищет и любит иметь значение в мире, пользоваться почетом, быть хвалимым, одаряемым, иметь силу и власть в нем, деньги — как средство к сему, видную наружность, кто любит услаждать и питать тело, вкус, питать гордость и прочие страсти,

прельщать сердце — удовольствиями, покоем, комфортом, своеволием, кто боится неприятностей, кто не терпит ничего, мстит словом и мыслию, исполняет желания нечистого сердца, помрачен умом, не слушает совести, презирает низших, себя возносит и считает достойным, заслуживающим уважения, самооправдывается, боится усилий, труда, понуждения, не терпит укоров, смущается, не помнит смерти и прочего открытого Богом для Спасения человека, не умеет смиряться, не старается даже до крови бороться с грехом, как верный раб Христов, не верит **твердо** словам Божиим в Евангелии, противится Богу, стыдится перекреститься среди мирских людей, боится теней, а не Бога, не надеется на Бога и обещания Его, тщеславится, раздражается и прочее — тот служит диаволу и наследует вечную муку.

Намереваясь согрешить — вспоминай: это противно воле Божией, любящего мя, огорчит, оскорбит, прогневит, бесчестит Его.

Диавол завидя, как высоко вознес Господь Иисус Христос человека в Себе, как одарил его, ходит рыкая, бдит, прельщает, друг на друга нас наущает — потерпи сей день, завтра, может, и конец — смерть.

Думай: согрешить **легко** — я много согрешал, **видел** тщету и горечь греха, **знаю** и вред преслушания — смерть вечную, но вновь и вновь забываю это — опять прельщаюсь.

По своей воле люди гибнут и спасаются.

Что зовете Меня: Господи, Господи и не делаете того, что Я говорю?

Господь говорит: *вознепщевал еси беззаконие, яко буду тебе подобен: обличу тя и представлю пред лицем твоим грехи твоя* (Пс 49, 21).

Говори: горе мне — я в опасности погибнуть.

Почитают тя? Вспомни, что́ ты пред Богом? Ничтожество. Что́ имеешь не от Бога, а свое? — грехи и мерзость; гневается Господь на тебя.

Проси у Бога зреть свою наготу и бездну грехов.

Зри свои грехи и добродетели ближнего.

Познай ся — **зри грехи** свои (блажен не тот, кто Ангела видит — но всегда видит свои грехи) — это послужит тебе к смирению и страху, дабы не согрешить еще более, не прогневать Бога вконец.

Верою нужно зреть Бога, геенну, блаженство праведников, смертный час, свои грехи, милость Божию. Сколько раз ты уже согрешал? Тьму раз — все у Бога записано.

И за **время**, данное тебе (часы, минуты жизни твоей — свободные и в труде), будешь истязан у Бога — как их провел? Вспомни, каков ты пред Богом: поистине (люди не знают твоей души и твоих мыслей) — гноен, прокажен, уродлив от страстей, осужден, смраден — и не прельщайся. Настороже будь страхом и памятью Божией — не забудься, не упокойся, не уный!!!

Думай так: Господь, Богородица, Ангелы — смотрят на меня, на сердце мое — лукавое и неверное. Не согрешить бы против Тебя, Господи, не оскорбить бы, не ослушаться бы!

Поучайся в заповедях, в сердце скрывая их словеса, — постоянно пребывай в них, как бы «навяжи их себе на шею». Вся суть в исполнении заповедей: для сего дано нам время земной жизни — кайся.

Просишь у Бога смирения и прочего, но ради чего просишь? Не ради ли себя? Чтоб не смущаться среди церкви, не показаться бы гордым, но смиренным?

Лень твоя в борьбе с грехом и тебе самому тяжка. Блюди себя и молись Богу: «Да не согрешу Тебе, не отчуждусь Тебя, да не стану противиться Тебе; Твои страдания да не сделаю бесплодными на себе, да не огорчу

Тя — Судие мой грядущий. Да не огорчу Тя, Благодетелю мой, и да не прогневлю Тя, Судие мой».

«Презирати убо плоть, преходит бо»* — презирать боязнь, боязнь смущения, лень, гортань**, похоть.

Думаешь, что хорошо читал в храме? — помяни бездну своих грехов; против тщеславия нужна память, что Бог сердце зрит, что последний из всех ты пред Ним и противен Ему. Нужно ненавидеть в себе то, что Он ненавидит в человецех — гордость, похоть, лень; любить же то, что Он любит в человецех — смирение, покаяние, труд, чистоту.

Разве пользует любовь к себе? Она — суетная: плоть нежишь, жизнью дорожишь, боишься посрамиться пред людьми, худым показаться, слабым, хочешь почета — слушали б тебя, хвалили б (а ты **умрешь**, сгниешь). Хочешь вкусного, легкой и приятной работы, отдыха, удовольствий, о смерти не хочешь и вспоминать, хочешь лениться, есть и спать; обратят внимание на тя — радуешься, низко поклонятся — радуешься; угостят, льстят — радуешься. В противном же сему — печалишься. Бывает, что если не по твоей воле — гневаешься, злобишься.

Трезвение — уметь зреть грехи — бодрствование у сердца. Помни: все доброе — Божие, а не мое.

Необходимо различение добра и зла — чувство это приходит с навыком.

Едино держи в уме — **ради чего пришел сюда**: ради — **Спасения души**, остальному не внимай более должного, возвращайся скорее к сему; собирай ум — пусть ты и находишься в смущении, в усталости, в искушении; в сем пусть твоя борьба да будет: терпи, возвратись к вере в Бога и страху Божию, к молитве; лишь

---

* Текст общего тропаря единому преподобному.

** Имеется в виду грех гортанобесия — услаждения вкусной пищей.

своими силами **не противоречь** помыслу, но вытесняй его спасительным помышлением: о смерти, Суде, целомудрии, труде, любви Божией.

Хульные помыслы? Попускаются, чтоб раньше времени не желали взлететь на небо. Ведь не Ангелы.

Тучи мечтаний? Борение нужно. Вспоминай примеры святителя Николая, преподобной Марии Египетской. Отнимет их Бог в свое время.

Упал — это чтоб молился всегда; также и боль почки тебя вразумляет — раньше надо молиться, а не во время боли. Молись: Господи дай мне здоровье, мирную кончину, Царствие Небесное...

Борение нужно всегда, за него надеемся на милость Божию.

Помыслы черной тучей находят — богомыслием пораздроби их, ослаби, думай о смертном часе, Суде и прочем из Евангелия. Волнами все бывает, перейдет, с другой — лучшей — стороны подует.

Пади пред Богом, моля даровать целомудрие, внимание (не поддаваться помыслам), истинное понятие о себе самом, памятование грядущего, способности любовно обойтись с человеком ради Бога, а не из «смущения тягостного».

Не вспоминай прошлого, чтобы не впасть в прежние страсти.

Враг не властен понуждать нас — но ловит, мечет приманку — худые помыслы; сам **соизволишь**, примешь — он и господствует над тобой.

Смущающее все принимай **за пустяки**.

Дозволение себе **мечтательности** есть отступление от истины и произвольное самообольщение. Верою действуй в борьбе с врагом.

Блажен, видящий грехи свои выну. Противоречь помыслу (от блудных помыслов беги в память смерти). Нужен и страх от чувства высоты Бога (не оскорбить бы Его). Необходимо самоукорение. Не строй воображением крыльев греховным страху, заботе, печали, горю, — и рассеются. Трудящемуся некогда грешить. Не надейся дожить до утра, вечера. Одна опора у нас — **милость** Божия. Чувствуй свою внутреннюю бедность. Но знай: и в нас есть Бог Вездесущий. Ближе воздуха Господь, внимает нам (а ты виноват, непотребен и безответен пред Богом); смерть — конец покаянию — все ближе, а за ней и геенна; спасайся, устрашись, очнись, плачь, сознавай это. А ты не веришь, не сознаешь, не помнишь!

Не слушай отца лжи — диавола, ходи во свете истины, кая есть Слово Божие, **алкай** и жаждай правды, беги **лжи, греха, мечты**.

Храни чувства, ограждай — **смерть** входит ими.

Помыслами не касайся человека, чужих дел, суетных желаний...

Думай (образ мыслей делает человека) всегда по-христиански — будешь тверд; учись так думать, не допускать помыслов — **не внимать чуждым помыслам**.

Скажи: не хочу сквернить слуха своего и мыслей богопротивными речами и внушениями — и уйди из комнаты.

Отвергай помыслы тщеславные и другие (думай: не мои они) — подозрительность, страстность, гневность.

Где придется быть, следует особенно беречься, избегать судить и осуждать.

Ты был пленен помыслами суетными при чистке иконостаса. Это происходит от расслабления внимания в молитве.

Ты можешь печься только об одном из двух. Либо о том, чтобы не согрешить пред лицем **вездесущаго** Бога (**поучайся** в заповедях по кафизме 17 — *и поучахся в заповедех Твоих, яже возлюбих зело* (Пс 118, 47); *В сердцы моем скрых словеса Твоя, яко да не согрешу Тебе* (Пс 118, 11)). Либо о человекоугодии — чтоб не показаться людям глупым, неумелым, гордым, нецеломудренным, оставаясь на самом деле таковым, чем и угождаешь сатане. Презирай плотское мудрование и попирай его помощию Божией. Отвергай волю свою.

Нужно со страхом Божиим обращаться с людьми и **думать** о них: они — возлюбленные создания Божии, Бог печется о них, Кровь пролил за них; все спасутся, я — один во ад пойду...

Люди — пажити Божии: и мир, и тело, и способности, и возможности — все не наше, а Божие; и душа наша — Его сугубо, так как Кровию Иисуса Христа искуплена.

Тварь всегда остается тварью: ты обязан благодарить Бога, что создан, да еще человеком, за благодеяния, за веру, за то, что ты — монах, за потребное телу и душе и за прочее; и не возносись — это ложь, обман, несправедливость, бесчестие Богу, вред великий себе.

Воодушевляйся **примерами** Святых — мужеством их, верою, любовию...

Помышления твои наравне с делами **открыты** Богу, — бойся грешить в мыслях. Не принимай, **не сочувствуй** греховным помыслам, ненавидь и презирай их — они всеваются от врага, не смущайся ими.

Искушение — это желание плоти бессловесное преступить заповедь Божию. Дух да сомнет плоть под себя: плоть кратковременна, **душа вечна**.

Ты Богом сотворен — не безумствуй. За кого ты себя считаешь, кто тебя возвысил над братьями, дал право критики? Как миг — жизнь твоя. Дана тебе от Бога жизнь — тебя блюдут; скоро же будешь разъединен с телом. Что же в твоей собственной воле? В твоей воле —

твое отступление от Создателя. **Плачь же о вольной неверности Отцу и Богу.**

Подумай, как страшно, как мерзко Богу, оскорбительно преступление твое заповедей великого Бога, любящего тебя, — плачь об этом. Помни, что живешь лишь по долготерпению Божию, заступлению Божией Матери и Святых.

Думай: мука мне готова, но ожидает Бог моего покаяния. Молись же Ему: даруй мне, Господи, видеть грехи мои, и плакать о них, и никого не осуждать.

Иногда заносчивый помысл говорит: «Из-за любви ко Христу сижу я в стенах моей келлии». Ответь тогда такому горделивому помыслу, что живешь в ней безуспешно.

Когда от помысла очнешься, воззови к Богу — Господи, прости; займись размышлением о смерти, мытарствах, о Божественном. Действует спасительно на совесть представление мучительной вечности.

Нужно **хранение ума!** Следует занимать ум богомыслием, не допускать чуждый помысл, противоречить ему.

Нужно тебе исповедовать свои помыслы.

Потерпи Господа, мужайся, и да крепится сердце твое, и потерпи Господа (Пс 26, 14) — во искушении.

Тотчас проси прощение — как согрешил.

Вот рецепт борьбы с грехом: память Божия, память смерти, страх Божий.

Внимай: Божией или своей воле угождаешь? **Божией чести или своей в деле твоем ищешь?** Сие тяжко, страшно и беззаконно — если себя боготворишь, ставишь на место Бога. Своеволие, самолюбие, славолюбие — **ослепляют.**

Не обольщайся похвалою.

Молись: Господи, помоги иметь смирение, избави самовлюбленности.

В себе не бываешь, а всегда вне витаешь, собирай ум — он у тебя нецелостен, без хозяина; себя духовно окрадываешь (приучайся к людям, перебори боязнь сердца, смирись).

Говори, держись, поступай — никого никак не задевая, не высмеивая, не уничижая.

Ты — юный; трудись, чтобы облегчить духу возобладать над плотию.

Зверь — тело твое, подыми меч на него.

От **хранения** сердца рождается чистота.

От окружающего, видимого следует замыкаться внутрь сердца — от людей и демонов — иначе никому бы не спастись.

За свои грехи будешь отвечать, а не за чужие — на них и гляди.

Если и знаешь точно о грехе чьем, все равно гляди на свой, а не на чужие, — и тебе будет не до чужого греха.

Если лукав — стремись быть прост и нелицемерен; вороват — сам подавай.

Есть три незаметных, но смертных греха: тщеславие, уныние, осуждение.

Смертных грехов берегись — гордости, осуждения.

Сердце твое бывает жестко, зло, **убийственно**; погляди на лицо злого человека — оно отвратительно, а у тебя не часто ли таково лице души, и не отвратительно ли оно Богу и Ангелам и Святым Его (и прочие твои страсти: гордость, блуд, лень, зависть, жадность, чревоугодие, сребролюбие и прочее) — размысли.

Будь на страже — сдерживайся, но не актерствуй, изображая ложное.

Неверие, нерадение и забвение — пагубны.

Смотреть в лица и вспоминать прошлое — значит **самому себя** искушать.

Не следует удаляться от людей внешне, но удаляться внутренно. Не человекоугодничать — идти против внутреннего голоса, но и не быть в тягость совести людской, отдавая долг общительности. Словом, следует во всем внутренне молиться, и это умное делание, память Божия, не попустят согрешить, заболтаться, вдариться в худые воспоминания, мудрования; пока в тебе сего нет — **сторонись** греха и **приобретай сие**.

Глупые шутки (баранки), естественная смешливость и плакливость, страшливость, мечтательность — побеждай в себе сие.

Можно, много говоря, оставаться безмолвным, а можно и молча многоглаголать — в мыслях. Бывает, что и молча — многословишь, почему ты и пуст, и рассеян.

Впредь старайся не отягчать **совесть** (заповеди исполняй).

Нельзя падать духом, но, пав грехом, восставать — и так до до кончины.

Пал ты духом? Без Иисусовой молитвы нельзя жить. Бес тщится тебя из монастыря выгнать. И ты не думай, что молод, молод — и потому можешь по-евонному пожить еще, ему поугождать.

Не досадуй, что криво иноческое житие идет, — следует быть искушениям, ты — не Ангел; но учись одолевать страсти и борись — с терпением и смирением — за жизнь блаженную вечную — ухитряйся.

Уповаем не от дел обрести оправдание, но от сознания своего недостоинства.

Главное — веру иметь в Бога, не впасть в отчаяние.

Бог сильнее всех, Он — Создатель всего — кого ж бояться? Искушению радоваться надо. Не старайся показать себя сильным, умным, добрым, целомудренным. Не на людей — братьев о Господе, а на диавола гневайся; он как тот лев, который наскакивает на христианина с ревом, скаля зубы, потом вновь и вновь пятится, не причиняя вреда — яко бессилен.

Господь **не велел бы соблюдать** заповеди, если б сие было невозможно.

Что хорошо пред людьми (например, хвалят тебя) — мерзость бывает пред Богом (ин — Суд Божий, и ин — человеческий (ср. 2 Пар 19, 6)).

Малодушие и нечистота сердца неотделимы! Плоды их — человекоугодие, смущение, трусость, уныние.

Будь тверд сердцем и смирен мыслию. Бдительно внимай уму. Острым и напряженным взором ума смотри внутрь себя, чтоб узнавать входящих.

Горе тем, кто прельщен миром и не знает своего Бога; **вдвойне** горе — приведенным в познание Бога, находящимся в правой вере, в монашестве, без труда все имущим для жизни, легко могущим угождать Богу и при этом живущим в суете, и в прелести, и в неверии и в бесстрашии. **Берегись** нерадеть о страстях — да не умереть бы в порабощении у них.

Смущение и другие немощи полезны. Будешь совершен и все хорошо делать — так совсем вознесешься. Примирись. **Вреден** грех маловерия, самомнения.

Обман (самообман), ложь, самолюбие — грозят тебе постоянно; откинь их, когда кланяешься, глядишь, просишь, выговор слышишь, болит ли что, пьяный ли оскорбляет.

Заповеди дал Отец Небесный — Царь Вселенныя; у человека же страстного — и совесть грешна.

О ЕДЕ И ОБ УДОВОЛЬСТВИЯХ

Ешь — лишь для поддержания жизни. Страсти нужно голодом убить.

Живот держи в голоде. Ешь без особой сытости (иначе одолеет похотливость), трудись до усталости (и умственной). Телесное, по Богу, вменяется в духовное. Монастырской пищей удовлетворяйся.

Ешь как все; не истощить ся и при внезапном обилии в соблазн себя и в болезнь, в отягощение не ввести — есть равномерно: владей собою, ешь **по воле**, но не по похоти и прихоти.

Следует есть по аппетиту, но не пресыщаться. Думай: потом доем, вскоре, — и отложи. Взгляни в клозет — там все и сгниет. Для души еда вкусная и многая бесполезна. Здоровье она — портит, тело — тяготит. Тело оставить червям придется. Вспомни, что Спаситель терпел: оцет, голод и так далее. Решись: удержусь 1–2 раза от излишнего, — и будешь уже сильнее бороть эту страсть.

Не следует обращать внимание на замечания других касательно недостаточности твоих «подвигов» — на вкус и цвет товарищей нет. Постишься? А с какой целью? Бога ради. Помни: пост — обновление души. При физическом же труде не до тяжелого поста.

Вина не пей (от него голова плохая и похоть).

От излишнего воздержись (сахар, сон, вода, покой, газеты).

Сладкого? А как поешь, что потом? Опять потом заболеешь — не обманывайся. Представь — я уже поел его — и успокойся.

Сладкого не наедайся. Сахар предназначен не душе, а плоти, которая сгниет скоро; душа вечна: ей сахар — мучение.

Пред Богом — сокрушаться, плакать надо, а не услаждаться. *Восприял еси благая твоя в животе*

твоем (Лк 16, 25) — скажет тебе Господь и осудит на вечную муку, не имущую конца.

Сластей? Хлеба тебе достаточно и воды. Помни: я — немощен, слабоволен, — Бог же всемогущ.

Полюби жить в скудости и быть всеми небрегаемым. **Храни** ум, трезвись. Терпи в теснотах (послабляешь себе, жалеешь себя, унываешь, сластолюбив). Думай: я бессилен против страсти — Господи, помози. Не понадейся на себя.

Страшно поблажать разленению.

Не ищи приятного, спокойного, мягкого, сладкого и прочего; ты — странник на пути к вечной жизни, самоотверженно по этому пути и шествуй.

ОБ ОТНОШЕНИИ К ЖЕНЩИНАМ

Храни очи — ты еще юный.

Пожар у тебя? Как из окна ты выскочил от пожара похоти. Беги его ты. Смотри в землю, помни смерть; плотское чувство — естественное чувство: но вырви его, как глаз, который прельщает всего тя, душу твою.

Один Святой муж умирал; все ждали его смерти и давали ему последние целования; женщин же он отгонял, дабы и теперь не искуситься, говоря: «Я еще не умер, но жив», — возьми с него пример.

Начнет страсть находить — представляй час смертный: Ангелы ли нас приимут (душу) или, не дай Бог, демоны? Грозит тебе бесконечное мучение, не имущее конца, на веки вечные. Красивые молодые женщины — умрут, лишь кости останутся, которые ныне обтянуты жиром, а тогда иссохнут; обольщение — мираж, обман. Бог очень редким святым послаблял в страсти. Мария Египетская после 17-летней борьбы со страстями стала Святой — железный характер нужен, и нам нужна — борьба. Можно и глядеть на женщин с пользою — представляя себе их будущее тление.

Преподобный Симеон Псково-Печерский
Икона
Ок. 2003 г.

А не чувствуешь ли ты, как смердит сия красавица плотию, как кишит червями и рассыпается на горсть земли и кучу костей? Не внимай ее прелести — этой ловушке человекоубийцы искони, отца лжи (ср. Ин 8, 44). Зри в ней лишь создание Божие, бессмертную душу. Оставь землю. Наше жилище — на небеси суть: яко Ангели Божии.

Примечание: от женщин не спрячешься, как и от мира, — учись, живя в этом мире, быть вне его в душе своей.

Высшая, истинная красота — душевная; чистота такой души, как душа Иисуса Христа. Красота внешняя — дополнение. Тело сгниет, умрет — всю заботу обрати внутрь, но она в свое время отразится и во вне; здоровье, красота природы, изящество и богатство, и прочее — не необходимы. В ямах, на гноищах, в гниющих и смердящих телах — обретались жемчужины — Святые Угодники Божии, сверкающие подобно

бриллианту душевной красотой. Это стоило терпения, молитвы, трудов, искушений и прочего.

Во Христе *несть мужеский пол, ни женский* (Гал 3, 28). Естество различно у мужчин и женщин только до смерти — потом же будут *яко Ангели Божии на небеси суть* (Мф 22, 30). Считай и уже теперь за Ангелов бесплотных всех.

Женское лицо — Божие творение; перейди от него на созерцание красоты Божией.

Женщина — тоже Божие создание; так Он премудро с целью ее создал. Себя осуждай за **растление**.

Женщины одного естества с Богородицей и со многими святыми женами — не гневи их, не оскорбляй в дерзких блудных помыслах (не принимай этих помыслов) — здесь беда, убойся.

О ПОКАЯНИИ

Первые слова Спасителя: *покайтеся, приближися бо Царство Небесное* (Мф 4, 17); то есть стало доступным, стало возможным — если приведет Господь.

Как спастись? 1) Поучаться в Евангелии — там все сказано необходимое для Спасения. 2) Жить в Церкви — там Таинства благодатные, Псалтирь, иконы, святые мощи.

«Покайтеся...» — это не один-два раза поговел в году; это целожизненное покаяние: усмотреть себя и измениться (наслаждайся жизнью, но сердце отдай Мне). Примеры: блудница льет слезы, Петр помнил всю жизнь свой грех — понятный нам (его отречение — боясь смерти): имел красные глаза от слез; ради покаяния и идут в **монастырь** — в монастыре не только монашеские одежды, но и покаянная жизнь, то есть иноческая. А нам — что? Твердить Иисусову молитву, читать Псалтирь — она покаянными чувствами полна — и другое. Один доктор-пьяница имел уголок, где теплил лампадку перед иконой и между дел забегал туда, падал на колени

и взывал: «Господи, милостив буди мне грешному, я живу — как свинья». Нам тоже надо сознавать свою виновность и вопиять.

Покаяние всегда, до смерти возможно. Не буду легкомыслен, но и не отчаюсь: я всегда грешу, всегда да и покаюсь; милостив Господь — любит грешников кающихся более праведников возносящихся. Святые всю жизнь плакали о грехах бывших и всегдашних, и ты плачь, говори: *грех мой предо мною есть выну* (Пс 50, 5). Давно внизу чаша с грехами моими (перевесила); буду каяться, терпеть все, не осуждать, бороться, надеяться на заслуги Крестные Иисуса Христа — за мои грехи распятого, да и я спасуся. Делишек нет, но и за покаяние спасает Господь.

«Годы наша, воля наша» — терпи. За спиною моею бездна преступлений, вечная казнь ждет меня, непрестанно грешу — обязан и непрестанно каяться и молиться. Истина — добро (заповеди Иисуса Христа); зло — ложь, лесть диавола.

Думай: я пришел сюда (в монастырь) каяться и плакать о грехах моих, жить в страхе и воздержании — не забывай об этом. Помни: я обязан плакать беспрерывно и сокрушаться.

Какая же радость ждет плачущих!

Грехи имей свои пред собою; видеть их — выше видения Ангелов — и кайся в них, плачь выну.

Всегда проси прощения у Бога, проси не лишить тебя Царствия Небесного; все Им создано и посему Он как бы растворен во всем, все им просочено — все ткани и вещества — все Им пропитано.

Говори: жив еще я (этим утром), слава Богу, слава Его долготерпению; подай мне, Господи, покаяние всегдашнее...

Есмь я — грешный, есть Господь Бог — правосудный, но и милосердый, и есть краткое время земной жизни в данной обстановке. Помни об этом — не отвлекайся от сего — кайся.

«Отче наш...»

Со стыдом называй Отцем Того, Которого часто оскорблял; осуди себя и приди в раскаяние.

«Хлеб наш насущный» — это покаяние, слезы, которые живят душу.

Над собою плачь — ты живой мертвец, и ждет тебя ад.

Пока в теле — кайся.

В грехе нужно каяться сразу.

Кайся (согрешить неудивительно — не Ангелы мы) немедленно по согрешении, чтобы не закоснеть во грехе. *И аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю: аще же будут яко червленое, яко волну убелю* (Ис 1, 18). Если закоснеешь во грехе, то твое багряное, напротив, станет черное, как смола.

Человек — чистый сосуд, а не навоз. Навозом (грехом) оскверняется, покаянием — вновь и вновь очищается.

Добродетели, чистота сердца? Нет их: мертвец дома у меня — душа грехами убитая; всегда оплакивай его и воздыхай о нем; ничему другому не внимай, а лишь сему — помни час смертный.

Бог любит ближних твоих более тебя — как слуг Своих; ты один оскорблениями бесчестишь Бога. Слезы? Не помогут бывшие прежде слезы твои (и они ведь — дар Божий), если опять гневишь Бога. Умрешь в нерадении, злобе, похоти, самомнении — и во ад сойдешь. Братия же твои не мнят что о себе. Ты — грешник, ад ждет тя, но терпит Бог милосердный. Ты и умрешь грешным, но если пребудешь в покаянии и в вере в Искупителя, то спасешься. Не думай о том, чтобы духовно обогатиться, но стремись познать нищету свою.

Страшись исповедовать грех без раскаяния, как нечто славное: тогда бесы поругаются над тобой — шуице покажешь десное дело, жемчуг — свиньям.

Пал — покайся; покаявшись — ободрись, борись, размышляя о смерти, об ответе на Страшном Суде, о вечности — бесконечной.

Искушение ко греху — есть вражие давление, от него оно; не нравится ему, что молодой человек хочет в монастыре жить, иначе откуда эта противоположность желанию жить духовно? Протягивай руки к Богу, может — о себе что высокое думал? Нужно смирение, враг бежит его (вспомни смиренных: Иисус Христос, Антоний Великий).

Петр по волнам шел к Спасителю, усумнился, тонул, но воззвал к Нему: «Спаси!» — и был спасен.

Принять искушение — приблизить врага (вот ты не хотел причащаться). Помни: ты много согрешил, но если покаешься — то и будет все прощено; но лучше совсем не делать было бы этого, не услаждать страсти.

Богоотец Давид говорит: *аз же есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей* (Пс 21, 7) — ради смирения своего кайся ночами; покаялся — вставай, паки принимайся за борьбу — ни-ни уныния. Заповеди две важнейшие — о любви к Богу и ближнему: желай ближнему того же, что и себе, — так и делай.

Согрешив по немощи или по старой привычке — приноси покаяние сперва пред Богом, а потом и пред духовным отцом.

Добрые дела наши бывают с грехом пополам, если совершаются они неохотно, скрепя сердце, без любви к Богу, с побуждениями нечистыми; и если в одном отношении человек хорош, в другом может быть нехорош (милостив и щедр, но нетрезв, развратен;

постник, богомолен, но питает вражду и ненависть к ближним). Если ты таков, то покайся и смиренно сознавай свою виновность и безответность пред Богом, и ревнуй к угождению Богу делами самоотвержения, и будь горячен в исполнении заповедей Господних. Горе лишь тепловатым.

О СТРАХЕ БОЖИЕМ

От внутреннего благоговения и страха Божия является и благое внешнее; без них же — ложь.

Не поддавайся смущению (боязни людей, пьяниц, безбожников, женщин, насмешников, разбойников, боязни **искушений**). Тот кто имеет страх Божий — ничего больше не боится. Искушениям радуйся — они награда тебе.

Страхом Божиим уклоняется всяк от зла. Привыкаешь к страху Божию?

Близится час смерти, диавола истязания, вечная мука — нужны страх и покаяние. Думай: желаю страх Божий иметь — это главное.

О ПАМЯТИ СМЕРТНОЙ

Память смертная нужна. Все помрем...

Думай: я здесь в мире временно, я — путник, не сегодня — завтра отойду...

Спрашивай себя: «Гроб, могила меня ждет — когда-то возьмет Господь меня?»

Памятуй смерть — **не согрешишь** (это смиряет).

По Святым Отцам — молитва, этот столп духовной жизни, есть лишь «правое крыло» души верующих; левое же крыло есть — постоянная память об исходе из этого мира.

Помни: я — вечен, но тело мое не вечно. Смерти не миновать. Я буду дома тогда, тело же, оставшееся на земле, — сгниет.

Время покаяния сокращается, смертный час приближается.

Смерть всегда одинаково близка, в каждый момент; ум навык считать ее где-то за горами, а ты обучи его новому навыку сему — памяти смертной...

Раз все Богом создано, то все принадлежит Ему, все стоит и живет Им — Его желанием; и человек жив не кашей, а волею Божией. Помнишь ли ты о Боге или нет, спишь ли, умрешь ли — Он всегда есть, был и будет, Тот же, вне времени и находящийся везде — во всем Он есть — не вещественно, а духовно: вещи Святых имеют чудодейственную силу, со Святыми иконами — благодать Божия. Люди — дело рук Его (*руце Твои сотвористе мя и создасте мя: вразуми мя, и научуся заповедем Твоим* (Пс 118, 73)) — Он в них пребывает, Он печется о них более матери родной (*отец мой и мати моя остависта мя, Господь же восприят мя* (Пс 26, 10)), печется об их Спасении, почитай их [людей] и — чрез них — Создавшего их.

Молись: «Господи, да не всуе иждиваю время, еже даруеши мне на покаяние, по долготерпению и любви Твоей ("пришел грешныя спасти, от них же первый есмь аз") — да терплю все, памятуя исход и вечность с благодарением. Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, за всё» .

Лень побеждается памятью смерти и Суда.

Не готов ты еще к смерти.

По смерти — мгновенный суд (страшно): будет стыд и срам неизреченный.

Думай: на Суде Божием будут люди святые, в моем положении бывшие (жившие монастырской жизнью) и в куда худшем, — мне в осуждение.

На Страшном Суде не оправдаюсь я и собственной немощию: тут предстанет множество святых праведников, находившихся при такой же немощи и большей и, в отличие от меня, перенесших все искушения, — на мое осуждение.

Никто не ответит за тя на Страшном Суде.

В час смерти никто не поможет ти.

Молись к Богородице: Владычица, в день смерти заступи мя. Проси мирныя христианския кончины.

Костя умер — упокой его со Своими Святыми, Господи. Бесчестил он Бога? И ты остерегайся сего, страшись, кайся; долготерпит Бог по великой милости, но что будет, если измет душу твою тогда, когда ты грешишь?

Помни всегда: земным искушениям, мучениям — есть конец. Думай: все стерплю здесь эти несколько десятков лет! Чтобы без конца, вне времени, — не находиться в страшном месте, в мучении ужасном. Стыд — стыд — стыд — будет на Страшном Суде пред всеми Святыми и Ангелы; здесь стыдись.

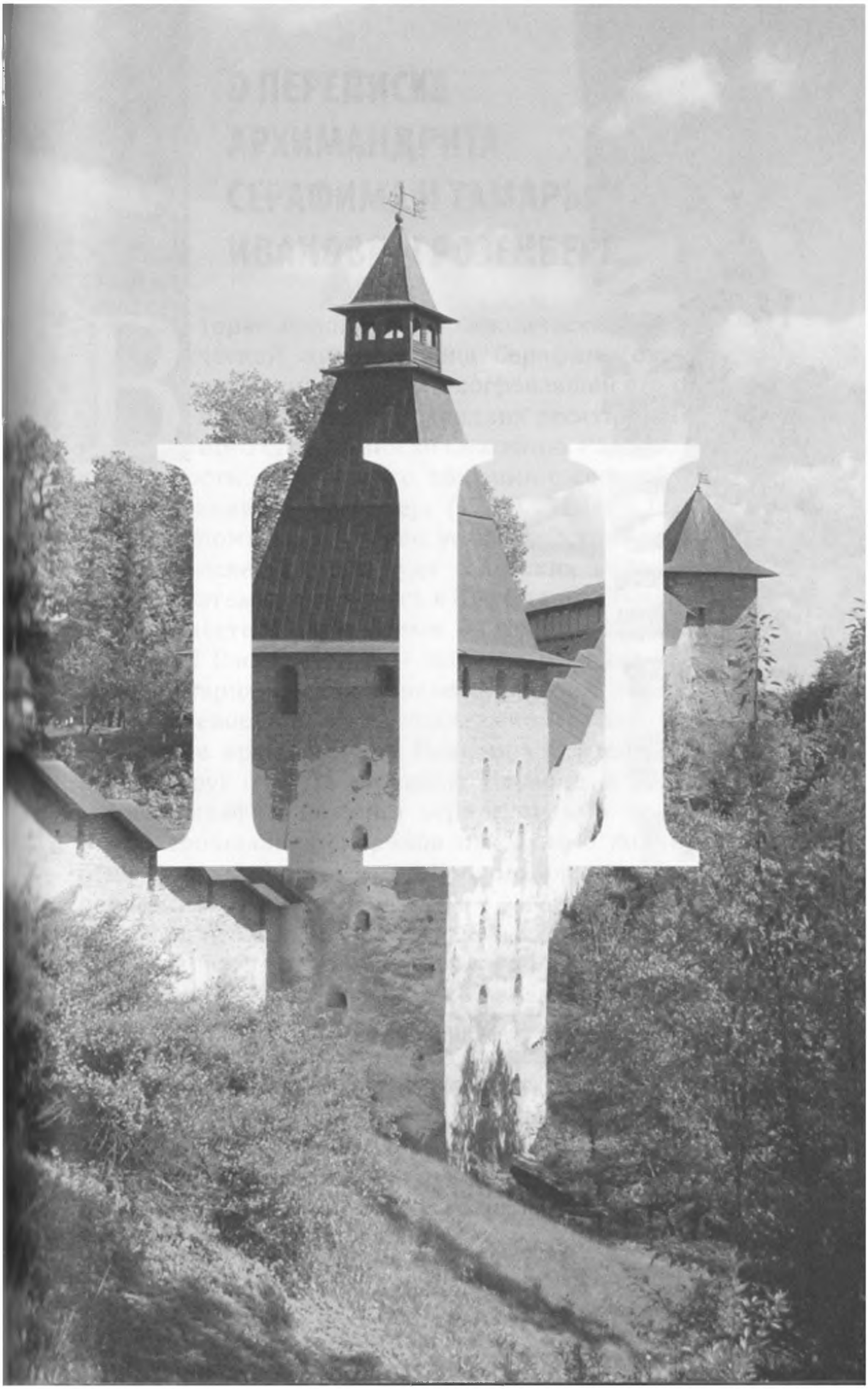
Убойся. И в монастыре — если в суете пребываешь — осудишься; разлучение с каждым часом приближается, время жизни сей сокращается; еда — чтобы не умереть; твоя — черная одежда; поминай усопших.

Различай плоть от души, оказывай внимание плоти [лишь постольку] поскольку она полезна душе; люди видят плоть твою, Бог же и Ангелы, и Святые зрят душу твою.

Думай: я должник неоплатный Богу, родителям, ближним — неблагодарный и непослушный.

Христос скажет на Суде: *отидите от Мене, делающии беззаконие* (Мф 7, 23).

Память смерти — это и память неизреченности будущего блаженства.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

«БУДЬ БОДР И РАДОСТЕН ДУХОМ...»

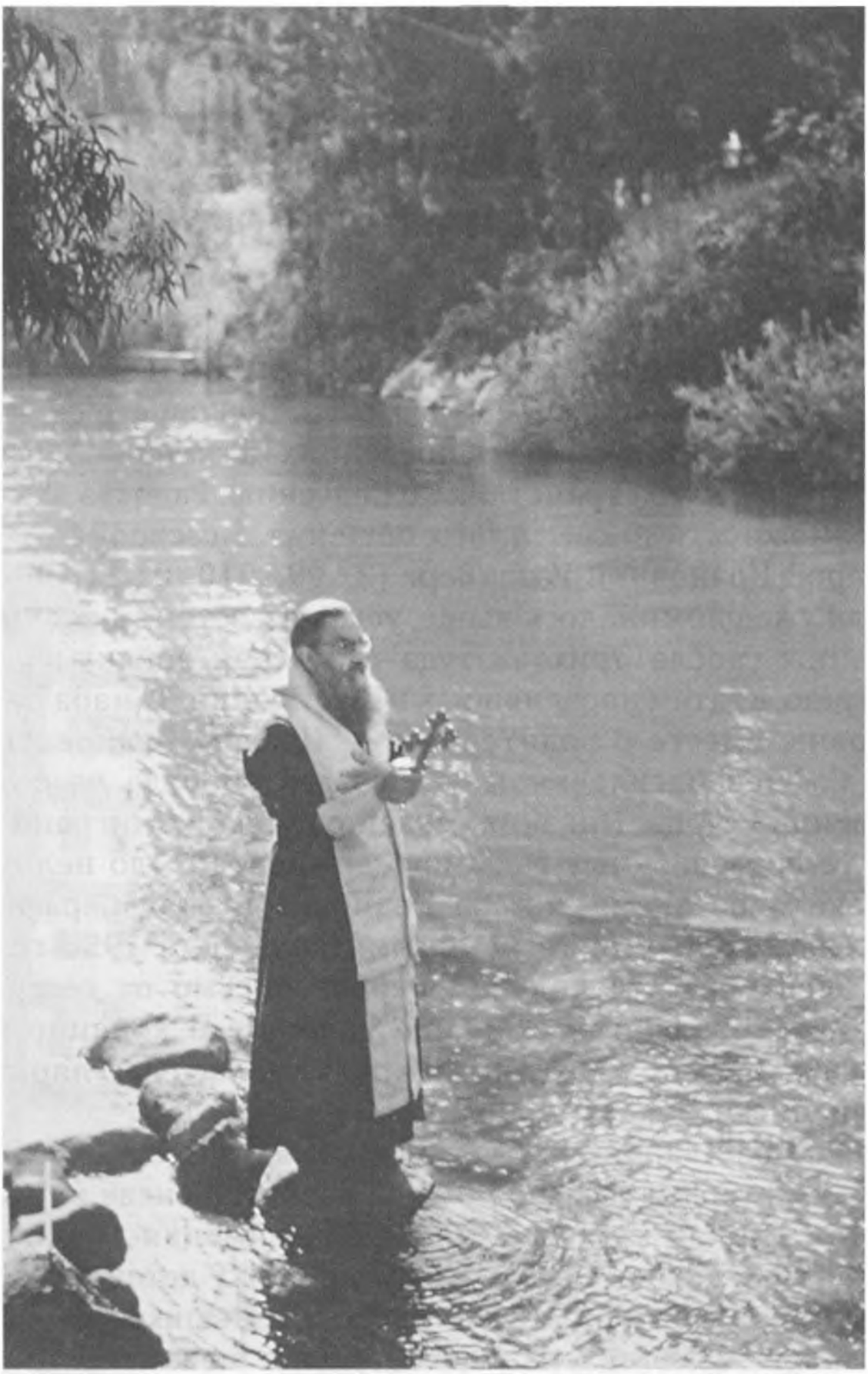
ИЗ ПЕРЕПИСКИ АРХИМАНДРИТА СЕРАФИМА И ТАМАРЫ ИВАНОВНЫ РОЗЕНБЕРГ

О ПЕРЕПИСКЕ АРХИМАНДРИТА СЕРАФИМА И ТАМАРЫ ИВАНОВНЫ РОЗЕНБЕРГ

Вторая половина подвижнической и труднической жизни старца Серафима оказалась освещена радостью, согревавшей его сердце на протяжении последних десятилетий земного странствия ко Спасению. Радость эта — возможность письменного общения с сестрой — Тамарой Ивановной Розенберг (27.09.1910–01.11.1990). Как уже упоминалось выше, уехав из Эстонии в конце войны (после прихода туда советских войск) в Австрию, а затем поселившись в Швейцарии, Тамара Ивановна, вместе с родителями — Иваном Ивановичем и Софией Васильевной — надолго пропала из поля зрения старца. Никаких связей с русской эмиграцией в те послевоенные годы поддерживать было нельзя. Некоторое время Тамара Ивановна и отец Серафим ничего друг о друге не знали. Наконец, в 1956 году старец Серафим получил первое письмо от сестры. В нем сообщалось скорбное известие о кончине их отца. С тех пор между ними продолжалась регулярная переписка.

Тамара Ивановна жила в это время (поначалу — вместе с матерью, умершей в 1961 году) в Женеве и была прихожанкой русского храма Воздвижения Честнаго Креста Господня. Обучая русскому языку детей из эмигрантских семей (а также детей, родившихся от смешанных браков), она одновременно неизменно свидетельствовала об истине Православия перед лицом западных христиан. Тамара Ивановна весьма активно участвовала в жизни своего прихода, постоянно помогая в конце 1950-х и в 1960-х годах архиепископу (тогда —

Владыка Антоний (Бартошевич), архиепископ Женевский
и Западно-Европейский (РПЦЗ), на Иордане
Август 1973 г.

епископу) Женевскому Антонию (Бартошевичу) (1910–1993)* в преподавании учившимся в Воскресной школе детям «Закона Божиего». Она была лично знакома и со святителем Иоанном (Максимовичем) (1896–1966) — замечательным русским иерархом-подвижником**.

---

* Архиепископ Антоний (в миру Андрей Георгиевич Бартошевич; 1910–1993) — выдающийся церковный деятель русского Зарубежья. Родился в Петербурге в семье полковника, впоследствии в годы революции воевавшего в составе «белой» Добровольческой армии. В 1920-х годах выехал в Германию, а затем к отцу в Белград. Окончил Богословский факультет Белградского университета; ученик известного сербского богослова и подвижника преподобного Иустина (Поповича); обучался также иконописанию у знаменитого мастера Пимена Софронова. Принял постриг в 1941 году в сербском монастыре Туман — с наречением имени в честь преподобного Антония Киево-Печерского. Вскоре же рукоположен митрополитом Зарубежной Русской Православной Церкви Анастасием (Грибановским) во иеродиакона и иеромонаха в белградской Свято-Троицкой церкви, где затем и служил. После перехода Белградской русской общины в 1945 году в юрисдикцию Московского Патриархата был удостоен указом Патриарха Алексия I сана архимандрита. Однако, так и не дождавшись в течение четырех лет (как эмигрант) никакого конкретного назначения, в 1949 году переехал в Швейцарию — к брату, епископу Женевскому РПЦ Заграницей Леонтию. Служил в разных местах Западно-Европейской епархии РПЦЗ — во Франции и в Бельгии (с 1952 по 1957 год — в Брюсселе). После кончины в 1956 году епископа Леонтия был хиротонисан в 1957 году архиереями во главе со святителем Иоанном (Максимовичем) во епископа Женевского. В дальнейшем возглавил приходы РПЦЗ в Западной Европе — в сане архиепископа Женевского и Западно-Европейского. До конца жизни редактировал «Вестник Западно-Европейской епархии РПЦЗ». На Всезарубежном Соборе 1974 года решительно выступал за православное единство — против самоизоляции РПЦЗ. Владыку чрезвычайно высоко ценил замечательный афонский старец Паисий (Эзнепидис). Преставился ко Господу 2 октября 1993 года — после того, как по его благословению протоиерей Павел Цветков, ключарь женевского Крестовоздвиженского собора, пропел ему Пасхальный канон.

** Святитель Иоанн (в миру Михаил Борисович Максимо́вич) — родился 4/17 июня 1896 года в селе Адамовка Харьковской губернии в семье местного предводителя дворянства. В 1914 году окончил Полтавскую военную школу, а в 1918 году юридический факультет Харьковского университета. В студенческие годы его приблизил к себе архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), будущий митрополит и глава Русской Зарубежной Церкви, ставший тогда его духовником. В 1921 году эмигрировал с семьей в Сербию. В Белграде он закончил в 1925 году богословский факультет, а в 1926 году митрополит Антоний постриг его в монахи и рукоположил в иеродиакона с именем Иоанн. Осенью того же года был рукоположен во иеромонаха. С 1929 по 1934 год преподавал →

Епископ Иоанн (Шаховской) с родителями о. Серафима и его сестрой Тамарой в Альпенруе (Швейцария) — в «Беженском доме»
1 августа 1952 г.

Тамара Ивановна являлась духовной дочерью архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского) (1902–

в Семинарии святого Иоанна Богослова в Битоле и служил на греческом языке в местных греческих и македонских общинах. 28 мая 1934 года митрополит Антоний хиротонисал его во епископа и назначил в Шанхайскую епархию Зарубежной Церкви в Китае. В 1946 году был возведен в сан архиепископа. В 1949 году с приходом к власти коммунистов временно поселился с русской общиной на одном из Филиппинских островов, а затем перевез всех православных беженцев в США, лично договорившись об этом с американским правительством. В 1951 году был направлен на служение в Западно-Европейскую архиепископию с кафедрой в Париже, а затем в Брюсселе. С конца 1962 года — архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский (с кафедрой в Сан-Франциско, США). Скончался перед образом чудотворной Курской-Коренной иконы Знамения Божией Матери 2 июля 1966 года. Отличался необычайной христианской любовью, смирением, верностью православным канонам и строгому уставному богослужению; по его молитвам совершалось много исцелений — физических и духовных. Канонизирован Русской Зарубежной Церковью в 1994 году; 24–25 июня 2008 года общецерковно прославлен Архиерейским Собором РПЦ (день памяти 2 июля). Один из наиболее замечательных святителей-подвижников XX века.

См. о нем, например: *Иеромонах Серафим (Роуз), игумен Герман (Подмошенский).* Блаженный святитель Иоанн Чудотворец. Предварительные сведения о жизни и чудесах архиепископа Иоанна (Максимовича). Богословские труды. — М., 2003. — 893 с.; Владыка Иоанн — святитель Русского Зарубежья / Сост. прот. Петра Перекрестова. — М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008.

1989)* и, несмотря на его почти постоянное пребывание в Америке и весьма редкие приезды в Европу, продолжала окормляться у него, видимо, состоя с ним в переписке.

Известно, что она неоднократно бывала в православном монастыре Покрова Пресвятой Богородицы в Бюсси, порой читая вслух матушкам обители письма своего брата — архимандрита Серафима.

В последние десятилетия жизни Тамара Ивановна, как одинокая незамужняя и пожилая женщина, слабая здоровьем и физически немощная, — находилась в доме для престарелых, продолжая и в эти годы вести постоянную переписку со своим братом.

Однако и в это время Тамара Ивановна, страдая тяжелыми недугами, старалась стойко и смиренно переносить свою старость. Недаром в ее тетради сохранились записанные ею в 80-е годы стихи Л. Глуховой, говорящие именно о благодарном и смиренном принятии подаваемого каждому от Бога креста старости:

Благослови свои земные дни,
Их тихое безвестное теченье
И непрестанного благодаренья
Затепли в сердце ясные огни.

---

* Архиепископ Иоанн (в миру Дмитрий Алексеевич Шаховской) — родился 23 августа (по старому стилю) 1902 года в Москве. В 1915 году поступил в Императорский Александровский лицей, но занятия прервались в 1917 году. Участвовал в Гражданской войне в составе «белой» Добровольческой армии; эмигрировал из России в 1920 году. Принял монашеский постриг в 1926 году на Афоне. Был рукоположен во священника в Белой Церкви, в Сербии, где и служил по 1931 год. С 1932 по 1943 год по благословению митрополита Евлогия исполнял обязанности настоятеля Свято-Владимирского храма в Берлине (в юрисдикции Константинопольской Церкви). С января 1945 года проживал в США. Сначала служил в Лос-Анджелесе, затем был хиротонисан в 1950 году во епископа Бруклинского; далее — епископ и архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский (Американской Православной Церкви, в 1970 г. получившей от РПЦ автокефалию и именуемой после этого Православной Церковью в Америке). Известный проповедник и церковный писатель. Скончался в 1989 году.
Из его трудов см.: *Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской).* Избранное. Петрозаводск: Святой остров, 1992. 575 с.

Благослови всё данное тебе,
Все трудные и легкие дороги,
И радуйся о людях, и о Боге,
И о своей скитальческой судьбе.

***

Родиться вновь... забыть все заблужденья,
Все темные и тесные пути,
И радостным горя благодареньем,
Крест старости безропотно нести...

(1965)

Умерла Тамара Ивановна 1 ноября 1990 года и была погребена на кладбище в Шен-Бужери (некогда пригород, ныне — в черте Женевы).

...Мы уже привыкли к тому, что ответы на волнующие нас духовные и житейские вопросы можно зачастую найти в сокровищнице рукописного наследия российского старчества — в письмах умудренных Богом святых и иноков к их духовным чадам. Многие из нас непрестанно обращаются к переписке, дошедшей до нас от великих «оптинцев», святителя Феофана Затворника, Георгия Затворника и других.

И, однако, весьма неожиданным для кого-то из нас может стать знакомство с публикуемыми ниже письмами Тамары Ивановны Розенберг к брату, архимандриту Серафиму, которыми эта мудрая русская женщина, глубоко веровавшая и беззаветно отдававшая себя служению Церкви Христовой, помогала ему — и своим глубоким советом, и утешительным словом.

Отец Серафим непрестанно и глубоко наставлял ее в жизни в Боге, но и она очень многому учила своего брата-старца. Таким образом, архимандрит Серафим — к которому обращались за разрешением жизненных проблем многие из посещавших Печоры паломников — и сам порой бывал наставляем в постигавших его духовных испытаниях смиренной сестрой-христианкой — оторванной от своей Родины, по-провинциальному скромной, но по-старорусски интеллигентной учительницей воскресной школы.

Тамара Ивановна Розенберг, сестра о. Серафима. Швейцария
Ок. 1955 г.

Отец Серафим, постоянно свидетельствующий о себе на страницах дневников как о величайшем грешнике, недостойном Спасения и милосердия Божия, непрестанно укоряющий себя за свою духовную слабость перед лицом лукавого, нередко оказывается утешаем сестрой, призывающей его к радости о Господе и к твердой надежде на Христа.

Так, например, Тамара Ивановна, обращаясь к брату, пишет:

«Ты, милый братик, **напрасно** так много занимаешься самобичеванием. У каждого свои недостатки, но если **слишком** обращать на них свое внимание, они как бы увеличиваются в размерах и вводят нас в **уныние**. Конечно, наш долг бороться с ними, но и **терпеть** себя, как и других. И лучше всего устремлять свой взор на все светлое, стремясь к нему, стараться «**стяжать** Духа Святого», а Он **понемногу** излечит и наши больные стороны. Понимаю, что в тебе говорит смирение, но боюсь за тебя, чтобы не впасть тебе в уныние... Пишу, как думаю, может быть, и ошибаюсь. Ты воин Христов, посвятил свою жизнь служению Богу и людям, и Господь освятит тебя Своей Благодатью, и дает, и даст **силы** и впредь послужить братьям своим».

Иван Иванович Розенберг, отец архимандрита Серафима. Швейцария 1952 г.

Бесспорно, письма сестры были для отца Серафима и огромным утешением, и великой поддержкой на его многотрудном монашеском пути...

Письма Тамары Ивановны Розенберг к брату были обнаружены авторами этой книги через несколько дней после смерти старца Серафима — в его келье. Толстая пачка писем нашлась, казалось бы, совсем случайно — но, конечно же, не без участия Промысла Божия. Они были хранимы старцем (как драгоценнейшее для его сердца духовное сокровище) в самом укромном месте его кельи: за задней стенкой одного из выдвижных ящиков письменного стола. Здесь же нашлись и несколько черновиков ответов отца Серафима сестре.

Некоторые из этих писем — самые интересные и яркие — и предлаются ныне вниманию православных читателей.

Кроме того, авторам книги удалось получить несколько оригиналов и многочисленные фрагменты из писем к сестре самого отца Серафима (включенные Тамарой Ивановной в ее тетради о старце). Многие из них уже

«Надо за нас очень молиться...» — София Васильевна Розенберг, мать о. Серафима. Швейцария 1952 г.

цитировались здесь ранее. В этом разделе книги приводятся только те из них, что напрямую касаются личных отношений отца Серафима и Тамары Ивановны, а также включают духовные поучения старца сестре.

В мудрых, исполненных братской любви письмах отца Серафима к находящейся за многие сотни километров от него сестре, хорошо ощутима та неразрывная молитвенная связь, что никогда не прерывалась между этими искренно и глубоко верующими людьми.

Как уже отмечалось выше, значительная часть из написанного старцем сестре оказалось доступной лишь в виде выписок, с любовью сделанных Тамарой Ивановной в ее тетрадях. Тетради эти, составленные в Швейцарии, были получены затем авторами уже из Франции. Большинство из публикуемых отрывков относится к 1970-м годам, хотя встречаются здесь и письма конца 1950–1960-х годов.

Помимо этого, авторам удалось получить из Швейцарии копии еще двух писем старца Серафима, адресованных Тамаре Ивановне, относящихся уже к началу 80-х годов XX века.

ПИСЬМА АРХИМАНДРИТА СЕРАФИМА И ТАМАРЫ ИВАНОВНЫ РОЗЕНБЕРГ

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

19 сентября.

18-го в 4-ре часа дня отошел ко Господу отец наш, раб Божий Иоанн*. Молись о нем непрестанно, и о его глубоко скорбящих дочери и жене.

Тамара и мама

---

* Среди бумаг Тамары Ивановны сохранился текст некролога Ивана Ивановича Розенберга. Приводим его здесь полностью:
«Памяти Ивана Ивановича Розенберга.
18 сентября 1956 года скончался после продолжительной и тяжелой болезни Иван Иванович Розенберг.
Многогранная жизнь Ивана Ивановича и его отношение к ближнему не могут быть не отмечены.
Родился Иван Иванович в семье купца и сельского помещика в Изборске, Псковского края, в России. С малых лет он был уже помощником в семье, и это воспитало в нем особую чуткость к нуждам неимущих, желание помочь ближнему, подойти ближе к людям, вносить мир и взаимное понимание.
В ущерб личному благополучию и личным интересам он шел к народу, был среди народа и сумел снискать к себе любовь и уважение от всех, кто его знал. Он был судьей спорящих и недовольных; его советы принимались как от авторитетного лица, и все шли от него удовлетворенные, запечатлев в своих сердцах доброе, отечески-братское отношение и бескорыстную помощь.
Привитая с детства чуткость к ближнему сделала его альтруистом. Получив после смерти деда маленький алебастровый завод, он привлекал на работы крестьян, и на это дело смотрел как на помощь крестьянству.
Революция 1918 года вынудила потерять все имущество и привела к необходимости оставить родные края и бежать в Крым.
Безропотно перенес он все лишения, и, когда предоставилась возможность в связи с объявлением Эстонии самостоятельным государством, Иван Иванович возвратился в родные края и с новой энергией включился в служение интересам крестьянства.
Мы видим его председателем Печерского Уездного собрания, членом Ревизионной Волостной комиссии.
Правительство Эстонии ценило энергию и стремление Ивана Ивановича помогать крестьянству и поручило ему ответственную работу по обследованию сельского хозяйства государства, за успешное выполнение которого наградило его орденом.

17 avenue du Plateau.
Genève. Suisse.
[P.S. на полях:] Он болел 40 дней*.

В 1931 году мы видим Ивана Ивановича членом Сельскохозяйственной палаты в городе Ревеле и президентом правления Ссудо-Сберегательного банка.
Для крестьян Иван Иванович был всегда и советником, и судьей, другом, помощником и защитником их интересов, доказательством чему служит то обстоятельство, что с приходом большевиков он был выдвинут крестьянством как организатор кооператива.
Занятие немцами Эстонии и их последующий уход вызвал репрессии со стороны пришедших из Москвы большевиков-коммунистов, и снова Иван Иванович вынужден был оставить Родину.
Оставление Родины, сопряженные с этим лишения и мытарства при отягченности семьей, привели Ивана Ивановича в Австрию, где были пристанищем лагеря для обездоленных людей, в частности лагерь Шпитталь (Каринтия), находившийся в ведении УНРРА (UNRRA — United Nations Relief and Rehabilitation Administration (англ.) — Администрация Объединенных Наций по оказанию помощи и восстановления. Эта организация экономических связей действовала во время Второй мировой войны — до момента создания Организации Объединенных Наций, оказывая помощь многочисленным беженцам. — *Авт.*).
И здесь Иван Иванович проявил себя как высокорелигиозный человек, готовый прийти другому на помощь не только морально, но и материально.
Никто никогда не слышал от него ни ропота, ни жалоб на судьбу, никому он не сделал зла; зло же, причиненное ему, он переносил стоически, не памятуя и не стремясь ответить обидчику.
"Бог — моя надежда" — это были его слова в тяжелые минуты жизни, это его ободряло даже в такой обстановке искать возможность скрасить лагерные условия и создать своим близким хоть небольшие жизненные удобства. Всегда его можно было видеть окруженным людьми, в беседе с которыми он умел ободрить и вселить надежду на лучшее будущее.
По Воле Свыше он переселяется в благословенную страну Швейцарию и на склоне лет имел и помощь, и относительные удобства.
Да будет его жизнь примером оставшимся живущим!
После него остались дочь Тамара, его любимица, сын Серафим, посвятивший себя монашеству, и жена София Васильевна.
Спи, дорогой наш Друг. Да будет тебе земля благородной Швейцарии пухом. Твои друзья будут тебя помнить и молиться о тебе».

Друзья»

* Наверху листа рукой отца Серафима пометка: «не отвечал». Под датой отправки его же рукой: «получено 26/IX — 56.» На обороте письма: «из Священного Писания /оглашать /показывать/ [*отчеркнуто*] / чем порадовать — сестра по духу/ имена их благодетелей».

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Дорогой брат! Господу Богу было угодно призвать к себе нашего бесконечно дорогого папу. Как тяжело, как больно нам переживать эту разлуку, это ты поймешь и без лишних слов. Он до последняго времени имел ясный ум, энергию и доброжелательное и сочувствующее всем сердце. Многие его любили, и многие сейчас о нем горюют... и молятся о его душе. Но молитвы сына для него дороже и нужнее всего! Поэтому молись, дорогой брат, молись горячо о твоем отце, который мечтал еще повидать тебя на этой земле, а если нет, то вот слова из его завещания мне. «...И передай лично мое родительское **Благословение*** принесенному нами в жертву Господу и Царице Небесной брату Серафиму».

Напиши нам пару слов, это будет нам моральной **поддержкой**. (Как твое здоровье, чем тебя можно порадовать)**? Мы живем тихо, наше единственное утешение сейчас — это **церковь**. Папа тоже любил ее, и душой принадлежал больше нашей церкви***. Поэтому о нем служили и заупокойную Литургию, по особому чину — для людей близко стоящих к православию. Папа болел месяца полтора. Последние недели говорил мало и с трудом. Но иногда так ласково улыбался, так светло... Болей не было, но было тяжело дышать. Легкие... сердце... Так безумно тяжело поверить, что его нет больше с нами.

Храни тебя Господь, дорогой братец.

Молись и о нас, о маме.

Твоя сестра Тамара.

---

* Подчеркивание в тексте писем делалось разноцветными карандашами отцом Серафимом. Те места в письмах, где слова подчеркнуты Тамарой Ивановной, будут отмечены особо.

** Скобки поставлены отцом Серафимом.

*** Иван Иванович Розенберг, отец архимандрита Серафимы и Тамары Ивановны, был по вероисповеданию лютеранином, однако, как следует из данного письма, к концу своей жизни склонялся к истинной — православной — вере.

[P. S. на первой странице вверху*:] Милый Адя, страшное горе у нас!

Молись о папе и о нас

Твоя мама**.

[Далее — рукой Тамары Ивановны:]

Дорогой брат, спасибо за приветы. Молись о папе нашем, обо мне, и особенно молись о **матери*** твоей... Мне была бы **огромная** помощь, если б ты писал нам иногда **пару** строк — (**наставляя духовно**). **Одной** мне так тяжело. Будь добр, помоги!

Сообщи точнее, чем могу порадовать тебя. Что у тебя болит? Не мог бы ты приехать полечиться?

Христос с тобою!

Целую. Твоя любящая сестра Тамара и мама.

[На обороте письма ее рукой надпись:] Брату Тамары****.

Архимандрит Серафим — Тамаре Ивановне

Дорогая сестричка, мужайся, крепись, твердо верь в Промысл Божий и в будущую жизнь и терпеливо неси крест свой. Священное Писание и молитва покорная да будут тебе поддержкой. Храни тебя Господь Бог и Пречистая Его Матерь.

Брось мечты о каких-либо переменах в моем положении.

Ваш убогий сын и брат Серафим.

21/II — 57.

---

* Приписка сделана рукой Софии Васильевны — матери архимандрита Серафима и Тамары Ивановны.

** Над текстом письма рукой отца Серафима пометка: «не отвечал». Однако, вероятно, ответ все же последовал. В следующем письме сестра благодарит его «за приветы».

*** Оба раза подчеркнуто Тамарой Ивановной.

**** Первые письма ее отправлялись не по почте, а передавались с посещавшей Псково-Печерский монастырь знакомой паломницей и бывшей ученицей Тамары Ивановны — Александрой Воронковой.

[Внизу рукой Тамары Ивановны приписка:]
Первая весть [о брате] после 12-ти лет, [получено] когда умер наш отец.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Дорогой братец,
Очень мы были рады получить твое фото и твое ласковое, хорошее письмецо. Мне все кажется, это папа наш с того света заботится о нас, и надоумил тебя доставить нам эту радость... Господь Бог взял его к Себе, а взамен этого посылает нам утешение — в твоем лице. Слава Богу за все! О тебе доходят до нас такие хорошие вести, о любви и уважении, что мы искренне радуемся. И так красиво ты выглядишь, в своем игуменском облачении. Иногда в церкви (у нас Крестовоздвиженская церковь, — это мой праздник) я думаю о том, как хорошо было бы увидеть тебя пред алтарем, служащим Св. Литургию. Бог даст, доживем и до этого дня, и до дня — когда ты сможешь посетить папину могилку и отслужить там панихиду. Мы живем недалеко от кладбища и нередко бываем там. В другой раз пришлю фотографию могилки. На Рождестве воткнули в нее елочку и зажгли свечи. Папа наш мечтал повидать тебя еще, но вот — не пришлось. Вспоминал с любовью, и глубоко жалел, — что не был ближе с своим сыном и мало знал его душу... И все, что посылал нам Господь Бог хорошего в последние годы: «это по молитвам нашего Серафима», говорил он. — Мама теперь немного успокоилась, но все же молись о ней **особенно***, потому что у нее еще большое раздвоение в душе. А годы не малые. Но здоровье, пока, слава Богу, только ревматизм мучает. — Я занимаюсь переводами, даю и уроки. Здоровье осталось слабым, особенно нервы в больной ноге очень чувствительны, и бывают боли и даже воспалительное состояние. Тогда должна поле-

* Подчеркнуто Тамарой Ивановной.

живать. Хожу с палкой. Ну, храни тебя Господь, братец, дорогой.

[Дописано на полях:] Молись о нас грешных. С любовью твоя сестра Тамара.

Когда снимемся — пришлю лучшее фото.

[Приписка на первой странице — наверху и на полях — рукой Тамары Ивановны:]

Прощать мне тебя не в чем, Ты всегда был добр ко мне. А ты прости — за недостаток любви и благослови.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

*11 IX 1958.**

Дорогой братик, очень рады были твоему письму. Настроенность христианскую среди суеты земной бывает трудно сохранить. Но светоустремленность есть. А сила светоустремленности есть мера веры христианина, говорит мой духовный отец. — Ты, милый братик, **напрасно** так много занимаешься самобичеванием. У каждого свои недостатки, но если **слишком** обращать на них свое внимание, они как бы увеличиваются в размерах и вводят нас в **уныние**. Конечно, наш долг бороться с ними, но и **терпеть** себя, как и других. И лучше всего устремлять свой взор на все светлое, стремясь к нему, стараться «**стяжать** Духа Святого», а Он **понемногу** излечит и наши больные стороны. Понимаю, что в тебе говорит смирение, но боюсь за тебя, чтобы не впасть тебе в уныние... Пишу, как думаю, может быть, и ошибаюсь. Ты воин Христов, посвятил свою жизнь служению Богу и людям, и Господь освятит тебя Своей Благодатью, и дает, и даст силы и впредь послужить братьям своим.

По твоему примеру я теперь раз (а иной раз и два) в неделю дежурю в церкви, вожу туристов и обслуживаю иконный столик (и с открытками нашей церкви). Это служение Родной Церкви, в некотором роде миссионерское, приносит мне большое духовное удовлетворение.

---

* Здесь приписка рукой отца Серафима: «получено 5/X»

Я рассказываю по-французски, по-немецки, немного по-английски. Заходят и русские из других стран. Чувствуется большой интерес и тяга к православию. Иногда приходится беседовать просто о духовных вопросах, и так как я много читала и даже переводила духовную литературу, то в некоторых случаях могу поделиться и православной религиозной мыслью. — Приближается Воздвижение Креста Господня, наш приходский праздник, а также и мой день рождения. Вспомни, дорогой братик, в этот день обо мне и помолись о даровании духовных и телесных сил твоей сестричке. Помолись и о нашей маме, душа которой не находит мира, мятется... Помолись и о нашем дорогом папе. Я его почему-то вижу всегда **грустным** во сне? Почему это? — Может быть, он видит, как нам тяжело без него.

Дорогой братик, молимся и мы о тебе. Помоги тебе Бог, и дай нам свидеться еще здесь на земле. Все же теплее жить на земле, когда чувствуешь, что ты не один, не правда ли? А Господь не осуждал, а благословлял всякую человеческую радость, хоть и земную.

Целуем тебя. Не забывай нас. С любовью твои мама и сестра.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Дорогой братик, спасибо большое за весточку, которой мы всегда очень рады. Вот и Пасха прошла, Святая Троица приближается, но все еще в церкви поются полные светлой радости пасхальные песнопения, и о ней же, об этой неземной **радости**, проповедывал вчера наш епископ*... Как хотелось бы мне, чтобы и в тебе было больше этой радости, дорогой братик! Вот и имя-то ты носишь св. Серафима, являвшего собою сосуд Божией радости и благодати. Весь его лик так и светился ею... «Радость моя», — приветствовал

* Имеется в виду епископ Антоний (Бартошевич).

он всех людей, равно праведных и грешных... Да поможет он и тебе обрести и наполниться этой святой радостью, и никогда не унывать. «Христос терпел и нам велел», — писал ты мне когда-то. Думаю, и свои слабости мы должны терпеть, — как **крест**, — и не слишком много обращать на них **внимания** и огорчаться ими... Что они для океана любви Божией, излившейся на нас в Крестной Жертве Спасителя. Главное, это наша верность Христу, наша постоянная светоустремленность, наша любовь! Ведь можно быть праведным, но не имея любви, быть как медь звенящая... Поменьше устремляй... [далее неразборчиво. — *Авт.*] свой взор на свои слабости и побольше на свет Господень, молись о любви и радости — и ты увидишь, как постепенно пройдут и уныние, и холод душевный... Господь дает без меры благодать Свою тем, кто **ради** любви к Нему и к страдающим братьям своим — умеет **забывать** себя. Ты это знаешь. Вот напиши несколько теплых, ласковых слов нашей милой мамочке, которая тоже много страдала и **страдает**, и которая очень постарела и ослабела после своего несчастья и операций. Ей это будет приятно, и ободрит ее. Ее путь не легкий, во многих отношениях очень сложный и трудный, и надо за нее очень молиться. И кому же как не сыну, посвятившему себя Богу, поддержать ее и помочь ей. А помогая, тебе и самому станет бодрее на душе. Проповедник, скажешь, нашелся. Но мне хотелось бы призвать тебя на радостный путь, где нет места унынию! А болезни и искушения, милый братик, в этом мире на каждом **шагу**. Мы их **тоже** постоянно переносим. Живем потихоньку, и благодарим Бога. Мамочка ходит еще мало и с трудом. Но надеюсь, оправится. Молись о нас, братик, милый, как и мы о тебе. Христос с тобою.

Целуем. Любящие тебя
твои мама и сестричка.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Дорогой братик, дни летят так быстро, приближается уже и Рождественский пост. Я ездила на папину могилку, посадила луковицы тюльпанов, нарциссов и гиацинтов (это на весну) и покрыла уже для зимы — зелеными еловыми ветками. Березка стоит вся в золотых листьях... У нас была радость, был проездом здесь Епископ Иоанн, что когда-то гостил у нас в доме*. Так радостно встретиться со старыми друзьями, знавшими еще и нашего дорогого папочку... Я иногда вижу папу во сне, но как-то неясно, и то он больной, то грустный.

У меня теперь два раза в неделю занятия с русскими детьми в церковной школе. Один раз — для не говорящих по-русски (а по-французски), другой — для говорящих. Детишки милые, и я люблю свое дело. Дома имею частные уроки и переписку на машинке. Сейчас у нас стоит золотая осень, в парках у озера так необычайно красиво! Меня лично красота вдохновляет, хочется перенести ее в повседневную жизнь, в отношении с людьми... в душу... Чем дольше живешь, тем больше открываются внутренние очи сердца и начинаешь глубоко понимать сущность всего происходящего, даже незначительного в нашей жизни. И видеть Промысл Божий и Его любовь во всем.

Милый мой братик, помоги тебе Бог в твоем самоотверженном смирении. **Не копайся** очень в своих недостатках, они у нас всех есть и оставляются нам пока **для смирения**.

Молись **с верой**, как молился приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский. И посмотри как слушал Господь его молитвы.

Молись особо и о папочке нашем, и о маме молись очень... Молись и о ее здоровье, и обо мне грешной. — Мама теперь, слава Богу, ходит несколько лучше, но все

---

* Вероятно, имеется в виду святитель Иоанн (Максимович).

же с палкой и устает скоро, она тебя целует и благословляет. Храни тебя Господь, дорогой братик.

С любовью твоя сестричка Тамара*.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Дорогой братик,

Поздравляю тебя с наступлением Великого Поста и желаю помощи Божией в прохождении его и в сретении Великого, Светлого Праздника Пасхи.

«Всегда радуйтесь»**... завещает нам святой Апостол. Молю Бога даровать тебе эту непрестанную радость от близости Божией и жизни в Его Свете. **Что** перед нашим любящим Отцом Небесным, перед Всемогущим Творцом вселенной — наши маленькие человеческие слабости и грехи?! В Своей великой любви Он может сделать их небывшими, простить и изгладить, — если Он видит наше всецело преданное Ему сердце, нашу верность, несмотря на все наши падения, нашу **свето**устремленность!.. Это главное. Для грешников Он еще более Отец, ибо грешников спасти от тленной жизни их пришел Спаситель, и мы не можем в этом сомневаться, Он Сам сказал об этом. Поэтому, каясь в слабостях своих и сокрушаясь о них, не должны мы слишком унывать, и предавать им черезчур большое значение. Мне кажется, ты этим немного страдаешь, так что и радость о Господе тускнеет в твоем сердце перед этим сокрушением о своих слабостях... Не должно тому быть! Господь есть любовь, и мы тоже должны прежде всего искать любви, она прекрасна и переполняет сердце светлой радостью. Вспомни твоего святого, он весь сиял радостью и любовью — и нес их людям, светил им и радовал их. А святой отец Амвросий Оптинский? Воплощение любви к людям и желания

---

* Наверху первой страницы надпись рукой Тамары Ивановны: «Серафиму».

** 1 Сол 5, 16; подчеркнуто Тамарой Ивановной.

доставить им благословенного Богом счастья и радости. — Милый братик, я пишу тебе все это, потому что твое последнее письмецо огорчило нас с мамой, и мы находим, что ты слишком занимаешься самобичеванием, как и раньше, в твои отроческие годы. Да поможет тебе Господь преодолеть это, и жить больше **радостью о Свете Христовом***, смиренно перенося слабости свои и других людей.

Нам очень хотелось бы послать тебе что, но не знаем как, и что тебя порадовало бы. Есть теплое папино пальто, храним его для тебя, белье.

Этой зимой у меня больше занятий с русскими детьми, а также других уроков со студентами. Повсюду большой интерес к русскому языку. Из-за слабого здоровья не могу служить, а работаю дома. На Рождество была детская Елка, я подготовляла сценки с детьми, прошло очень удачно. Мама побаливает ревматизмом... Стала скоро уставать. Хотелось бы повидать тебя, побеседовать. Храни тебя Христос. Целуем.

Любящие тебя мамочка Твоя и сестричка.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

5 VI 1960.

Дорогой братик, сегодня день Святой Троицы, в нашей церкви была такая чудная служба с прекрасными молитвами ко Святому Духу, после которых в душе осталось светлое благодатное чувство... Хор пел замечательно; у нас многие иностранцы приходят в хор петь, хотя и не владеют языком. Интерес к православию все возрастает, и часто инославные интуитивно чувствуют все наше внутреннее духовное, церковное богатство — и их тянет познакомиться ближе с его истоками. — Спасибо тебе за твои записочки и за иконку Воскресения. Получили все к Пасхе и были очень рады! Грустно за тебя, что лишился ты своего духовного, мудрого отца

---

* Подчеркнуто Тамарой Ивановной.

и друга, иеросхимонаха Симеона. Сохранила и я о нем светлую память и поминаю теперь его в своих молитвах. Понимаю, что ты переживаешь и какую тоску и печаль чувствуешь после его ухода. Нужно время, чтобы привыкнуть и немного успокоиться. Когда Господь призвал к Себе папу, мы лишились огромной жизненной опоры и защиты, и так пусто стало в мире без его теплого, ласкового присутствия. Но думаю, во всем есть глубокий смысл; и, лишая нас в известный момент близкого человека, опоры, Господь хочет чтобы наша душа **возмужала**, созрела, окрепла, как крепкое молодое деревцо, когда отнимают от него «опекуна» — поддерживающую его опору. Сначала это очень больно, мы унываем — а деревцо шатается от малейшего ветерка и клонится к земле... Но постепенно, хотя боль разлуки и остается, уйдя лишь вглубь, мы выпрямляемся, крепнем, и в свое время, с Божией помощью, можем стать **поддержкой** для других. Мы начинаем понимать, что любовь к ушедшей близкой душе не в том, чтобы грустить и плакать по ней, а в том, чтобы стараться жить так, как она желала бы, чтобы мы жили, — стараться жить в ее духе, как бы **продолжать** ее дело на земле — и тогда мы непременно почувствуем и ее духовную близость, и помощь всегда... Продолжай и ты, **по мере сил*** (сверх сил Господь ничего от нас не требует!), земное дело иеросхимонаха Симеона, помогай ближним, иди по его стопам, и он духовно будет **не дальше** от тебя, чем в дни своей жизни, поможет и направит, и ты познаешь радость, умиротворение и утешение душевно! Господь избрал немощное, чтобы проявить **Свою** силу, поэтому **не унывай** из-за своих недостатков, крепко веря, что для Бога все возможно и Он вразумит тебя в нужный момент.

Милый братик, вот и ты болеешь и даже хромаешь. Да, без скорбей не прожить на этой земле. Поздравляю тебя с днем твоего рожденья и желаю от Господа Бога мира, здоровья и радости духовной. Пиши, мы всегда

---

* Подчеркнуто Тамарой Ивановной.

так рады! Молись особенно о маме; мы, особенно ты, должны **вымолить** для нее у Бога — **цельности*** душевной, чтобы оторваться ей от привязанности земной и обратиться к жизни в духе, и в вере. Она сама мучается этой раздвоенностью, молится, но пока еще не может себя **побороть**. Моли и о даровании ей **долголетия** — для меня! И обо мне грешной, чтобы послужила я еще Господу Богу — по мере моих сил. — Живем мы, слава Богу, скромно, но неплохо. Теперь так хорошо около озера**, куда ездим в хорошие дни и когда я свободна. У меня было много работы, но наступают каникулы и все разъезжаются. Июль — август я не имею уроков, но буду больше работать для Церкви, дежурить в качестве гида, писать письменный доклад на немецком языке, перепечатывать акафисты на русской машинке, посещать больных и другое. Храни тебя Бог и укрепи и утешь. Любящая тебя сестричка Тамара.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Дорогой братик, мысленно мы часто с тобой, надеюсь, ты это чувствуешь. Молим Бога укрепить тебя телесно и душевно. Знай, что твоя жизнь нужна не только окружающим тебя, но и нам, твоим родным; и мысль о том, что ты жив и здоров и молишься о нас, грешных, — укрепляет и ободряет и наши души. Господь заботится о нас; но бывают и тяжелые минуты малодушия, особенно из-за ухода папы... и той пустоты, что он оставил. Все же мы живем не дома, и уход близкого человека в этих условиях переживается по-особенному. Вот и ты грустишь из-за ухода твоего духовного отца... А я с папой в последние годы была более близка, чем раньше, и он очень жалел, что не успел «познакомиться» ближе и со своим сыном... Он **радовался** все больше и больше, что его сын служит Богу, и что у него есть свой **мо-**

* Подчеркнуто Тамарой Ивановной.

** Здесь над строкой вписано: «цветут розы, плавают лебеди...»

литвенник... Все думаешь, но никак не можешь себе представить — чем и как он сейчас живет?!. Мама тоже уже очень изменилась, приблизилась к Богу, но все же надо очень молиться о ней, о даровании ей цельности душевной... — У нас здесь есть друзья, все по Церкви, да ученики мои, но более близкие далеко. 12 лет тому назад умер дорогой мне человек (мой неофициальный жених), он был католик, звали его Бруно. Помолись и о нем. И о Леонтии, и Иоанне — папиных старых друзьях. Христос с тобой.

[Приписка на первой странице — наверху и на полях:] Папины старые друзья — живы. Иоанн здесь в старческом доме, ему сейчас уж 84 года. Леонтий у сына за океаном. — У нас сейчас красиво на озере, и мы часто бываем на набережной, где цветут розы.

София Васильевна и Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Милый Адя!* Спасибо за письмецо, с поздравлением Праздника Рождества Христова. Очень печально, что ты не чувствуешь себя здоровым. Может быть, ты сообщишь, что именно тебя больше всего мучает, какая болезнь? Ведь сейчас так много очень хорошо помогающих в болезнях средств в медицине. Мы могли бы их тебе выслать. О нас ты молись о здравии, так как похвалиться здоровьем мы обе не можем, но лечиться можем, а то бы плохо — если бы не могли. Много очень хороших добрых друзей имеем — что все время Бог для Тамары посылает на ее жизненном пути. Поэтому, выведи заключение, что нам не плохо. А вот папы нет, что ужасно! Очень больно. Будь духом бодр, хотя, как пишешь, плоть и немощна. А плоть **лечи**. Все в руках Божиих и в Его воле! Поэтому **молись**, с верой, и твои недуги

* Первая часть письма написана матерью отца Серафима — с привычным для нее обращением к сыну Адя (сокращение от мирского православного имени Аркадий). Перед письмом карандашом, рукой отца Серафима записана дата: 14/4.

Тамара Ивановна с мамой — Софией Васильевной на прогулке у Женевского озера
Август 1961 г.

исчезнут. Очень бы хотела я тебя повидать и **подбодрить**. Я, несмотря на возраст, не выгляжу старой. Такая уж порода, да и Тамара тоже выглядит на 15 лет моложе, чем на деле есть. О тебе молюсь, как умею, грешная, и ты о нас молись. Надейся на милость Господню и укрепляйся и духом, и телом с помощью Бога, и я верю, что Он тебе поможет. Целую и обнимаю тебя. Любящая мама.

[Далее следует письмо Тамары Ивановны:]

Милый, дорогой братик!

Спасибо за записочку, поздравление и твои молитвы о нас грешных. Помоги тебе Бог, дай здоровья и сил. **Не унывай!** Помнишь, как св. Серафим был всегда преисполнен **радости** духовной. Моли его, чтобы послал и тебе этой радости. Тогда легче все переносить. А ты

ведь все время на службе у Господа Бога — а Он обещал успокоить и дать мир всем, кто последует за Ним. — Мы тоже **надеемся** на тебя, на твои молитвы, дорогой братик. У мамы появились спазмы в груди, доктор говорит, что это от сердечной слабости. Ей нельзя выходить в холод, никакого утомления, никакого напряжения, ни волнения. Я очень беспокоюсь за нее. Она принимает разные лекарства, я не позволяю ей ничего делать, что могло бы ее утомить. Но мама человек нервный, как ты знаешь, и часто волнуется по пустякам, что ей вредно. Тоже и не всегда слушается меня, когда я ее прошу не выходить или теплее одеваться. Кроме этого, ее мучает некое **раздвоение** душевное. И это в данный момент ее тяжелый **крест**. Помолись, дорогой братик, о нашей дорогой мамочке, чтобы Господь помог ей душевно и укрепил телесно. Мы двое — это еще кусочек нашей семьи на этой земле... и я молю Бога, чтобы Он **продлил** маме жизнь — пока еще и мне положено оставаться на этой земле.

Наша детская приходская Елка, главный годовой праздник — вечер в колонии, прошла очень хорошо. Я ставила сказку: «Кот-лесничий»; дети хорошо провели свои роли (костюмы были самодельные) — и имели большой успех. Даже в газете написали о нас и похвалили. Я была довольна. Теперь опять занимаемся — на квартире Епископа. Кроме того, имею и четырех частных учеников. Заботы и хлопоты по хозяйству, жизнь заполнена и **некогда** скучать. Только вот иногда, бывает, очень взгрустнется по папушке. На Рождество ставили ему на могилку елочку и зажгли свечи. Пришлось снова покрасить крест, он уже начал чернеть от непогод. Березка выросла и ствол стал белый и куда толще. Видит ли наш папушка — нашу любовь, как ты думаешь? У его портрета всегда свежие цветы, и мы всегда подаем о нем в церкви. Ну, до свидания, дорогой братец. Пиши почаще, мы так рады получить от тебя весточку! И молись о нас, грешных. Как хотелось бы повидать тебя!

Храни тебя Господь и Царица Небесная.
Я тоже поминаю иеросхимонаха Симеона.
Целую. Твоя сестричка, очень любящая тебя.

Тамара*.

София Васильевна и Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Милый Адя!**
Христос Воскресе,
С светлым Праздником Пасхи тебя поздравляю, здесь служба будет с Епископом, торжественная. Как твое здоровье? Ты обязательно сообщи, что тебе надо из лекарств. Это нам ничего не будет стоить. Будь в этом спокоен, а наоборот, это нам доставило б радость, что тебе хотя чем-либо помочь. Дай Бог тебе сил душевных и телесных.

Твоя мама.

[Далее рукой Тамары Ивановны:]
Христос Воскресе!
Дорогой, милый братик. От всей души поздравляю тебя со светлым праздником Пасхи и желаю здравия и много, много духовных сил и радости пасхальной! Пускай эта радость будет сильней всех твоих внутренних терзаний, ведь Господь Бог во мгновение ока может изменить нашу душу и помочь ей, — так не будем же слишком мучиться своим несовершенством — а предадим Силе Божией действовать в нас! Сами же прильнем молитвенно к Источнику Света и Радости — и Св. Благодать осияет, очистит и укрепит нашу душу. — Перечитываю сейчас чудную книгу: «Рассказы странника духовному своему отцу» — так в ней хорошо написано о чудесном действии молитвы **Иисусовой** на наше сердце и все наше существо. Не советовал ли и твой, покой-

* Внизу письма приписано: **«Брату, пожалуйста».**

** Первая часть письма вновь написана матерью отца Серафима. Рукой отца Серафима записана дата: 14/4. Возможно, это письмо было им получено вместе с предыдущим.

ный духовный отец, отец Симеон прибегать к помощи молитвы Иисусовой, — когда дух самобичевания начинает терзать тебя?

Нет ли у тебя какой фотографии? Пришли, если можешь, будем рады. У нас есть снимок похорон отца Симеона, там ты сзади идешь, опустив глаза вниз. Тоненький такой...

Мы все беспокоимся о твоем здоровье, напиши, что бы тебе прислать из лекарств, мы сможем это устроить. Может, что от желудка или головной боли?

Мама наша тоже очень стареть стала. Ослабело у нее сердце, устает от всего. Я стараюсь все делать сама, чтобы ей не уставать. Но у нее и нервы в плохом состоянии, волнуется из-за пустяков — а это ей вредно... Молись о ней погорячей, дорогой братик, очень она внутренне **разорвана** и не имеет мира душевного. И мучается часто очень. А твоя молитва доходна до Бога. Молись и обо мне грешной, думается мне, что если б чище была душа моя, и светлее — то и маме могла бы я лучше помочь. Напиши ей поласковей, потеплей. Это на нее больше действует, чем разные наставления. — Как часто сожалею я, что ты далеко; все же имела бы я поддержку в тебе — на трудном духовном пути, что дает мне Господь пройти вместе с мамой. Дай Бог, чтобы нам увидеться, пока наша мама еще в этом мире. Целую тебя трижды, и да хранит тебя Христос, дорогой братик.

Любящая тебя сестричка Тамара.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

*4 XI 1961.**

Дорогой мой братик, как тяжело мне писать тебе эти строки — не могу и сказать! Наша дорогая мамочка ушла ко Господу Богу, соединилась с нашим

---

* Карандашом рукой отца Серафима приписано: «получ<ено> 21/11 отписал»

папочкой. 28-го октября, в субботу, она сидела на диване, разговаривала, чувствовала себя неплохо. Перед этим еще сделала маленькую прогулку. Вдруг сказала, что у нее заболела голова, попросила нашатырного спирта. Но когда его ей подали, она уже не дышала, а сидела, склонив голову на сложенное рядом одеяльце, закрыв глаза и без сознания. Позванный врач констатировал смерть от разрыва сердца. Что значит для меня ее уход и как холодно и покинуто я чувствую себя в мире, ты поймешь и сам! Но я благодарна Богу, что она не страдала и так молниеносно перешла в другой мир. Эта та смерть — которую она себе желала, боясь дряхлости, болезней, больниц. Но я молила Бога, чтоб она жила, пока я живу... Но Господь судил иначе. Молись, дорогой брат, молись об упокоении ее мятежной души. Я рада, что на Пасху мама поговела, и я верю — что Господь упокоит ее душеньку в селениях Своей благодати! Молись и обо мне. Как мне теперь жить, так холодно и пусто кругом, хотя друзья и есть — но это не то! Маме я была нужна, и она любила меня. Душа болит и замирает, и не хочет успокоиться. Остались теперь мы двое на свете... Но так далеко! Я жила для мамы, для нее старалась и радовалась — если ей хорошо. Господи, помоги! Дай Господи и тебе сил, дорогой братик, мама так **последнее время** много заботилась и думала о тебе. Храни и утешь тебя Господь и Пресвятая Дева.

С любовью твоя сестра.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Дорогой братик*, спасибо Тебе за письмецо. Если можешь, давай чаще о себе весточку, чтобы мне не чувствовать себя слишком одиноко. Береги свое здоровье, тоже для меня. Ты еще не выполнил свою

* В верхней части письма рукой отца Серафима приписано: «получено 21.12.61 сразу ответ и поздравление с Рождеством Христовым».

задачу на земле и нужен многим. Твои **молитвы** чувствую и я, по ним даровал Господь и нашей мамочке безболезненную кончину. Бедная наша мамочка, она любила жизнь, и ей трудно было бы отходить в сознании... Она много **молилась** о тебе, особенно в последнее время, и очень тосковала о папе. Вот он и пришел за ней... Болея уже сердцем, она все же окружала меня заботой и теплом, хотя больше ничего не могла делать в последний год... А выглядела еще так молодо, имела **ясную** голову и много **бодрости** духа... но **сердце** сдавало. Иногда я не верю, что мамочки нет на земле, кажется, будто она уехала куда-то... И мы скоро свидимся опять! А другой раз чувствую ее совсем близко около себя и тогда успокаиваюсь. 6-го будет 40 дней; после Литургии Владыка отслужит панихиду. Он очень добр ко мне. Сегодня я исповедовалась, и завтра, на Введение, буду причащаться. Снова начала свои уроки, но еще **все*** трудно. Друзья не оставляют меня, очень добры ко мне, но кто может заменить мне маму, близкого, родного человека?!

На кресте у мамы я дала написать на металлической дощечке: «Упокой, Господи, рабу Твою Софию». Хожу теперь на две могилки, ухаживаю за ними и сижу на скамеечке одна, где сидели мы вместе с мамой. Живу машинально, как во сне, как исполняя **долг**. А в сердце такая рана. Но живу, стараюсь жить — верой, надеждой и любовью. Господь всех нас любит больше, чем мы сами умеем себя любить. Эта вера да поможет нам смириться перед Его Святой Волей. И горе разлуки да обратится со временем в радость встречи!

Дорогой братик, поздравляю тебя с наступающим Рождеством Христовым. Да поможет тебе Господь, да благословит, да укрепит! Да дарует светлую радость духовную! Я всегда молюсь о тебе, и прошу и тебя

---

* Подчеркнуто Тамарой Ивановной.

молиться обо мне. Но особенно — о мамочке нашей. Мне было радостно **заботиться** о ней, а теперь хотелось бы о тебе... Помни об этом. Храни тебя Господь, дорогой братишка.

Любящая тебя сестричка Тамара.

[Приписка на полях:] Как хорошо, что в последнем письме к маме ты написал так сердечно, так ласково. Это ее порадовало.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Дорогой братик*, поздравляю тебя со днем твоего Ангела. Дай Бог тебе здравия, и мира, и радости духовной. В этот день наш епископ отслужил о тебе молебен. Он очень добр ко мне. Тоже и все друзья. Но я все же очень, очень тоскую по маме. Будто оборвалась жизнь... И тот мир мне теперь кажется ближе, чем этот. Делаю, что лежит на пути. В **память** мамы стараюсь помочь ближним, чем могу... И в память папы. И верю, что Господь принял их в Свои лучшие Обители. Скучаю без весточки от тебя. Храни тебя Господь, дорогой братик, кроме тебя, у меня больше никого нет близкого на земле... Даже близкие **друзья — далеко**. Береги здоровье. Молюсь о тебе, как умею. Пиши. Твоя любящая тебя сестричка Тамара**.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Дорогой мой братик! Получила твою вторую и потом и третию записочку. Спасибо тебе большое за твои сердечные, добрые слова утешения, полные веры и братского сочувствия. В моем большом горе, даже просто несколько написанных тобою строк являются для меня большим утешением — укрепляя сознание, что не так уж **одинока** я на этой зем-

---

* Наверху листа рукой отца Серафима написано: «получено 9.2.62 ответил 19.2.

** На обороте письма рукой Тамары Ивановны написано: «**Брату**».

ле. Правда, есть у меня здесь и друзья, и знакомые, но всех более близких мне духовно, Господь отдалил от меня... видно, чтоб не слишком привязывалась и искала больше опоры на **небесах**. Да и кто может заменить мне маму и папу, в конце жизни еще более любящих... еще более окружавших меня теплом и заботой. — Ты так хорошо написал: «Живи за послушание!». Только так я и могу жить дальше, веря, что Господь знает, для кого и для чего еще нужна моя жизнь на земле. И прося очистить мое сердце и дать больше любви, и... «где трудно дышится, где горе слышится, будь первым там»... следовать этому девизу. А горя людского повсюду много, только сил у меня мало и часто сама нуждаюсь в помощи. Но как-то уж с давних пор, я вижу свой путь в **общении** с людьми. Тоже, когда после маминой кончины меня смущала ненужность моей жизни, мне было сонное **видение**, что недавно скончавшаяся близкая мне заведующая одним общежитием стоит у дверей дома, а за ней длинная вереница людей, которые все будто должны пройти через мою квартирку... И вот, я подметаю и убираю (очищение сердца!) ее, и люди входят, немного остаются в ней, и идут дальше... Только я не была сначала уверена, живые то или умершие, за которых я должна молиться? Думаю, те и другие. А ты, как понимаешь? — По мамочке дорогой я очень, очень тоскую, стараюсь не вспоминать последние дни, а то слезы текут, даже во время уроков, а ночью не могу спать... Боль как ножом режет сердце. И тогда говорю себе: «Терпением... спасайте души ваши»*... О мамочке надо особо, горячо **молиться** — чтобы помочь ей там. У нее была бурная натура, и бывали и сомнения, и ропот. Но и **каяться** она умела горячо и искренне. Верю, Господь принял ее, и ей хорошо. И что встретил ее там папа, и что оба они и нас встретят. Ты тоже так веришь, братик, дорогой? Как **трудно** себе

---

* Лк 21, 19.

представить жизнь потустороннюю! Тебе не снилась мама? В своем явлении в молитвенной позе, думаю, отец Симеон хотел показать, что молится о тебе, о всех вас*. Чтобы ты не унывал. Мы не должны отчаиваться из-за нечистоты своего сердца, а лучше больше заботиться о других, предоставив Господу очищать нас. «Ими же веси судьбами очисти мое сердце», — так я молюсь. «Любовь покрывает множество грехов» — так будем же любить, как умеем, братьев и сестер наших. Твоя **любовь** — это искренняя **молитва** за всех нас... И еще, вот папины слова в одном письме: «Веруй всегда в **милость** Божию, золотце». Веруй и ты, и будь **бодр** и **радостен** духом, как святой Серафим. — Для меня радость и утешение немного побаловать тебя, помни это. Поздравляю с началом Великого Поста. Идет первая неделя, какие чудные службы, я езжу ежедневно один раз (на 2-х трамваях с пересадкой, минут 30-ть), хочу говеть. Прости меня, братик, чем вольно или невольно согрешила против тебя во все дни жизни моей. Да хранит тебя Господь и Матерь Божия.

[На первой странице письма на полях приписка:]

Пиши чаще, если можешь — мне это такая радость. Помолись об упокоении Лидии и Эдит.

Из письма архимандрита Серафима — Тамаре Ивановне

Преподобный Феодор Студит в поучениях к братии своего монастыря (в IX столетии) называет все их труды «поделием». Основным же делом, всех без различия, должно быть **Спасение своей души**, о чем и до́лжно заботиться в первую очередь.

Земля есть чужбина, родина же души — Небо. Будем же верить, надеяться, каяться, терпеть, бороться, благодарить, молиться, смиряться. Аминь.

---

* Отец Серафим писал Тамаре Ивановне о том, что ему являлся во сне по своей смерти молящийся отец Симеон.

...Сколько надо слез, и воздыханий, и благодарного терпения недугов и скорбей для очищения сердца! К этому, видимо, служило мгновенное видение во сне отца Симеона в соответственном глубокому покаянию телесном положении (позе)...

...Твой путь — сеять любовь в миру, мой — в уединении. Сеет любовь и тот, кто сдерживает свои злые порывы, и кто терпит и снисходит к недостаткам собрата, и кто благотворит самим врагам своим. Бог есть любовь.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

*21.V. 62.**

Мой дорогой братик, получила твою записочку от 25 марта, а к Пасхе и ко дню Ангела — ничего. Спасибо и за это. Как твое здоровье? Береги себя — ради меня. Господь даст, еще свидимся и побеседуем обо всем. У меня ведь никого больше нет. Друзей, правда, много — но это не то. У нас с тобой — свой мир, с детства; Ты для меня еще кусочек семьи — данной Богом на продолжении всей жизни. И я знаю, — что мои радости — и твои радости, и мои горести — тоже и твои. Так же — и наоборот. А у кого еще заболит сердце — если я больна или страдаю? Все заняты своей жизнью, своими заботами и радостями. И вот это то, что дает иногда чувство оставленности, несмотря на окруженность людьми... Мало кто способен на более глубокие отношения, да и более близкие душевно люди — у меня все уже в ином мире... Знаю, что **огнем** страдания очищает Господь пшеницу Свою... и приемлю свой Крест из Рук Небесного Отца! Только не всегда с миром несу его, бывает, и сгибаюсь к земле, унываю и чувствую себя как бы вне благодатной помощи Господней... Эти моменты, часы, дни — ужасно тяжелы. Так было и на Страстной. По мере сил (болела простудой) посещала все главные службы, после Выноса Плащаницы исповедывалась, а в субботу утром,

---

* Рукой отца Серафима приписано: «7/VII ответил 10/VII».

и потом — ночью, за пасхальной Литургией, причащалась. Это дало новые силы, духовный подъем. Служба была прекрасная, храм был переполнен и инославными. Около 3-х ночи, после освящения яств, были розговены у Владыки. В этом году и я была приглашена (он приглашает приезжих богомольцев или одиноких), всего человек 30-ть. Домой попала к 5-ти утра. У меня на кухне ночевал один русский старичок-«паломник». Часов в 12-ть, в первый день, заехали на машине знакомые и поехали вместе в деревню поздравить одну русскую семью (3 девочки их — мои ученицы), и там обедали. День был солнечный, чудный, вокруг все в цвету — и на сердце, благодатью Божией, светлая пасхальная радость, несмотря на печаль... На Радоницу Владыка служил на могилках, пели «Христос Воскресе», я свезла им яички... Там тоже все цветет: незабудки, тюльпаны, маргаритки, Иван-да-Мария, нарциссы, гиацинты... Было грустно и светло... Одна моя ученица приблизилась через меня к православию, вероятно, перейдет. Я рада быть орудием в Руках Господних... Многих тянет к нам, не удовлетворяет ущербленность крайнего протестантства. Пиши. Гостинцы тебе — это для меня радость. Если тебе приятно, — то для меня в десять раз больше. Я живу скромно, и потому могу побаловать тебя. Молись обо мне, как и я о тебе, братик, дорогой — всегда! И наши любимые, дорогие мамочка с папочкой у Престола Божия, тоже молятся о нас с еще большей любовью. Христос с тобою. Любящая тебя сестричка Тамара.

Из письма архимандрита Серафима — Тамаре Ивановне

...На дворе лето — все цветет, благоухает, ликует — как одушевленный мир, так и неодушевленный. Шумят туристы, паломники, рабочие (братии помогают студенты духовных училищ), кругом ремонты — мостят, красят, золотят, строят. Из окон храмов несутся звуки песнопений — из Успенского — молебные, из Сретенского — панихидные. Жизнь течет своим порядком...

Одни умирают из братии (в этом году уже шестеро), другие вступают на их место... Скоро придется и мне, подобно тебе, сдать свои позиции... **Слава Богу за все!**

Будем надеяться твердо на милость Божию, будем верными воинами Христовыми, не дадим одолеть вражией силе нас унынием или отчаянием. *Претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф 10, 22)...

...Я еще все шевелюсь, суечусь, когда с толком, иногда без толку. Служу и сослужу обедни и акафисты... Слава Богу, хоть машина и скрипит и дребезжит, да ползет все вперед...

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Дорогой мой братик*, спасибо за открытку-иконку. Я уже соскучилась без весточки от тебя. Последняя была к Троице. Знаю, что устаешь. Для меня же несколько слов от тебя являются в этот — такой тяжелый период жизни — утешением, ободрением, укреплением. Иначе бывают дни и часы, когда чувство оставленности наполняет душу унынием и тоской. Тогда **весточка** от тебя снова придает мне мужество и я стараюсь жить дальше «за послушание». **Если** мои гостинцы тебе по душе и на пользу идут — то это для меня радость и тоже дает некий смысл моему существованию. Многого я сделать не могу, ни тебе, ни людям, из-за слабого здоровья. Горе очень повлияло на меня, ослабило. А как твое **здоровье**, милый братик, напиши подробно, может быть, нужно тебе какое-либо лекарство? — На три недели я ездила в маленькую (15 сестер) женскую обитель Покрова Пресвятой Богородицы**. Находится она в 6 часах езды от Женевы, и в 1½ часах от Парижа, в маленькой усадьбе, в глухой французской деревушке. Кругом холмы, поля и леса. Ездила я вместе с одной старушкой;

---

* Над письмом отцом Серафимом приписано: «сразу поздравление 8.9.62».

** Речь здесь идет об известной православной обители в Бюсси — недалеко от Парижа.

от вокзала 8 километров, добирались на автомобиле. В обители хорошая церковь, сад, огород, большой двор (две коровы, две собаки — одна Дружок, и четыре кошки) — а в самом отдаленном уголку сада чудесная маленькая белая часовенка святого Серафима Саровского. Возле — березка и две елочки. Я так обрадовалась, когда нашла эту часовенку, и часто сидела в ней, на маленькой скамеечке, перед большим образом св. Серафима. Там так мирно, так хорошо! — В обители было человек 15 отдыхающих, кругом русская речь, будто на родине. Два раза в день ходили в церковь, я два раза причащалась — на святых Петра и Павла и на Казанскую Божию Матерь. Все матушки и сестры очень милые, оказали мне много участия и тепла. Все они много работают по хозяйству, все уже старые — и обитель бедная. Но платили мы за комнаты и еду, кто как мог. С меня взяли меньше. У них хорошо, но нужны силы, здоровье, а я уже усталая приехала, да и там болела. А потом — летом там много народа, это отвлекает, все хотят говорить, знакомиться, — а дома я живу более уединенно, сосредоточенно. Видно мой путь в миру, куда привел меня Господь. Но иногда пожить в обители чудно. Это очаг православия, миссионерский центр для инославных. Интерес к православию велик. Туда все время приезжают иностранцы знакомиться с нашим богослужением. — Теперь я опять дома и грущу по маме ужасно. **28 августа*** ее день рождения, помолись, братик, о нашей дорогой мамочке хорошенько в этот день. **18-го сентября** папе 7 лет, а **28-го октября** маме уже год! Все это время будет для меня особенно тяжелым. Как грустно, что мы так далеко друг от друга. Было бы легче жить. Ну, храни тебя Господь и Царица Небесная. Помолись обо мне грешной и слабой. Напиши. Будь здоров и бодр. Я молюсь о тебе, как умею.

Твоя сестра Тамара.

---

* Здесь и далее — до конца письма — подчеркнуто Тамарой Ивановной.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Мой дорогой братик*, спасибо тебе за записочку, за поздравление. День Воздвижения прошел у нас очень хорошо; накануне Епископ совершал чин воздвижения с чудесным пением «Господи, помилуй!» и поливанием Креста ароматами. Мы все получили по цветочку... По случаю моего дня рождения меня посетил батюшка, а также несколько друзей — это все помогло мне не слишком уж утонуть в моей печали по маме... А в ее день Ангела я причастилась. **28-го октября**** будет годовщина отшествия мамы, отслужи, братик, панихиду по ней. Я хочу просить батюшку поехать в этот день со мной на могилки — и послужить у папы и у мамы (18-ого сентября, 6 лет папы — служили панихиду в церкви). Епископ наш будет в отъезде. Начались занятия в церковной школе, в этом году пришло много детей — у меня две группы. Начались и мои частные уроки. Но делаю я все с большим трудом, как-то потеряла жизненную силу, вся надежда на Господа Бога — только упованием на Его Святую Помощь и живу. Часто **грешу унынием**, особенно когда физически себя плохо чувствую. Но на то это и крест, чувство оставленности испытал и Спаситель, а нам и подавно приходится проходить через это. Ты счастлив тем, что у тебя вся молитвенная атмосфера способствует углублению и укреплению духовной жизни. В миру **труднее**. Но каждого ведет Господь своим путем, и каждому дает свое особое задание в этом мире. Меня огорчило, что ты не хочешь с радостью и любовью принять то, что с подобными же чувствами я посылаю тебе. Это всегда было принято — делиться гостинцами с братией, и самый строгий устав оправдывает их малое «утешение» временами. Не будь слишком строг ко мне; **помочь** мне ты можешь только

---

* Сверху листа отцом Серафимом приписано: «28.10.62. ответ с Рождеством Христовым. 15.12.62».

** Подчеркнуто Тамарой Ивановной.

любовью и лаской, как и маме когда-то. Не забывай, что ты один родной и близкий у меня — и я **держусь** за тебя, хотя и издали... Помолись о грешной сестрице, как и она молится о тебе. Наши дорогие мамочка с папочкой у Господа Бога **молятся** о нас. Они много страдали, так много! Дай Бог им покой. Христос с тобой. Твоя любящая сестрица Тамара.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

*5 XII 1962 г.**

Дорогой братик, поздравляю тебя с наступающим Рождеством Христовым и желаю от Господа Бога помощи во всем! Желаю света и радости в душу — во дни великого праздника. — Давно не имею от тебя вестей, здоров ли? **Молю** Бога укрепить тебя духовно и телесно. **Не печалься** и не унывай от своих слабостей и недостатков. Без них только Ангелы Небесные, а нам приходится их терпеть — для смирения! «Подними взор твой выше, куда выше, — говорил святой Франциск брату Льву. — Это чувство еще слишком человеческое — упрекать себя и печалиться из-за своих грехов. Поверни твой взор к Богу! Радуйся о Нем, восхищайся Им, благодари Его — за Него Самого! И ты найдешь мир душе твоей, радость, и Господь Сам будет твоей Святостью». — Думаю, у вас сильные морозы, так как и у нас уже бывает 6–10. Надеюсь, ты получил теплые перчатки и шарф, мой подарок к праздникам, посланный через знакомых здесь. А гостинцы прими с любовью, как посланы они. Тоже и тете **Лилли** послала немного, — и сама так радовалась, побаловать Вас. Хотя вы и не нуждаетесь ни в чем, но хочется поделиться своим, так уж не серчай, прими! — 19-го ноября внезапно скончался один мой большой друг, Григорий Титович, грузинский писатель. Ему было уже 80 лет, после кончины жены он изредка заходил посидеть ве-

* На обороте открытки рукой отца Серафима написано: «31.12.62. ответ к Сретению». Здесь же — рукой Тамары Ивановны: «С Рождеством Христовым!»

чером, побеседовать — был одинок. Человек глубоко верующий, он готовился к переходу в вечность. С ним всегда было так интересно поговорить, до конца он сохранил **ясный** ум, **память и живую** душу. Накануне кончины посетил меня и, между прочим, сказал: «Мертвые еще больше нуждаются в нашей любви, чем живые»... Эти слова звучат в моем сердце, как просьба... Помолись, братик, дорогой, о прощении грехов рабу Божию Григорию. — У меня работа в церковной школе (готовимся теперь к Елке) и уроки дома. Епископ наш в Риме, приедет на днях. Когда болею (простудой) и сижу дома — особенно скорблю по маме. Да, на все Воля Божия. Потом поймем. Храни тебя, дорогой братик, Господь и Матерь Божия. Целую.

[На полях письма приписка:]

Не забывай свою одинокую сестричку Тамару. Люби ее, как и она тебя любит.

Из письма архимандрита Серафима — Тамаре Ивановне

...Зима у нас суровая, морозы за моим окном по Цельсию до –32°. На Крещение, милостью Божией, мороз наполовину спал, дав возможность безболезненно совершить крестный ход на колодезь среди монастыря и водоосвящение. На второй день опять вернулся прежний мороз...

Святитель Тихон восхваляет терпение как врачевство первоклассное от всякого бедствия; происходит оно от веры, предается воле Божией. «Потерпел до сего дня? — потерплю и далее». «Люта зима, да сладок Рай», — ободрял себя один юродивый Христа ради. Жестокое страдание скоро смертью кончится; легкое? — сносно. Мирские **воины побеждают**, когда прогоняют и покоряют врага, а **христиане** — когда случающиеся беды **терпеливо, благодарно и великодушно переносят**.

...Бог дал нам прожить уже по полстолетия. Наступила **пора дозревания**, затем **придет жатва** и время помещения зрелой пшеницы **в вечную житницу**.

Болезни суть вестники этой поры. Дай Бог нам терпение (Папа ободрял бывало: «Терпи, казак — атаманом будешь», что в переводе на язык христианина звучало бы так: **неси благодушно Божию епитимию**, наложенную тебе любящим Отцом за ведомые и неведомые, вольные и невольные преступления Его святых заповедей, очищенным от коих ты скоро окончишь свое земное странствование и вернешься под Отчий кров) и благодарение, и преданность Промыслу Божию...

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

*20 III 63**

Христос Воскресе!

Дорогой братик!

Поздравляю тебя со светлым праздником Пасхи, желаю благодатной помощи Господней — на всех путях твоей жизни.

Получила записочку, написанную еще перед Сретением: спасибо! Я так рада каждой весточке от тебя, тогда я не чувствую себя так одиноко. Прилагаю снимок часовенки, где я часто бывала летом, когда ездила на 3 недели в Свято-Покровскую обитель. Если Бог даст здоровья и сил — собираюсь и в этом году побывать там.

Ты пишешь, что стареешь. Хочется написать тебе стихотворение на эту тему, моего духовного отца.

> «Здравствуй старость, утро жизни новой,
> Запах зимней зелени еловой.
> Здравствуй старость, малое оконце,
> Где сияет жизни вечной солнце.
> Здравствуй старость, снег летящий к раю,
> Я тебя уже люблю и знаю...»
>
> *Епископ Иоанн***

Душа ведь не стареет, наоборот — обновляется. И я, например, хотя и пережито много, и физическое здоро-

---

* Наверху листа рукой отца Серафима приписано: «14.4.63».

** Имеется в виду архиепископ Иоанн (Шаховской).

вье слабое, — совсем не чувствую «старости», а наоборот, по мере, как ослабевает привязанность ко всему земному — у души как бы растут крылья и она делается легкой и молодой... Конечно, это не всегда испытываешь, бывает, что земное притягивает вниз — и тогда тяжесть горя и разлуки с дорогими усопшими, видимое одиночество, частые недомогания — давят и гнетут. Но Господь, по Своей Великой Милости, по твоим, братик, молитвам, и также наших дорогих родителей, помогает все переносить и посылает утешение.

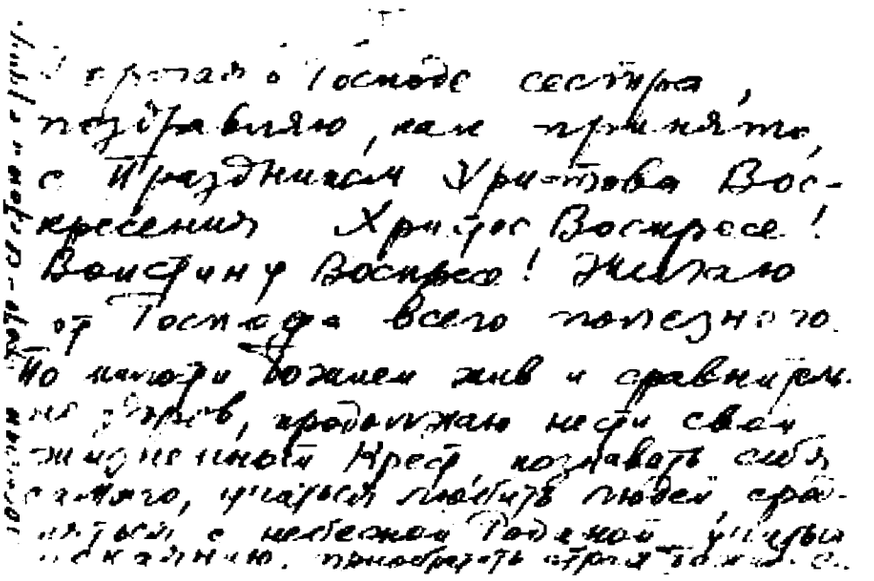
Вот и весна на дворе, светит солнышко. Посадила на могилках луковицы тюльпанов и гиацинтов, надеюсь, к Радонице зацветут. Идет Крестопоклонная. В субботу была на выносе Креста, затем в воскресенье на чудной службе. Иногда езжу по утрам на Преждеосвященную Литургию. По четвергам — в нашу школу. Другое время сижу дома, ученики приходят ко мне; лишь между уроками, или по утрам — выхожу за покупками, а также иногда посещаю больных или старых. Заходят католические «сестрички Христовы»; они живут среди самых бедных и одиноких, разделяя во всем их жизнь и молясь о них, воплощая христианскую любовь в жизнь. Это пример для меня. Да, поистине, «Дух дышит, где хочет», а они говорят, [что] я являюсь для них представительницей православных братьев. — Храни Тебя Господь, братик, милый. Когда-то **свидимся**? Для меня это будет невыразимая радость. Христосуюсь с Тобой. С любовью, твоя сестра Тамара.

Пиши чаще*.

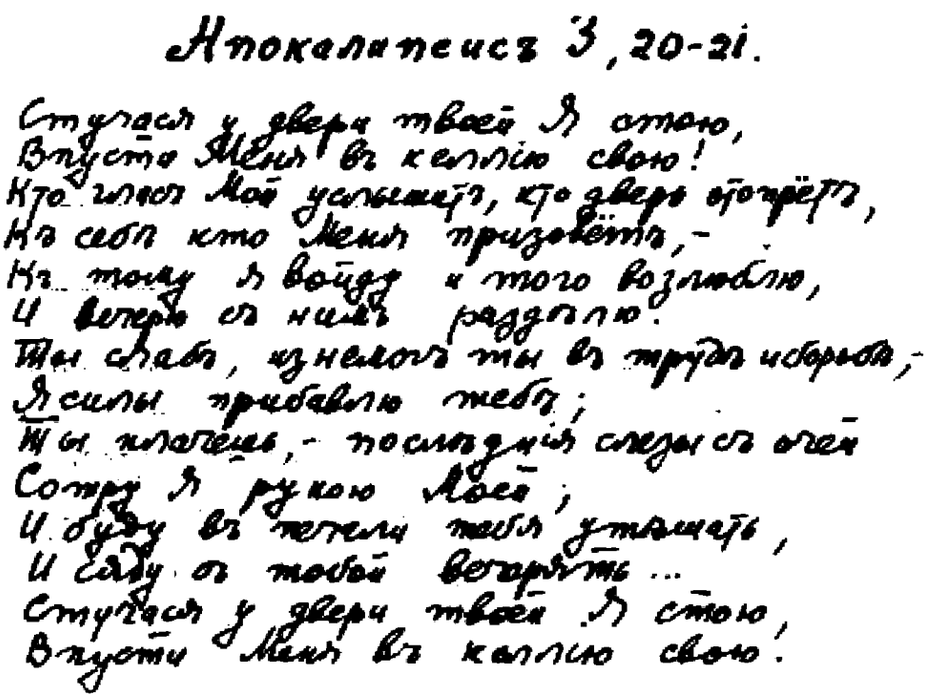
Архимандрит Серафим — Тамаре Ивановне

Дорогая о Господе сестра, поздравляю, как принято, с Праздником Христова Воскресения — Христос Воскресе! Воистину Воскресе! Желаю от Господа всего

* Внизу приписано рукой отца Серафима: «30/IV с Днем Ангела. Фото Епископа Ф<? >». Ниже — рукой Тамары Ивановны написано: «**Брату**».

Поздравление с Пасхой, посланное о. Серафимом сестре
1963 г.

Апокалипсис 3, 20-21.

Стучася у двери твоей Я стою,
Впусти Меня в келлию свою!
Кто голос Мой услышит, кто дверь отворит,
К тому к себе кто Меня призовёт,-
К тому Я войду и того возлюблю,
И вечерю с ним разделю.
Ты слаб, изнемог ты в труде и борьбе,-
Я силы прибавлю тебе;
Ты плачешь,- последние слезы с очей
Сотру Я рукою Моей;
И буду в печали тебя утешать,
И сяду с тобой вечерять...
Стучася у двери твоей Я стою,
Впусти Меня в келлию свою!

Стихотворение на оборотной стороне пасхального поздравления, посланное сестре в духовное назидание

полезного. По милости Божией жив и сравнительно здоров, продолжаю нести свой жизненный крест, познавать себя самого, учиться любить людей, сродняться с Небесной Родиной, учиться покаянию, приобретать страх Божий.

Серафим.

[На обороте письма рукой отца Серафима записано стихотворение:]

Апокалипсис 3, 20–21

Стучася у две́ри твоей, Я стою,
Впусти Меня в келью свою!
Кто глас Мой услышит, кто дверь отопрет,
К себе кто Меня призовет, —
К тому Я войду и того возлюблю,
И вечерю с ним разделю.
Ты слаб, изнемог ты в труде и борьбе, —
Я силы прибавлю тебе;
Ты плачешь, — последние слезы с очей
Сотру Я рукою Моей;
И буду в печали тебя утешать,
И сяду с тобой вечерять…
Стучася у две́ри твоей Я стою,
Впусти Меня в келью свою.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Милый братик*, спасибо за пасхальное приветствие, и ко дню Ангела. Очень я рада всегда весточке от тебя. Как ты себя чувствуешь? Слава Богу, весна и солнышко веселят глаз и облегчают жизнь. Много ли у вас братии, способной к труду? Это чудно, если такая общая жизнь проходит в согласии и любви. У вас постоянная молитва и службы способствуют проведению идеала в жизнь; помогает благодать Божия. Много путей в мире сем... И мой путь — в миру, среди своих (больных и одиноких, которых навещаю) и инославных братьев. Благодаря урокам я вхожу в общение и чисто человеческое (ученики становятся друзьями), — и через меня, через всех нас, инославные братья знакомятся с нашей верой, тянутся к нам, ищут у нас той полноты, которой не находят у себя.

* Наверху листа рукой отца Серафима приписано: «29/VI. 63 Введение, мешочек, просфора».

Если Господь поможет, то в конце июня — в июле, собираюсь опять в Покровскую обитель, укрепиться душой, набраться сил духовных и пожить на лоне природы. У них там чудно — как в нашей деревне. — Поздравляю тебя с Праздником Святой Троицы. Благодать Духа Святого да укрепит тебя духовно и телесно, братик, дорогой. Господь да будет наш Помощник — везде и всегда. Не забывай свою любящую тебя сестричку Тамару.

[Приписка на полях:] Жив ли отец Аркадий? Привет ему.

P.S. Тетя Лили живет одна, старенькая, далеко отсюда. Эдит умерла. Я ей [тете Лили] пишу и иногда что посылаю. Помолись о ней. И об усопшей рабе Божией Марии.

[Приписка на первой странице на полях:] Помолись о грешной рабе Божией Тамаре, да укрепит Господь силы мои для служения Ему на том месте, куда Он меня поставил.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Дорогой мой братик, как-то твое здоровье и как тебя Господь хранит? Очень тронута и рада была до слез получить подарочки, спасибо тебе за все большое. Мешочек висит у меня в шкафчике, где иконы. Спасибо и за хорошие строки. Конечно, ты прав, нет ничего выше любви, но и нет ничего труднее. Когда человек благополучен, то и любить других ему легче, а в горе делаешься чувствительнее, больше ждешь от людей внимания и тепла, и не всегда встречая их (часто — из-за недостатка времени), склонен бываешь обижаться и видеть скорее недостатки человека. А когда подумаешь о своих, то приходишь в уныние. Все это нехорошо, знаю, и что главное — это устремлять свой взор ко Господу, к Высшему Источнику Света, просветляться Им и радоваться о Нем! Но все это требует непрерывного большого усилия. Во дни нездоровья это усилие бывает труднее. 28 августа, в день рождения мамы, после служ-

бы ездила на дорогие могилки, свезла цветы... Вспоминала тебя и молилась о всех вас. 18-го сентября, 7 лет папиной кончины, служила панихиду, а потом опять ездила посадить чудные белые хризантемы у папиного креста. Березка его разрослась — как шатер. 27-го наш престольный праздник, 30-го мамин день Ангела, а 28 апреля маме два года. Помолись, братик, дорогой. Летом была месяц опять в монастыре, там хорошо. Тоскую одна, но стараюсь крепиться. Господь да хранит тебя и Матерь Божия. Молись о мне грешной. Любящая сестричка*.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Милый, дорогой братик**,

спасибо сердечное за добрые твои строки к Рождеству Христову. У нас тот же стиль, как и у вас, празднуем в одно время. Зима стоит сырая, хотя морозы и не большие, но все простужаются, может быть, это из-за близости озера, не знаю. Во всяком случае и я на праздниках болела и несколько дней не выходила. Но в сочельник все же была в церкви и исповедывалась, а в Рождество Христово причащалась. Затем было много хлопот с нашей традиционной «Елкой»; я должна была подготовить и провести всю детскую программу. Слава Богу, прошло все благополучно, все остались довольны, особенно дети и их родители, которые сияли от радости и гордости за своих малышей... У нас в школе 20 детей, но говорящих по-русски — 15. Вот с ними мы и разучили две сценки, а потом была еще декламация, пение и русский танец. Сделали снимки — на память, но они большие и неудобно посылать.

Время быстро летит, уже скоро масляница, а тогда и Великий пост...

---

* На обороте письма рукой отца Серафима запись: «26.10.63.» Ниже на полях рукой Тамары Ивановны: «Брату».

** Наверху листа рукой отца Серафима приписано: «апрель».

Желаю тебе в здравии и мире душевном провести эти святые дни и встретить Светлое Христово Воскресенье.

За твои мудрые слова «учебы», как ты это называешь, я тебе только благодарна. Они меня ободряют, направляют и укрепляют на духовном пути. Живя в миру, так легко сойти с него, тем более что наставники наши очень заняты, и часто мы предоставлены сами себе, — и вот, кроме Евангелия, конечно, твои слова являются для меня большой и необходимой поддержкой.

Из-за слабого здоровья, что обусловливает и внешние, более скромные, условия моей жизни, чем у большинства друзей, я живу сравнительно уединенно, часто днями бываю одна... Дéла дома всегда достаточно, к тому же меня многое интересует и сейчас подготовляю работу с молодежью в литературно-христианском кружке. По воскресеньям всегда езжу в церковь, а по четвергам — на квартиру к Епископу, для занятия с детьми. У меня две группы, очень хорошие дети. Большинство из смешанных семей. Так, Сережа и Алеша Кобоссе имеют отца испанца и русскую мать, говорят на 3-х языках (испанском, русском и французском) и недавно перешли из католичества в православие, по желанию матери (отец равнодушен к религии). А Ивик имеет мать швейцарку, отца русского, был протестантом — и стал тоже православным. — Родители все очень мило ко мне относятся, после «Елки» — Сережа (7 лет) передал — поднесли мне цветы. Иногда приглашают вместе с Епископом (который преподает историю и Закон Божий) и другими детьми — к себе в гости. Но так я никуда не хожу. Лишь раз, после маминой кончины, когда приезжал русский хор, друзья взяли мне билет и пригласили пойти с ними послушать наших русских певцов. Все мы очень стосковались по всему родному, русскому...

Дорогой братик, как мне хотелось бы тебя повидать, ведь уже 20 лет, как мы с тобой не виделись!.. Я часто грущу и тоскую по нашим дорогим ушедшим, но живу надеждой, что и с ними встречусь однажды.

Напиши мне, что говорил о жизни **будущаго** века отец Симеон, вообще — чему он тебя поучал, касательно духовной **жизни**...

Очень хотелось бы **порадовать** тебя чем-либо, напиши, я не знаю, чем. Молись обо мне, грешной, чтоб дал Господь сил, и физических, и душевных — поработать еще на «ниве Господней». Храни тебя Господь. Твоя фотография всегда передо мною. Очень хотела бы еще иметь снимки икон **«Успения»** и **«Умиления»**; — присланные я раздарила. Желаю тебе сил и радости духовной. Целую. Любящая тебя твоя сестричка Тамара.

[На первой странице на полях приписано рукой Тамары Ивановны:] «Об усопших: Лидии, Михаиле, Иоанне. Помолись о Зинаиде, Наталии, Викторе».

Из письма архимандрита Серафима — Тамаре Ивановне

1964 год.

...Идет Великий пост. При вступлении в него испрашивают взаимно друг у друга прощение. Прошу простить и мне, чем согрешил против тебя когда-либо: делом, словом, помышлением. Благодатию Своею Бог да простит всех нас...

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

*23 IX 1964**

Дорогой братик, сердечно благодарю за добрые строки и за присланные иконки. Они не **освящены**? Ты ничего не пишешь о своем **здоровье**; надеюсь, что чувствуешь себя лучше? Как ты лечишься? Вероятно, тебе нужна диета (молоко?), особое питание? Что говорят врачи? Напиши мне все подробно об этом, ответь на вопросы, пожалуйста! После исцеления Мотовилова от тяжких недугов преподобный Серафим сказал ему: «...Берегите здоровье ваше, как драгоценный дар

* Наверху листа рукой отца Серафима приписано «2.11.64».

Божий»... И я стараюсь следовать этому указанию, вспоминая к тому же, с глубокой благодарностью, сколько забот, тревог и сколько труда стоило это здоровье нашим дорогим родителям... Тоже и тебя прошу лечиться и **поддерживать** здоровье свое по мере сил — как дар Божий, нужный и мне, и всем любящим тебя и нуждающимся в твоей духовной помощи... Если б Господь не укрепил моих физических сил, то что бы я теперь делала, одна?!

...А ты должен знать, что не только твои молитвы, но и духовные мысли и слова — для меня большая поддержка. Из-за недостатка наставников, все мы находимся без постоянного духовного руководства, и это не легко. Я читаю теперь часто жизнеописание Святого Серафима, и стараюсь черпать оттуда руководство... Тоже и акафист ему читаю, и тогда входит радость в душу. Молю его направить меня и попещись обо мне грешной. Помолись и ты... А чем (если это не секрет) **«ободрил»** тебя отец Симеон, умирая, как ты говоришь? Святой Франциск говорил ученикам, что не надо **унывать** от своих недостатков, а больше радоваться величию и славе Божией, забывая о себе, а Господь волен преобразить наш внутренний состав — только бы мы стремились к Нему, как «блудный сын» ... Так что не грусти и не унывай, братик, дорогой, верь в Любовь Божию, покрывающую бесконечной благостью все наши недостатки... Но мне ли тебе об этом писать?! — Спасибо за поздравление. На Воздвижение наш престольный праздник, у нас всегда бывают чудные службы с чином «воздвигания» Креста Господня. Так как приедут знакомые и одна будет ночевать у меня, я поговела на Рождество Пресвятой Богородицы (день похорон нашего папы), а **18-го сентября*** служили панихиду. **28-го октября**** будет 3 года, как ушла дорогая наша мамочка, буду просить послужить на могилках... А ты послужи

* Подчеркнуто рукой Тамары Ивановны.

** Подчеркнуто рукой Тамары Ивановны.

в церкви и помолись об обоих особо... Снова начинаются занятия с **детьми**, много малышей, будем готовиться к «Елке». Тетя Лилли тебе кланяется (Эдит умерла), она очень одинока в Германии. Другие три кузины ее далеко. Ирена замужем... Господь да хранит тебя и Божия Матерь по молитвам святого Серафима и отца Симеона. Пиши — это радость и крепит силы мои. Целую. Любящая тебя крепко твоя сестра Тамара.

Из письма архимандрита Серафима — Тамаре Ивановне

Желаю тебе мира душевного, привыкнуть к одинокой жизни (**белое иночество**) и быть достаточно здоровой для исполнения своих обязанностей. Инок, ради Бога, не только отказывается от связей с родными и близкими, но и от своей личной жизни — себе он не принадлежит!

И **тебе бы**, как **«белой инокине»**, то есть бессемейной христианке (волею Божией), следовало бы спокойно и уверенно делать свое дело, добросовестно, как бы Самим Богом данное, — и от Него Одного ожидать и награды.

Так вот, сестричка, епитимию неси, а с врагом борись. Бог тебе в помощь!

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

*5 III 1965 г.**

Дорогой мой братик, поздравляю тебя с началом Великого Поста и желаю в добром здравии и духовной бодрости провести его — и дождаться светлой радости Воскресения Христова!

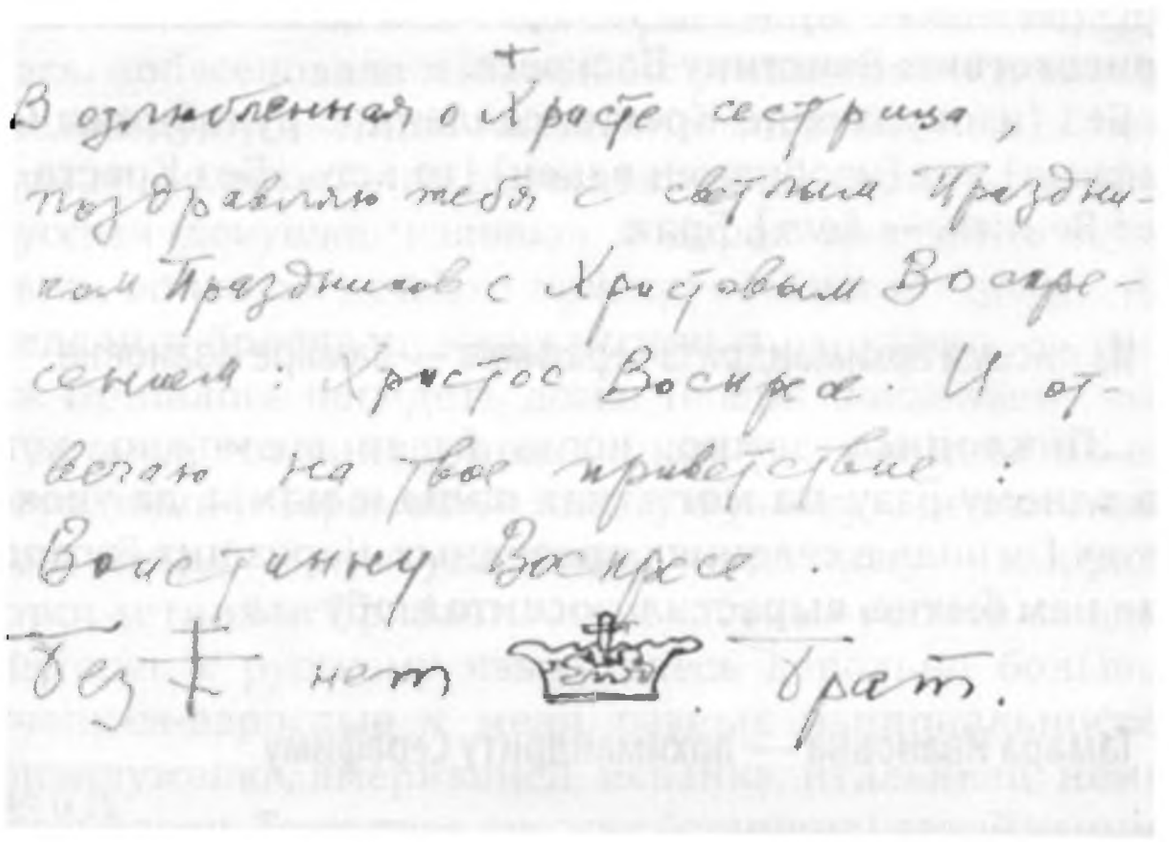
Пишу в день Святого Корнилия, твоего патрона. Читала, какой он был добрый, кроткий, полный любви и самоотвержения... Его образ висит у меня рядом

* Наверху листа рукой отца Серафима приписано: «3 письма получено 30 апреля».

с другими... Да поможет он нам своими молитвами идти верным путем и никогда и ни в чем не изменять Спасителю нашему! ... Как я рада была получить от тебя весточку — ты не можешь себе и представить! Спасибо за добрые слова наставления, я нуждаюсь в них... Твое глубокое смирение для меня лучше всех примеров. Господь учит меня ему через разные жизненные обстоятельства, но все чувствую — шевелится иногда какая-то глупая гордость в душе, ни на чем не основанная... Как хорошо ты пишешь о «белом иночестве». Подобное говорил мне и мой духовный отец*, и чудно слышать это и от тебя, будто внушенное тебе Богом — для передачи мне... Делаешь свое маленькое дело, а потом вдруг сомнения разные одолевать начинают, чувство оставленности, одинокости — особенно во дни болезни. Но Господь посылает и утешения: так, проездом посетил меня и помолился о всей нашей семье мой духовный отец. Так дорого, что знал он и родителей, а меня уже 30 лет. (Говорил и он о белом иночестве, и что палка моя вроде ряски мне**). Он весь светится духовной радостью, и так легко делается на душе в его присутствии. Жаль, что так далеко он и так редко (3 года тому назад) бывает здесь... В школе было много дела, так как Епископ Антоний уезжал, и я заменяла его в одной группе. Делаю это с радостью. Детей у нас всего 23, но 6 групп. Все очень милые, говорят с младенчества на 2–3 языках. Например, Сережа: отец испанец, мать русская, ходит во французскую школу. Ему 8 лет, очень способный мальчик... Есть и 4-летний Мишенька, тот говорит по-русски лучше, чем по-французски (отец швейцарец), поет русские песни, знает русские стихи. — Спасибо тебе за красивый вид монастыря! Помолись об упокоении раба Божия Виктора. Этот ста-

* Архиепископ Иоанн (Шаховской) — автор нескольких диалогов, имеющих общее название «Белое иночество». См.: Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Избранное. Петрозаводск, 1992. С. 118–128.

** Вероятно, имеется в виду трость, на которую по старческой немощи опиралась при ходьбе Тамара Ивановна.

Возлюбленная о Христе сестрица,
поздравляю тебя с светлым Праздни-
ком Праздников с Христовым Воскре-
сением: Христос Воскрес. И от-
вечаю на твое приветствие:
Воистину Воскрес.
Без ✝ нет брат.

Оборот открытки с пасхальным поздравлением о. Серафима сестре
Середина 1960-х гг.

ричок скончался 14-го февраля, он знал маму и был по-отечески добр ко мне после ее кончины.

Теперь у нас чувствуется большой интерес к нашей православной вере, бывают встречи, беседы. Особенно протестанты частично возвращаются к древним истокам; чувствуется больше любви между христианами, и это так радостно... Храни тебя Господь, дорогой братик... Не забывай... Любящая тебя твоя сестричка Тамара.

[На обороте листа приписка:]

Будь здоров, пиши. Как здоровье твое, бываешь ли у врача? Есть ли лекарства от головной боли?

Архимандрит Серафим — Тамаре Ивановне

[На обороте открытки с видом Псково-Печерского монастыря:]

Возлюбленная о Христе сестрица, поздравляю тебя со светлым Праздником Праздников — с Христовым

Воскресением: Христос Воскресе. И отвечаю на твое приветствие: Воистину Воскресе.

Без (изображение Креста, сделанное рукой отца Серафима) нет (изображен венец) [то есть «Без Креста — нет Венца». — *Авт.*]. Брат.

Из письма архимандрита Серафима — Тамаре Ивановне

...**Поклонись земно**, когда будет возможно, хоть по одному разу, **на могилках папы и мамы**, да упокоит их Господь в селениях праведных. Через них Господь дал нам бытие, вырастил, воспитал, обучил...

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

21 XI 1965

Мой дорогой братик, получила твое письмецо, спасибо. День рожденья почти два месяца тому назад прошел в свете радости посещения нас чудотворным образом Знамения Божьей Матери. Я тоже поговела, а потом принимала иногородних паломников-друзей и угощала их чаем с кренделем (который я, в память нашей дорогой мамочки, до последнего года своей жизни, при всех условиях, делавшей его для меня, — пеку) ... Все переживали большой духовный подъем... Теперь у нас глубокая осень, дожди льют день и ночь, но пока еще не очень холодно (5–10° тепла). Дней пять тому назад ездила на кладбище, посадила луковицы гиацинтов и тюльпанов, покрыла могилки сплошь еловыми ветвями (которые продаются у входа), подрезала розы. На маминой могилке один кустик роз весь покрыт большими бутонами, но они больше не расцветут... У папы еще цвели две красные розочки, но березка стояла почти голая. Думаю заказать толстые дубовые кресты для обеих могилок (мраморные слишком дороги), — теперешние еще держатся, я их уже перекрашивала, но они тонкие, могут подгнить и обвалиться.

...Поклонилась и от тебя дорогим могилкам, помолилась, побеседовала мысленно с усопшими — и мир сошел на душу. — Пиши мне, если я могу тебе чем помочь. Думаю, голова болит от малокровия, плохого питания. Русская девушка, взявшая подарок для тебя, может быть, опять поедет. Что прислать? Напиши сразу... Две недели я болела, думали ангина, а оказалось — свинка. Пришлось посидеть дома. Теперь снова занимаюсь с детьми, готовим к праздникам разные детские выступления («Теремок», «Золотую рыбку», декламацию, хор, танцы). Я сама увлекаюсь, когда вижу — как радуются детишки. Прибавилось и частных уроков на дому. Интерес к русскому языку здесь довольно большой, ученики-взрослые у меня разных национальностей: француженка, американец, испанка, итальянец, немка, швейцарец. Тоже трое русских (старших) детей занимаются у меня дома, проходим уже литературу. А, кроме того, изредка бывают встречи и доклады молодежи — на самые разные темы. Две недели назад — «о надежде», завтра — «о Чехове» и так далее. Хорошие они, но какие-то **потерянные** в этом мире, ищущие и нередко блуждающие еще далеко от «Отчего Дома»... Я так рада, что у вас хорошо прошел престольный праздник, было столько цветов. А сколько у вас **братий**? И заменил ли тебе отец Пимен* немного отца Симеона? Является ли он тебе духовной поддержкой? Я иногда вижу во сне маму, или вот недавно два раза видела папу, он поднимался **в гору**. Что это значит?.. Здесь все очень **добры** ко мне; но я много, особенно в праздники, бываю одна, привыкаю и начинаю любить **тишину**, и уставать, и тяготиться от многолюдства. Но в жизни

* Имеется в виду схиархимандрит Пимен (Гавриленко) (1883–1976). Он был преемником старца Симеона, братским духовником обители. До поступления в Псково-Печерский монастырь архимандрит Пимен с 1919 по 1950 год подвизался в пустынножительном подвиге на горах Кавказа, затем служил в Сухуми, был там настоятелем собора. Судя по письму Тамары Ивановны, архимандрит Серафим (Розенберг) окормлялся у него после смерти преподобного старца Симеона.

нужно и то, и другое. Господь да хранит тебя, дорогой братик, да укрепит твое здоровье и твой дух. Тоскую, если долго нет весточки, и так радуюсь, когда получаю! С любовью твоя сестричка Тамара.

[На первой странице на полях приписано рукой Тамары Ивановны:] Спасибо за фото — иконочки, очень хорошие. Посылаю фото, снято в квартире епископа, у него на коленях мальчик, а рядом батюшка. Часть детей не пришла.

Из письма архимандрита Серафима — Тамаре Ивановне

...Что видела во сне папу, подымавшимся в гору, — полагаю, что он хочет тебе показать, что лишь тот взойдет в вечный покой, кто трудится в этой жизни, терпит, борется, не ищет от нее одного приятного и легкого.

Ближе к нам и роднее стал загробный мир, куда переселились близкие нам души. Да поможет нам Господь все терпеть, за все благодарить, никого не осуждать, всегда молиться, все обольщения мира презирать, искать утешения и радости — в одном Боге.

Не сегодня — завтра оставим мир сей и свое тело, а душою отойдем в лучший мир. Постоянным покаянием будем готовиться к смертному часу — «Христианския кончины живота нашего, безболезнены, непостыдны, мирны, и добраго ответа на Страшнем Судищи Христове, просим»*.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

13 июля 1966 г.

Дорогой братик,

вот и день святых Петра и Павла прошел. Спасибо тебе за их иконочку. В этом году я провожу все святые летние дни — на лоне природы, в великом храме

---

* Из Просительной ектении.

Господнем, и как здесь хорошо!* Знаешь стихотворение Бориса Пастернака:

Как будто внутренность собора
простор земли; и чрез окно,
далекий отголосок хора
мне слышать иногда дано.
Природа, мир, тайник вселенной,
я службу долгую твою
объятый дрожью сокровенной
в слезах от счастья отстою...

Домик Сони со всеми удобствами, стоит среди леса и лугов. Воздух дивный. Бегают зайчики, белки, ежи... Поют жаворонки. В воскресенье ездили осматривать окрестности, которые очень живописны. Были в их церкви, по их словам, лютеранской. Но меня удивило, что там были статуи Божьей Матери и Святых. Из проповеди пастора я, конечно, ничего не поняла. Он очень молодой. Прихожане — почти исключительно пожилые женщины... Затем осматривали один старинный замок, на берегу залива, времен рыцарей и крестоносцев... Отдыхаю здесь душой и телом. Соня и ее муж очень добры ко мне. Хотят свезти меня один раз в Стокгольм, показать свою столицу. Один раз были приглашены пообедать, за столом на вольном воздухе, в одну крестьянскую семью. Народ здесь очень гостеприимный и очень добрый. Мне все интересно. Ведь это тоже кусочек Божьей земли, которую, к слову, мы так мало знаем. И хотя народ, может быть и из-за множества разных сект, кажется не очень «церковным» в целом, но многие законы старины и отношение к человеку — глубоко человечные и, по существу, христианские.

---

* Речь идет о летней поездке Тамары Ивановны в Швецию, куда она ездила навестить свою бывшую ученицу по изборской школе — Соню Воронкову. Именно Соней Воронковой собирались и отправлялись посылки в Печоры отцу Серафиму. Передавала же их лично в руки старцу (равно как — до конца 1960-х годов — и письма Тамары Ивановны) родная сестра Сони, также бывшая ученица Тамары Ивановны — Александра (Саша).

Напиши мне о своем здоровье. Какое твое послушание летом? Много ли туристов?

...Я тоже бываю гидом в нашем храме, в Женеве, и это всегда чрезвычайно интересно, так как меня вдохновляет миссионерство. Интерес к православию повсюду очень велик, и наша задача весьма ответственна. В день Воздвижения, в этом году, отмечаем столетие храма и будут большие торжества. Сейчас идет ремонт (крыша, стены, золотят купола), и мы делаем большие усилия, чтобы собрать для этого нужные средства. Собираем по подписным листам, устраиваем духовные концерты, базар, тоже доход с «Ёлки» пойдет на ремонт. — Хочу написать тебе еще одно стихотворение, которое я очень люблю (Владыки Иоанна) [Шаховского. — *Авт.*]:

Иночество

Ничего я больше не хочу, —
Только дай мне, Господи, свечу,
Этот малый, тихий огонек,
Чтоб его до смерти я берег.
А когда, средь раннего утра,
Мне в Твой Дом идти придет пора,
В тишине Своей, не пред людьми,
Сам из рук моих свечу возьми.

Но вот, побеседовала с тобой на свободе, сидя в саду и любуясь на голубое небо и зеленые луга и леса... Домой собираюсь числа 3-го — 6-го, еще не заказали места, а билет у меня обратный. Храни тебя Господь, дорогой братик! А какое было бы счастье повидаться, ведь мы так близко, но на все Воля Божия. Целую тебя и остаюсь, любящая тебя, твоя сестричка Тамара.

[На полях приписано рукой Тамары Ивановны:] Помолись обо мне грешной и о моем обратном путешествии, прошу!.. Помолись о Соне и ее здоровье! Напиши нам сюда! Очень жду!

Из письма архимандрита Серафима — Тамаре Ивановне

...Благодарение Богу, утешающему тебя красотами природы и любовью друзей...

...Так что ты, как я уже тебя просил, если имеешь излишки чего — **отдавай Богу — руками нуждающихся**. Покойные родители наши (которых нынче во сне я видел в очень смиренном положении), по учению Православной Церкви, получат значительную помощь через твое щедрое благотворение...

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

3 I 1971 г.

Дорогой мой, милый братик,

поздравляю тебя со днем Ангела и желаю, чтобы твой небесный покровитель, св. Серафим, укрепил твои физические и душевные силы, исполнил сердце светлой радостью, несмотря на все немощи твои... Весточки от тебя для меня великая поддержка, знай это. А тем более — мечта о личной встрече. Но все в Руках Божиих. Сейчас я нуждаюсь в отдыхе, и врач посылает меня на 4 недели в один пансион, в Глион (над Montreu). Там бывает больше солнца, чем у нас. Ни топки печки, никаких хозяйственных забот, ни уроков. Последнее время все меня утомляло и вызывало сердцебиение и от этого — головокружение. Выходила лишь поблизости и не каждый день. Друзья делали покупки. На Рождество надеюсь быть в церкви (на машине со знакомыми), а 12-го нужно ехать на отдых. — 31 января Владыка крестил моего ученика, полурусского, получеха, мальчика 13 лет (не был крещен. Отец неверующий, родители разошлись), и я была восприемницей. Помолись об отроке **Марке**, чтобы Господь просветил его Светом Своим. Я теперь ответственна за него перед Богом. Хороший мальчик.

У нас морозы 5–8°, снег. Это редко здесь бывает. Молюсь, чтобы Господь облегчил тебя, чтобы тебе

не мучиться так физически и не уставать. Чтобы утешил, укрепил и обрадовал!.. Внешний человек стареет, а внутренний обновляется... Для души — старости ведь нет!

Храни тебя Христос, Пресвятая Дева Мария и святой Серафим!

Помолись обо мне грешной! Любящая тебя крепко и переживающая вместе с тобой все твои немощи и тяготы

твоя сестричка Тамара.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Дорогой братик*,

поздравляю тебя с наступающим Светлым праздником, желаю тебе в радости и добром здравии встретить и провести его.

Дорогой Атик, братик, **помолись** о твоей грешной сестрице, **болящей** и духом **унывающей**. Помолись, твоя молитва доходна до Господа Бога, умоляю тебя. Помолись от всего сердца, чтобы Божья Матерь смилостивилась и исцелила меня душевно и телесно, чтобы я могла еще послужить Господу и людям. Сейчас меня взяли к себе друзья, в Лозанну, так как врач не хочет, чтобы я оставалась одна. Да я и не могу. Больны сердечные нервы (и он думает, что это не только физически, но и от всего пережитого), и ночами бывает ужасное сердцебиение, а днем разбитость. Тоже действует на **голову**, она тяжелая и пустая. Малейшее волнение вызывает сердцебиение до тошноты. От разных таблеток не лучше. По-видимому, падение летом было толчком, и сейчас я совсем **нежизнеспособна** и такое чувство **богооставленности**. Братик, дорогой, Господь по Своей Великой Милости давал мне силы к жизни все эти годы. Я благодарна Ему за все! За все! Да не оставит Он меня и сейчас Своею Милостью и да **укрепит** силы мои,

* Наверху листа приписка рукой отца Серафима: «получено 11. 4. 71».

по твоей молитве и родителей наших. Это один из **самых** тяжелых периодов моей жизни. Верую, Господи, помоги моей немощи и слабости!

Помолись, братик, родной и да хранит тебя Пресвятая Дева и Господь Бог в добром здравии и благополучии.

Любящая тебя сестрица Тамара.

[На полях приписано рукой Тамары Ивановны:] Сама не знаю, что со мной... Так трудно. Господи, помилуй, помоги.

Из письма архимандрита Серафима — Тамаре Ивановне

...Была здорова — других поддерживала, трудилась, а ныне **время другого рода деятельности** — не телесной, а **духовной** — молитвы, терпения, благодарения, богомыслия, смирения, воздержания, борьбы с вражиими помыслами (уныние, страхи, тоска, отчаяние) ...

Каждый из нас через **смиренное терпение** ниспосланного нам **креста** делается как бы **участником Христовых страданий** и заслуживает Его милость и получает помощь — душевный мир. Старец Амвросий [Оптинский] наставлял:

Терпел Моисей,
Терпел Елисей,
Терпел Илия —
Потерплю и я...

Господь особенно близок к страдальцам — и Он, верю, близ тебя и в сердце твоем; Им крепись и презирай вражии внушения.

Враг рода человеческого особенно нападает в болезни: распознавай его внушения, не внимай им, будь уверена в любви к нам Божией, крестись чаще. Трудно молиться? Читай Священное Писание, Псалмы. Занимайся рукоделием неким — посильным. Ты благодаришь за все Бога — правильно. Святые Отцы учат, что благодарность (Богу, да и всякому человеку) есть залог новых нам благодеяний. Благодари Бога и за болезнь — и болезнь пройдет.

...**Потерпи**, ничего на земле не вечно, по печали приходит радость, по радости — печаль, и так — до смерти, которая, как некий великий благодетель, выведет нас из сей юдоли печали в Царство вечной радости и веселия и освободит душу от сей обременяющей ее и губящей ее одежды — тела.

Земная жизнь наша — чужбина, а родина — Небо. Скоро и душа, очищенная от всех пристрастий и грехов, войдет в свое родное жилище, присоединится к небесной семье, где Отец — Сам Бог, где братья и сестры — Ангелы Божии и Святые Человеки, где, надеемся, милостью Божией, находятся и наши родители. Скоро придет конец всем испытаниям в горниле искушений.

Благодари, терпи, проси, верь, люби, трезвись...

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

*23 мая 1971 г.**

Дорогой мой братик! Атик милый!

Спасибо тебе за такое хорошее ободряющее письмо. Твоя сестричка больше чем когда-либо нуждается в твоей молитве и поддержке. Как грустно, что и ты болеешь. Голова и шея — наверно простужены, или нервы. Тоже и желудок. Или от пищи? А подавленность иногда бывает от болезни, но у тебя она, вероятно, от переутомления... Иначе [и быть не может —] ведь ты все время в молитве, которая дает тебе духовные силы, и радость, и мир. Хотя на поверхности души борьба все продолжается. Пишу так плохо, потому что разболелись нервы в ноге и руке. Это после неосторожного осмотра врачами. Сначала в ноге, а потом я стала сильнее опираться на палку, и воспалились и в руке. Трудно писать и не могу ходить. Спасибо друзьям, приютили меня и заботятся обо мне. Разные недомогания, я тоже к ним привыкла, перенесла рань-

* Наверху листа приписка рукой отца Серафима: «получено 6. VI».

ше и большую болезнь. Но сейчас, братик мой родной, это что-то совсем иное. Доктора говорят, что и **сердце**, и **головокружения**, и разбитость — от **болезни расшатанных нервов**. Это **трудно** лечить. И временами граничит — с **душевным** заболеванием, так что мне бывает **страшно**. **Тревожат** нехорошие мысли. И будто я **не я**. Лекарство переношу очень тяжело, влияет на другие органы. Вот, чтобы **остаться собой** и прошу я тебя помолиться особо о твоей **грешной** сестричке. Чтобы Господь простил и исцелил. Попроси Божью Матерь, покрыть и исцелить. Попроси Святого Серафима — заступиться за меня грешную. И Святого Пантелеимона. И Святителя Николая. И Святого Корнилия. Братик, дорогой, молю тебя — о твоей горячей молитве.

Я благодарю Бога за все дарованное в жизни, за родителей, за тебя, за детство, за друзей, за работу при Церкви и с детьми, за учеников моих. За духовных руководителей. Благодарю за все, за все! Прошу о великой милости **прощения** многих моих прегрешений и об исцелении от этой **пугающей меня** болезни. Боже, милостив буди мне грешной.

Поздравляю тебя со днем твоего рожденья. Дай Бог тебе много сил и облегчи тебя в немощах твоих. Вот стоит твоя фотография у букета с ромашками (получила ко дню Ангела), и я душою и мыслями с тобой. Пиши почаще, это можно сейчас, а мне **самая большая** поддержка — в этом трудном испытании. Да хранит тебя Господь. Целую.

Любящая тебя всем сердцем твоя сестричка Тамара.

Братику!

Из письма архимандрита Серафима — Тамаре Ивановне

...Телесные и душевные заболевания являются в Руках Промысла Божия лишь горькими лекарствами против болезней духа или средствами профилактики. Одно требуется при таком, как выражаются верующие

простецы, — посещении Господнем болезнью — благодарение Небесному Врачу, преданность в Его Волю, терпение, и терпение, и терпение.

Враг человеческий пользуется тяжелым состоянием его и усиливает нажим, чтоб довести человека до тягчайшего из грехов — отчаяния. **Терпеть надо, бороться надо, молиться, хотя и сухо, необходимо!** Придет помощь, душа же от пережитого сделается сильнее. Христианин — борец!..

Присутствующий невидимо Бог раздает венцы победившим. **Потерпи, сестричка. Много и я вытерпел, и продолжаю терпеть ударов.** *Егоже бо любит Господь, наказует* (Евр 12, 6).

...Ну, будь здорова и весела. Живи, **по Амвросию Оптинскому**, как колесо — одной лишь точкой соприкасаясь с землей, а остальным стремящееся ввысь, и при том всё продвигающееся вперед — к цели.

Храни тебя Господь, Матерь Божия, Угодники Святые и **Батюшка покойный отец Симеон (я верю в его сильное предстательство за обитель нашу и за меня лично: если мне хорошо — благодаря ему).**

Живи во славу Божию, как странница на пути к Отечеству.

Ежедневно молитвенно поминаю тебя и благословляю Святым Крестом. Бодрись, молись, терпи, благодари...

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

*20 ноябрь 1971**

Атинька, дорогой мой братец,

думаю о тебе и молю Бога помочь мне ради тебя, чтобы нам еще увидеться на этой земле — по завещанию дорогого нашего папушки. Для Господа все возможно. Благодарю Его за все светлое и доброе, данное мне в жизни. Хотела бы всю жизнь посвятить Ему, как ты. Но нет сил у меня. Вот и тебе не легко. Спасибо за записочки. Я рада каждому твоему слову. Они поддерживают меня. Ты

* Наверху листа приписка рукой отца Серафима: «ответил 27 ноября».

бодр, несмотря на все трудности жизни твоей. Конечно, это большая работа, которую тебе приходится делать. Братик мой родимый, как мне хотелось бы повидаться с тобой! Побеседовать. Помолиться вместе. Для Господа Бога все возможно. Молюсь о тебе, как умею. Дай Бог тебе здоровья и сил душевных. Ты окружен святыней — и это тебе поможет. Мне снова хуже почему-то, вообще, слабый организм. Спасибо за твои молитвы! Любящая тебя очень сестричка твоя Тамара.

Отец Симеон был тебе близок, и я верю, что он поможет и тебе, и мне. Это ужасно, что у тебя всегда болит голова. Наверно, это невралгия. А у меня то в ноге, а то в руке. В правой, как сейчас, и я не могу хорошо ходить, так как держу палку в правой руке, чтобы опираться при ходьбе, а если в левой — то нет равновесия. И я с трудом передвигаюсь по квартире. Принимаю лекарства разные, но они не всегда хорошо действуют. Вызывают большую слабость. А живу одна. Приходит одна женщина помочь в хозяйстве, сделать покупки. Иногда даю уроки, а иногда отказываю, когда не по себе. **Володя** и тетя Аня пишут очень мило, мечтают повидать меня, он хочет и тебя повидать... Здесь все одеты, и у всех есть все необходимое. Рада, если у тебя достаточно теплых вещей. Береги себя ради меня. Вспоминаю наше детство, и так хотелось бы еще повидаться в этом мире. Папушка хотел, чтобы я лично передала тебе его родительское благословение! **«Принесенному** нами в дар Богу брату Серафиму», — написано у него в дневнике... Дай Бог, чтобы у тебя был всегда мир в душе! Господь да сохранит тебя! Да поможет во всем! Я благодарю Бога, что имею такого брата. Обнимаю и душевно всегда с тобой! Помолись обо мне и старцев попроси. Любящая тебя твоя сестричка Тамара.

У нас дождь и ветер. Друзья заходят, помогают. Помолись о моих болящих Зинаиде, Маргарите, Екатерине. И об упокоении **Леонида** (Зуров). Он знал тебя. Недавно внезапно скончался. Очень любил Святую Печерскую Обитель! И написал о ней в «Отчине».

Из письма архимандрита Серафима — Тамаре Ивановне

Молюсь и прошу и других молиться о тебе. Ничего с нами, как знаешь, не совершается без Промысла Божия. Потерпи — будет тебе во Спасение!.. И за благодушное претерпение недуга Господь, конечно, простит многие наши вольные и невольные, ведомые и неведомые прегрешения.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

*14 III 1972**

Genève.

Дорогой мой братик, спасибо тебе сердечное за хорошее письмецо, написанное после Крещения. Ты так интересно описываешь, как у Вас прошел этот праздник, сколько освященной воды разобрали верующие, и так далее. Идет Крестопоклонная неделя. В воскресенье мне удалось побывать в церкви, было очень хорошо. Но вообще, к моему большому огорчению, бываю редко. Езжу на такси или подвозят друзья на своих машинах. А мне трудно ходить, какая-то тяжесть и неуверенность в ногах, несмотря на то, что опираюсь на палку. Еще и не говела, трудно это для меня, напряжение физическое тоже, к которому я сейчас неспособна.

Погода стоит солнечная и довольно теплая. Лишь иногда дожди и опять прохладно. — Как твое здоровье, дорогой братец? Лучше ли с головой? — Мне Галина кроме снимков, твоих, прислала также записанную на магнитофонную ленту монастырскую службу, где ты сослужил и есть и твой возглас, и колокольный звон монастырских колоколов. А я как раз к Новому Году получила от одной ученицы в подарок магнитофон и теперь могу не только любоваться твоими снимками, но и слышать вашу службу. Это так приятно.

---

* Наверху листа приписка рукой отца Серафима: «24.3.72 получил, 26, 3. ответил».

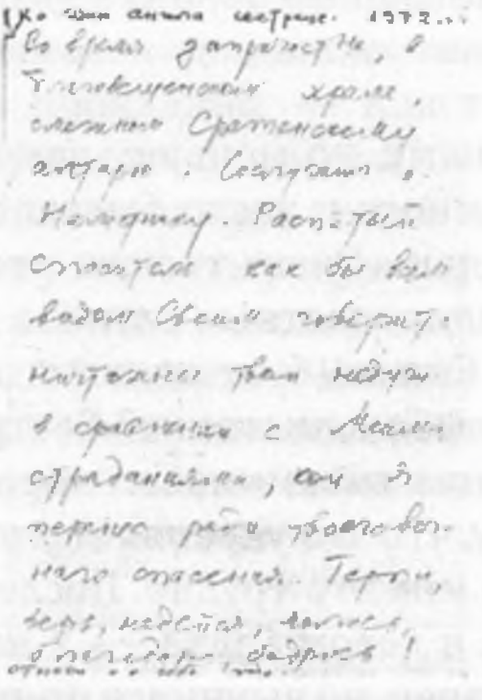

Архимандрит Серафим
1972 г.

По-прежнему, но меньше, даю уроки. Иногда заходят друзья, но много и часто бываю одна. Читаю из Библии на каждый день. Очень тоскую, что не могу посещать прекрасные великопостные службы. Это для меня большое наказание. **Скажи,** братик, дорогой, это верно наказание или какое-либо испытание? **Сестра,** которая делает мне впрыскивания витаминов, говорит, что я должна делать гимнастику, что это укрепляет и уменьшает боли в руках и ногах. Но мне это трудно. После стольких лет лежания и анкилоза в левом бедре. — У нас новый молодой дьякон, швейцарец, но выучился по-русски, и хорошо служит

Архимандрит Серафим в Благовещенском храме Псково-Печерского монастыря
1972 г.

Дарственная надпись сестре на обороте той же фотографии

по-славянски и тоже некоторые ектении по-гречески. Наблюдается большой интерес к православию. Церковь всегда (по воскресеньям) полна. Тоже и смешанные браки тому причина, и красота наших служб. — Храни тебя Господь, дорогой братец. Благодарю за твои **молитвы** обо мне грешной, и прошу тебя не забывать и впредь меня в своих молитвах. Здоровье слабое и потому живу **с трудом**. Господь да помилует меня, свою грешную рабу. Будь здоров и бодр. Ты много **двигаешься** и на свежем воздухе, это должно тебя поддержать. Целую и приветствую. Любящая тебя твоя сестрица Тамара.

[На полях приписано рукой Тамары Ивановны:] Что бы ты хотел получить от меня в **подарок**, если поедет летом А. В.*?

Архимандрит Серафим — Тамаре Ивановне

[На обороте фотографии (отец Серафим рядом с Распятием в алтаре Благовещенского храма):]

Ко дню Ангела сестрице. 1972 год.

Во время запричастна, в Благовещенском храме, смежном Сретенскому Алтарю. Сослужил отцу наместнику. Распятый Спаситель как бы всем видом Своим говорит: ничтожны твои недуги в сравнении с Моими Страданиями, кои Я перенес ради твоего вечного Спасения. Терпи, верь, надейся, молись, благодари, бодрись!

Отнеси и к себе это, сестрица.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

*26 VIII 1972***

Genève

Дорогой братик, поздравляю тебя с Престольным Праздником, со Святым Успением Божьей Матери

---

* Вероятно, Александра Воронкова.

** Наверху листа приписка рукой отца Серафима: «Получил 5, послал 9, икону Успения с А.В. [Александрой Воронковой] просфору, четки, поручи, артос, елей».

и со днем рожденья нашей дорогой мамочки. Желаю, чтобы с Божьей Помощью все прошло благополучно и чтобы ты тоже не переутомился. Бегать целый день, да еще по лестницам, это и не всякий здоровый вынесет. «Старенький», это еще не значит — «старик»... Вот мне с Афонской Горы написал иеромонах Серафим: «Я помоложе, 71 лет мне отроду, но я еще, слава Богу, крепкий, а они старики» (про почившего игумена Илиана и теперешнего игумена архимандрита Гавриила). Ты не скрывай, если тебе что не по силам, говори вашему наместнику. Он поймет и даст тебе **помощников** или уменьшит твои обязанности. Мы с тобой оба слабосильные, дети трудных революционных лет. Тоже и я часто ложусь отдохнуть, а теперь особенно. Мне делали много радиографий и другие исследования, и говорят, что боли в колене главным образом от моей бывшей болезни бедра, [далее неразборчивое словосочетание. — *Авт.*] из-за которой произошло неправильное положение бедра и тоже — колена (сильный упор в него), и вот с годами начались боли при ходьбе и после ходьбы. Добрая Мария Вас. утешает меня, что «для Бога все возможно, и в один прекрасный день Он исцелит мою больную ногу и вообще снимет все мои болезни»... Прекрасные они люди, и такой веры еще поискать надо. Ты будь с ними **поласковей**, и с А. В.* Она так мечтала о встрече с родными местами и близкими людьми. И тоже с тобой, чтобы потом передать мне. Пишет мне всегда так ласково и так хорошо. Спасибо за лепесток. Пришли мне кусочек черного **хлебца** с А.В. Здесь нет. Все белый или серый, или другие сорта, но такого, как у нас был, нет. И еще иконочку «**Успения**». Я ездила на машине поклониться родным могилкам — и от тебя. Обе березки, у папы плакучая, у мамы прямая (ошибся садовник) выросли, стволы утолщились, и густая зелень красиво обрамляет могилки. Внизу цветут бегонии и кустики роз: у мамы чудные

* Вероятно, под этими инициалами вновь имеется в виду Александра Воронкова.

розовые, у папы красные. Стало теплее на душе, когда побывала у них... А у нас тут уходит в иной мир старшее поколение, и после них остается пустота. Помолись о болящих Елизавете и Татьяне. Мои ученики иногда катают меня или возят куда-нибудь в парк — посидеть. Никуда поехать этим летом не удалось. Сейчас только два урока у меня. Каникулы. **Погода** была плохая, только неделю стояла жара. А теперь вдруг снова стала лучше. На Преображение ездила в церковь на такси, назад привез ученик — итальянец. 2-го сентября он переходит в Православие. Помолись о нем (ему лет 35-ть). Он Amile, будет по-русски: **Емельян**. Просил меня быть «крестной». Подарила ему уже золотой крестик и еще хочу дать икону Казанской Божьей Матери. Да хранит тебя Господь, дорогой мой братец. Дай тебе сил и радости. Поминаю тебя всегда на молитве. И ты помолись, чтобы Господь **простил** и **исцелил** меня, грешную. Любящая тебя сестричка Тамара.

[<На полях приписано рукой Тамары Ивановны:] И укрепил мои духовные силы.

Подари сестрицам иконочки.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

*3.3.73**

Мой дорогой братик, спасибо тебе за письмецо от Богоявления. Для меня это всегда такая большая радость — весточка от тебя! Ты ничего не пишешь о своем **здоровье**. Болит ли у тебя что, или это общая слабость, что ты так устаешь? Вероятно, и работы много. — Погода и у нас скорее осенняя, чем зимняя. Идут дожди, ветрено, серо. Я не могу выходить и иногда **очень грущу**. Вчера вечером (он работает в бюро, чтобы прокормить довольно большую семью) заходил наш батюшка — грек, отец Василий. Он еще молодой, 36 лет, но очень духовный и преданный нашей Церкви. Я очень

* Наверху листа приписка рукой отца Серафима: «ответил 11 числа».

нуждалась в **подкрепляющей** духовной беседе. Слабая я стала физически (да и всегда была) и **почему-то** и духовно. Ведь должно было быть **наоборот**, не правда ли? Может быть, что-то неправильное было во всей жизни? **Нервы** истрепались и делают меня порой совсем больной. И вот **боли** в ноге, в руках. **Борюсь**, милый братик, **молюсь**, но особенно **надеюсь** на твои молитвы! Ты наш семейный молитвенник, и да помилует Господь меня, грешную, по твоим молитвам. Прошу очень тебя, помолись **погорячее**. Мне так **трудно**. Молюсь и я о тебе, как умею. Сидя дома много одна, я стала хуже переносить **одиночество**. Правда, друзья заходят, и есть несколько учеников, они очень милые. Но друзья все говорят, [что] мне надо поселиться в каком-нибудь «**Доме**», где будет уход и все готовое. Но казенный «дом» наводит на меня тоску, я так благодарна (и наши родители были тоже), что могу жить в «**своем**» уголке, с зажженной лампадочкой и с возможностью свободно делать что или отдыхать. Наш епископ тоже озабочен моим здоровьем, и церковь молится обо мне. Я им всем благодарна очень. Прости, что все пишу о себе сегодня. Да хранит тебя Господь Бог! Мои друзья знают тебя заочно и тоже молятся о тебе. Пиши **поскорее**. Любящая тебя твоя слабая и некудышная сестрица Тамара. Привет от Владыки Иоанна*.

[На полях приписано рукой Тамары Ивановны:] Не огорчайся, **проси** старцев, чтобы помолились о даровании мне сил **физических** и **духовных** и о **прощении** моих грехов. Укреплении **нервов**!

Из письма архимандрита Серафима — Тамаре Ивановне

...Спрашиваешь о здоровье? Оно — и телесное и душевное — не лучше твоего. Одно лекарство — **терпение**, о котором и следует молиться. Тяжело нести недуги телесные, еще тяжелее — душевные.

---

* Имеется в виду Владыка Иоанн (Шаховской).

Занятость всегдашняя и общение по делу монастырского послушания с людьми — поддерживают, но, конечно, и через все это — Сам любящий нас Бог поддерживает. Ему надо предавать свою судьбу, жаловаться на недуги и слабости, душевные и телесные, просить всего полезного.

Школа жизни кончается, идет экзамен: «Христианския кончины живота нашего... и добраго ответа... просим»*.

Попадет от скалы в море угловатый камень. Долго движет вода его по дну, среди подобных ему камней, жестко трет его, пока отшлифует его до полной гладкости. Так и будущие наследники вечно-блаженной жизни проходят сию суровую краткую земную школу (жизнь), готовятся к экзамену (смерти), чтобы сделаться достойными жителями Рая.

Преподобные отцы и матери всегда помнили (напоминали себе) смерть и всегда плакали о своих грехах и немощах. А ныне — ублажаются (нами) и утешаются.

Терпи, сестрица, бодрись, читай Иисусову молитву или из Псалмов — стихи; вспомни папины слова: «Терпи казак — атаманом будешь».

...Христос за душу мою пролил Кровь — и ныне освобождает ее от гибельного пристрастия к плоти и к миру. Чьи мы? Божии или врага Божия? Это — в нашей воле. **Мы — воины Христовы».**

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

24 I 1974.

Братик мой дорогой, родной Атик, дай Бог сил тебе на многия годы; я молитвенно и всей душой всегда с тобой и хочется беседовать, хотя бы на бумаге. Пиши чаще мне, милый Атик, хоть **несколько слов.** Ведь у меня нет никого **ближе,** роднее и любимее тебя. А времена трудные, и я нуждаюсь особенно в твоей **поддержке.**

---

* Из Просительной ектении.

Здесь больные долго не задерживаются и, главным образом, после операций из больниц. Были милые, подружилась, они уехали. А я все тоскую и думаю, что нервы совсем больные. Вот и у тебя. А это мучительная болезнь. Доктор **не** думает, что это склероз. **Упадок** сил, энергия пропала, и все заставляю себя делать, встать, одеться, и так далее. Дни кажутся без дела пустыми. **Господь знает** все. Вот нет от тебя рождественской весточки, и я беспокоюсь и тоскую. Дай мне эти дни больше чувствовать твою **братскую любовь.** Мы здесь, в Женеве, вокруг Церкви, живем **Родиной**. А тут мало кого интересуют все дорогие нам вещи и святыни.

27 I. С твоими **четками**, мой дорогой братик, я с утра читаю «Иисусову молитву», очень неумело. Есть хорошая книга и поучения в ней, как молитву эту творить. Внимание удержать силы внутренние нужны, а они отсутствуют. Вот я в глубоком недоумении. И о тебе. Ведь столько в тебе духовных сил, вся жизнь была служением Богу, должно это поддерживать тебя и физически. А вот нервы у нас обоих слабые, и как с ними справиться? Ведь для Господа все возможно, и все может Он укрепить в человеке. Зачем ты, дорогой мой братец, иногда плачешь?.. Служишь верой и правдой Господу Богу и людям, мир и тишина да исполнят сердце Твое. Читаю **Евангелие** ежедневно, вот и любимый твой псалом. В нем надежда. Жду всей душой весточки от тебя. Прости сестрицу свою грешную и слабую, и моли Господа, да дарует сил и здоровья. Храни тебя Бог. Любящая тебя горячо твоя сестрица Тамара.

[На полях приписано рукой Тамары Ивановны:] От меня поклонись могилкам Святого Корнилия, Святого Марка, Святого Ионы, его супруги и отца Симеона и попроси их молитв обо мне грешной. Пиши поскорей, братец Аттик-**Серафим**.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

5.5. 74.

Дорогой мой братик,

Атик мой милый, храни тебя Господь, я любовью и думами бываю с тобою. Если бы ты знал, [как] грущу без тебя. Снег и солнце, а вот болезнь докучает. Слава Богу за все в жизни, за детство, и дорогих наших родителей, за все-все светлое и доброе, и за страдания.

Молись мой любимый о твоей болящей и согрешившей немало в жизни сестре. Мне пиши, если я и буду **молчать**. Дорогой, я не знаю, в больной ли голове или в туберкулезе дело? От милой мамочки **унаследовала** я вот в голове слабость нервов, или все в Крыму и потом пережитое* — виной всему тому, я **еле думаю**.

Мой братик горячо любимый, я молю тебя **простить** мне все, чем — делом, словом, помышлением согрешила я в жизни против тебя и **вообще**.

Храни тебя Господь и Матерь Божия дай сил и здоровья, всех благ земных и небесных. Мой дорогой и родной, будь мирен душой и сердцем: ведь отдал ты жизнь Богу и людям, и Господь вознаградит тебя за все сторицею.

Даст встретить Светлое Христово Воскресение в душевном мире, здравии, веселии. Мой дорогой и родной, я все время живу письмами и **весточками** от тебя. Горячо любящая твоя сестричка, недостойная Тамара.

[На полях приписано рукой Тамары Ивановны:] Получила письмецо и снимок монастыря, спасибо, дорогой мой братик. Да, я охотно и с любовью помогала бы Тебе, а тут от **нервов** плохо.

---

* Вероятно, речь идет о времени вынужденного бегства семьи Розенбергов от угрозы большевистских репрессий в Крым в 1918 году.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Братик мой дорогой*,

благодарю тебя за твои всегда добрые, мирные, мудрые строки. Да благословит тебя Господь и даст сил и внутреннего мира, веселия, радости. И да уменьшит страдания твои и в духовном молитвенном окружении да даст тебе утешение и всего светлого.

От нас обоих я послала дар в Париж, на постройку нового храма во имя Святого и Преподобного Серафима Саровского (старый обветшал, снесли); к Пасхе, пишет отец Леонид, настоятель, думают, будет готов. И вот я просила молиться о тебе, болящем, обо мне, болящей, и о наших покойных дорогих и любимых родителях, и моем друге Александре. Внесли в книги, и всегда обещали поминать. Отец Леонид пишет, в самые критические моменты он всегда имел чудесную помощь Святого Серафима. **Добрый** он — и тебе, братец Атик, поможет во всех твоих немощах и трудностях.

Еще мне прислали **земли** с могилы Святителя Германа Аляскинского и рассказали о сотворенном им чуде с мальчиком.

Молюсь о тебе как умею. Дай Бог тебе облегчения твоих страданий и вознагради тебя за все доброе, сделанное людям и мне. Если в чем согрешила против тебя в жизни, делом, словом, помышлением, прости. И моли Господа, Отца нашего Небесного и Творца детей Своих, помиловать меня, сестричку твою грешную и простить.

Обнимаю и люблю от всего сердца твоя любящая тебя сестричка Тамара.

Было на неделе много гостей, и я очень устала. Нервы, и вообще. Солнце светит и греет, птички поют.

---

* Наверху листа приписка рукой отца Серафима: «получено 16.5.74»; «отвечено 18.5.74 на 6 писем».

Из письма архимандрита Серафима — Тамаре Ивановне

«...Меня уже называют дедушкой — «Дедушка, в каком храме сегодня служба-то будет?»

Благодарю тебя за взнос на ваш храм от моего как бы лица.

Молитвенно поминаю всегда и тебя, и наших покойничков. Молись и о мне, да даст мне Господь терпения во многих моих недугах телесных и душевных».

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

*18.5. 74.**

Мой дорогой братик,

вот уже долго нет от тебя известий, почему ты не пишешь? Очень я жду. Будь добр, напиши поскорее и расскажи о себе и жизни святой обители. Я сейчас среди красивой природы, душа же полна **тревоги. Грешна** я очень и сожалею — не могу вернуть прошедшего.

Здесь красиво сейчас, цветет сирень и кругом зелень. Я за городом в одном доме. Почки лучше, но нервы в плохом состоянии. Благодарна Богу за все. Но очень я грешная и боюсь, что **погибла**. Я попала в очень трудное положение, и оно разрушает психику.

Спасают друзья, с ними я человек. Жизнь дома кажется потерянным раем. Только я больше не справлялась с хозяйством и всем необходимым. Затруднять друзей тоже невозможно. Ты, мой родной, прости меня за все и **умоли** Господа смягчить участь мою, хотя недостойна я и гибну.

Обнимаю и целую.

Любящая тебя твоя грешная Тамара.

---

* Наверху листа приписка рукой отца Серафима: «ответил 8.6».

Из письма архимандрита Серафима — Тамаре Ивановне

...Что-то ты раскисла? Кто без греха из людей, если даже всего один день он жил на земле? **Христос и пришел спасти грешников** — верующих, борющихся с грехом, согрешающих, но и кающихся.

Апостол Петр согрешил не меньше Иуды, но раскаивался и оплакивал свое отречение всю жизнь, вставая каждую ночь, и, услышав пение петуха, проливал потоки слез, которыми смывал свой грех и облегчал душу. Несчастный же Иуда, хоть и раскаялся, но не покаялся, допустил себе впасть в отчаяние и лишился жизни временной и вечной.

Для смирения нашего попускает Господь и разного рода ошибки, падения, преткновения. Хотя я мало и редко плачу, **но это моя любимая тема: слезы! Слезы благодарности к Творцу за сотворение нас человеками, за родителей, за друзей, за пищу, за работу, за христианскую веру, за уроки, за утешения, за наказания; слезы о своих погрешностях, о своем бессилии в доброделании.**

Господь и простит, и поддержит, и оценит по достоинству твое борение, и в награду утешит тебя и примет в Свое Небесное Царство. «**Агнче Божий,** вземляй грехи всех, возми бремя от мене тяжкое греховное, и яко благоутробен, даждь ми **слезы умиления**»*. «Радость яко родившая, плачь мне подаждь, имже Божественное утешение, Владычице, в будущем дни обрести возмогу»** (из Постной триоди)...

---

* Тропарь 1-й песни Великого канона святого Андрея Критского.

** Богородичен 9-й песни Трипесница 8-го гласа четвертка 5-й седмицы Великого поста.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

*19 VI 1974**

Мой дорогой, родной братик Атя,

Господь да хранит тебя на многая лета, вот и твой день рожденья настает. Солнышко светит сегодня, и я сижу в парке, пользуюсь хорошей погодой, чтобы подышать свежим воздухом; а то сидела неделю дома, куда вернулась 11-го июня. Благодарю тебя за твои молитвы и добрые строки. Я, грешная, всего этого не заслужила. Доктора хотят посмотреть, смогу ли я еще жить самостоятельно; если трудно, то придется тогда переселяться в какой-либо пансион. Хотя и просто у меня, и небольшое помещение, а все же у себя «дома», и приятно. Но бываю, конечно, больше одна. Немного рукодельничаю, хозяйничаю (три раза в неделю обед приносят) и читаю. Пишу мало. Изредка навещают друзья. Они сами стареют, болеют, а у иных семьи и много работы дома. Лучшие мои подруги далеко, в других странах. А здесь тоже хорошие, только менее близкие. Н. В. в Нью-Йорке. Просила ее, может быть, осенью соберется. Дорогая дорога, ведь надо лететь через океан. Кое-кто из друзей умирает. Года такие. И мир как бы меняется, пустеет, делается не тот. Одна природа неизменно та же, как и сказал А.С. Пушкин: «и равнодушная природа будет — красою вечною сиять». — Ты, братик, себя напрасно чернишь, у тебя чистая и светлая душа, и если Господь милостив будет к нашей семье, то по твоим **заслугам****. Да и родители у нас были **чудные** люди.

Сегодня солнечный день, замечательный вид открывается из парка на озеро, белые пароходики и парусники на нем, вдали величественные здания Объединенных Наций, окруженные зеленью, и за ними горы в голубой дымке. Мир прекрасен, а люди **грешат** и очень **страдают**.

Господь да помилует нас всех.

Обнимаю тебя. Любящая тебя сестрица Тамара.

---

* Наверху листа приписка рукой отца Серафима: «получил 5.7.74»; «послал 12.7».

** Здесь отцом Серафимом поставлен карандашом знак вопроса.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Мой дорогой братик*,

Атик мой родной. Благодарю за добрые строки, храни тебя Господь на многая лета! Думаю, у вас сейчас хорошо, все цветет. Тут тоже, только дожди и прохладно. Опять друзья возили на дорогие могилки, и от тебя **поклонилась** им. Березки крепкие, большие. Под ними кресты дубовые (заказала их покрасить), и возле розы и красные бегонии. Мой почерк меняется, как и мое состояние. Иногда трудно писать из-за головы (склероз, вероятно, сильный), другой раз рука усталая от моих палок, когда больше похожу; а хозяйничаю, в общем, минимально. Вот и ты, мой родимый братик, слабенький. Проси дать другое послушание, ведь годы и здоровье тебе мешают в твоем хлопотливом и **утомительном** все же очень послушании. Служение в церкви, другое дело, думаю тебя утешает и умиротворяет, хотя тоже **утомляет**. Укрепи тебя Господь. Вот все хочется беседовать с тобой, пока еще могу, хоть письменно. Ты знаешь, я говорила по телефону с тетей Аней, Любочкой, Володей. Уже на десять лет пережила тетя нашу мамочку, характер спокойнее, а мамочка, дорогая, все очень **тяжело** переживала и сердце... Все хотят меня видеть, и Соня опять приглашает, и еще приятельница в горах, только ездить мне сейчас одной невозможно. А нельзя ли поговорить и с тобой по телефону? Напиши и ваш номер. Меня иногда катают вдоль озера, там цветут розы, и изумительно красиво. Хочется послать тебе последние фото со мной наших дорогих родителей. У меня есть тетради с записями и письмами друзей о них после их ухода в иной мир. Переслать тебе? Их многие любили, особенно нашего «папушку». Слава Богу за все, и за то, что **не страдали** очень, уходя.

---

* Наверху листа приписка рукой отца Серафима: «получил 14. 7. 74.»; «отправил 23. 7.».

Спасибо за все твои такие дорогие для меня весточки и слова утешения и ободрения.

Храни тебя Господь и Матерь Божия.

Обнимаю, целую и очень люблю.

Твоя сестричка Тамара.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Дорогой братик*, сердечно благодарю за записочки и добрые мысли и наставления. Рада, что ты более или менее здоров и у тебя все благополучно. Буду очень довольна, если расскажешь как прошли ваши престольные праздники, богомольцев и туристов было ли много, и хватило ли у тебя сил на все? Вероятно, очень устал? Хорошая ли у вас погода или уже прохладно и дождливо, как на западе?

Мое здоровье так себе. Все время должна подлечиваться, то одно, то другое болит и жить самостоятельно делается все труднее. Записана в «Дом» специальный для престарелых, где есть все же уход, сестры, доктор. Говорят, там хорошо. Оставлять свое гнездышко грустно, но что делать, когда не хватает сил и всякие болезни отнимают возможность делать все то, что необходимо по хозяйству. Даже с помощью одной, приходящей три раза в неделю, помощницы. А я-то мечтала к тебе съездить, повидаться, **поговорить**. О, какое это было бы **счастье**. Ты живешь главным образом **духовной** жизнью, и тебе личное свидание не так важно, как мне. И письма. А для меня все это имеет большое значение. Дорогой мой братик, молись обо всех нас, а особенно о Анне В. и Марии, которые для нас так делают много и сердечно относятся. Я им обеим бесконечно благодарна. А. В. мне написала большое, милое письмо. Друзья навещают и помогают жить.

---

* Наверху листа приписка рукой отца Серафима: «получил 24. X. 74.»; «отправил 27. X.».

В начале жизни: Тамара Розенберг в крестном ходе из Свято-Никольского собора в Старом Изборске (Тамара — вторая девушка слева)
1937 г.

И в конце жизни: Тамара Ивановна Розенберг во время поездки во Францию 1982 г.

Осень прохладная, дождливая, но зелень еще держится, на деревьях листья не опали, а понемногу делаются золотистыми, и очень красиво в парках, садах и на склоне гор. Думаю, и у вас природа прекрасная.

Милый братик, пиши, будь здоров.

Любящая тебя очень сестричка Тамара.

Тамара Ивановна — архимандриту Серафиму

Мой дорогой братик*,

благодарю тебя за твою записочку, добрые пожелания и рассказ о твоих занятиях. А как твое здоровье? Если бы ваш настоятель смог дать тебе работу легче, более спокойную. Милый мой Атик, хотелось бы **повидаться**, поговорить с тобой. Прости меня, милый братик, за все, чем я согрешила против тебя. Если бы я жила около тебя, все бы было иначе. Здесь люди милые и все устроено для пожилых людей. В комнате одна швейцарская старушка, ей больше **восьмидесяти** лет, она в своей жизни работала много. И другие тоже приблизительно этого же возраста. Все хорошие люди и большинство верующие. Приезжают меня навестить и русские, все они очень добры ко мне, а я хотя и хочу делать добро, все время говорю или делаю что-то, о чем потом сожалею. Родной братик, будь всегда **бодрым, сильным, светлым.** Молись обо всех.

Любящая тебя Тамара.

[На полях приписано рукой Тамары Ивановны:] Володя, Лида, тетя Аня изредка пишут. Живут хорошо.

Из писем архимандрита Серафима — Тамаре Ивановне (1970-е годы)

Бог смирился, воплотившись, чтоб возвысить Свое творение — человека. Будем стараться быть достойными любви Божией и жить на земле для неба, быть земными Ангелами и Небесными человеками... Конечно — «Богу содействующу». А Бог содействует просящему, а просит по-настоящему — «нищий и убогий», каковы все мы и есмы...

Начало премудрости страх Господень (Пс 110, 10). Нужно знать своего Творца, любить взаимно (Его любовь

---

* Наверху листа приписка рукой отца Серафима: «получил 18. III. 75.»; «отправил 23. III».

деятельна, и наша должна быть такова) и бояться оскорбить ослушанием, бояться вместо милости испытать на себе Его правосудие.

Есть две любви — христианская и плотская. Последняя — самолюбива, капризна, тяжела, пристрастна. Первая же беспристрастна, послушлива, легче пуха.

Из сорока мучеников за Христа, в древние времена, после мучений — пыток — 39-ть умерло, и их повезли на сожжение; 40-го же, еще дышащего, мать взвалила на свои плечи, так как его оставили, и несла вслед за телегами — на сожжение — дабы он не лишился мученического венца...

...Как Воскресению Христову предшествовала Его многотрудная жизнь, заключившаяся Страданием и Смертью, так и нам — последователям Христа — предстоит целожизненный труд во славу Божию, для пользы собратии и для Спасения собственной души своей, вознаграждением за что будет мирная христианская кончина и «объятия Отча».

Слава Богу за все! То есть и за горькое!

Антоний Великий спрашивал после искушения: «Господи, где Ты был? Почему не помог?» Господь ответил: «Здесь был, смотрел на твою борьбу. Пришел наградить тебя».

Так бывает и ныне.

...Страдания отрезвляют пьяных прелестями сего мира;

страдания вызывают добрые чувства и дела у окружающих;

страдания связывают страсти;

ежедневными страданиями искупаются ежедневные преступления закона Божия;

страдания приближают нас к Богу, сродняют с сонмами мучеников и преподобных.

Благодарен сознательный христианин Богу, дающему ему посредством страданий, искушений, скорбей,

улучить милость Божию, примириться со своей совестью и Богом.

...На днях будет память **Святителя Иоанна Златоуста.** Чего только он не перенес от своих врагов, но не роптал и не жаловался; и последние его слова в ссылке были: **«Слава Богу за всё! »**

Все люди грешны; все рождаются склонными ко всяким грехам. Спасаются же верою и борьбою всегдашнею с дурными влечениями, также постоянным покаянием. Почему и самая частая молитва в богослужениях: **Господи, помилуй!** Можно бы сказать — самая необходимая молитва. Господь пришел спасти не праведников, но грешников. Спасаются не считающие себя лучше других, но, наоборот, хуже — и взывающие с верой и надеждой: Господи, помилуй!

Вера делает человека ясновидящим; он знает откуда он, для чего сотворен, куда отойдет по окончании земного странствия; соответственно сему он и поступает — во всем бережет свою совесть.

Да, если «го́ре» будет отвергающим веру (по нежеланию сменить своих кумиров — гордость и плотоугодие — на истинного Бога), то вдвойне **«го́ре» нам,** кому вверен **этот бриллиант — Православие,** но кои ни сами не просвещаются его блеском, ни другим не показывают его...

...**Блаженный Августин** пишет о том, что **Петр избран из числа немощных мира,** да посрамит сильных, ибо он до апостольства был рыбарем; **в Павле** преизбыточествовал **грех,** да умножится благодать, ибо он до призвания гнал Церковь Божию.

В первом из них сияет **слава смирения,** а **во втором — слава милосердия Божия** над преступным нечестием.

Первый предостерегает нас от надмения, а второй — от отчаяния...

Апостол Павел явил величайшую любовь ко Христу и потому взошел превыше небес и сравнялся с Ангелами...

Если мы захотим, то можем подражать ему; если б было это невозможно, не воскликнул бы он: ***подобни мне бывайте, якоже аз Христу*** (1 Кор 4, 16)...

Сегодня за Преждеосвященной Литургией (пятница 3-й седмицы Великого Поста) **впервые пел** с двумя также седовласыми иноками **трио**: «Да исправится молитва моя...» То есть — да вознесется и да будет принята Тобою, Господи, молитва моя, слабого и грешного, подобно дыму благовонному ладана в кадиле.

Еще можно добавить к этому толкованию: и да получу я — нищий и убогий (*аз же нищь есмь и убог* (Пс 69, 6)) — от Тебя, Творца моего благого, всемогущего и всеведущего, прощение и помощь на жизнь по Твоим заповедям в сей краткой земной жизни, мирную христианскую кончину и вечный покой в Небесных Твоих Обителях...

Касательно пользы: где-то читал, что, стремясь исполнять заповеди Божии и таким образом очищаясь от своих страстей или только находясь всегда в покаянном духе, человек может приносить огромную нравственную пользу окружающим или даже только слышащим о нем.

Впрочем, не о пользе нам надо думать, а исполнять добросовестно свое дело и **жить «за послушание»**...

В воскресенье — **память равноапостольной Нины,** просветительницы Иверии (Грузии). Кажется, будет читаться и акафист ей. Жребий просветить идолопоклонников Иверии пал на Богоматерь, но Ей было открыто, что в ино́е время будет проповедано Евангелие в Иверии, а Ей надлежит остаться дома — для поддержки тогда еще юной Христовой Церкви.

Трогательно, как немощная, но верующая и мужественная девушка, за послушание, отправилась

в неведомую даль к диким тогда племенам Иверии и просветила целую страну светом Евангелия Христова.

...Есть и ныне немало верующих и мужественных христианок — девушек, высоко несущих знамя Креста Христова.

Слава Богу, что ты благополучна во всех отношениях. **Благодари Его за все, даже и за кажущееся злом** (подобно праведному Иову). Также и я должен **благодарить Его за все** — за сносное здоровье, за легкую работу, за доброе отношение — и так далее...

Слава Богу, и что ты довольна своей жизнью. Господь, наш небесный Воспитатель, то похвалит нас, то пожурит; то опечалит, то порадует; и так, может быть, незаметно для нас самих, отшлифовывает наши угловатости и **подготовит для экзамена** — смерти и для перехода в высший класс — в Царство Небесное. Поэтому, как советуют Святые Отцы, надо предаться всецело в волю Божию и в горе — терпеть, ожидая облегчения, а в радости и благополучии — не забываться, будучи готовыми, если будет Богу угодно, подвергнуться опять некой скорби... Терпение — величайшая добродетель. Потерпим Отеческое наказание и спасемся.

Ну ж, живи, как и жила, благодаря за все Бога, за бóльшим не гонись, уважай всех, и Господь Сам снизойдет в твое сердце, утешит, ободрит, вразумит и накажет, когда надо, ибо по Писанию: *Егоже бо любит Господь, наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет* (Евр 12, 6). Так что будем с любовью переносить наказания нашего Небесного Отца, с благодарностью, так как они — от Его любви и к нашей пользе.

Бессмертным создан человек и святым. Но, горе нам, ослушникам своего Творца: жалкая, плача достойная участь ожидает каждого из нас — болезни, разлучение души от тела, обращение тела в прах, прохождение страшных мытарств... Но верующему и кающемуся

следует утвердиться надеждой на милость Божию. **Смерть — епитимья;** Сам Спаситель вкусил ее; она не страшна верующему. Мы вновь воскреснем. Мы освобождаемся от сей многобедной и многоболезненной жизни, идем к преждепочившим родным и в общество Святых Ангелов и Святых Угодников, идем из странствия — «домой», идем путем, которым прошли жившие до нас люди и пойдут по нас. Смущаться грехами не следует — никто не безгрешен в сем мире, даже и если только один день жил он; покаявшемуся же они прощены.

Странники мы здесь; не угодно Господу, чтоб мы здесь блаженствовали (обычно душевно — во вред духу). Мученики и иночествующие святые были идеально самоотверженны ради богоугождения через исполнение Божиих заповедей. Нам же — слабым и нищим (душою) — остается, предавшись воле Божией, нести посланный нам крест, идя за Христом, постоянно подавляя в себе все дурное и понуждая все доброе.

Ни к чему во время земного странствования не пристращайся (и ни к кому). Благодари Бога, подобно Иову, — и за болезни и скорби.

Если каждый из членов человеческого общества будет совершенствовать себя в любви к собратьям и в подавлении своей самости, то и все человечество будет совершенствоваться, и на земле воцарятся **любовь и мир.** Лишь вера в правосудного и вместе милостивого, всемогущего и вездесущего, всеведущего и невидимого Бога, вера в бессмертие человеческой души — способны побудить человека к исполнению Божественной **заповеди о любви к собрату, любой национальности, любого мировоззрения...**

Христианину **дорог каждый собрат** — как **родной человек.**

Кроме того, он всегда с Богом и в Боге, и на людях скучает, потому что они развлекают его и отвлекают от пребывания (молитвенного, богомысленного)

с Богом — его Творцом, Промыслителем, Спасителем, Учителем, Защитником, Врачом, Утешителем.

Никакой человек **так не милосерд, любвеобилен** и снисходителен к нам слабым, **как Господь — наш Создатель,** Спаситель, Учитель, Врач, Отец.

С нами, верующими христианами, если мы, конечно, подобно праведному Иову, предаемся вполне в волю Божию и с благодарностью несем каждый свой крест, с нами **всегда находится Утешитель — Святой Дух**. Чтобы ощущать всегда близость к себе Бога, люди уходили в пустыню, в монастырь, удаляясь от всего развлекающего, и отвлекающего, и увлекающего.

Нас с тобой Сам Бог извлекает из «мира», то есть от всего душевредного, лишь бы мы сами в Нем Одном искали и находили себе и утешение, и силу, и поддержку, и радость, и мир и, словом, Рай душевный. Да поможет Он Сам нам в этом, ради славы Своея, ради Спасения душ наших, ради помощи ближним нашим. Аминь.

С нами Бог! Молись!

...Ежедневно утром и вечером осеняю тебя (и себя) деревянным Крестом, данным мне при постриге.

Когда даются монашеские обеты — послушания, целомудрия и нестяжания, то добавляется — «Богу содействующу обещаюсь, честный отче».

Сам человек бессилен на все истинно доброе — Богоугодное — и постоянно обязан испрашивать помощь свыше, постоянно каяться и все терпеть — наносимое нашим врагом — диаволом (Божиим попущением — для нашей же пользы). Кажется, Антонию Великому он жаловался, что все его искушения и козни обращаются нам в пользу. В искушениях мы смиряемся, чаще молитвенно обращаемся к Богу (некий подвижник так и выразился: молитве научил меня диавол), научаемся воевать с ним, презирать все временное и тленное, сродняемся с Небом, словом, **духовно растем.**

...Рад и благодарю Бога, что и ты благополучна, сравнительно здорова и всегда занята полезным трудом.

Прилагаю икону великомученицы Варвары — ходатаицы нам покаянной кончины жизни...

...Сие послание несет тебе поздравление **ко дню твоего Ангела,** грузинской угодницы Божией **равноапостольной Тамары.** Отслужу краткий молебен ей о тезоименитой сестрице (келейно).

...Я тоже более-менее здоров и благополучен.

...Если и терплю недуги душевные и телесные, то — по заслугам или в виде профилактики...

Ни в чем не нуждаюсь, кроме милости Божией. Лишние копейки советую расходовать на Храм Божий и **на нуждающихся.**

Прошу молитв, чтобы мне смиряться, благодарить за все Бога и все терпеть великодушно и мужественно. **Ведь сколько людей ожидают сами от нас примера и поддержки.**

Прошел наш храмовой праздник — **память Святого Архистратига Михаила** и всех Небесных Сил, в том числе — и **наших Ангелов Хранителей.** Святые Ангелы, как наши старшие братья и сестры, хранят, наставляют нас и являются посредниками между нами и Господом Богом.

...Завтра память мамочки — Бог даст — отслужу в Успенском храме панихиду (один). Поставлю панихидный столик среди храма, зажгу свечку, раздую кадило (я же старый пономарь) и вполголоса пропою положенные песнопения (Иоанна Дамаскина).

...В предстоящее воскресенье совершается память **Всех Русских Святых, когда мы все опять будем именинниками.** Слава Богу за все. Милостив буди, Боже, к нашим покойным родителям и к нам — еще странникам земным. Аминь.

...После Святой Троицы праздновали мы **Всем Святым,** затем **всем русским Святым Угодникам,** в том числе и нашим с тобой небесным Покровителям; затем следовали **Иванов день, Петра и Павла** — с предваряющим их постом (моим подспорьем в постные дни является овсяный кисель с оливковым маслом); на **преподобного Серафима** служил раннюю обедню в Успенском храме — это был воскресный день; **Первый Спас — с водоосвящением** на колодце, **Преображение** — с окроплением фруктов, память **святителя Тихона,** чтимого мною особенно, творения которого являются моей настольной книгой (выписаны мною в 30-х годах с Афона), и, наконец, **наш храмовой праздник — Успение Пресвятой Богородицы** — не столько печальный, сколько торжественный и радостный.

Безболезненно и радостно отошла Матерь Божия душою к Своему Сыну на Небеса. А на третий день и телом переселилась туда же, дабы близ Престола Божия ходатайствовать за сродный Ей христианский род и содействовать нашему вечному Спасению...

На Успенов День верующие горожане нанесли массу цветов; сколько работы у них было с сортировкой их, подбором букетов, плетением гирлянд; ими были украшены Михайловский и Успенский храмы (снаружи и внутри). А через несколько дней богомольцы разобрали всю эту массу до единого цветочка — на память.

Будь [и ты] **ароматным цветком в Божием мире...**

Архимандрит Серафим — Тамаре Ивановне

1.11.81.

Дорогая сестрица, мир тебе. Божие благословение!

Получил твое письмо от 7-го октября опять с прибавленьем статьи о монастыре — «чуде» (в Египте). Но я плохо верю в прочность этого начинанья.

Слава Богу и благодаренье, что ты и вокруг тебя все благополучно, и у меня вокруг меня **все сносно и терпимо.**

Снаружи глубокая осень, падают последние листочки с древес. Мы с помощником соседом очищаем желоба и палисадничек от листьев или протираем иконостасы в храмах, кроме текущей работы по приготовленью и уборке ежедневно требующагося комплекта облачений и икон. Окончена реставрация Лазаревского храма при помещениях для больных и престарелых братий. Богослужение там кроме храмовых праздников (в Лазареву субботу и дня перенесения мощей его с острова Кипра в тогдашнюю столицу Константинополь) совершается 2–3 раза в неделю. Сегодня, по-старому 17-го октября, там началась Литургия. А вчера вечером служилась всенощная с литией и акафистом. Я отстоял полунощницу в Успенском соборе и принялся за сие послание (в другое время вообще не сосредоточиться). Один из старцев на днях (проживающий при Лазаревском храме) был пострижен в монашество с именем Лазаря — и у нас недавно прошла гроза...

Живет в каком-то дуплистом дереве у нас белочка — ей подбрасывают орешков и наблюдают, как она разносит их в разные стороны по своим кладовым, и как «порхает» она между сучьями или носится по ветвям. А недавно я вечером у Михайловского собора споткнулся о какой-то ком, который оказался ежиком.

Кроме ежедневной толпы туристов со всех концов матушки Руси появляются иногда и зарубежные туристы или паломнические группы, как несколько дней назад были гостями у нас 10 человек православных японцев. Среди них были три священника, которые и сослужили обедню в Михайловском соборе нашему маститому настоятелю — Митрополиту Иоанну.

Твоих новопреставленных друзей поминаю. Храни тебя и твоих друзей Господь Бог, Пресвятая Богоматерь, св. безплотные Небесные Силы и св. Угодники Божии.

Брат.

Архимандрит Серафим — Тамаре Ивановне

Январь 1982 г.

Дорогая о Господе сестрица, мир тебе и Божие благословение!

Получил накануне дня памяти преподобного Серафима твою открытку с видом русскаго храма в Ницце. Благодарю за поздравление и за благожелания.

На Рождество Христово мне было поручено возглавить позднюю обедню в Сретенском храме. Раннюю, более торжественную, начинавшуюся с заутреней в 1 час ночи, возглавлял сам отец Наместник. Приезжал на праздниках, как обычно, и наш маститый Настоятель — Митрополит Иоанн.

Были две хиротонии наших братий — в иеромонаха и в иеродиакона.

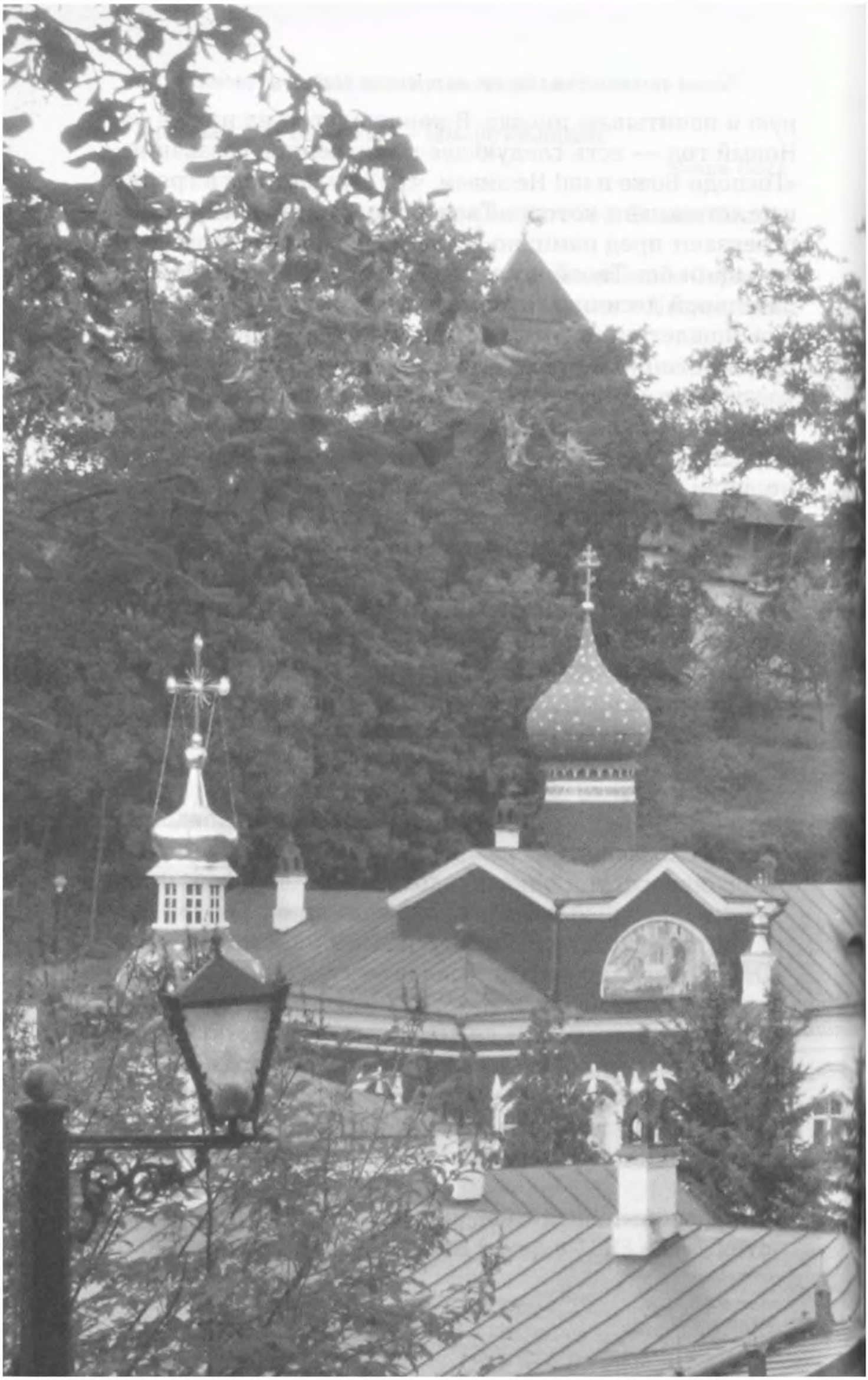
Служил и в день своего Ангела. В трапезной поздравили меня отец благочинный и почетный эконом, который по поручению отца Наместника надел на меня нарядный наперсный крест. Поздравили они же с 50-летием пребывания в Обители. Слава Богу за все Его милости.

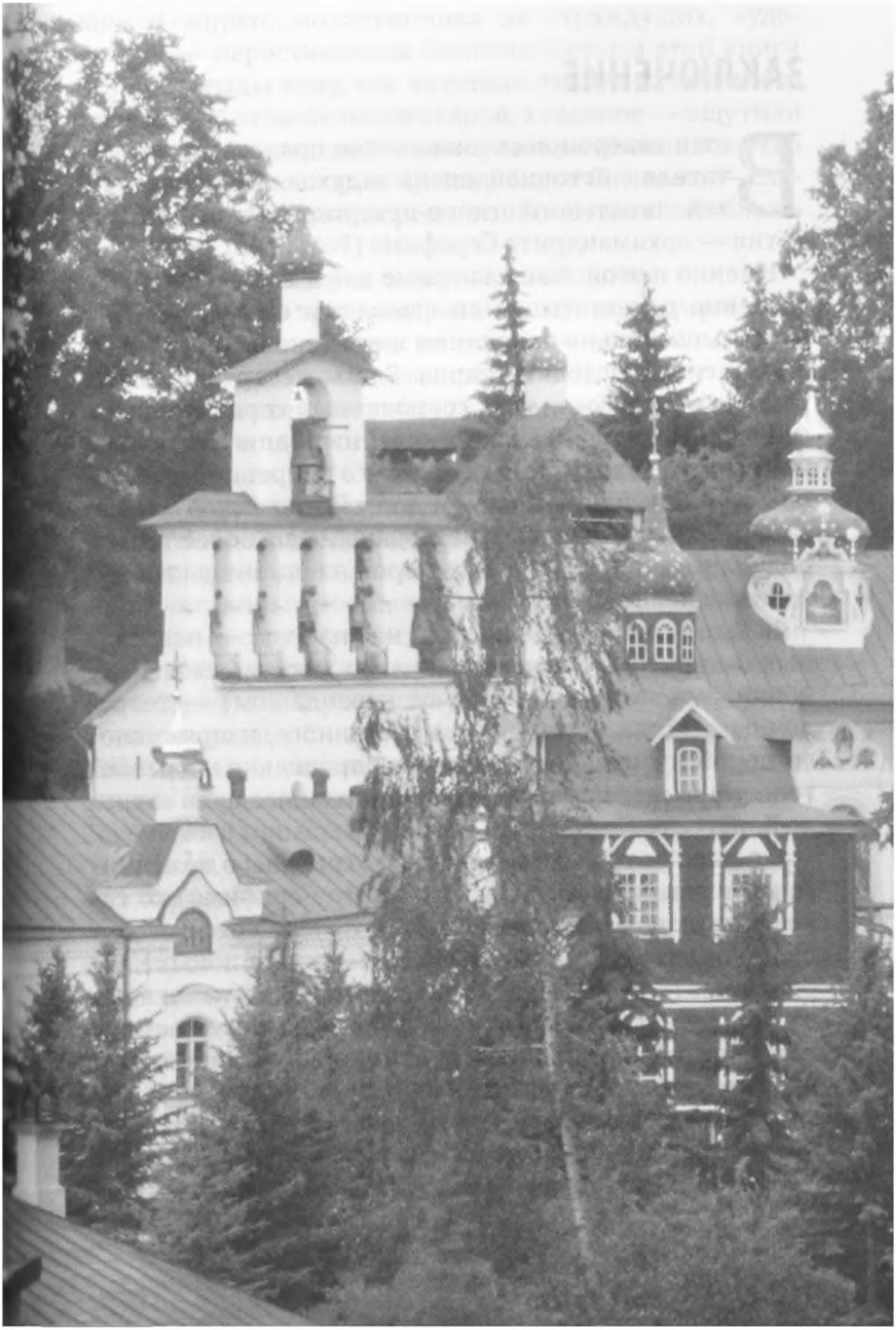
Получил поздравленья и от А. В. и от м. Нонны. Поблагодари их за внимание.

Территория монастыря украшена елочками. Их привезли накануне Нового года (заодно поздравляю с Новым годом), когда снег около храмов был вывезен. Так наши сообразили столкнуть снег с крыши и устроили сугробы, куда и воткнули елочки. Напротив моей кельи и дома отца Наместника сторож послушник нередко кормит белок орехами. Одна из них схватывает прямо из руки, кладет себе в рот и бежит под откос — там пихнет орех в снег, лапками зароет и опять назад за вторым орехом. А когда снегом занесет то место, то долго приходится ей разрывать снег в разных местах в поисках спрятанного.

Есть у меня книга проповедей Архиепископа Димитрия Херсонскаго и Одесскаго (умер в 1883 году), кото-

рую я почитываю иногда. В конце одного из них — на Новый год — есть следующее молитвенное воззвание: «Господи Боже наш! Не знаем, что ожидает нас в грядущее лето жизни, которое Твоя благость и долготерпение отверзают пред нами; но веруем, что ничего не случится с нами без Твоей всесвятой воли, а от Твоей щедродательной десницы готовы принять все, что не подаст она. Пошлет ли нам счастье и радости — буди имя Твое благословенно во веки! Но тогда даруй нам и сердце трезвенное, чтобы не воздремали и не уснули сном греховным! Поведет ли нас путем скорбей и бедствий, — буди так же имя Твое благословенно во веки! Но тогда не лиши нас благодати Духа Твоего Святаго, укрепляющаго страждущих; со скорбию пошли и утешение, да не пожерты будем печалию»...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вот и завершилось знакомство православного читателя с историей жизни и духовным наследием замечательного псково-печерского старца XX столетия — архимандрита Серафима (Розенберга).

Именно в этой книге впервые даны все те основные сведения о нем, что были выявлены ее авторами — в промыслительно найденном ими несколько лет назад рукописном наследии старца. Здесь же предстает перед нами и сам он — как сокровенный сердца человек (1 Пет 3, 4), являющий в своих келейных записках многое из того, что рождалось в глубине его смиренной христианской души на протяжении долгой иноческой жизни, что было им трезво восчувствовано и еще более трезво обдумано — и что ложилось порой на страницы его духовных дневников.

Каждое слово, дошедшее до нас на этих — исписанных бисерным почерком (то уже порыжевшими ныне чернилами, то полустершимся карандашом) — тетрадочных листах, есть плод непрестанного, напряженного, порой мучительного, но всегда предельно искреннего и смиренного поиска старцем истинного пути жизни во Христе.

С немалым трудом, по крупицам, собраны в этой книге и воспоминания об архимандрите Серафиме его современников — тех, кто помнил и почитал его, кого он наставлял своим духовным советом, кому и поныне дорога память о нем. Однако слишком немногим открывал он себя, свой внутренний духовный подвиг, и потому таких свидетелей его подлинно подвижнического пути ко Спасению — очень и очень немного.

Рядом с отцом Серафимом, неотделимо от его личности, постоянно — ровным, но ярким светом преподобнической святости, — сияет фигура замечательного

псково-печерского старца, наставника монашествующих и мирян, молитвенника за страждущих, чудотворца — иеросхимонаха Симеона. Авторы этой книги особенно рады тому, что читатели узнали из нее много нового и об этом великом старце, а главное — ощутили всю силу запечатленного на страницах дневников отца Серафима живого слова преподобного Симеона, — слова, подлинно одухотворенного Божественной благодатью...

Здесь также следует сказать еще об одном.

Повествуя об архимандрите Серафиме, авторы книги на протяжении всего ее текста — постоянно и неизменно — называли его старцем. И здесь у наших читателей может возникнуть законный вопрос о правильности и допустимости такого его именования. Ведь мы привыкли к тому, что старцами в наше время обычно называют особо благодатных священноиноков, непрестанно занимающихся духовным окормлением приходящих к ним на исповедь (или просто за советом) многочисленных монашествующих и мирян, — иноков, ведущих постоянную переписку со своими духовными чадами. На ум здесь обычно приходят образы преподобного Серафима Саровского, святых оптинских старцев, того же преподобного иеросхимонаха Симеона или наших недавних современников — например, таких, как почивший несколько лет назад архимандрит Псково-Печерского монастыря отец Иоанн (Крестьянкин).

Однако, в отличие от всех этих замечательных старцев, архимандрит Серафим никогда не имел многочисленных духовных чад (стремясь как можно меньше общаться с окружающими) и, по возможности, избегал давать житейские советы. Так имеем ли мы право называть его столь высоким именем — «старец»?

И все же мы убедимся в полной допустимости именования архимандрита Серафима «старцем», если припомним, что «старцами» в Церкви издавна называли вообще всех духовно опытных, мудрых, богопросвещенных, ведших истинно подвижническую жизнь монахов,

снискавших всеобщее уважение монастырской братии. Такие монахи могли дать наставление окружающим уже одним своим христианским подвигом, являя святой жизнью самую настоящую икону духовного совершенства — во образ Христов. Главный совет таких старцев окружающим — это они сами, их лик, их любовь к Богу и ближнему. Само их существование уже несет в себе их главнейший урок — пусть и молчаливый, но зато явственный и непрестанно преподносимый нам всем: ради достижения Спасения необходимо пытаться жить так, как живут эти старцы, подражая им — по мере сил — в их стремлении к единству со Христом.

Но, помимо этого, можно также смело утверждать, что одна из важнейших характеристик старчества (именно в том смысле, что она усваивается премудрому подвигу благодатных иноков-старцев всей русской аскетической традицией) вполне соотносится и с личностью отца Серафима. Ведь одним из важнейших признаков подлинности такого богоданного старчества безусловно является дар прозорливости, который был присущ также и отцу Серафиму. Сам Господь наделяет этим даром лишь избранных иноков, открывая им тайны человеческого сердца и грядущую судьбу христиан, приходящих к ним за советом и духовной поддержкой.

Как пишет замечательный русский богослов XX столетия Владимир Николаевич Лосский, «дар старчества прежде всего состоит в прозорливости. По особой, дарованной старцам благодати им раскрываются все потаенные уголки души, все сокрытое в уме, все, что остается спрятанным для сознания обычного человека... Старец всегда обращен к человеческой личности с ее единственно-неповторимой судьбой, с ее призванием и собственными трудностями. В силу особого дара он видит каждого человека, каким его видит Бог, и старается ему помочь, открывая ему, причем не насилуя его воли, его внутренний смысл, чтобы освобожденная от своих сокрытых пут человеческая личность могла

раскрыться в благодати... а личность может быть познана только откровением»*.

И пусть в архимандрите Серафиме сей удивительный дар прозорливости открывался окружавшим монахам и мирянам не столь часто — как порой являли его другие известные подвижники благочестия — этот смиренный печерский инок безусловно обладал и таким духовным талантом: будучи одарен Самим Богом способностью видеть глубины человеческого сердца, он мог смотреть на людей тем внутренним зрением, которому открывались и их душевные состояния, и даже их грядущие судьбы...

И последнее... Ранее уже говорилось о том, что старец Серафим был подлинным монахом в том смысле, что, живя в молитвенном единстве с Богом, он, в то же самое время, был всегда одинок, предельно обособлен по отношению к окружающим и к миру. Но здесь также следует сказать и вот еще о чем: научившись за долгие годы иноческого жития совершенному равнодушию к миру, к его мнимым удовольствиям и благам, к любым земным привязанностям, он все же был духовным образом наикрепчайше сердечно привязан к одному месту на земле.

Впрочем, место это он не рассматривал как вполне земное, ибо здесь на деле исполнялось высочайшее христианское призвание и предназначение человека — стяжание равноангельного жития. Место это уже не было для него лишь жилищем, домом для обычных людей — с их мирскими заботами и человеческими устремлениями.

Здесь был дом Божий, обитель Его Пречистой Матери, селение Собора верных Господу Преподобных.

Место это — столь любимый старцем Серафимом Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, в стенах которого он прожил более 60 лет. И все эти годы, живя в Печорах, старец Серафим пребывал в радостном

---

* *Лосский В.Н.* Оптинские старцы // Даниловский благовестник. №2–3. Ч. 1. 1992. С. 39.

сознании одной и той же простой и неизменно обнадеживавшей его истины, о которой он как-то с сердечным ликованием написал в дневнике: «зде Спасение, зде Бог».

В бумагах старца, среди писем, адресованных ему чадами его же духовного учителя — преподобного Симеона, мы находим любовно сохраненное архимандритом Серафимом, прекрасное по своему внутреннему настрою стихотворение. Строки его поистине являются гимном святой Печерской обители, — этого Дома Пречистой, служению Которой отец Серафим и посвятил всю свою жизнь. Этим стихотворением авторы книги и завершают свой труд во славу Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и в светлую память замечательного старца XX столетия архимандрита Серафима (Розенберга):

Печоры

Ты знаешь ли тот край, где Русь сохранена,
Где древностью седой и благодатью веет,
Где грешник в трепете пред схимником немеет,
Где сила дивная смиреннейшим дана?
Ты знаешь ли тот край — холмы, поля и горы,
Куда я рвусь в тоске?..
Его зовут — Печоры.
Ты знаешь ли тот край, где монастырь святой,
Где Матерь Божья Дом Свой основала,
Где чудотворная икона воссияла,
Где обретает дух мятущийся — покой?
Ты знаешь ли тот край — холмы, поля и горы,
Куда я рвусь в тоске?..
Его зовут — Печоры…

Конец, и Богу нашему слава!

СОДЕРЖАНИЕ

Наместник Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря архимандрит Тихон (Секретарев). **Слово к читателям** 5

Введение 7

I **«...Зде Спасение, зде Бог» Жизнь и поучения псково-печерского подвижника благочестия архимандрита Серафима (Розенберга)** 14

«Молись, смиряйся, терпи...»
Жизнеописание архимандрита Серафима 15

«...Воспламеняясь серафимскою любовию»
Из рассказов современников об архимандрите Серафиме. Письмо со Святой Горы Афон 105

Воспоминания об отце Серафиме наместника Сретенского монастыря в Москве архимандрита Тихона (Шевкунова) 109

Серия «Подвижники благочестия XX века»

Московский
Сретенский
монастырь
2010

Псково-Печерский
Свято-Успенский
монастырь
2010